Аркадий ГОЛЬДШТЕЙН

БАШНИ В ГОРАХ

«Не познав того, что было,
не поймешь того, что есть».

Восточная мудрость

Аркадий ГОЛЬДШТЕЙН

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ТАМ, ГДЕ БЫЛО ЦАРСТВО САРИР	9
НА ЗЕМЛЕ ХАЗАР	75
У ГРАНИЦ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ	135
В СТРАНЕ ВАЙНАХОВ	203
ПОТОМКИ АЛАН	267
ПРИМЕЧАНИЯ	330
ЛИТЕРАТУРА	332

Советский
художник
Москва
1977

72С
Г-63

Автор этой книги — Аркадий Федорович Гольдштейн, кандидат архитектуры, старший научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института теории и истории архитектуры. Родился в 1921 году, в 1953 году окончил архитектурный факультет Харьковского инженерно-строительного института, затем работал архитектором в Саратове. После окончания аспирантуры при Академии строительства и архитектуры СССР на протяжении девяти лет преподавал архитектуру на строительном факультете Дагестанского государственного университета. Является автором более 60 печатных трудов по различным вопросам теории, истории и современной практики архитектуры и дизайна, в том числе книг: «Культура производства и эстетика труда», М., 1968; «Франк Ллойд Райт», М., 1973, «Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии», М., 1975 и др. Настоящая книга возникла в результате долголетнего изучения А. Ф. Гольдштейном культуры и быта народностей Кавказа.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Г 80101—057
084(02)—77 38—76

© Издательство «Советский художник». 1977 г.

Предисловие

Наш читатель более или менее осведомлен о культуре и искусстве таких районов страны, как Средняя Азия или Закавказье; о них пишут часто; многие ездят туда, чтобы насладиться зрелищем прославленных творений архитектуры и изделий местных умельцев. Туристские маршруты покрывают сетью Север, Прибалтику, Прикарпатье. Есть они и на Кавказе; но как много здесь малоизвестных еще мест. К тому же и увидеть — недостаточно, чтобы понять. Популярных книг о стране кавказских горцев — и в частности, об их искусстве,— почти нет. А здесь есть о чем рассказать.

Кавказ — понятие широкое. Слишком широкое. У разных людей это слово вызывает разные представления, в зависимости от того, кто где бывал или о чем читал. Кавказ — это и Сочи с его пальмами и пляжами, и облюбованные альпинистами заоблачные выси, и нефтеносный Апшерон, и средневековые храмы Армении, а также виноград, шашлыки и шумное застолье. Кавказ многолик и многообразен. В одних местах вино льется рекой, в других — оно такой же привозной продукт, как в России; в долинах Закавказья благодатная природа щедро вознаграждает труды земледельца, но есть на Кавказе местности, где еще совсем недавно не знали, что такое фрукты и овощи; а для того, кто считает, что все кавказцы — жгучие брюнеты, неожиданным будет узнать, что в горах живут голубоглазые блондины. На Кавказе больше разных народов, обычаев и языков, чем в Европе.

Кавказ расположен между Черным и Каспийским морями. Системой горных хребтов он делится на Северный Кавказ и Закавказье. Эта горная система — Большой Кавказ — тянется от Таманского полуострова, вклинившегося между Черным и Азовским морями, до Апшеронского полуострова, на котором находится Баку. Водораздельный гребень Большого Кавказа называется Главным хребтом. С южной стороны он сравнительно резко понижается, стеной ограждая от хо-

лодных ветров долины Грузии, а с севера переходит к равнине постепенно, через изрезанную лощинами горную область. Восточная часть горной системы Большого Кавказа, включающая территории Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана, и есть тот район, о котором будет речь в этой книге. О его истории, самобытной культуре и древнем искусстве мало кто знает, кроме специалистов. Местность эта труднодоступна, а приезжий, при всей своей любознательности, мало что, кроме природы и новой жизни, увидит, потому что горы теперь в значительной части безлюдны, а в населенной части края происходит бурный процесс становления новой культуры. Исчезает старина из обихода, исчезает из памяти. Пройдет еще немного времени, и только в немногочисленных музейных экспонатах да в трудах побывавших здесь исследователей сохранятся свидетельства о своеобразной материальной и художественной культуре этого края — романтической и так и оставшейся в значительной мере загадочной страны кавказских горцев.

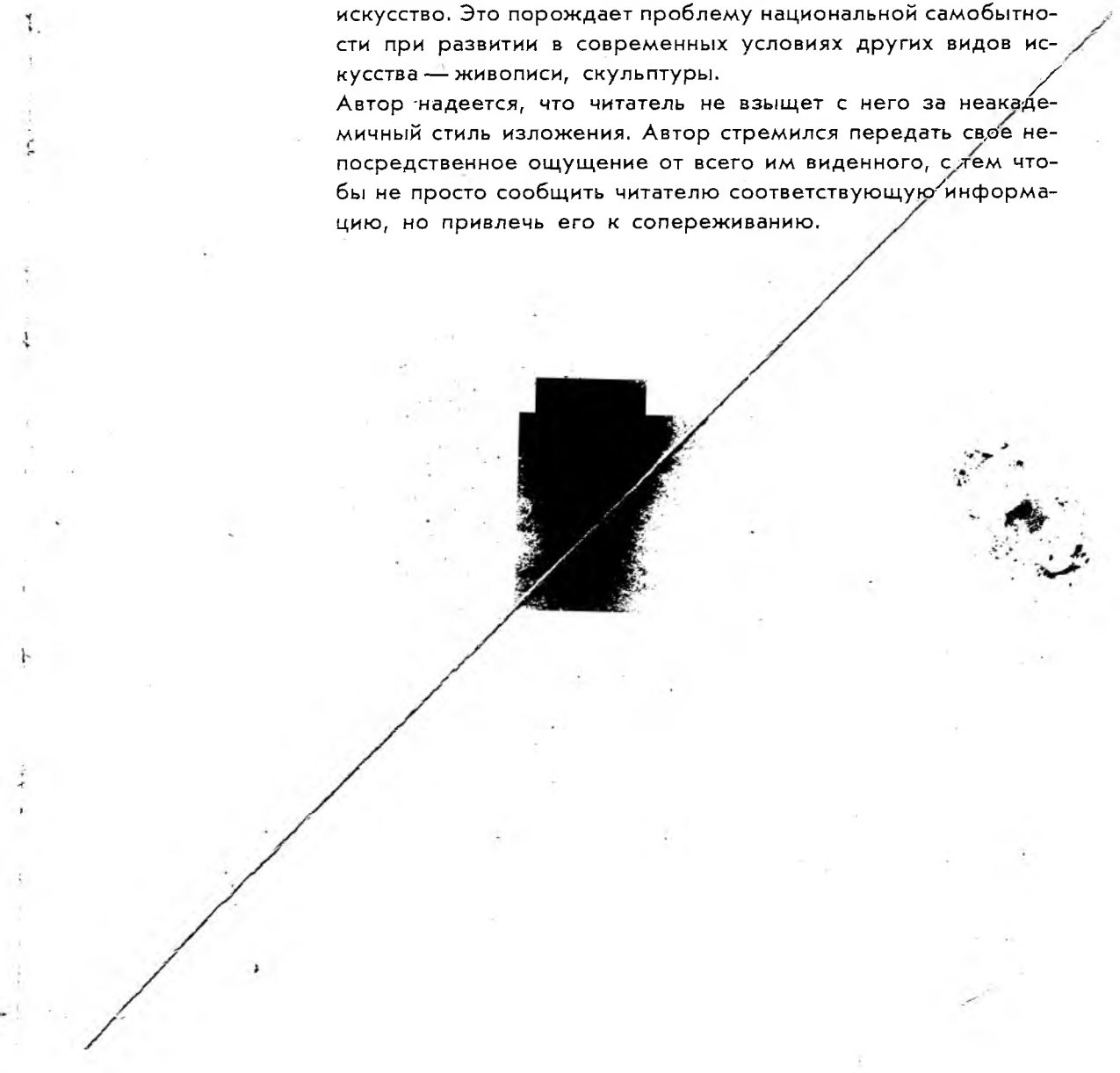
У народов, населяющих восточную часть Северного Кавказа,— дагестанцев, чечено-ингушей, осетин — много общего. Сходны природные условия, в которых они живут, их исторические судьбы, традиционная культура, национальная психология — и искусство.

Искусство кавказских горцев своеобразно. Оно может поразить воображение своей экзотичностью, но если мы хотим его понять — вникнем в то, что его породило. Внимательнее присмотримся к природной среде обитания коренных местных жителей — не просто взглянем на пейзаж, как на картинку, а постараемся прочувствовать характер здешней природы. Ознакомимся с историей, культурой, обычаями, жизнью тех, кто это искусство создавал. Ведь искусство — а особенно народное искусство — вырастает из жизни, и только поняв эту жизнь, можно понять искусство, порожденное ею.

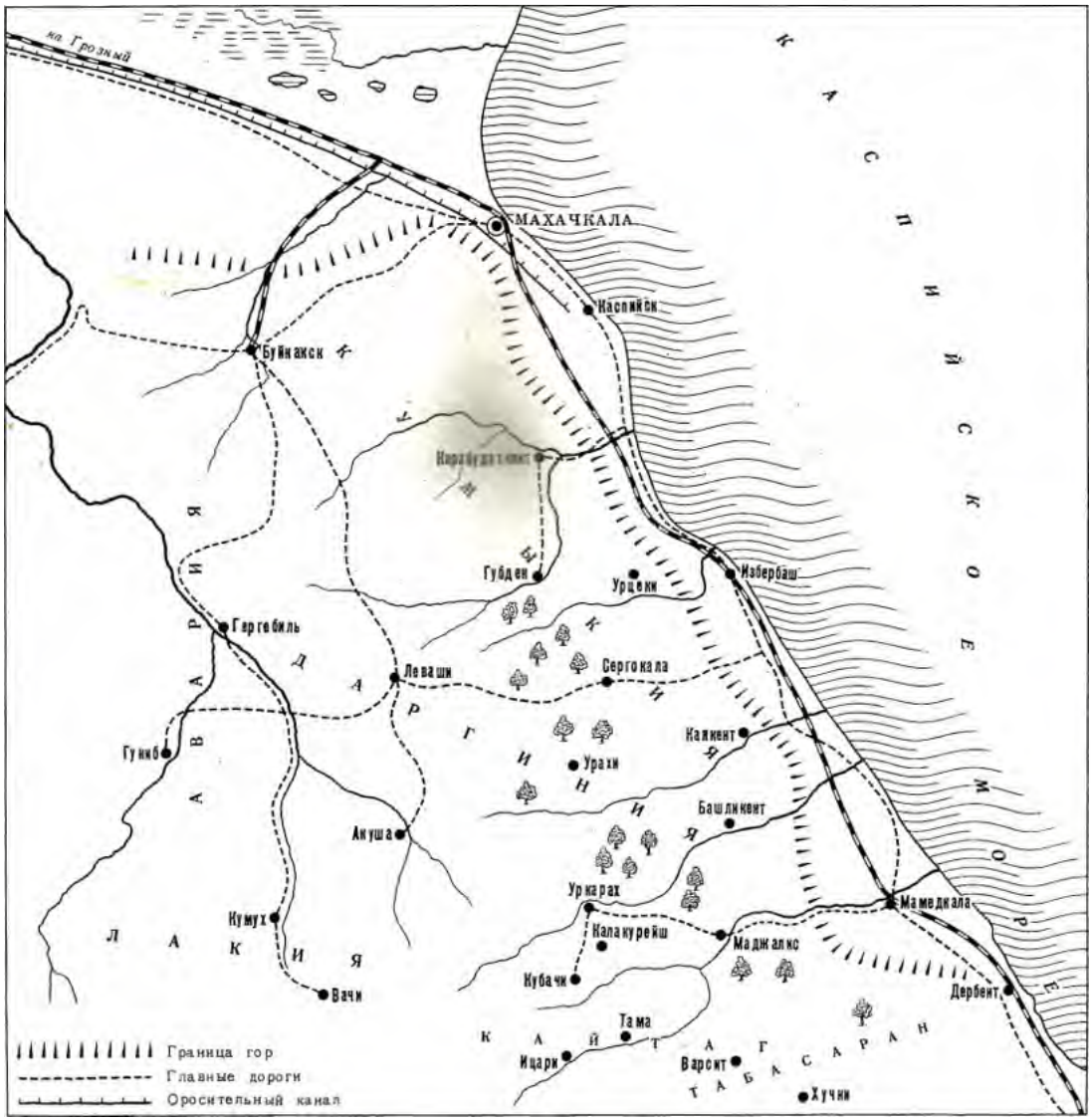
Поэтому автор не просто представляет читателю те или иные явления в искусстве кавказских горцев. В книге рассказывается о природе края, истории населяющих его народов, об их традиционной культуре. Особенно о культуре: ведь искусство — одна из форм культуры. Край, природа, люди — это не только тема искусства, но и почва его, среда, которая его порождает.

Традиционное искусство горного Кавказа формировалось в таких конкретно-исторических условиях, когда оно органично входило в ткань повседневного бытия, когда оно еще не стало особым явлением в культуре, не превратилось в самостоятельную эстетическую деятельность и не предназначалось для специально эстетического восприятия. Поэтому у кавказских горцев получили преимущественное развитие те виды искусства, которые являются частью материальной среды человеческой жизни,— архитектура, искусство вещи, декоративное искусство. Это порождает проблему национальной самобытности при развитии в современных условиях других видов искусства — живописи, скульптуры.

Автор надеется, что читатель не взыщет с него за неакадемичный стиль изложения. Автор стремился передать свое непосредственное ощущение от всего им виденного, с тем чтобы не просто сообщить читателю соответствующую информацию, но привлечь его к сопереживанию.

Карта-схема
Внутреннего
(Западного)
Дагестана

Там, где было царство Сарир

По размерам территории Дагестан примерно равен Эстонии. И жителей здесь столько же: немногим более миллиона человек. Но этот небольшой народ, населяющий столь небольшое пространство, состоит из более чем тридцати народностей, говорящих на разных языках.

Наиболее крупные по численности дагестанские народности — лезгины, проживающие в юго-восточной части республики, и аварцы, населяющие ее западную высокогорную часть. Еще западнее аварцев, у границы с Грузией и Чечней, обитает более десятка мелких народностей, языки которых относятся к аварской группе. Территорию между аварцами и лезгинами населяют лакцы и даргинцы, а также несколько народностей лезгинской группы. В северо-восточной предгорной и равнинной зоне Дагестана живут кумыки.

Территория аварцев, иногда в специальной литературе называемая Внутренним Дагестаном, труднодоступна. Поэтому сюда редко проникали вражеские войска. Только Тимур (Тамерлан), который, согласно преданию, стоял лагерем на месте нынешнего Буйнакска, направил в горы отряд, разоривший столицу аварского хана — Хунзах. За несколько столетий до этого, когда равнинно-предгорным Дагестаном владели хазары, в горах Аварии существовало враждовавшее с ними «царство Сарир», о котором истории мало что известно. Когда царская Россия в период правления Александра I и Николая I присоединила к себе Кавказ, последними, кто в Дагестане подчинился новой власти, были аварцы, потому что они обитают дальше других и топография их местности удобна для ведения партизанской войны.

Но если горы Внутреннего Дагестана затрудняли доступ в эти края завоевателям, это еще не значит, что аборигены были извечно отрезаны от всего мира и являлись прямыми потомками тех первобытных людей, каменные орудия которых находят в горах. О сложном происхождении аварцев (как и любого из ныне существующих народов на земле) свидетельствуют и культура их, и облик. Среди местных жителей можно видеть лица грузинского типа, и в то же время здесь немало светлоглазых и светловолосых, которые вполне могли бы сойти за скандинавов.

Происхождению слова «аварцы» нет определенного объяснения. Ни они сами себя, ни ближайшие соседи так их не назы-

вают. У дагестанских аварцев нет ничего общего ни по языку, ни по культуре с аварами — тюркским народом, который в VI веке, выйдя из Азии, прошел до Центральной Европы. Может быть, аварцы к аварам имеют примерно такое отношение, как славяне-болгары к тюркам-булгарам.

Но если когда-то отряд степных кочевников проник в горы

и установил свою власть над жителями нескольких ущельев, затем смешавшись с ними, как варяги со славянами, это не отразилось на характере местной культуры.

Зато встречаются свидетельства иных культурных и, может быть, этнических связей в древнюю эпоху. В горах Аварии и соседней Чечни на камнях кладки стен построек то и дело встречаются начертания, удивляющие своей неожиданностью в этих местах. Древние языческие знаки — кресты и свастики разнообразных видов — здесь на каждом шагу. Вот свастико-

спирали — одиночные или связанные цепочкой. Они известны по орнаментике изделий трех-четырехтысячелетней давности из Закавказья, Малой Азии и Балканского полуострова. Удивительна устойчивость древних традиций в горах, вследствие чего здесь сохранился обычай начертания, в качестве орнамента, древних культовых символов. Так же удивительно то, что комплекс этой символики редко встречается у непосредственных соседей горцев северо-восточного Кавказа, но бывает свойствен дальним народам и территориям. Например, здесь во множестве можно видеть начертание лабиринта, известное за пределами Дагестана лишь в древнем Восточном Средиземноморье и в древней Северной Европе.

Аварский язык, как и другие дагестанские языки, относится к кавказской языковой семье. Это свидетельствует о том, что в происхождении дагестанцев основную роль играл этнический субстрат*, издревле местный. Следов далеких влияний в этой горной области мало — поэтому, собственно, они и удивляют. Культура горцев северо-восточного Кавказа самобытна и неповторима. Так же, как неповторимы их лица:

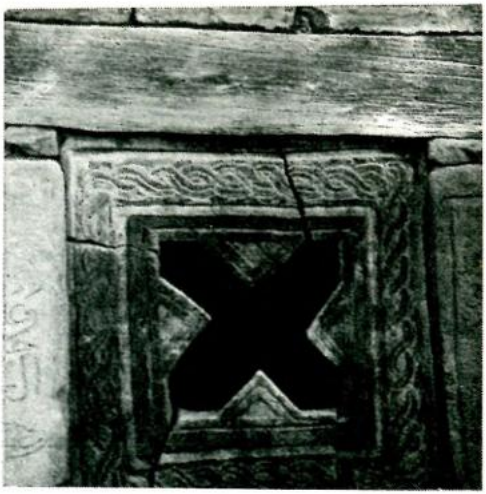

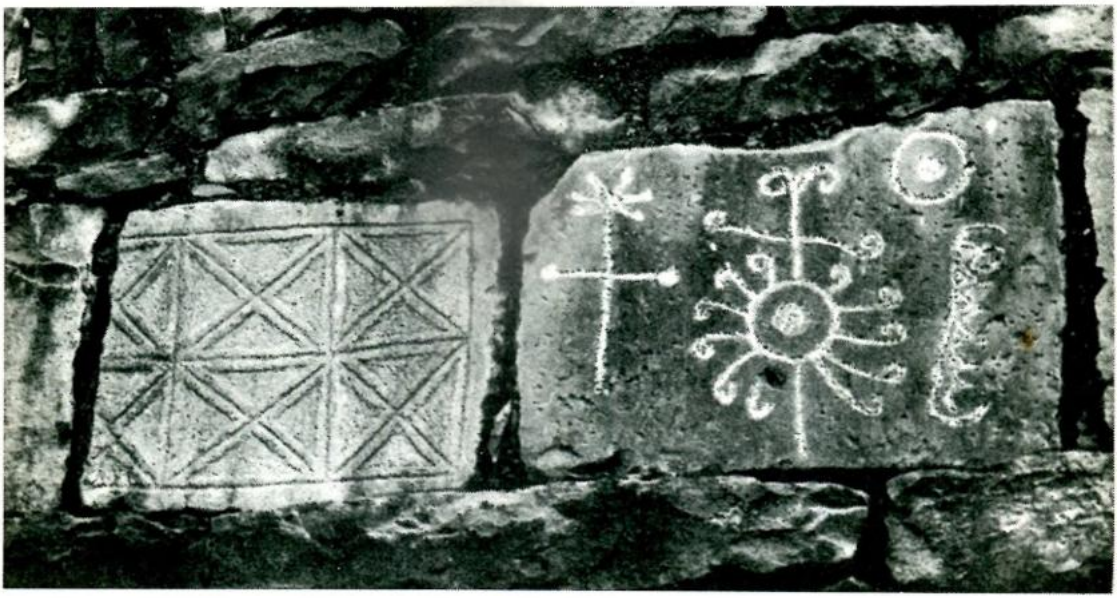
1—3. Крест в дагестанской орнаментике: намогильная стела XII—XIV вв. из с. Гонода (Дагестанский республиканский краеведческий музей); резной камень в с. Мачада; вышитые подушечки для снятия с огня горячего котла (Краеведческий музей с. Ахты)

древние струи разных кровей давно смешались, образовав особый антропологический тип, характерный для аборигенов этого края; они отличаются по облику (а также по психо-

* Субстрат — значит «нижний слой». Этнический субстрат — древнее местное население, вошедшее в состав впоследствии сформировавшегося этноса (народности).

4—6. Косой крест в дагестанской орнаментике: каменная оконная рама (мечеть близ с. Варсит); резные камни в кладке стен (селения Мугри и Хотода)

логии и культуре) от жителей Закавказья — грузин, армян, азербайджанцев.

Когда в Махачкалу приезжает почетный гость, его везут в Гуни́б.

Селение Гуниб, с его поздними постройками, неинтересно по своей архитектуре, но расположено в красивой, живописной горной местности. Кроме того, Гуниб известен тем, что

7—9. Характерный орнаментальный мотив аварских районов Дагестана — так называемые свастико-спирали; известен по памятникам трех-четырехтысячелетней давности из Закавказья, Малой Азии, Балканского полуострова (резные камни в селениях Хиндах, Мачада, Дусрах)

10—11. Орнамент «парные полукружия» в обрамлении окна (мечеть с. Варсит) и на резном камне (с. Кужник); этот орнаментальный мотив был свойствен Восточному Средиземноморью эпохи бронзы

тут закончилась длительная и мучительная Кавказская война: здесь в 1859 году сдался в плен русским войскам Шамиль, оставленный отчаявшимися, до крайности уставшими от войны и разочаровавшимися в своем имаме* горцами.

Гора Гуниб была последним оплотом Шамиля. Это своеобразная природная крепость: представьте себе возвышающуюся над местностью площадку с почти отвесными краями. Добровольцы из русского войска ночью взобрались по обрывистым скалистым кручам на неприступную гору, что окончательно побудило имама сдаться. Он был проведен к главнокомандующему князю Барятинскому, который принял его, сидя в лесу на камне. Теперь на этом месте стоит своеобразный монумент: в конце прошлого века над историческим камнем была сооружена, по чертежам некоего полкового инженера, беседка в банальном архитектурном стиле того времени.

Потом уже Шамиль стал легендой. О нем слагали романтические песни не только дагестанцы, но даже русские. А правда заключается в том, что это был жестокий тиран, использовавший борьбу народа за свободу для того, чтобы, изгнав завоевателей, властвовать самому. Шамилевский деспотизм никак нельзя назвать правлением народным. Прежняя горская аристократия была уничтожена, но ее место заняли приближенные Шамиля, на полный произвол которым был отдан народ. Шамиль и его мюриды** убили больше дагестанцев, чем русские карательные войска. Уничтожение не подчинившихся селений вместе с жителями, включая женщин и детей,— было обычным их методом. Имама постоянно сопровождал палач с секирой, по повелению владыки вершивший расправу над неугодными на месте. Шамиль был храбрым и волевым человеком, притом, бесспорно, хорошим организатором и администратором. Но в своих действиях он руководствовался не интересами страны и народа. Его целью было создание деспотического государства с наследственной монархической властью, а вся культура, по его мнению, заключалась в знании Корана.

Чтобы читатель ориентировался в событиях, о которых идет речь, приведу короткую справку.

В XVII—XVIII веках ослабевшие в результате внутренних раздоров Грузия и Армения были буквально отданы на растерзание Персии и Турции. Не раз грузинские и армянские правители обращались за помощью к России, просили русское правительство принять их в свое подданство, но Россия тогда была еще недостаточно сильна для этого.

---

* Имам — у мусульман духовный глава, осуществляющий также административную и судебную власть.

** Мюрид — фанатический приверженец имама.

вились жестоко: триста человек было повешено, пять тысяч сослано на каторгу или на поселение в Сибирь. Тогда была сложена аварская песня:

Трупами черными
Выстланы скалы,
Жены на жернове
Точат кинжалы...
Вскинься медведицей
Ярость свободы!
Славой осветятся
Черные горы!

В Гунибском районе находится крупное селение Чох. Под Чохом в 1742 году объединенные силы разноплеменных горцев разгромили войско персидского шаха, который хотел покорить Дагестан. До революции Чох был одним из центров арабистической мусульманской образованности в Дагестане. Это селение было известно хорошими мастерами — оружейниками, камнерезами, ювелирами. Многие из его жителей были торговцами, крупными овцеводами. Во время Кавказской войны большинство чохцев придерживалось русской ориентации, за что селение было предано погрому карательной экспедицией Шамиля. Будучи торгово-ремесленным центром и отличаясь прогрессивным ростом культуры, Чох служил проводником новых идей в горном краю. Здесь был организован первый в горах Дагестана колхоз. Ныне Чох отличается от многих селений более высоким уровнем благоустройства и культурно-бытового обслуживания населения.

Когда смотришь на панораму селения Чох, раскинувшегося на склоне возвышенности, в глаза бросается грандиозное здание, в несколько раз больше других. Это дом Нахибашева, построенный в 1872 году. Нахибашев был сподвижником Шамиля, после его пленения перешел на русскую службу, а в беспокойном 1877 году спровоцировал земляков на восстание, встал во главе восставших, предал их и за это получил чин полковника.

Неподалеку от Чоха находится селение Согратль, известное как «селение каменщиков». Облик его построек оправдывает славу его жителей. Вряд ли еще где-нибудь на Северном Кавказе есть селение со столь изысканно выполненными камнетесными работами. Согратль отличается особой опрятностью внешнего вида домов и улиц. Постройки, как на подбор, добротны, возведены тщательно, поддерживаются в сохранности и хорошем виде. Переходы замощены отесанными плитами (исключительно редкое явление в горах Северного Кавказа). Мощение улочек на склонах оформлено в виде аккуратных лестниц. Нигде не видно мусора, грязи; по-

Только после русско-персидской войны 1804—1813 годов и русско-турецкой войны 1806—1812 годов Кавказ был присоединен к России.

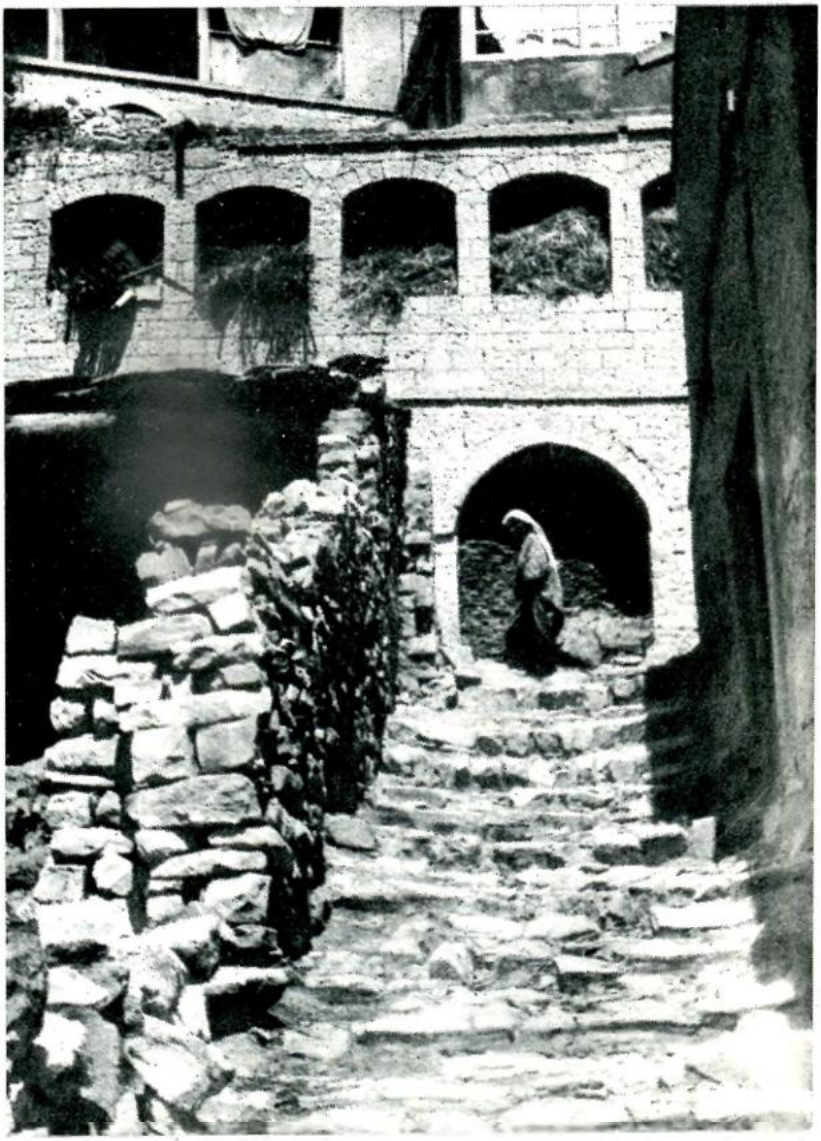
Но народности Северного Кавказа (кроме осетин) присоединяться не желали. Покровительство России им было ни к чему. Они не хотели признавать над собой власть колониальной державы. К тому же эта власть стесняла их в действиях, которые считались доблестными и единственно подобающими мужчинам: дагестанские горцы систематически совершали грабительские набеги на Грузию, обитавшие в лесах чеченцы и черкесы вели непрекращавшуюся войну с терскими и кубанскими казаками, а степные джигиты — кабардинцы теснили осетин в бесплодные глухие ущелья. В борьбе с «непокорными» горцами русское правительство имело естественных союзников в лице грузин, армян, осетин, которые служили ему верой и правдой, тем более что они были христианами, тогда как остальные кавказцы — мусульманами.

В Дагестане то и дело вспыхивали стихийные бунты против колониальных властей. В 1830 году имам Казимулла объявил русским газават («войну во имя веры»), но после некоторых успехов был убит в бою. Имамом стал Гамзатбек. Чтобы укрепить свою власть, он истребил род аварских ханов, осуществив это следующим образом. Сыновья хана были приглашены якобы для переговоров и коварно убиты (впоследствии оставшийся в живых младший сын хана, десятилетний мальчик, был по приказанию Шамиля брошен в пропасть), а вдовствующей ханше срубили шашкой голову в тот момент, когда она разговаривала с победителем, устроившим себе такое интересное зрелище. Один из ханских сыновей имел молочного брата, который в порядке кровной мести убил Гамзатбека. Тогда имамом стал Шамиль, объединивший под своей властью аварцев и чеченцев. Двадцать пять лет шла борьба горцев против русских войск, пока, наконец, Шамиль не вынужден был сдаться. В это же время было сломлено сопротивление черкесов и кабардинцев, и большинство их (четыреста тысяч человек из полумиллиона) переселились в Турцию, освободив плодородные земли нынешнего Краснодарского края (против чего царское правительство, естественно, не возражало). Один из сыновей Шамиля стал русским генералом, другой же — турецким генералом и участвовал в войне Турции с Россией.

В 1877 году, во время очередной русско-турецкой войны, снова восстал весь Дагестан. Но если в 1859 году с побежденными поступили милостиво (Шамиль с семьей и слугами был вывезен в Калугу, где безбедно жил на содержании казны, а его соратники были удостоены званий офицеров русской службы), то на этот раз с восставшими распра-

верхностные воды отводятся системой подземных водостоков. Все постройки Согратля возведены за последние сто лет. Старое селение было полностью разрушено русскими войсками во время Кавказской войны.

Спускаясь с горы над Согратлем, откуда фотографировал панораму селения, я обнаружил, что увлекся, вращая завод фотоаппарата, и конец пленки выдернулся из катушки, так

12. В селении Согратль

что перемотать ее обратно при закрытой камере было нельзя. Возле крайнего дома увидел человека, обтесывавшего бревно.
— Здравствуйте,— говорю.
Он оставил топор, подошел и протянул руку (в Дагестане ритуал рукопожатия при приветствии считается обязательным).
— Мне нужно перезарядить фотоаппарат, а это надо сделать только в темноте. Можно зайти в ваш дом?
— Конечно, заходи, пожалуйста. — В дагестанских языках нет обращения на «вы», и поэтому здесь и по-русски обычно говорят на «ты».
Мы вошли в дом, я отошел в дальний угол комнаты, стал спиной к свету, накрыл аппарат курткой и проделал требуемые манипуляции. Когда обернулся, чтобы поблагодарить хозяина и уйти, на столе уже стояло угощение. Никакие убеждения в том, что я только что ел, что тороплюсь, что премного благодарен и т. п., не помогли. Пришлось покориться и отдать долг обычаю гостеприимства. Минут через десять зашел сосед, невесть как узнавший, что здесь гость, потекли обычные в таких случаях разговоры на всевозможные темы, и я понял, что если не проявлю европейскую твердость, сегодняшний рабочий день, как выражаются на современном русском диалекте, накрылся.
Возвращаться пришлось по этой же дороге, мимо этого же дома. Попытался прошмыгнуть незаметно, но не удалось. Хозяин увидел меня из окна, вышел из дома и догнал.
— Заходи, обедать будем.
— Спасибо, не могу, меня ждут мои товарищи. Если я не приду вовремя, они будут беспокоиться.
— Ничего, подождут. Как же так, завтракал у меня, значит и обедать здесь должен.
— Не могу, никак не могу, спасибо.
— Нехорошо, нехорошо. — Он укоризненно покачал головой. Наверное, думал: «Дикари эти европейцы. Приличия не понимают».

Согратль и Чох представляют архитектурную культуру Дагестана, оформившуюся в конце XIX — начале XX века, когда творчество местных мастеров, восходящее своими корнями к старым традициям, стало обогащаться новыми темами и приемами, воспринимаемыми, однако, не внешне, но органически усваиваемыми; все это, в условиях мирной жизни, гражданского порядка и улучшения экономических условий, позволило местному зодчеству подняться на новую ступень. Этот подъем не был неожиданным, и в частности не был неожиданным именно в Гунибском районе. Он был подготовлен предшествующим развитием архитектуры, лишь прерванным полувековым периодом опустошительной войны. В XVII —

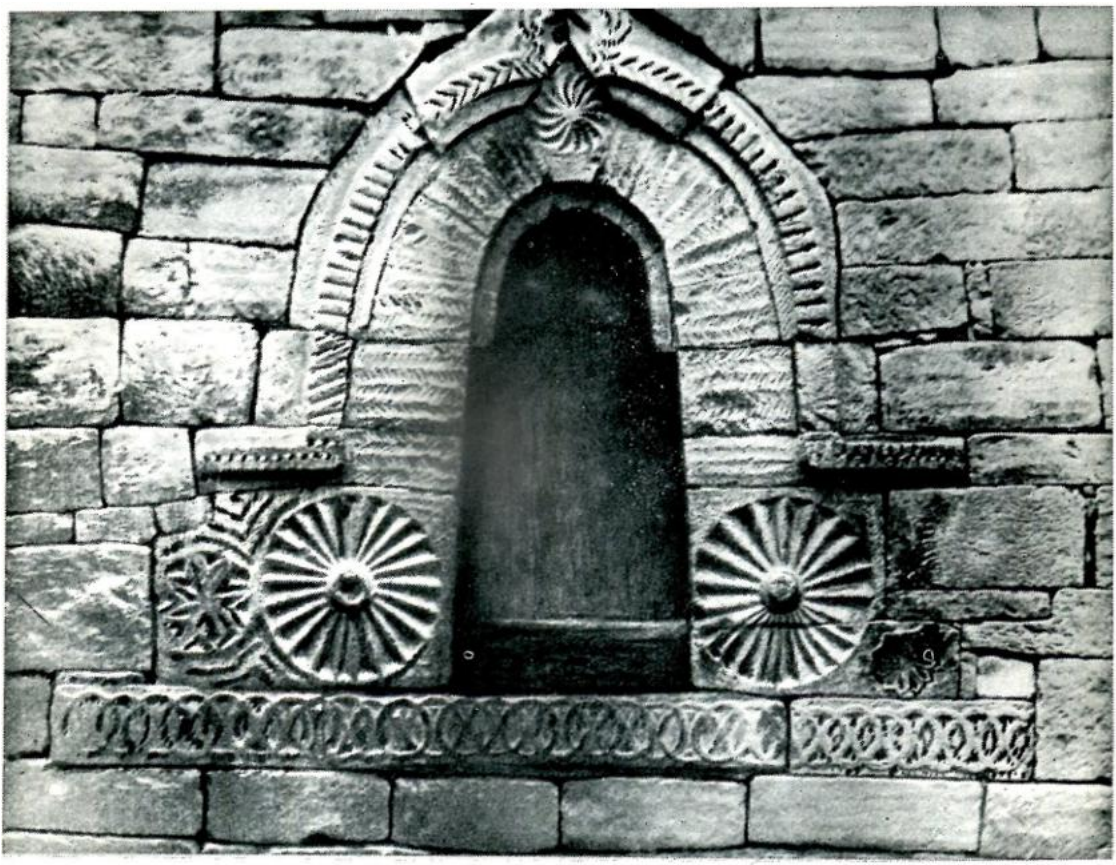

13—14. Порталы, оформляющие ворота усадеб в с. Согратль

XVIII веках в этой местности оформлялась особая архитектурная школа, о чем свидетельствуют дошедшие до нас фрагменты зодчества в селениях Ругуджá и Кородá. Мастера того времени усваивали и объединяли со старыми традициями новые приемы архитектурной композиции, заключавшиеся в привнесении элементов регулярности, и новые приемы обработки каменных архитектурных деталей, становившихся более пластичными и эстетически выразительными. Один из лучших примеров нового стиля той эпохи — опубликованный в книжке

ленинградского архитектора Н. Бакланова «Архитектура Дагестана»* дом Ачанкилау (ныне разрушен). В Ругудже еще сохранились кое-где резные каменные детали XVII—XVIII веков, отличающиеся богатой пластикой и сочным рельефом. До этого, если не считать кубачинских барельефов (о которых еще будет идти речь), орнаментальная резьба по камню в Дагестане была плоской, двухплановой: она выполнялась

путем выемки фона с выделением узора, нанесенного на ровную поверхность камня. А еще раньше орнаментация и изображения в резьбе по камню представляли собой графические рисунки, образованные путем вырезки линий, нанесенных на гладкую поверхность камня. Эта техника, будучи наиболее архаичной, однако, сосуществовала наряду с другими.
Главные мотивы этой графической резьбы — магические сим-

* См. список литературы в конце книги.

15—16. Пластическая резьба по камню в селениях Гунибского района ДАССР; окно мечети, с. Ругуджа, XVII—XVIII вв.; розетка на фасаде дома, с. Согратль, начало XX в.

волы (кресты, свастика, круги, спирали, лабиринты и различные геометрические начертания), а также иногда схематические изображения людей и животных. Мотивы же пластической резьбы трактованы более декоративно, уже только как орнамент; изображаются меандры, плетенки, розетки, растительные мотивы. Встречаются и более сложные композиции, обычно со стилизованными растительными элементами.

Еще один, довольно распространенный вид резьбы по камню — подражание треугольно-выемчатой резьбе по дереву.

В зодчестве Дагестана резные камни применялись в виде заложенных в кладку стены отдельных вставок. Рисунок наносился на отдельный камень (покрывая всю его лицевую поверхность) до того, как он устанавливался на место в процессе кладки стены. Поэтому каждый резной камень имеет свой отдельный и законченный рисунок, который не переходит с камня на камень — и более того, композиционно обычно не увязан с другими деталями фасада. Положение резных камней на фасадах построек произвольное, и лишь в сравнительно позднее время (а в Гунибском районе — с XVII в.) они иногда размещаются упорядоченно — например, рядами между окнами или же над проемами и т. п. Иногда несколько камней, декорированных резным орнаментом, расположены в виде пояса или фриза. В прошлом, как это видно на старинных постройках, резные камни имели определенное местоположение, и размещение их отличалось от современного: они устанавливались в углах дома или у входа в дом, а также у окон. Такое положение резных камней показывает, что они имели назначение символически-магическое.

Тематика изображений на резных камнях свидетельствует, что они являлись своего рода талисманами. Об этом говорит и их размещение на углах построек и у входов, а также их положение порою на столь большой высоте, что они с трудом воспринимались и поэтому не могли играть роль украшений. Резные каменные и деревянные детали устанавливались в стенах лишь жилой части дома. При этом, поскольку жилье находилось на втором или третьем этаже, орнамент мог быть едва виден снизу. В то же время первый этаж лишен декоративного оформления, потому что в нижней части дома находятся хозяйственные помещения. По этой же причине первые этажи домов выложены из грубо обработанного камня, и лишь выше, на фасаде жилой части дома, сделана хорошая кладка. Камни с резьбой тоже заложены в стены в уровне жилого этажа, хотя они лучше обозревались бы, если бы находились внизу. В кладке башни, что у селения Ицари́ (о ней еще будем говорить), есть резной камень с арабской надписью, расположенный на такой высоте, что ее не то что прочесть, но даже рассмотреть можно, лишь пользуясь биноклем.

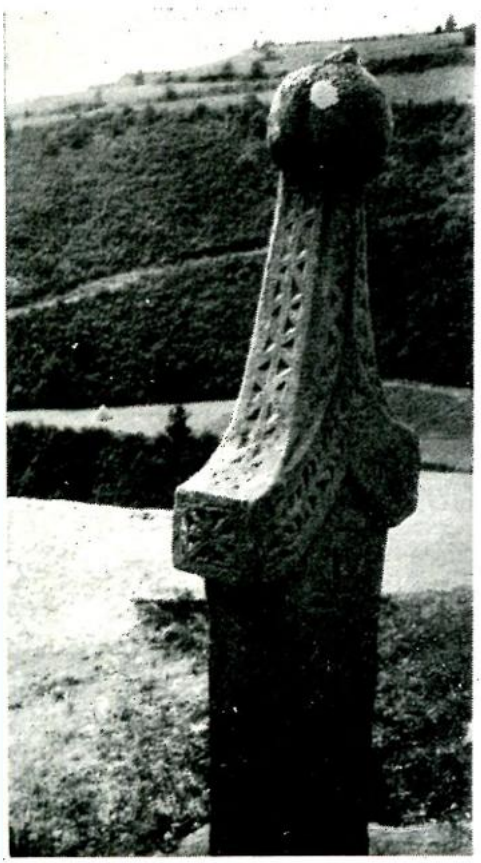
То, что украшения зачастую были едва доступны взору, очевидно, с точки зрения как зодчих, так и тех, для кого зодчие строили, не имело значения. Функция этих деталей (по крайней мере, по их происхождению) была не декоративной, а культовой, в частности, апотропейной*.

---

* Апотропей — в археологии название изображений, которым в древности приписывалась магическая способность отгонять злых духов.

Архитектурный декор в дагестанском зодчестве применяется скупо. Во многих постройках встречается резьба по дереву и по камню, но в целом для местного зодчества обычна суровая гладь стены, на фоне которой лишь местами вкраплены отдельные декоративные детали.

Однако и такие примеры сохранились преимущественно лишь в числе старинных построек. За некоторыми исключениями,

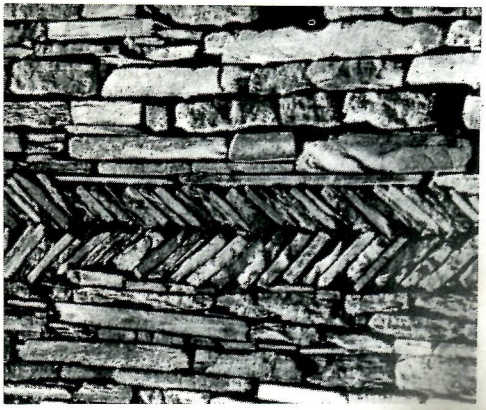

17—20. Треугольно-выемчатая, пластическая, двухплановая и линейная резьба по камню: намогильная стела (с. Дейбук), резные камни в кладке стен построек (селения Кубачи, Барша, Цизгари)

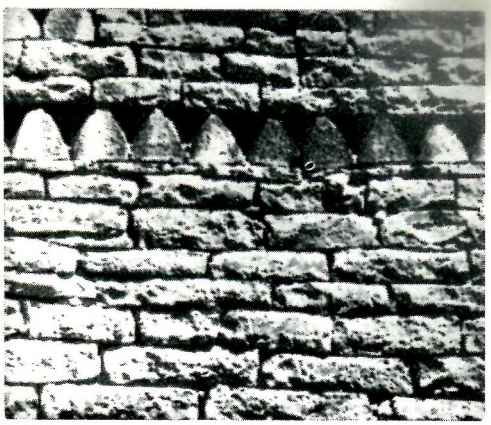
в конце XIX — начале XX века тщательная отеска лицевых камней кладки стен стала основным декоративным средством отделки фасадов зданий. Даже в тех местностях, где имеется мягкий камень, вполне пригодный для резьбы, мастера, работавшие в нынешнем столетии и в конце прошлого века, стремились проявлять свое искусство в хорошей обработке лицевых камней кладки, но не в украшении построек резьбой или другими деталями.

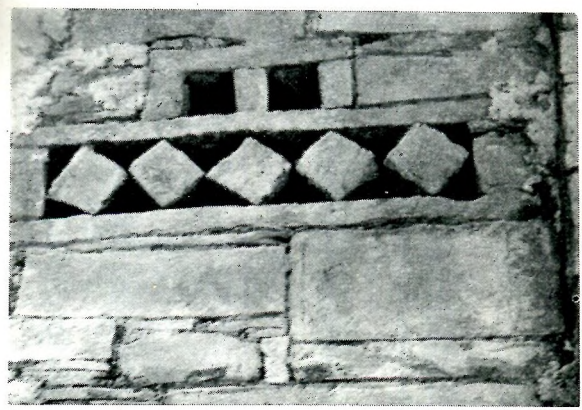
Один из распространенных приемов оживления поля стены

в дагестанских постройках — укладка камней рисунком «рыбья кость» («в елку»). Два-три ряда камней друг над другом укладываются не горизонтально, а с наклоном в противоположные стороны. Этот прием лишь со временем стал декоративным; он происходит от особого способа кладки: плоские камни укладывают в ряд с наклоном, а вышележащий ряд — с наклоном в противоположную сторону, ис-

21—24. Фигурная выкладка камней для декора фасадов: «в елку» («рыбья кость»), «зигзаг», «зубчик», «ромбик»

пользуя при этом зубчатую поверхность, образованную камнями нижнего ряда. Такой способ кладки распространен по всему Кавказу (известен он и на Памире).

Другой простой прием пластического декора стены — фигурная выкладка камней кладки. Этот прием имел применение, например, в средневековом зодчестве Руси, где постройки украшались фризами из камней, уложенных с образованием треугольных или квадратных впадин. Применялся он в Дагестане, но в виде не фризов, а отдельных декоративных

пятен. Такие приемы фигурной кладки сформировались, очевидно, на территории, входившей в сферу византийской культуры, и из Передней Азии распространились в Россию, в Дагестан, в Северную Африку. Встречается чередование рядов темных и светлых камней на фасадах. Это тоже древняя переднеазиатская традиция, которая проникла с юга в приморский Дагестан.

В горах Кавказа иногда можно увидеть световое отверстие треугольной формы в стене постройки, декоративную треугольную нишу над окном или дверью, тщательно вытесанный треугольный камень, заложенный в кладку фасада. Треугольные окна в средние века были распространены не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье и в Западной Европе. Декоративные треугольные проемы и теперь применяются в народном зодчестве Греции.

Происхождение этой формы — прием перекрытия проема путем напуска кладки, в результате чего образуется треугольник. Если таким способом перекрыт проем двери, то над прямоугольной дверью остается треугольный прозор, заполняемый мелким камнем, рельефной плитой или оставляемый открытым. Примером этого могут служить порталы знаменитых памятников микенской архитектуры. Видимо, треугольник над дверью, получавшийся конструктивно, стал своеобразным символом входа в дом, символом жилища, вообще почитаемым знаком. Может быть, в связи с этим у некоторых дагестанских народностей во время строительства дома на него навешивают талисманы в виде треугольников.

В зоне нижних предгорий, главным образом в полосе Буйнакск-Маджалис, можно видеть лепные орнаменты. Они в большинстве случаев характеризуются растительными мотивами, иногда состоят из древних культовых знаков (крест, отпечаток руки и пр.). Помещается эта лепка на откосах ворот, на стене у ворот, у входа в дом.

Роспись в зодчестве Дагестана редка. Если встречаются расписные камины (или другие фрагменты), то их стиль проявляет связь с искусством степных народов Предкавказья.

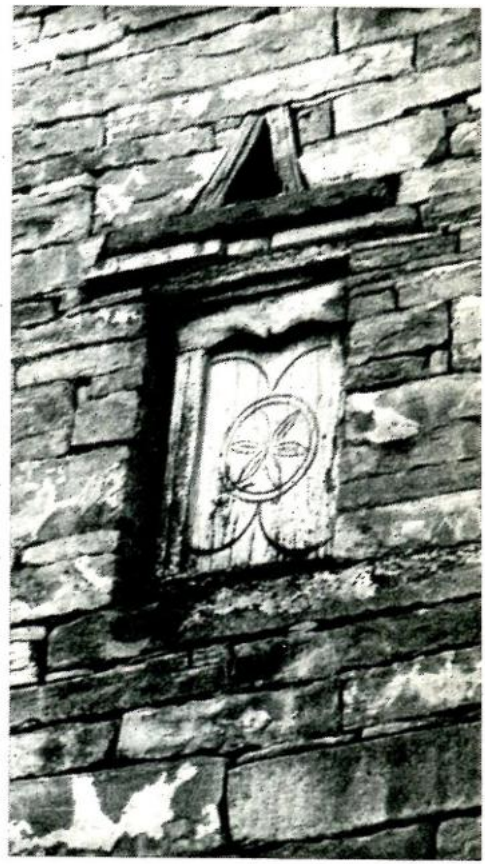
На фасадах и в интерьерах некоторых мечетей начала XX века встречается многоцветная орнаментальная роспись. Эта полихромия возникла под влиянием вкусов Востока, проникавших сюда через Азербайджан. В отдельных случаях она отразилась и в декоре гражданских построек. Например, иногда (довольно редко) раскрашен в разные цвета орнамент резьбы деревянных деталей постройки в южных и приморских районах. В последние годы распространился обычай многоцветной грубопестрой раскраски намогильных памятников масляными красками.

Совершенно своеобразно в Дагестане монументально-декоративное искусство селения Кубачи. Только в Кубачах имеют-

ся барельефы с очень пластичными, иногда горельефными, изображениями. Эти камни относятся к XII—XIV векам и первоначально украшали ныне уже не существующие здания. В единичных примерах имеются в Дагестане объемные скульптуры животных — опять же в с. Кубачи и ближних к нему селениях.

В Среднем Дагестане (а именно, в Кайтаге, Табасаране

25—26. Треугольный камень над проемом и декоративная треугольная ниша: камень над входом в мечеть (с. Урада); окно дома в с. Кища

и г. Дербенте) встречаются примитивные скульптурные изображения животного, заделанные в кладку так, что из стены выступает только передняя часть. Видимо, это связано с каким-то старым обычаем. Скульптурные фигуры, выступающие из стен построек, известны в средневековой архитектуре Закавказья, Передней Азии и Западной Европы.

Иногда можно видеть торчащий из стены крюкообразный камень. Его назначение местные жители объяснить не могут, говорят — «для красоты». Может быть, прообразом та-

кого камня служил силуэт скульптуры животного, которую по каким-то соображениям заделывали в кладку стены. Не исключено и иное происхождение этой детали. К каменному крюку подвешивали тушу барана при ее разделке, в том числе и при жертвоприношении, и эта форма могла приобрести сакральное значение. Так или иначе, но крюкообразные камни, заделанные в кладку, не имеют функциональ-

27. Резной каменный рельеф XII—XIV вв. из селения Кубачи (Метрополитен-музей, Нью-Йорк)

ного назначения, а лишь служат декоративной деталью. Например, в башне селения Кища́ есть несколько таких камней, торчащих из стены на большой высоте.

В отдельных случаях встречаются камни с изображением человеческого лица. Очевидно, это идол, изображение божества. В одном из домов селения Амузги́, что возле Кубачей, на резном камне кладки изображена человеческая голова с бараньими рогами. На Северном Кавказе еще со времен бронзового века изображение головы рогатого жи-

вотного считается амулетом. До сих пор на столбах галерей вывешивают по древнему обычаю черепа быков и баранов.

Применяются в качестве архитектурного украшения высеченные из камня или вырезанные из дерева кольца, что, очевидно, связано с магическим значением символа кольца. Среди местного населения кольцо считается символом, связанным с мусульманством. Но дверь старинного христианского святилища Рекóм в Северной Осетии украшена металлической накладкой с кольцами. Видимо, это древняя сакральная форма. На территории Турции, при раскопках памятников древней Фригии (VII в. до н. э.) был найден керамический сосуд, на ручках которого навешены керамические же кольца, которые не могли иметь функционального назначения и даже должны были мешать при пользовании этим предметом. Как сообщил мне искусствовед П. М. Дебиров, иногда жители Дагестана по-своему истолковывают смысл формы колец: рассказывают, что в старину кольцеобразные хлебы, повешенные на вбитые в стену колья, служили неприкосновенным запасом на случай военных действий.

Резьба по камню во многих случаях не увязана с архитектурными формами, т. е. это просто отдельные резные камни в кладке стен. Но применяется и декоративная обработка архитектурных деталей, например, проемов, консолей, карнизов и балконов, деревянных заполнений, окон, дверей и ворот и т. п.

Одним из элементов оформления фасадов домов является карниз — вернее, ряд резных деревянных, иногда каменных консолей, поддерживающих свес крыши. Концы балок, выступающие на фасаде, получают фигурную обработку.

В ряде случаев над проемами устраивают оформление — обычно в элементарном виде каменного козырька, иногда же — в более отработанных архитектурных формах.

Архитектурные детали в дагестанском народном зодчестве просты, но выразительны. Местные мастера, опираясь на старые народные традиции, проявляли хорошее чувство формы.

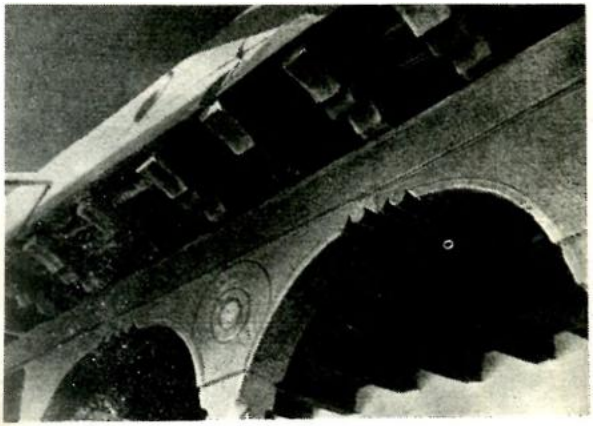
28—29. Скульптура, характерная для средневекового кубачинского искусства (селения Кубачи и Ицари)

За Гунибским районом находится Чародúнский. Он со всех сторон окружен непроходимыми горами. Это кольцо разрезано ущельем, по которому проходит дорога из Гуниба. Дорога эта, как обычно в горах Дагестана и Чечни, трудна и опасна. На одном ее участке стена ущелья настолько крута, что для проезда автотранспорта соорудили так называемый «балкон», по типу тех, которые делались в старину на вьючных тропах: в скале выбили гнезда, вставили бревна,

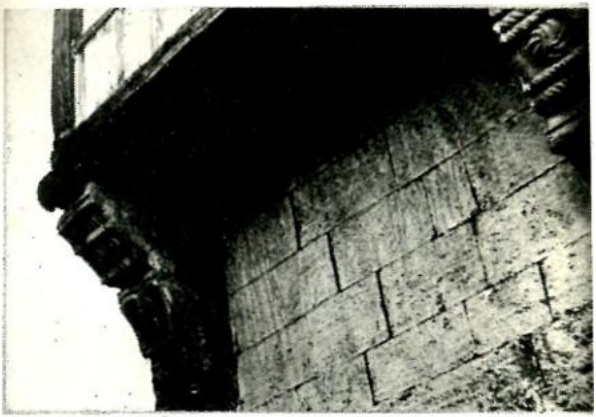
на них уложили настил, затем положили сланцевые плиты и дерн. Несколько лет тому назад это сооружение заменили более надежной дорогой, на что было затрачено много сил и средств.

Чарода́ — отдаленный, глухой уголок горного Дагестана. Но здесь это не чувствуется. В районном центре — обычные постройки неопределенного стиля последних десятилетий, сто-

30—33. Архитектурные детали: каменный карниз, с. Чираг; деревянный карниз, с. Гели; сандрик над дверью, Чародинский район; кронштейн балкона, Табасаранский район

ловая, гостиница, соответствующие организации, площадь с орущим репродуктором на столбе, на площади несколько грузовиков и терпеливые пассажиры, которые до последнего момента не знают, какая машина куда и когда едет. В селениях — те же колхозы и школы. И люди те же — обычно приветливые и доброжелательные, но вообще разные. Экзотики теперь нет нигде — разве что в стихах поэтов, нарочито эту экзотику сочиняющих. Забираешься в отдаленное глухое селение, которое находится под самым небом,

34—36. Элементы декора фасадов построек: кольца, вырезанные из цельного куска камня, г. Дербент; скульптурное изображение головы горного козла, с. Урахи; камень с изображением головы рогатого божества, с. Амузги

и видишь, что здесь люди, как и везде, готовятся к выборам, в клубе идет лекция о международном положении, на дороге стрекочет мотоцикл, на деревянных арках трепещут на ветру вылинявшие флажки.

Ныне единственный способ представить себе старый быт кавказских горцев — это обратиться к старой литературе. Поэтому приведу описание повседневной жизни дагестанского селения в прошлом веке, сделанное русским чиновником и офицером А. Л. Зиссерманом. Его книга «Двадцать пять лет на Кавказе», изданная в Санкт-Петербурге в 1879 году,— лучшее, что мне приходилось читать о старом Кавказе, и я еще не раз буду к ней обращаться, чтобы дать читателю возможность почувствовать атмосферу тех времен.

«Во время нашего вступления в Кутиши́ все жители заняты были молотьбой хлеба на искусственно устроенных, плотно укатанных площадках. Пара бычков волокут доску, подбитую острыми камешками, на коей сидит погонщик; снопы превращаются в мякину (саман), которую тут же веют. Покончив с молотьбой, кутишинцы принялись за унавоживание своих пахотных террасок, разбросанных в ближайшей окружности аула на склонах гор. Целый день сновали взад и вперед арбы с навозом; бедным бычкам доставалось ужасно: жители употребляют вместо кнута длинные палки с железным гвоздем на конце и тычут ими несчастное животное, которое жмется и как-то судорожно напрягает свои силы, чтобы шибче двигаться. Бычки там маленькие, как обыкновенно везде в горах, где скот очень мелок и в сравнении с нашим степным скотом просто кажется теленком.

Покончив с унавоживанием, кутишинцы успокоились от трудов и до половины марта предавались полному безделью. Накинув свой тулуп, сидит или лежит он в сухую погоду на крыше своей сакли или на камне у своих дверей, курит трубочку, стругает ножиком щепку, поджидая собеседника. Иногда, в светлую ночь, зажгут где-нибудь на площадке кучку кизяку и рассядутся кругом два-три десятка с трубочками в зубах, а молодежь-мужчины под звуки писклявой зурны выплясывают. В особо солнечные дни, в которые нередко в декабре и январе месяце между 11—3 часами дня бывало так тепло, что мы оставались все время на воздухе в одних сюртуках,— на некоторых площадках разляжется праздная толпа и с утра до вечера курит, ведет вялый разговор, поглядывая то на работающих женщин, то на какую-нибудь тощую корову, разов пять уже напоенную, но напрасно жалобно мычащую о горсточке саману; по ограниченному количеству корма скот в нерабочую пору оставляют впроголодь и почаще гоняют к водопою, думая этим даровым продуктом поддерживать его силы.

Между тем женщины работают целый день: то делают ки-

своему, уснул. Лошадь, наверное, уснула тоже, судя по тому, что произошло потом. Проснулся оттого, что лошадь остановилась. Она остановилась, надо полагать, потому, что, проснувшись, не знала, куда идти дальше. Мы с ней очутились одни, ночью, посреди площади в каком-то городе. Как я выбрался из этой ситуации, здесь рассказывать не место, но странно, что после этого я продолжал верить, будто лошадь умное животное и знает, куда надо идти.

Горцы разуверили меня в этом. Как-то я ехал верхом по узкому «балкону» и повстречал местного жителя. Он недоуменно посмотрел на меня и сказал:

— Салам алейкум.

— Здравствуйте,— ответил я.

Он понял, с кем имеет дело, и перестал удивляться. А для недоумения у него были основания. Согласно горскому этикету, конный должен проявить уважение к пешему и поздороваться первым. Хорошо воспитанный человек, кроме того, остановит коня, протянет руку и скажет: «Как дела? Далеко ли идешь, не устал ли? Как жена, дети? Бараны в порядке? Ну, счастливого пути!» — и только после этого тронется дальше. Кроме того...

— Послушай, не надо в таких опасных местах верхом ехать. Можно упасть вниз.

— Но ведь лошадь видит, куда ноги ставить.

— Разве он понимает? Лошадь — глупое животное и ничего не понимает. Смотри, камень с краю лежит, еле держится. Он поставит ногу на этот камень — что будет?

Я посмотрел вниз. Нехорошо будет.

В другой раз произошел такой случай. Проезжая верхом по горной тропе, я заинтересовался одним объектом и решил его сфотографировать. Слез с седла, открыл фотоаппарат,— а лошадь, почуяв свободу, бросилась бежать от меня. Я — за ней. Она — брык! — норовит лягнуть меня. Не знаю уж, как мне удалось увернуться от ее копыт, обогнать ее и схватить за уздечку. Когда возвратился в селение, попытался высказать свои претензии человеку, давшему мне такую лошадь. Он спокойно ответил: «Лошади и жене не доверяй. Не выпускай узду из рук».

От Ириба до Гилиба недалеко: по карте — один сантиметр, то есть шесть километров по прямой. Учитывая повороты и зигзаги — километров десять, думал я. Оба селения расположены на одной реке. Не заблужусь. Поехал.

Дорога идет вдоль реки. Речки в горах небольшие — переплюнуть можно. Но после дождей они, и даже суходолы, превращаются в бурные потоки, которые не то что переходить, а и на машине переезжать не рекомендуется. Мало того, что стремительный поток сбивает с ног,— вода несет камни, перекатывая их по дну. Я видел, как застряла в

зяки, налепливая их для сушки на стены; то ткут сукно, очень ловко и быстро перебрасывая мотки шерсти с одного конца на другой, прибивая всякий раз железным гребнем; то прядут или размыкают шерсть; то таскают снопы или корзины с саманом, то приготовляют лепешки и варят ужин, то подметают сор, то таскают воду — одним словом, всю жизнь без устали работают, сгибают под непосильными тяжестями спину. Старухи уже так и остаются в согнутом положении без возможности выпрямиться»[1].

Своеобразен процесс строительства дома в горах Дагестана. Застройщик должен доставить на место строительный материал — камень и лес. В этом ему помогают родственники и соседи, а в небольшом селении все жители; он за помощь не платит, но устраивает угощение. Иногда строят дом сами, но в большинстве случаев приглашают мастеров. Те должны возвести коробку здания, т. е. выполнить каменные и плотничные работы. Засыпка землею междуэтажного перекрытия и крыши, а также обмазка стен помещений производится семьей застройщика с помощью родственников, друзей и соседей. Между мужчинами и женщинами существует строгое распределение труда: мужчины орудуют лопатами, насыпая землю в мешки или корзины, женщины переносят землю на место, а мужчины там ее разравнивают и уплотняют. Обмазку стен глиной производят женщины. Хозяин устраивает угощение и даже нанимает музыкантов, чтоб веселей работалось. Всякого проходящего приглашают угоститься и выпить за то, чтобы дом стоял прочно и долго и чтобы жизнь в нем была счастливой.

В селении Ириб Чародинского района когда-то находилась резиденция шамилевского наиба (наместника) Даниэль-бека. Бывший султан Елисуйский, имевший чин генерал-майора русской службы, он, выведенный из себя административно-служебным хамством, столь обычным в старой России, бросил свое султанство, бежал к Шамилю и, получив наибство, открыл новый фронт военных действий против контролировавшейся русскими властями территории, чем причинил им немало хлопот.

В Ирибе мне дали лошадь доехать до селения Гилиб.

— Верхом умеешь? — скептически посмотрев на мои городские полуботинки, спросил колхозный парторг.

— Попробую,— ответил я и влез в седло. Вскочить на коня лихо, по-джигитски, не удалось. В последний раз я ездил верхом лет двадцать тому назад. Это было во время войны, в Венгрии. Я напросился в конную разведку — отчасти из романтических побуждений, а главное, надоело месить грязь кирзовыми сапогами. Мы ехали группой, ночью, и я, к стыду

такой реке автомашина, цистерна с горючим. Она доехала до середины, бултыхнулась одним колесом в невидимую яму, и мотор заглох. Вскоре ее колеса были занесены песком и камнями. Шофер сидел на крыше кабины и с тоской смотрел на оба недоступных для него берега. Не знаю, чем дело кончилось.

Я еду спокойно и надеюсь через полчаса торжественно въехать на коне в Гилиб. Но вот дорога поворачивает к реке. Несколько метров воды пересекают путь; на той стороне он продолжается. Перед дождями был мост — его остатки торчат у берегов. Обычная история: каждый раз после дождей строят мосты, потом их сносит вода, и так без конца. Теперь в горах появилось много каменных арочных мостов, сложенных на цементе. Но по отношению к нужному количеству их все же мало.

Слышно, как грохочут камни в реке. Ударит такой по ноге... Но у лошади четыре ноги. И кроме того, мне надо ехать. Не поворачивать же обратно.

Хлещу коня нагайкой — рраз! — обдает брызгами с ног до головы — и мы на той стороне. Брюки до колен мокрые. Выливаю из полуботинок воду. Поехали дальше.

Но вот — что это впереди? Не хочется верить своим глазам. С безнадежным упорством продолжаю путь. Лошадь останавливается.

Река, взбухшая от дождей, разлилась и залила дорогу. Объехать нельзя: над клокочущим потоком поднимается отвесный обрыв. Выехал я после обеда. В горах быстро темнеет. Особенно в пасмурную погоду. Начинает накрапывать дождь. Обратно? Китайская мудрость гласит: «Если человек видит, что сбился с пути, кратчайший путь для него — повернуть обратно». Но не у каждого лежит душа к такой философии. Мне нужно в Гилиб. Не ночевать же здесь. Надо пересечь речку; с этой стороны дороги нет, но там берег пологий. Однако река очень разлилась. Ну и что ж! Горцы говорят, что переходить речку надо там, где она пошире, потому что в этом месте она мельче. Правильно говорят, соответственно законам гидравлики. Посредине отмель, островок. Направляю лошадь туда. Подошла к воде, остановилась. «Пошел!» Ни с места. Бью плеткой — пятится назад. Натягиваю поводья, наклоняюсь и хлещу коня под брюхо. Четвероногий бедняга с отчаянием ринулся в воду. Стараюсь не думать. В какой-то момент сердце ёкнуло: лошадь оступилась, или ей угодил по ноге уж слишком большой камень,— я чуть не свалился с седла. Но вот мы на островке, а второй рукав помельче.

Как-то просматривая старую литературу о Кавказе, я прочел о подобном случае: «Когда, миновав аул, мы пришли к такому месту, где дорога была унесена стремительной водой,

один из проводников хотел вброд переехать реку, но лошадь не выдержала напора воды, упала и только с трудом была вытащена вместе с седоком»[2]. Если местный житель идет на такое дело, значит оно хотя и рискованное, но не безрассудное. И все же таких вещей делать не следует: рисковать жизнью допустимо лишь при крайней необходимости. Когда однажды, в горах Чечено-Ингушетии, мы с двумя товарищами, упрямо идя вперед, попали в западню, из которой едва выбрались, я убедился, что с горами, так же как с морем или тайгой, шутки плохи. Хочешь вернуться к своей семье — неукоснительно придерживайся правила: ходить только по дорогам, а если путь обрывается или если видишь, что сбился с пути, нужно повернуть обратно.

Едем дальше. За поворотом показывается маленькое селение. Несколько домов. Неужели Гилиб? Под навесом сидят мужчины. Это годекан: в каждом горском селении есть такое место, где мужчины собираются от нечего делать. Мальчики стоят в стороне, почтительно слушают их бесконечные разговоры. Они встречают путника приветствием: «Салам алейкум», встают, подходят, по очереди пожимают руку.

— Здравствуйте. Это Гилиб?

— Нет, Гилиб дальше.

— Как туда проехать?

— Завтра поедешь. Слезай, гостем будешь.

Подбежал мальчик, взял коня под уздцы, приготовился отвести в стойло.

— Мне надо сегодня в Гилиб.

Все-таки я добрался туда до темноты. А утром вижу: по улице идут несколько человек, среди них — секретарь райкома, весь мокрый, без шапки. Мы знакомы, на днях беседовали. Оказывается, он ехал тем же путем, что и я. Ему тоже очень надо было в Гилиб.

— Лошадь упала в воде, я еле выбрался.

— А где лошадь?

Он махнул рукой. У всех народов этот жест означает одно и то же.

Все-таки напрасно я приехал в Гилиб, так же как и в Ириб. В этих селениях с такими экзотически звучащими названиями не нашлось ничего интересного с точки зрения искусства и архитектуры. Обыкновенные дома, самые старые из которых возведены не ранее 1920-х годов. Обычная жизнь, которую можно видеть, и не забираясь за тридевять земель. Даже ревизор из Махачкалы, приехавший проверить финансовую деятельность правления колхоза.

В Гочо́бе есть старые постройки. Я это знал точно.

 В Гочоб я ехал на грузовике. Дождь хлестал всю дорогу.

Мне как гостю уступили место в кабине, остальные ехали в кузове.

По дороге задержались немного в маленьком селении — Сочада́, что ли. Здесь мне рассказали, что когда-то из-за тесноты место для постройки дома стоило дорого: участок земли замерялся пала́сом (груботканый ковер); за каждую такую меру отдавали корову. И еще показали дом, откуда более ста лет тому назад, во время Кавказской войны, бежали двое пленных русских солдат. Они ночью разорвали на полосы свою одежду, связали их в виде веревки, по которой спустились из окна, и скрылись.

Гочоб находится близ Советского района, который среди специалистов известен как место средоточия памятников архитектурно-художественной культуры. Там, в долине одной из многочисленных речушек, впадающих в реку Ава́рское Койсу́, расположены селения общества Гида́тль, знаменитого своими памятниками старины.

«Общество» или «вольное общество» — термин, которым русские в прошлом веке называли местные общины, не подчиненные ханам или князьям. До присоединения к России Дагестан состоял из множества микроскопических монархий и республик. В Хунзахе сидел аварский хан (нуцал), в Тарках (возле нынешней Махачкалы) — кумыкский шамхал, в Маджалисе — даргинский уцми, в Казикумухе — лакский халклавчи, несколько ханов и султанов было на юге — всего десятка два феодальных владетелей властвовали каждый на своей небольшой территории. А кроме того, были бесчисленные «вольные общества», каждое в составе нескольких селений или даже одного селения — своеобразные горные республики, в которых власть принадлежала общему сходу взрослых мужчин, а фактически управлявшиеся группой «уважаемых людей».

Феодализм, основным принципом которого является собственность на землю и на людей, обрабатывающих ее, существовал только в отдельных районах прикаспийской полосы. Никогда Дагестан не знал государственных порядков, а сословное неравенство здесь имело место лишь в зачаточном виде и то лишь на отдельных территориях. На большей части горной области преобладал строй военной демократии. Общественная жизнь регулировалась ада́том — неписаными законами, которые принимались на собраниях представителей общин; но в большой мере действовало право сильного. Как сказал мне один старик: «Кто был хулиган, тот и командовал».

Каждый способный носить оружие считал себя единственным распорядителем своей судьбы, основывая свою самостоятельность лишь на искусстве владеть оружием и личной храбрости. Но независимость эта была фиктивной. Личность

находилась под полным контролем общины. Отдельные односемейные дома появились здесь несколько сот лет тому назад, а до этого дагестанцы жили, как индейцы пуэбло, в компактных комплексах, где семья имела лишь комнату, причем обычно проходную. Такие общинные жилища местами сохранились даже в XX веке. Высшей мерой наказания было изгнание из общины, и это было равносильно смерти, обрекая изгнанника на мучения и, в конечном счете, на неизбежную гибель. В одиночку человек в те времена был беспомощен и не мог просуществовать.

Иногда бытует представление о первобытности как об отношениях всеобщего равенства с неограниченной свободой личности. Но свобода существовала лишь в рамках строгих ограничений, которые накладывал на человека обычай. Личность находилась буквально под гнетом тирании общины. Эти, так сказать, вольные люди состояли в добровольном коллективном рабстве у своей общности — и в этом они были действительно равны. Рабство было и духовное; оно состояло в безусловном повиновении обычаю, в постоянном повторении вчерашнего дня, из чего проистекали общая духовная апатия и общественный застой.

Тем не менее горец чувствовал себя лично свободным, не признавал ничьей власти, кроме авторитета старейшин, и не имел никакого понятия о социальной иерархии и чинопочитании. В даргинских адатах XVII века записано*: «Перед князем и его приближенными не унижаться. Если кто будет унижаться, тому не подавать руку. А если кто будет заступаться за него, того дом разрушить»[3]. Горцы не испытывали особого почтения к своим властителям. Русский посол, посетивший в начале XVI века «столицу» кумыкского шамхала — селение Тарки, писал: «Народ именуется под властью Адигирея. Только люди очень вольные, его самого мало слушают, и промежду собой у них живут драки частые и убийства, что и при нас было...»[4]. Даже теперь, несмотря на прошедшие сто лет соответствующего воспитания, горец разговаривает с любым высокопоставленным лицом как равный. А попробуйте грубостью или глупой шуткой задеть его самолюбие — несдобровать.

В Гочобе мне показали старую боевую башню, в стенах которой прорублены современные (размером с газетную страницу) окна, потому что она превращена в жилище. Показали два старинных зальных дома. В центральной Аварии сохра-

---

* В XVII—XVIII вв., когда в Дагестане распространилась арабская грамота, адаты — неписаные законы — в отдельных случаях стали записывать.

нилось (в полуразрушенном или переделанном виде) несколько десятков таких домов; этнографы называют их «зальными». Жилая часть дома состоит из одной комнаты площадью 50—60, иногда до 100 кв. м и большой высоты — до четырех метров. Ее задняя стена деревянная; пространство между этой стенкой и склоном горы, перекрытое продолжением крыши дома, используется для кладовых. Посредине зала на полу — очаг в виде открытого кострища, над которым свисает цепь для котла.

Ни на одном из этих домов нет надписей или дат. Доктор архитектуры Г. Я. Мовчан, ветеран изучения зодчества Дагестана, считает, что те аварские зальные помещения, которые дошли до нашего времени, были построены в период XII—XVI веков. Некоторые из них относятся, наверное, к XVII—XVIII векам.

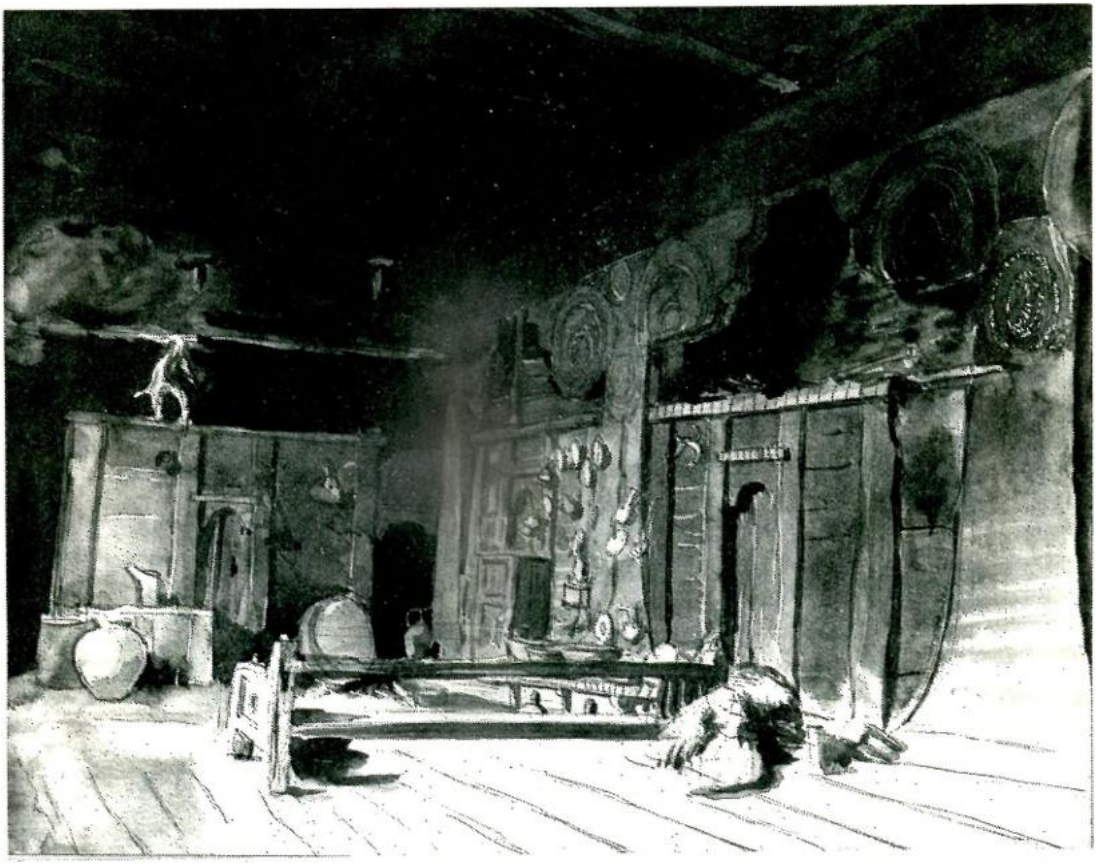
В Гидатле строили зальные дома с задней стенкой из толстых досок, закрепленных к стоящим в ряд столбам. Эта конструкция со стороны помещения украшалась резьбой. Самый замечательный по богатству резьбы, дом Гитинова в селении Тидиб разрушен в 1950-х годах, но его фрагменты были зарисованы в 1925 году художником Е. Е. Лансере (рисунки хранятся в музее г. Махачкалы), а вся постройка в 1945 году тщательно обмерена и затем опубликована Г. Я. Мовчаном[5]. В фойе нового здания театра Махачкалы стоит резной деревянный столб из зального жилища такого типа.

В других случаях устраивалась срубная стена между жилым помещением и кладовыми. Так делали, например, в Гочобе.

Один из таких домов здесь имеет башню. Но это не боевая башня, как можно было бы подумать, и не остатки ее. Это пристройка, в которой находится внутренняя лестница, а возвышающаяся над крышей ее часть раньше являлась открытой лоджией, куда складывалось сено после того, как оно высушивалось на крыше. Теперь лоджия переделана под жилую комнату, проем ее заложен и в стенке сделано окно.

В Гочобе я прожил несколько дней у секретаря сельсовета. Все время лил дождь, и отправляться дальше нельзя было. Трудно живут люди в этом глухом горном краю. Удобств никаких. Хорошо, хоть есть электричество (к сожалению, пока не везде). Бани и пекарни — только в районных центрах. Воду носят кувшинами из родника. Это женская работа. Носить воду считается для мужчины неприличествующим. Старик, оставшийся без жены, пойдет к роднику напиться, но воду себе не принесет. Не сделает это для него и сын. Обстановка в жилищах спартанская. Очаг, котел, несколько мисок, пара медных тазов и кувшинов. Вдоль боковой стены устроен деревянный топчан, покрытый груботканым ковром,

на нем подушки из цветастого ситца, овчины. С балок потолка свисают одна-две вяленые бараньи туши. Мясо сушат, вывешивая его на шестах перед домом. Это единственный способ заготовить мясо впрок, когда нет ни холодильников, ни продовольственного снабжения. Приходилось и мне таким мясом угощаться. Взял кусочек, пожевал-пожевал, больше не беру. «Почему не кушаешь?» «Не могу раскусить». «А ты не кусай, глотай так. Мы тоже не кусаем». Не удивительно, что самая популяр ая болезнь здесь — язва желудка.

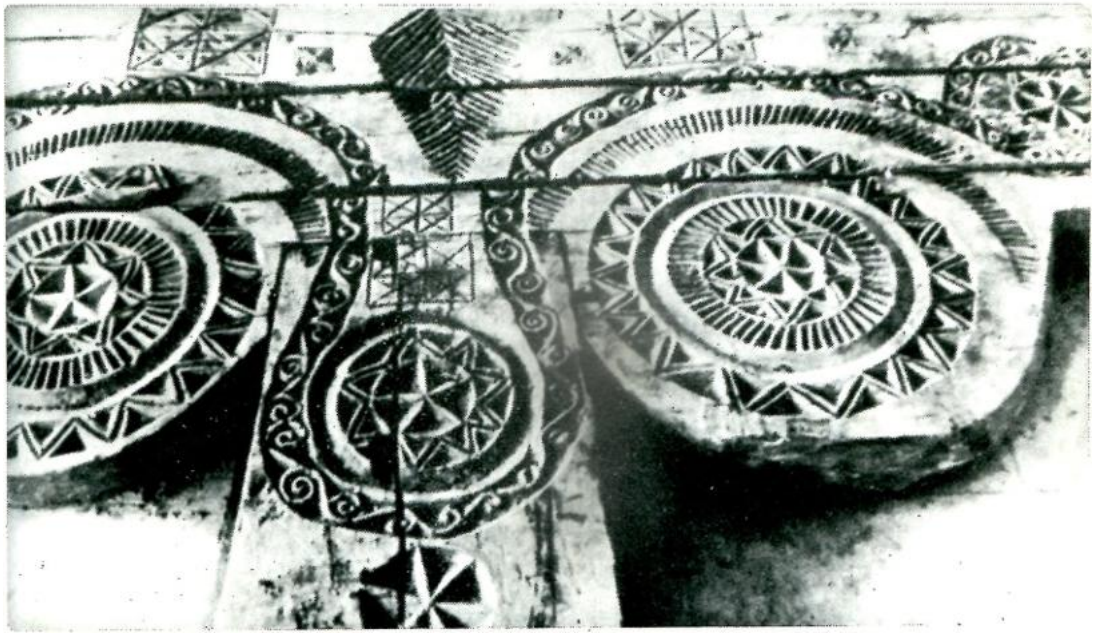

37. Интерьер старинного аварского жилища зального типа. Дом в с. Тидиб, XVI—XVII вв. Рисунок архитектора Г. Я. Мовчана. 1946 (Научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева)

В Гочобе меня пригласили на свадьбу. Войдя в помещение, сразу узнал его. Этот интерьер я видел на рисунке художника В. Шлипнева в музее Махачкалы. Большая квадратная комната, площадью метров пятьдесят. Стены не оштукатурены. Посредине — столб, поддерживающий балку перекрытия. Справа от входа — огромный шкаф для запасов

продовольствия, занимающий почти четверть помещения. В зазоре между ним и стеной сложены дрова. Дверь шкафа находится со стороны, противоположной входу, перед местом, освещенным единственным в комнате окошком. Такая кладовая — специфическая принадлежность только аварских жилищ в Дагестане. На рисунке В. Шлипнева лицевая стенка шкафа, где его дверь, увешана старинной утварью. Но теперь я увидел здесь в основном покупную алюминиевую и эмалированную посуду.

Меня провели на почетное место — возле двери шкафа. Мужчины сидели на низких скамьях вдоль стен, а перед ними на досках, положенных на подпорки из камней, лежало угощение — куски вареной баранины и чурек (хлебные лепешки). В одном фильме я видел, как дагестанцы едят шашлыки с фарфоровых тарелок под звуки сладостной музыки, воссе-

38. Фрагменты резьбы по дереву в аварском жилище (с. Тиниб)

дая на роскошных коврах. Их бы, этих авторов, сюда. Они Дагестан дальше махачкалинского ресторана «Лезгинка» не видели.

Мужчины уважительно посмотрели на финский нож, который я вынул из-под куртки, чтобы справиться с преподнесенным мне куском баранины. После 1937 года горцы кинжалов не носят — запрещено. Обычно даже не рискуют держать в доме оружие, но у многих оно, как память о прошлом, хранится на дне сундуков. А раньше для мужчины старше четырнадцати

лет выйти из дому без кинжала на поясе считалось неприличным. Кинжал не только гарантировал неприкосновенность личности, но и подкреплял чувство собственного достоинства.

Пользовались оружием лишь в крайнем случае. За обнажение оружия в общественном месте налагался штраф. Кроме того, каждый знал, что если вынет кинжал, то тут же увидит клинок

39. Старинный дом в с. Гочоб

в руке своего противника. По поверью, не следует обнажать кинжал даже из баловства — будешь зарезан.

Подавали напиток в больших деревянных кружках. Его называют «мед» (произносится не через «ё», а через «е»). Ничего общего с мёдом этот напиток не имеет. Это что-то вроде браги. Повседневно же горцы пьют только воду. Чай употребляют лишь в приморской полосе (кумыки, лезгины).

Меня попросили сказать что-нибудь молодым. Жених, в сером костюме и фуражке, слушал с серьезным лицом. Из присутст-

вующих только невеста была в национальном костюме. Потом убрали доски с мясом и лепешками. Люди пели и танцевали. Музыка суровая, варварская, не похожая на те слащавые напевы, которые я слышал по махачкалинскому радио. А на лицах и в движениях мужчин нет той театральной лихости, которую изображают черноусые красавцы, танцующие кавказские танцы в ансамблях песни и пляски. Если мужчина приглашал

40. Интерьер старого аварского жилища. Рисунок худ. В. Шлипнева. 1928 (Дагестанский музей изобразительных искусств)

женщину на танец, он протягивал ей палочку, которую держал в руке. Она принимала ее и шла танцевать, а когда ей надоедало, передавала палочку какой-нибудь другой женщине, и та должна была идти танцевать. Так приглашали и женщины мужчин.

Все-таки я дождался ясной погоды. Вдвоем с попутчиком мы направились в Советский район через хребет Нукáтль. Альпинист я такой же, как наездник. Правда, переходить через Нукатль мне уже приходилось, в другом месте. Подъем тогда

продолжался полдня. Сердце готово было вырваться из груди, и все время думалось, что смогу сделать еще десять шагов, не больше. Внизу было жарко, а наверху лежал снег, шел град; трясло от холода, хотя пот заливал глаза. Спуск был ненамного легче. Колени дрожали от напряжения, ноги скользили по щебню, который сыпался вниз; казалось, вот-вот скачусь вниз кубарем. Но на этот раз переход как будто легче. Погода ясная, а перевал, говорят, невысокий. Мой спутник — подвижный старик лет шестидесяти пяти. Я едва поспеваю за ним. Он натренирован ходить по горам, но, кроме того, в нем веса, наверное, вдвое меньше моего.

Горцы вообще худощавы. Я не видел в горах не только тучного, но и просто упитанного человека. Думаю, это потому, что они мало едят. Просто удивительно, как мало. Да и много не съешь того, чем они питаются. Ячменная лепешка, соленая брынза, сушеное мясо и холодная ключевая вода — попробуйка растолстеть на таком рационе. Из горячих блюд знают только хинка́л — суп из баранины с мучными клецками и тертым чесноком.

Проводник остановился возле одинокой могилы. На камне что-то написано по-арабски. Я разобрал дату — по-нашему как будто 1932 год.

— Этот человек здесь замерз, и его засыпало снегом,— сказал старик. — Он шел с той стороны. А было это летом.

Действительно, в горах такие вещи бывают. Во время одного из походов против Шамиля русский отряд в июне потерял 12 человек замерзшими и 400 обмороженными в день, когда теплая погода вдруг сменилась снегопадом и морозом. По другому сообщению того времени, переход войск в горах в конце августа — начале сентября сопровождался жестокой снежной метелью.

Однако такие эксцессы горного климата все же не часты. В горах и зимой обычно солнечно. Летом временами бывает пасмурно и дождливо, но в ясную погоду горы великолепны.

В. Пожидаев, автор изданной в 1926 году книжки «Горцы Северного Кавказа», пишет: «И ромашки всех цветов, и ландыши, и рододендроны — прямо настоящая радуга — глаз не оторвешь, уходить не хочется. А аромат такой, что пьянеешь, и тут же, немного выше, вечные снега горят на солнце, глаза слепят, а прямо над головой синее-синее, бездонное небо и мир и тишина несказанные»[6].

Перейдя перевал, мы спустились в ущелье общества Келе́б. Первое, самое верхнее по ущелью,— селение Сомода́. Здесь пришлось убедиться, что надежды на кавказское гостеприимство, даже подкрепленные надлежащими документами, не

всегда оправдываются. В конторе сельсовета и колхоза к моему прибытию отнеслись безучастно.

К вечеру добрался до селения Ругельда́. Типичное горнодагестанское селение. Внизу на пологой речной террасе — школа, медицинский пункт и другие общественные постройки, расположенные на просторных участках, с большими окнами и скатными шиферными крышами. Выше, на склоне горы,— жилые дома, с плоскими земляными крышами и галереями вдоль фасада. Дома ступенями расположены на горном склоне и вплотную примыкают друг к другу торцами, образуя сплошные ряды тесной застройки.

Обычно такие дома в Дагестане двухэтажные: наверху находятся жилые помещения, а внизу — хлев и сарай. Но в Ругельде (как и во многих других местах горной зоны) рядом с жилой частью селения расположен особый квартал хозяйственных построек.

Наверное, это не очень старое селение: в старину, в тревожные времена постоянной военной опасности, горные селения обычно располагались на труднодоступных кручах. Тем не менее здесь я увидел постройку, подобной которой нигде больше не встречал.

Читатель уже знает, что у аварцев для хранения продовольствия служит особое сооружение. Оно называется г'икуш или ц'агур. Такой, будем называть его, цагу́р может находиться или в жилом помещении, или на галерее, или стоять где-нибудь снаружи. В горах северо-восточного Кавказа все постройки каменные. Но почему-то цагур всегда деревянный: он сделан из досок (толщиной 8—10 см и шириной 30—40 см), которые в углах соединены врубкой, как бревна в русских избах. У цагура есть дверь, через которую входят внутрь. Он похож на домик, и возникает мысль: не жили ли когда-то предки аварцев в подобных деревянных домах? Ведь из истории архитектуры известно, что в хозяйственных постройках зачастую сохраняется облик старых типов жилища.

Цагур, который я увидел в Ругельде, отличается от других. Прежде всего, он велик. И у него есть окна. Да, теперь сомнений не было: здесь когда-то жили в деревянных домах, и вот как они выглядели. Чудом сохранившийся осколок исчезнувшего прошлого, словно пришелец из неведомого мира, чуждый всему вокруг, безмолвный и отрешенный, стоял древний черный цагур на каменном цоколе, как скульптура на пьедестале.

Теперь горы Дагестана в значительной части безлесны и, если можно так выразиться, бестравны. Голые скалы, камень, камень. Однако то и дело в какой-нибудь старой постройке встречается столб в аршин шириной. Чтобы вытесать его, нужен был ствол дерева в два обхвата. И действительно, когда-то горы и предгорья, и даже ныне засушливая северокавказская

степь были покрыты могучими лесами. Леса вырубили, дождями смыло землю, и вот теперь — чтобы сварить хинкал или испечь чурек, собирают хворост в кое-где еще сохранившихся зарослях или заготавливают кизяки из смеси соломы и коровьего навоза.

На крайнем западе Дагестана, в Цунти́нском районе, в селении Бежта́, мне все-таки удалось найти настоящий деревянный дом и ныне обитаемый. Сооружен он был, пожалуй, не так давно,— наверное, лет сто пятьдесят тому назад. Его нижние два этажа, используемые в качестве хлевов, сложены из камня, а верхний, жилой — деревянный. Стены срублены из толстых досок. В комнате одно небольшое окно, и перед ним, прямо на деревянном полу, очаг в виде открытого кострища на каменной выстилке. Как они не сгорели до сих пор! Вход в дом с косогора, откуда попадают прямо на уровень жилого этажа. А с противоположной стороны — балкон-галерея. Очень хотелось сфотографировать эту уникалькую постройку. Но как? Фотографировать горский дом со стороны главного фасада затруднительно, потому что он обращен в сторону понижения рельефа. Для этого обычно приходится, если удается, взбираться на крышу какого-нибудь ниже стоящего дома. Прямо перед галереей, на которой мы находились, на расстоянии двух с половиной — трех метров, была плоская крыша соседнего дома. Я сказал, что хотел бы попасть на нее.

— Пожалуйста. — Хозяин принес доску, положил ее одним концом на край галереи, другим — на край крыши. Над доской, поперек нее, шли электрические провода.

— Как, по этой доске?

— А что? — Он, как по земле, пошел по узкой доске, которая вихляла под ним, перешагнул через провода, вступил на крышу и обернулся. — Ну?

Я посмотрел на него, на доску, на провода, посмотрел вниз — и отказался от намерения сфотографировать этот дом спереди. Зато заснял его раз пять сзади, стоя на твердой земле.

В Махачкале этнограф Мамайхан Агларов рассказывал мне, что в келебском селении Хиндах он видел интересный старинный дом. Оказалось, хозяин этого дома, Абдулкеримов, находится в Ругельде. Мы с ним и отправились на лошадях.

Хиндах — покинутое селение. Теперь здесь никто не живет. В горах покинутые селения встречаются часто.

В средние века селения в Дагестане были небольшими, и располагались они обычно высоко в горах, на труднодоступных местах, удобных для обороны. Такое селение населяла кровнородственная группа людей (туху́м). Примерно с XV века, после того как страна была разорена Тамерланом, массы людей

убиты и многие селения разрушены, жители нескольких селений стали объединяться и, отстраиваясь заново, селиться сообща. Новые селения обосновывались в более удобных для жизни местах, в чем сказалась также возросшая заинтересованность в торговых, хозяйственных, культурных и политических связях. А потеря труднодоступности компенсировалась увеличением людского контингента, который мог оборонять селе-

41. Срубный амбар в с. Ругельда

ние. До сих пор в каждом более или менее крупном селении различают несколько кварталов (называемых тоже тухумами), в которых живут потомки обитателей прежних мелких поселений.

Дагестан отличается на северо-восточном Кавказе крупными населенными пунктами в горных районах. Здесь обычны селения на 200—300 дворов, тогда как, например, в горной Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и в северных горных районах Грузии (Хеви, Хевсурети, Тушети) селения раз в десять меньше по величине. Процесс укрупнения селений в Дагестане происходил постепенно, на протяжении веков, и продолжается в наше время. Поэтому то и дело можно встретить в горах мелкие населенные пункты, покидаемые или покинутые жителями; в то же время в этих же местах крупные селения растут.

Дом Абдулкеримова оказался монументальным сооружением, отличающимся от обычных приземистых сакель. В нем четыре этажа. К дому примыкает остаток боевой башни. Только в этом районе Дагестана башня служила для обороны отдельного жилища или группы жилищ родственных семей, как то было, например, в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Сванетии.

Два нижних этажа дома — хозяйственные (в них хлевы и сараи), а верхние состоят каждый из одного большого жилого помещения. В нем проживали две родственные семьи, и каждый этаж имеет отдельный ход снаружи.

Это типичное аварское зальное жилище. Задняя стенка, за которой находятся кладовые, устроена из положенных друг на друга брусьев, для устойчивости перерубленных поперечными коротышами, так что образуется ряд крестообразных в плане опор, расширяющихся книзу и кверху. Черная деревянная стена раньше была увешана различной утварью, на ней висели также рогатые черепа быков и баранов.

Все деревянные детали интерьера — черного цвета. В помещении с открытым очагом со временем все покрывается копотью. Чем чернее было в доме, тем, значит, он старее, следовательно, более чтим. Поэтому, чтобы придать новому дому вид старого, в нем разводили костер из еловых веток. Но в этом доме прожило не одно поколение людей (Абдулкеримов говорит — одиннадцать): с балок свисают гроздья окаменевшей копоти.

Вокруг помещения, вдоль деревянной перегородки и каменных неоштукатуренных стен, идет широкая деревянная ступень в виде завалинки, украшенная резьбой. На ней когда-то стояла утварь, складывалось имущество, сидели люди. На деревянном, из широких досок, полу — выложенное камнем место очага. Напротив него на выступе завалинки вырезаны завихренные розетки — древний языческий символ солнца и огня.

Возле очага — резной деревянный диван для старших мужчин

и почетных гостей. Подобные скамьи имелись и в домах горцев Северной Грузии. Кстати, там тоже в жилом доме устраивали деревянную перегородку, но иной конструкции, иного рисунка и иного назначения (за ней находились не кладовые, а скот).

Мой спутник расстелил на полу галереи овчину и уснул на ней. А я, закончив обмеры и зарисовки, не хотел его будить. Мне виделись тени когда-то живших здесь людей, сидящих мужчин в папахах и овчинных шубах, постоянно готовых к бою, с суровыми, словно высеченными из камня лицами, и вечно работающих женщин в длинных засаленных платьях, из-под которых видны расклешенные брюки, с серебряными украшениями на груди, в странных головных уборах с круглыми бляхами на висках и свисающими на спине концами платка, который должен всегда скрывать от посторонних взоров волосы.

Величественная, суровая архитектура. Впечатляющий памятник трудной и героической жизни предков. Как обрадуются в Махачкале, когда я там об этом расскажу! Ведь они так любят свой родной край, так чтят легенды и быль своей истории, так гордятся своей национальной культурой. Этот дом, единственный оставшийся в целости из подобных сооружений, надо сохранить. Сделать это просто: в нем можно устроить туристский приют и при этом сохранить интерьер верхнего этажа в первозданном виде как музей древней архитектуры и искусства. Место удачное: рядом проходит Аваро-Кахетинская дорога, удобная для туристских маршрутов.

Да, я рассказал в Махачкале обо всем этом. Писал докладные записки и обивал пороги досточтимых кабинетов.

Разговаривали со мной холодно-вежливо, с затаенным в глазах подозрением: а что, собственно, ему — лично ему — нужно, этому непрошеному ходатаю?

Долго ли еще простоит дом Абдулкеримова или, брошенный в конце концов владельцем, будет разрушен, как десятки и сотни других?

За Хиндахом — Мусрух. Небольшое селение, прилепившееся, как орлиное гнездо, на высокой горе. Абдулкеримов дал мне лошадь доехать туда. Я поехал неправильно. Как оказалось потом, туда ведет кое-какая дорога, а я взял напрямик по крутому склону. Лошадь довезла меня до середины высоты и выдохлась. Дальше мы поменялись ролями: я карабкался вверх и тащил ее за повод.

Добрался. Женщины, работающие на узких полосках террасных земельных участков, что-то кричат друг другу, явно по моему адресу. Меня встретил высокий, ладный мужчина лет пятидесяти, в папахе и армейской гимнастерке. Дагестанцы любят военную форму и с удовольствием носят ее

(черкески давно забыты); правда, теперь молодежь предпочитает черный костюм с белой рубашкой.

Он ни слова не знает по-русски. И никто в селении не знает. За все время моих многочисленных путешествий по горам Дагестана я только два раза попадал в селения, где нельзя было объясниться на русском языке. В другой раз это было в далеком Тляратинском районе, который

42. Аварка в национальном головном уборе

когда-то являлся «шамилевской Сибирью» — туда имам ссылал неугодных. Я сбился с пути и, попав в какой-то населенный пункт, стал спрашивать дорогу. Но никто меня не понимал. Сбежались женщины, подростки, обступили, оживленно переговариваясь, позвали еще кого-то. Им так хотелось мне помочь, но они не знали, что мне нужно. Я произносил разные слова: «Мужчина, дорога, сельсовет» — не понимали. Тогда меня осенило: «Телефон!» Они обрадовались, зашумели. Бойкая девушка в широкой юбке с повязанным вокруг гибкого стана ярко-желтым шарфом повела меня к телефону и с кем-то соединила. «Алло, алло! Кто это? С кем я говорю?» «Это милиция». Я рассказал, кто я такой и что мне нужно. К моему удивлению, меня назвали по имени. Откуда-то уже знали. «Передай трубку девушке». Ей объяснили, она поняла. Мне дали в провожатые мальчика, который вывел меня к дороге и указал направление дальнейшего пути.

Достопримечательность Мусруха — высокая дозорная башня. На черных замшелых камнях начертаны знаки, древние культовые символы. В Дагестане осталось уже всего три-четыре башни, сохранившихся доверху. Я заглянул внутрь. Перекрытий и крыши нет — обрушились. Этажей было семь. Обычно такие башни имеют не более пяти этажей. Эта сделана высокой, чтобы с нее наблюдать за местностью, находящейся за горой. Так мне рассказали потом. Оттуда, со стороны Гидатля, нападали на Келеб.

— Как же так? Ведь такие же аварцы...

— Кто тогда думал, аварец ты или чертов брат? Такие были драки... После одного нападения столько убитых лежало, что женщины собирали папахи корзинами.

До революции какой-то богач из другого селения хотел купить эту башню. Не увести ее с собой, конечно, а просто чтобы она считалась его собственностью. Мусрухцы отказались: дело чести.

В некоторых научных трудах о Дагестане написано, что боевые башни здесь «служили главным образом для укрытия от внутренних врагов — кровников-мстителей и возникли в связи с разложением родового строя»[7]. Это неверно. При отсутствии государственного правопорядка в Дагестане все же существовало право, основанное на установленных обычаях,— адат. По дагестанским адатам акт кровной мести совершался единожды, по отношению лично к тому, кто совершил убийство,— и только если это не удавалось или в условиях бурных столкновений, месть направлялась на его родственников. Тот, кто подвергался опасности кровной мести, конечно, не имел ни времени, ни условий строить башню. Боевые башни, как правило, принадлежали всему селению и служили для защиты от внешнего врага.

Снова дождь. Вот невезенье! Горы окутало туманом и серой завесой дождя. Хозяин протянул мне русскую книгу — решил помочь скоротать время. «Айвенго». Значит, здесь тоже читают по-русски.

Часа через три дождь прекратился. Кажется, посветлело. Я встал и знаками показал, что намерен отправиться в путь. Вывели мою лошадь, проводили меня до дороги.

Доехал до моста (по дороге сфотографировал горянку с зонтиком, которая гнала ишака; нагруженного никелированной кроватью с сеткой), сдал, как было условлено, лошадь находившемуся здесь дежурному. Попутных машин не было. Я намеревался попасть в Бежту. Здесь сравнительно недалеко, километров пятьдесят и дорога неплохая. Но дорога была пуста.

— Говорят, там мосты снесло,— сказал дежурный.

Дорога идет вдоль реки по уступу, вырубленному на крутом склоне. Это одна из важнейших магистралей в горном Дагестане. В одну сторону она идет через Хунзах и Буйнакск до Махачкалы. В другую — до селения Бежта, райцентра Цунтинского района. Называется она Аваро-Кахетинской потому, что по ней, перейдя перевал, можно попасть в Кахетию.

Когда-то аварцы совершали через ту сторону набеги в Грузию. Последний такой набег был предпринят молодцами Шамиля, «борцами за свободу». Убивая и грабя, пронеслись они по мирной земле Кахетии, вернулись с добычей и пленниками, среди которых оказались две грузинские княжны (в обмен на них царь отдал Шамилю сундук серебряных монет и его сына, русского офицера, который умер вскоре, тоскуя по России).

Теперь местные жители ездят этим путем в Грузию по своим делам. А если бы проложить через перевал автомобильную дорогу, было бы прямое сообщение между Махачкалой и Тбилиси. Но такого сообщения нет, и приходится ездить в окружную, через Баку или Орджоникидзе. Да и много ли ездят? Дагестанец в Тбилиси или грузин в Махачкале — гость редкий. А ведь соседи, живут бок о бок. Покрыть бы горы Дагестана современными дорогами, настроить гостиниц — край стал бы Меккой мирового туризма, затмил бы своей славой Швейцарию. А какие чудесные здесь места для горных курортов! Особенно в ближних к Чечне и Грузии районах, где еще сохранились великолепные сосновые леса, перемежаемые зелеными, усыпанными цветами полянами.

Идет машина. Поднимаю руку. Остановилась. В кабине, рядом с шофером, женщина — как выяснилось потом, секретарь сельсовета. Влезаю в кузов. Какие-то ящики, двое мужчин в брезентовых плащах с капюшонами.

43. Селение Мусрух с семиэтажной сторожевой башней

— Куда едете?
Назвали селение.
— Это где?
— Тляратинский район.
— Я поеду к вам.
— А зачем?
— В гости.
— Давай.
— А вы кто?

44. Оборонительная башня в с. Хотода

— Сельпо. Потребкооперация.

Проехали совсем немного — дорогу пересекает вздыбившаяся речка, один из многочисленных боковых притоков Аварского Койсу. Моста как не бывало. Шофер не рискует переезжать. Да и что толку? Там, дальше, еще два таких же препятствия. Поворачиваем обратно. Я рассчитываю доехать до райцентра Советское и там переночевать в го-

45. Дорога в горах Дагестана

стинице. Но они остановились у домика дорожного смотрителя.

Опять начался дождь. Они стали разгружать машину. Я стал им помогать. Они не удивились и восприняли это как должное. Так же и я не удивлялся и воспринимал как должное, когда в каком-нибудь селении незнакомый человек подходил ко мне, приглашал к себе и, согласно правилам горского этикета, снимал с моих плеч рюкзак.

Мы переночевали у смотрителя. Утром шофер поехал к тому

месту проверить, не спала ли вода, и вернулся: еще прибавилось. Они собирались в путь пешком.

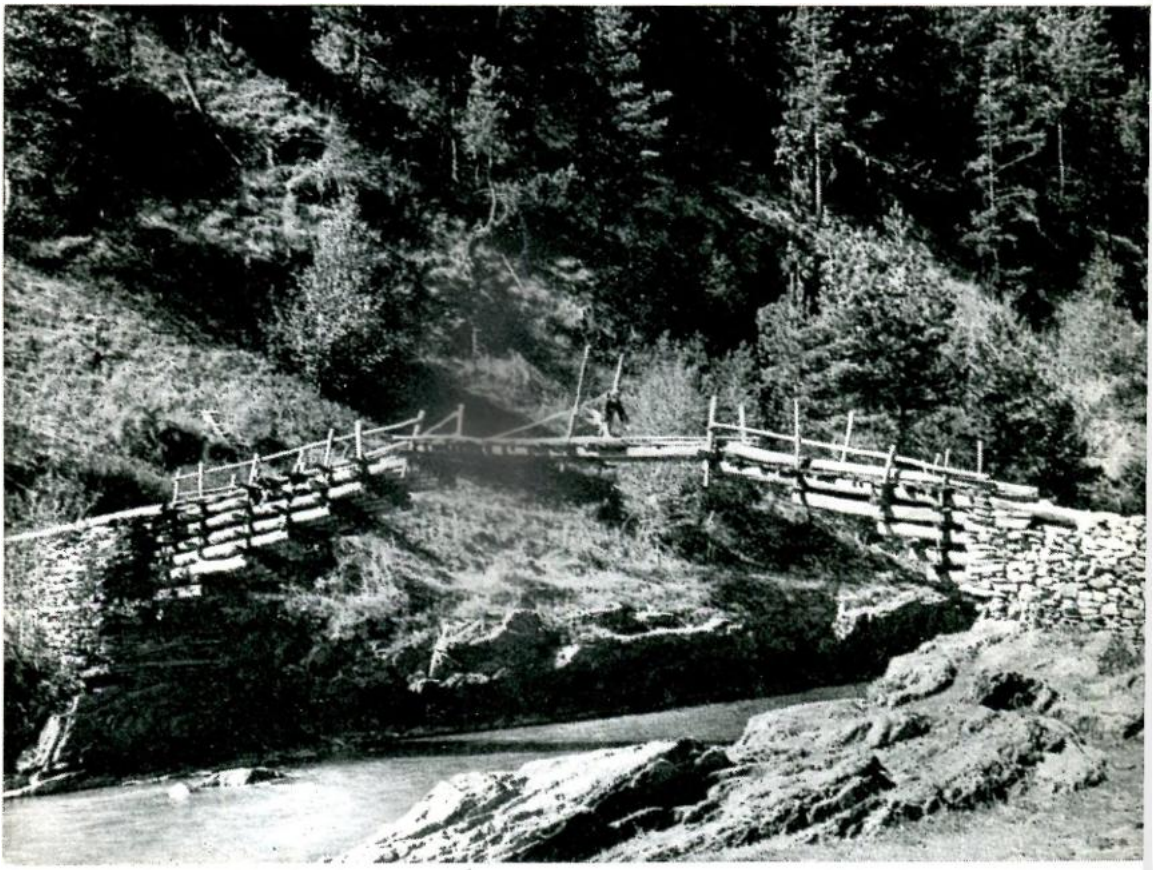
— Пойдешь с нами?

— Далеко?

— Да как идти. Километров тридцать пять.

— А как переходить речку будете?

— Поднимемся вверх, там должно быть меньше воды.

46. Мост старинного типа в горах Дагестана (Цунтинский район); такие мосты в старину были распространены на Кавказе, в Передней Азии и в Западной Европе

Нет, видимо, мне все же придется возвращаться в Махачкалу.

— Я в Советское пойду.

— Там тоже дороги нет.

— Ничего, пройду.

— Ну, тогда счастливого пути.

— Всего вам доброго.

Иду. То и дело дорогу заливает ручьями стекающая из ложбин вода. Она размывает, портит полотно. Потом, после

дождей, когда возобновится движение, машины будут месить грязь, и образуются большие рытвины. Машины разобьют дорогу, а дорога будет калечить машины. Неужели трудно в местах, где стекает вода, проложить под полотном трубу? Сделать это нетрудно — трудно подумать о том, что это надо сделать. А сколько людей гибнет на этих дорогах. То и дело встречается белый флаг, установленный у обочины. В Дагестане есть такой обычай: родственники устанавливают белый флаг на месте гибели близкого человека. Значит, здесь случилась авария и погиб шофер. Если два флага — значит был пассажир. Если группа флагов — в кузове было несколько человек...

До райцентра не дошел. Дорогу пересекает поток. У берега на камне сидит парень.

— Как тут перейти?

— Перейти нельзя.

— А если подняться вверх?

Пожимает плечами.

— Чего же ты сидишь здесь?

— Говорят, трактор будет идти, на нем перееду.

— Когда будет трактор?

— Не знаю. Может быть, не будет.

Чтобы я вот так сидел и ждал, будет или не будет трактор? Или трое суток ждать, пока спадет вода? Я перейду этот поток!

Снимаю брюки, кладу их в рюкзак, завязываю его потуже. Обуваюсь (соображаю: дно неровное, каменистое, босиком нельзя). Парень с интересом смотрит на меня. Я покажу этому меланхолику, как надо переходить горные реки! Решительно иду в воду. Шаг-другой — сбило с ног — понесло. Все же выбрался, причем с той стороны. Руки-ноги в ссадинах, но голова цела.

Парень говорит:

— Один так вот переходил, теперь в Каспийском море плавает.

Ничего не отвечаю. Надел брюки. Снял мокрую рубашку, при этом она лопнула на спине. Пошел, размахивая рубашкой, как флагом, чтобы скорее высохла.

Смотрю — на зеленом лугу брезентовые палатки. Неужели это мои друзья-этнографы? Направляюсь к ним. Нет, это геологи. Я никого из них не знаю. Напоили горячим кофе. Шофер дал свою рубашку. Просил его сказать свой махачкалинский адрес, куда бы я мог ему потом рубашку отнести.

— Да что ты! О чем разговор!

Так и осталась она у меня. В ней я немало поколесил потом по Дагестану.

А назавтра — чистое небо, ясное солнце. И я пошел в Гидатль.

Между прочим, в словах Гидатль, Согратль и т. п. «тл» произносится как один щелкающий звук. Произносится не прямо, а в сторону, ударяя языком в щеку. Я как будто научился его воспроизводить. Так, по крайней мере, мне казалось. Но вот слово «Антльратль» (есть такая местность в Аварии) выговорить никак не смог. Имеются в аварском языке и другие непостижимые для нас звуки. Чтобы выучиться говорить по-аварски, нужно родиться аварцем или иметь особый талант. Но на Кавказе есть языки и похлеще.

Долина, в которой расположены селения бывшего «вольного общества» Гидатль, славится у окрестных жителей своим плодородием. Но ни климатом, ни почвой она не отличается от других. Просто культура живших здесь людей была в прошлые времена более высокой. Это сказывалось и в земледелии и, между прочим, в архитектуре и искусстве. Гидатль отличался насыщенностью памятниками старины, памятниками своеобразного искусства. Совсем недавно это был подлинный музей народного творчества. Теперь здесь от старины мало что осталось.

Селения общины Гидатль расположены, главным образом, в пониженной части котловины, занимая сравнительно невысокие склоны по обе стороны речки. Некоторые селения находятся на горе, и к ним ведет извивающаяся серпантином дорога. При взгляде снизу на эту дорогу, с которой машина, кажется, непременно должна сорваться, непривычный человек может и усомниться в целесообразности лишний раз испытать здесь свою судьбу, но местные жители воспринимают этот путь, как горожане — езду на троллейбусе.

Кузов грузовика полон людей. Они оживленно переговариваются и громко смеются шуткам. Вообще лица людей здесь не озабоченные, не сумрачные, как то можно было бы предположить, если судить по условиям их жизни.

Дорога поднимается круто, местами градусов под тридцать, и идет по карнизу на склоне. Виражи столь крутые, что иногда машина должна разворачиваться на месте, давая задний ход, чтобы свернуть на следующий отрезок серпантина. Здешние шоферы — поистине виртуозы своего дела. Трудна и опасна их работа. Шофер в этих краях — уважаемый человек: от него многое зависит.

В горах хорошо поставлены всеобщее образование и медицинское обслуживание. Есть магазины, библиотеки, клубы. Но с транспортом дело обстоит хуже. Транспорт везде важен, а в горах особенно. Единственным средством пассажирского сообщения здесь являются попутные грузовые автомобили. Люди вынуждены приспосабливать свои поездки ко времени, когда пойдет машина, или часами ждать на

дороге. А ведь среди пассажиров могут быть и старики, и дети, и больные. Представьте себе поездку в открытом кузове зимой, если даже летом в вечернее время встречный ветер на ходу машины пронизывает до костей. В Армении или в Грузии микроавтобусы и маршрутные такси подходят почти к каждому селению, а в Дагестане почему-то этого нет.

По дороге встречаются женщины, несущие поклажу. Они идут, идут, согнувшись под тяжестью своей ноши, даже не оборачиваясь в сторону проезжающей автомашины. Дорога в Гента (самое высокорасположенное селение Гидатля) кажется бесконечной. Поворот за поворотом. Все выше и выше. Кажется — куда еще может быть выше. Но машина все идет дальше. Каково же тем, кто идет пешком да еще с грузом. Они идут, идут, для них это обычно, они и не думают, что могло бы быть иначе. И все это — женщины.

В Дагестане на дорогах то и дело видишь жинщин и девочек, согнувшихся под тяжестью ноши (то это сноп травы, то вязанка хворосту, то мешок с чем-то, то ведерный кувшин с водой). Однажды моим попутчиком был пятнадцатилетний мальчик. Он с гордостью заявил, что является отличником в школе.

— Молодец.

— У нас еще есть ребята, которые хорошо учатся.

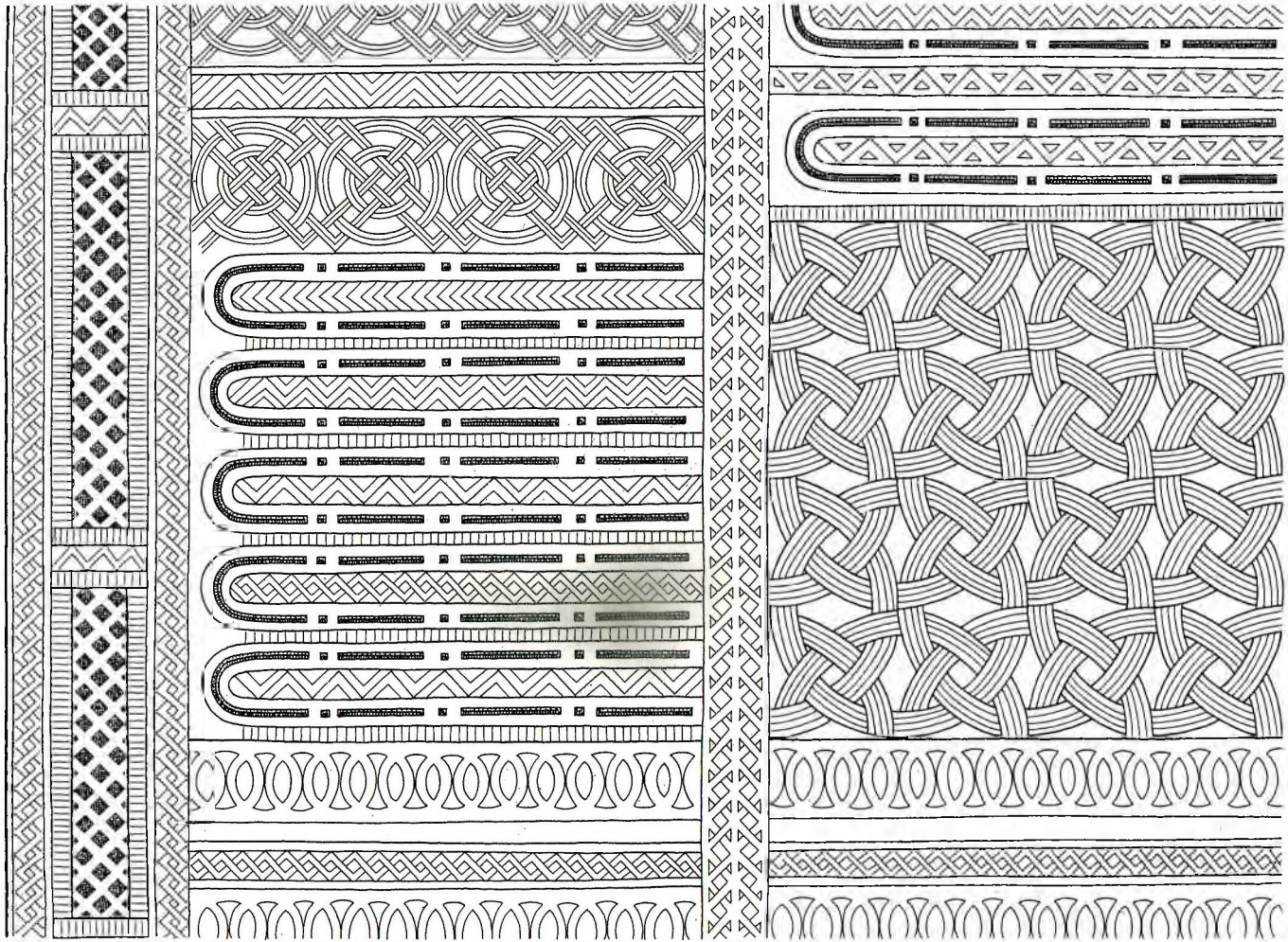
— А как учатся девочки?

— Плохо. Они же работают.

Молодые люди в горных селениях одеты хорошо, опрятно, модно, а у девушек, судя по их виду, нет времени следить за собой.

Пейзаж Внутреннего Дагестана — сплошное скопление громоздящихся гор. Будто земля хотела достать до неба. Горы хаотически идут в разном направлении, и картины перед путником все время меняются. Немного вверх или вниз, вправо или влево — и можно получить фотографии настолько разные, будто они сделаны в разных местностях. Горы каменистые, бурые, обветренные, без растительности — и здесь же луга, леса, долины. Ущелья хотя глубокие, но преимущественно широкие, горы идут не вдоль них, а как-то вразброс, поэтому ущелья обычно не темные. Вследствие разнообразия рельефа, дороги самые разные — от довольно широких шоссе до троп столь узких, что на них двоим всадникам не разъехаться.

Горы Внутреннего Дагестана грандиозны. Скалистые массивы, вздымающиеся над теснинами, ошеломляют. Селение прилепилось к крутому склону горы, как гнездо. На фоне титанических громад оно кажется игрушкой, выглядит как макет. В то же время оно не инородно в этой среде, а

как бы органично присуще своему окружению. Горное дагестанское селение имеет вид цельной компактной массы, коричнево-серой, как эти горы. Для человека, привыкшего к тому, что населенный пункт распластан на земле, по горизонтали, странно видеть поселение, дома которого расположены по вертикали, возвышаясь ярусами друг над другом, в виде как бы многоэтажного сооружения, усеянного, словно соты, темными впадинами лоджий. Как будто стоит один огромный многоэтажный дом с глазницами нерегулярно разбросанных окон; как будто видишь фасад огромного сооружения, впаянного в скалу. Селение вписано в пейзаж как часть этих гор — оно и есть их часть, из этого же камня и с таким же лаконично-суровым обликом. Старое селение выглядит интереснее, чем новое. Почему? В новых домах люди живут несравненно лучше, чем раньше. Но «лучше жить» — это еще не охватывает всего понятия культуры. В старой архитектуре запечатлена культура, складывавшаяся столетиями и тысячелетиями. Теперь произошла ломка всех прежних устоев. Формируется новый уклад жизни. Вспомним высказывания В. И. Ленина о том, что строительство новой культуры не происходит сразу, и что нельзя завершить этот процесс за полвека. Культура формируется столетиями. Поэтому материальная обстановка нового быта не всегда производит, в эстетическом отношении, впечатление более благоприятное, чем старая, хотя люди утилитарно обеспечены лучше, и былая всеобщая неграмотность сменилась всеобщей образованностью.

Люди тянутся ко всему новому, а новое идет из города. Они стремятся к новой культуре, но не всегда хорошо знают, в каких формах ей следует проявляться. Они воспринимают не всегда лучшие образцы городской культуры (и материальной, и духовной), потому что воспринимается, естественнее всего, массовое, количественно преобладающее, а оно не всегда является лучшим и представляющим высший слой культуры.

В горах Дагестана много строят. Как — это уже другое дело. Но повсеместно строят новые дома, в чем наглядно виден признак зажиточности. А старые дома сносят. Сносят без сожаления, не видя ценности в отживших свой век мрачных сооружениях, как бы символизирующих тяжелый быт и духовный мрак прошлого. О том, что это одновременно памятники культуры, имеющие историческое и эстетическое значение, не всегда задумываются. А иногда и знают это, знают даже, что данная постройка «находится под охраной»,— но разрушают ее ради строительного материала для возведения новой.

47. Средневековое грузинское влияние в резьбе по дереву; фрагмент из с. Уреда

А как им быть? «Если этот дом нужно сохранить, купите его у меня, мне нужен камень, чтобы построить новый

дом»,— так и говорят. Но денег им не дают даже на ремонт памятника архитектуры.

В гидатлинском селении Урада мне показали присланные из Махачкалы мраморные доски с золотыми надписями: «Памятник архитектуры такой-то. Находится под охраной». Но некоторые из этих памятников уже не существуют, другие перестроены до неузнаваемости. Можно ли людям запретить перестраивать свои дома? Они не хотят жить в средневековых жилищах.

48. Христианский храм грузинской архитектуры XI—XII вв. в горном Дагестане (близ с. Датуна)

В Гидатле грузинские кинематографисты засняли фильм «Музей под открытым небом». Боюсь, что к тому времени, когда он выйдет на экраны, этого музея уже не будет. Сохранять памятники архитектуры нужно, очевидно, не посредством навешивания на них охранных досок. Нужно проводить ремонт построек, представляющих собой историческую и культурную ценность, а в необходимых случаях — и

реставрацию. При этом частные владения следует выкупать. Сохраняемые постройки можно не только превратить в музейные экспонаты, но и практически использовать — например, в качестве элементов туристских комплексов. В Дагестане памятниками архитектуры являются не только отдельные постройки, но и селения в целом. Несколько таких селений, наиболее характерных, можно было бы сохранить, пока не поздно, реконструировать их и использовать в качестве туристских баз и гостиниц.

Приехать посмотреть — это не более чем развлечение, а если и удовлетворение любознательности, то на низшем уровне. Для обогащения души важно ознакомиться не только с объективной средой жизни людей (природой, постройками, предметами быта), но и с самой жизнью. Это расширяет кругозор не только в познавательном отношении, но и этическом. Для нравственного здоровья человека важно осознать, что его непосредственная среда, его жизнь — лишь деталь в этом большом и многообразном мире. И знакомство с искусством разных народов обогащает критерии оценок; это тоже способствует широте взгляда на вещи. Но мимолетное рассматривание развалин во время экскурсии оставляет зрителя отчужденным от этой архитектуры. Для туристов, совершающих переходы по горам Кавказа, было бы показательнее и интереснее останавливаться на отдых не в современного типа постройках и не в брезентовых палатках, а в реконструированных старинных зданиях.

Не все виды искусства получили одинаковое развитие в народном творчестве северокавказских горцев. Есть у них музыка, песни и танцы. Изобразительные живопись и скульптура почти полностью отсутствуют.

Интересно — почему? Вряд ли это можно объяснить неразвитостью художественного мышления аборигенов в прошлом. Для такого заключения нет оснований. Просто их эстетические представления развивались в иной, необычной для нас, сфере.

Мы привыкли к тому, что живопись и скульптура — искусства, существующие сами по себе, как особые формы эстетического освоения мира. Но не всегда они были самостоятельны. Вспомним, ведь не так уж давно живопись и скульптура служили религии. Но не всякой.

У кавказских горцев, вероятно, культовые представления не требовали изображений человека и других существ. А может быть, не только не требовали, но и запрещали? Здесь религией был культ Всевышнего в образе солнца. Этот культ требовал символики, а не изображений. Божество

49. Гидатлинское селение Урада

здесь было не существом (хотя бы и бессмертным), но неосязаемым духом.

Не отразились ли в условных, неизобразительных формах искусства кавказских горцев представления о духовной, неземной сущности божества? В древности искусство тесно было связано с религией. У тех народов, которые представляли себе божественное зримым, получили развитие живопись и скульптура; у тех же, в религиозных представлениях которых божественное не считалось подобным

земному, в искусстве разрабатывались условные формы. Запрет изображения существ в иудействе и исламе не был придуман основоположниками этих религий: он исходил из древнейших религиозных представлений. И иконоборчество в Византии не привлекло бы широкие народные массы, если бы его идея была всего лишь придумана отдельными мыслителями.

Правда, в древних наскальных росписях Северного Кавказа встречаются изображения лошадей, горных козлов и оленей, а также людей. Но обратим внимание на то, что исполнены они крайне схематично. И это не потому, что люди в те времена не умели рисовать. Судя по дошедшим до нас изображениям в пещерах Франции и Сибири, в пустынях Африки,— умели еще тысячи лет тому назад, причем не хуже, чем теперь. Просто не всегда ставили перед собой задачу изображать натуру. Задача могла быть иная — выразить лишь идею, и для этого выражения схематические фигуры людей и животных имели примерно то же значение, что и символы (с которыми они, кстати, обычно совмещаются в одних композициях). Вопреки мнению некоторых авторов, эти композиции — не зарисовки реальных бытовых сцен. Выполнение их было частью религиозно-магического действа, моления, обращенного к высшим силам. Выполнены они в такой манере, что их трудно назвать, в нашем современном понимании, искусством, так же как, например, рисунки детей.

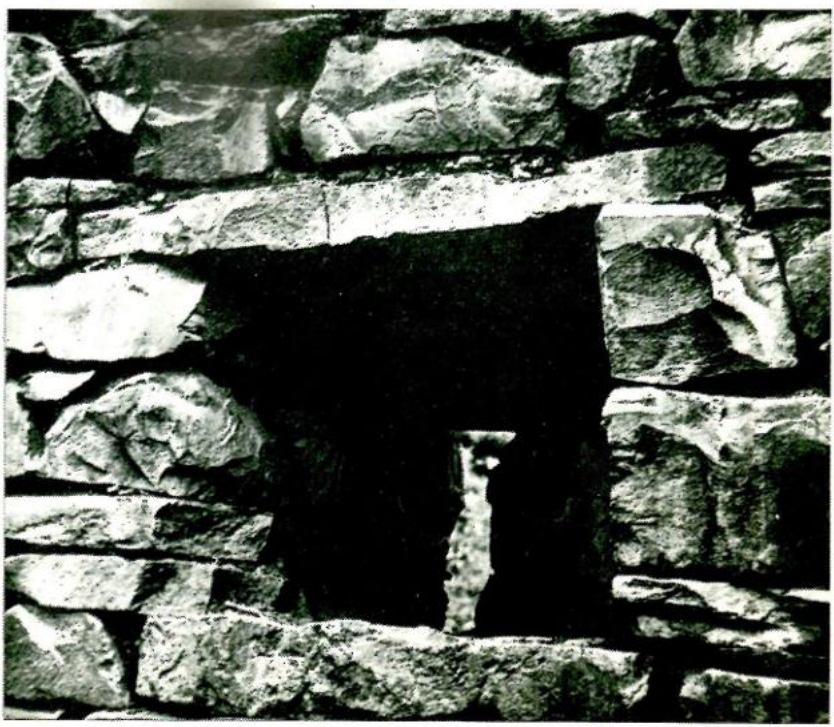
Только в одном селении северо-восточного Кавказа, в дагестанском селении Кубачи (и иногда в соседних с ним пунктах) выполнялись каменные скульптуры и изобразительные рельефы (относящиеся к XII—XV вв.). Но кубачинское искусство занимает особое место, оно не представляет весь Дагестан, это именно искусство кубачинцев.

Эстетическое чувство северокавказских горцев и их стремление к выражению своего мироощущения в художественных образах реализовывались в иных пластических формах — не натурально-изобразительных, а условных: высокой степени совершенства у них достигли архитектура и декоративно-прикладное искусство.

Здесь нужно внести ясность в то, о какой архитектуре и о каком декоративно-прикладном искусстве идет речь. Из того немногого, что читатель уже узнал, можно понять, что горцы — народ серьезный, прямой, на вещи смотрят по существу. Это, естественно, отразилось на их эстетических представлениях. В зодчестве и в том, что мы теперь назвали бы дизайном, они не склонны к украшательству, иллюзорности, манерности, вычурности. Это искусство создавалось без стремления удивить, поразить эффектом.

Вся история кавказских горцев на протяжении тысячеле-

50. Старинные, ныне заброшенные жилые дома в с. Муккутль

51. Амбразура в стене жилого дома

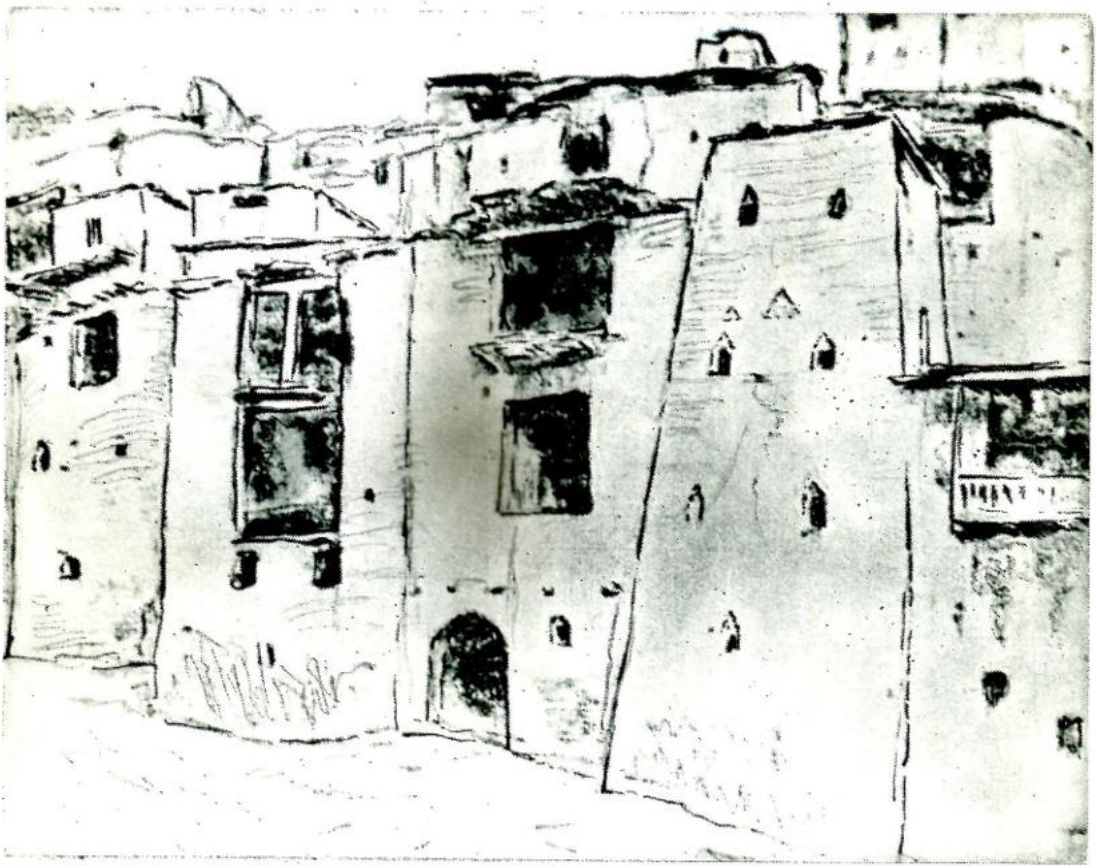

52. Традиционные трехэтажные дома: в первом этаже хлев, во втором — сеновал и сарай, в третьем — жилье (с. Бакни)

тий — это бесконечные войны, постоянная борьба против врагов и при этом вечные междоусобные распри. А природа гор сурова, не балует живущих здесь людей, и много нужно трудиться, чтобы прокормить себя и семью.

Когда видишь эту природу, понимаешь, какое влияние она оказывала на формирование духовного строя местных жителей, в том числе их эстетических представлений. Но влияние это было косвенным. Оно не выразилось в побуждениях изображать виденное. Лишь подчинение ритмам зримой при-

роды отразилось на их искусстве. Оно сурово и монументально, как местный пейзаж, оно не знает регулярности, ибо ее нет ни в горном ландшафте, ни в деятельности людей, живущих в этих условиях (природа здесь такова, что у людей и мысли не могло возникнуть о ее преобразовании — к ней можно было только приспосабливаться). Насколько японцы эстетически чутки к природе, настолько

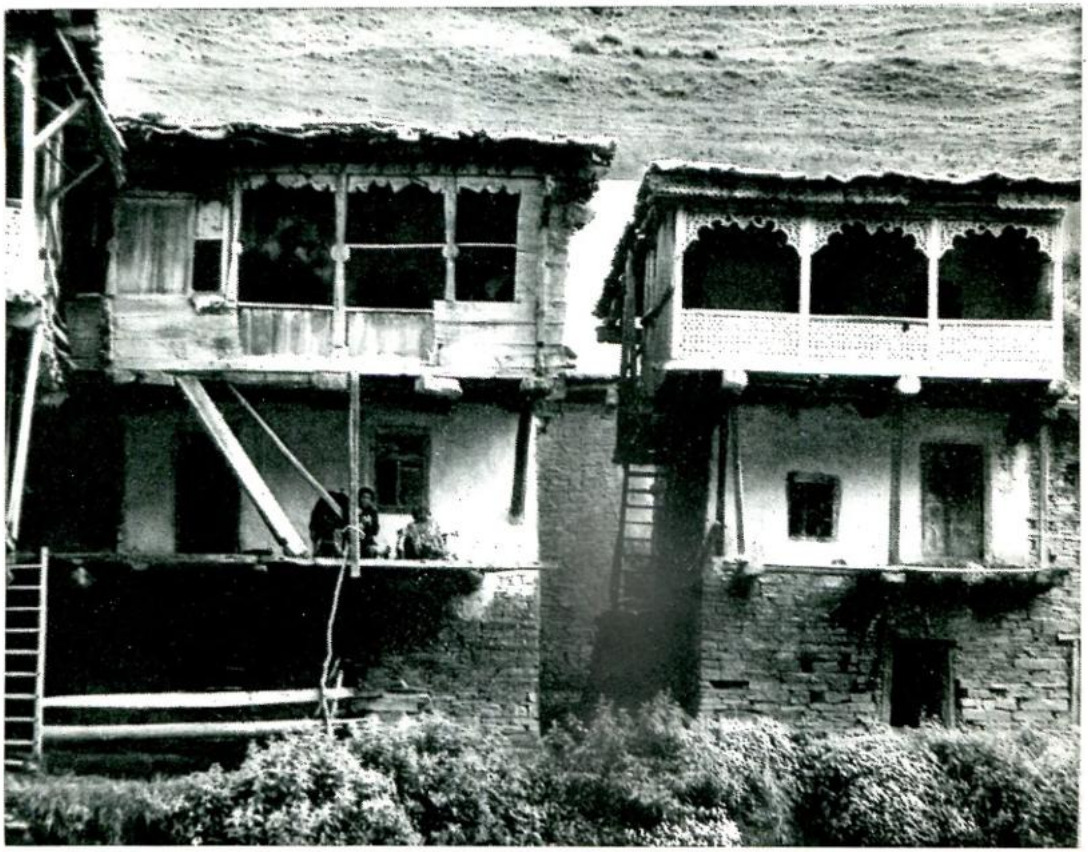

53. Старинные башенные жилища в с. Урада. Рисунок худ. Е. Е. Лансере, 1925. Дагестанский музей изобразительных искусств

кавказские горцы глухи к ней. Древняя японская религия основана на обожествлении природы; для кавказских горцев природа — это просто суровые условия жизни, а поклонялись они высшим силам бытия. В Японии новобрачных обмахивают зеленой ветвью — на Кавказе их проводят под обнаженным клинком кинжала.

Селение за селением проходил я Дагестан. Я видел горцев не на подмостках эстрады и не из окна автобуса. Один, не стесняя естественности их поведения (что всегда де-

лает группа приезжих), я видел их в повседневном быту, в неторопливых беседах на годекане, на работе в поле, в лесу и на постройке, разделял с ними их скромные трапезы и пил на их бесхитростных празднествах, ночевал в их домах, ездил с ними на машинах и верхом, ходил по горным тропам с проводниками и случайными попутчиками. Сотни встреч. Это позволяет судить о характере народа.

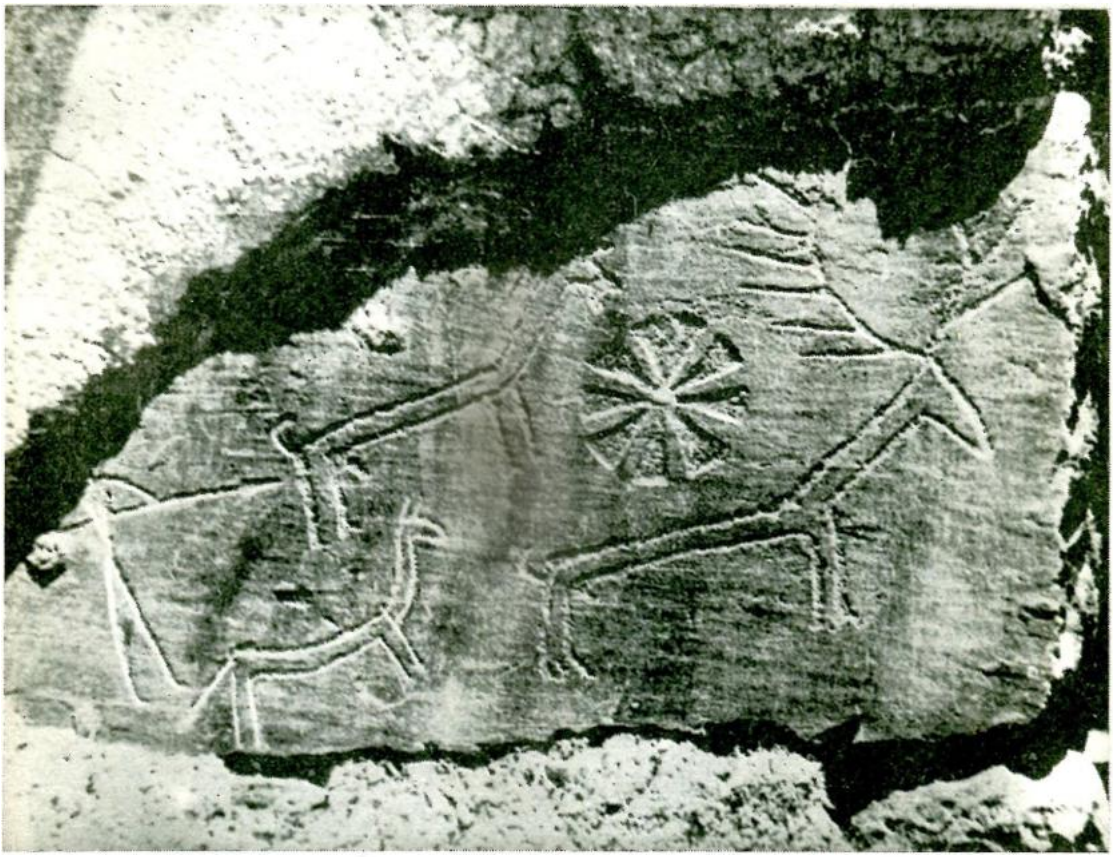

54. Дома в пограничном с Грузией Цунтинском районе (с. Бежта); в декоре балконов — влияние закавказских форм

Суровость — не то слово. Определенный аскетизм; горцы непритязательны, спокойно относятся к недостаточности удобств и не падки на удовольствия. Но не мрачны и незлобивы. А. Л. Зиссерман пишет, что кавказский горец — «своего рода пуританин: трезвый, приличный, не допускающий никакого безобразия, горделиво и с достоинством всегда себя держащий, он презрительно относится к некоторой распущенности наших нравов»[8]. Чабан из глухого, заброшенного в горах аула умеет соблюдать приличия и держаться, уважая

других и себя,— лучше горожан (включая москвичей). Доброжелательность, но без азиатской слащавости, серьезность, прямота и простота. Таков характер кавказских горцев — и таково их искусство.

«Основной особенностью архитектурного языка народных мастеров Дагестана является его предельная простота и непосредственность, прямота выражения мысли,— писал в своей

55. Средневековое изображение сцены охоты; розетка — эмблема солнца — означает пожелание добра, удачи, благоденствия. Резной камень в с. Хуштада

диссертации Г. Я. Мовчан. — Здесь каждая форма целиком и полностью продиктована прямым ее смыслом, прямым назначением, для которого она создана в действительности. В трактовке любого элемента обнаруживается полное отсутствие декорации, условности, иносказания, зрительного выражения не существующих в действительности явлений. В любой форме нет ничего кроме показа ее сути, того, что заложено в ней, так сказать, по ее природе и без чего немыслимо самое ее существование. Вторая особен-

ность архитектурного языка горских мастеров — помимо его простоты — его решительность, я бы сказал, безапелляционность. Мысль всегда высказана без колебаний, прямо, твердо и уверенно»[9].

Такие качества самобытного зодчества северокавказских горцев — простота, строгость, прямота — делают его в чем-то созвучным современной архитектуре, положительно воспринимаются современным эстетическим вкусом, которому импонируют претенциозность, манерность, напыщенность.

Нужно побывать в горах Дагестана, чтобы почувствовать характер здешнего пейзажа. Титанические громады скалистых гор кажутся мрачно-отрешенными. Горы, горы, бесконечные подъемы и спуски, повороты и обходы, все время все те же скалы и склоны.

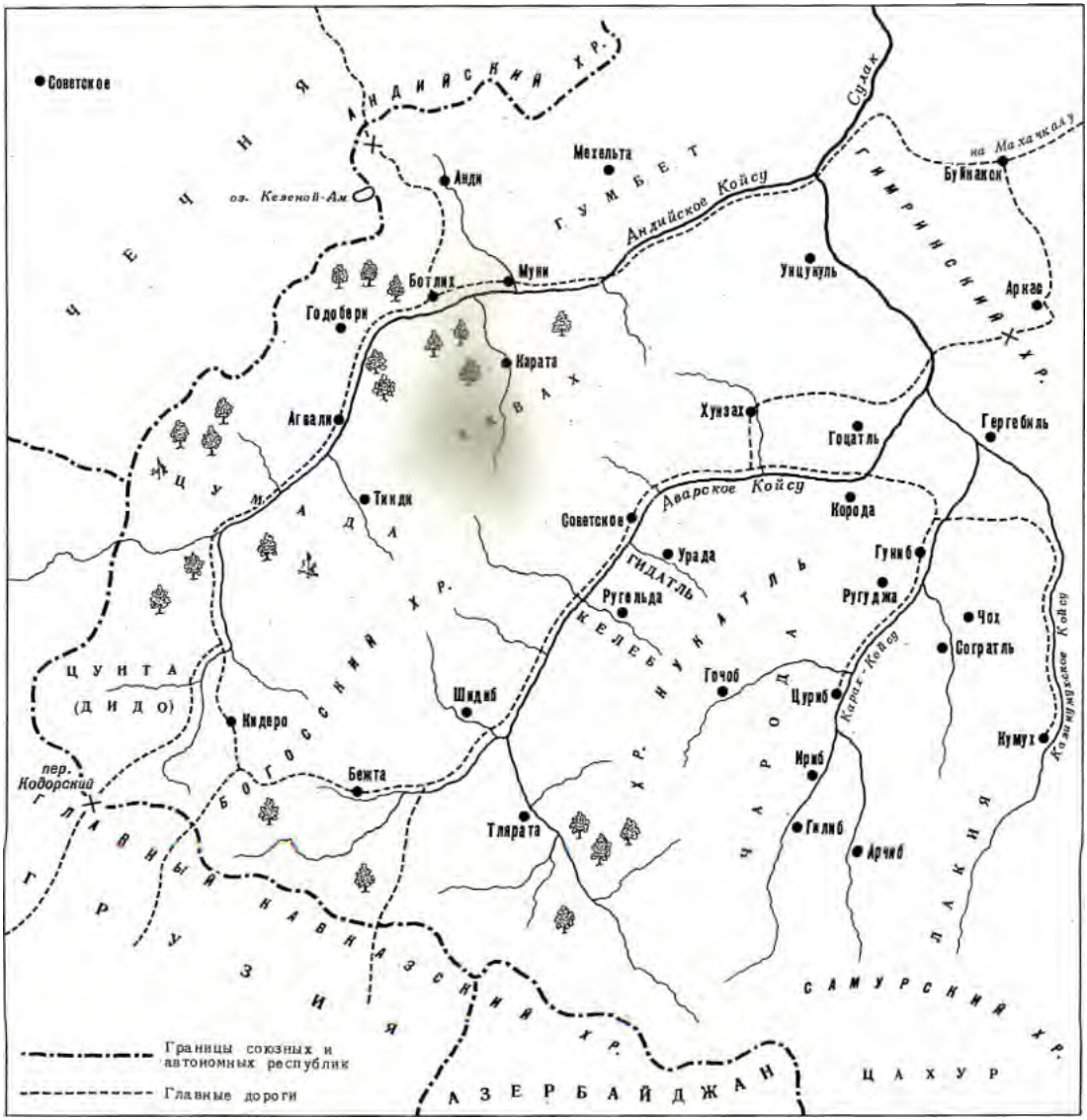
Вот на голом склоне горы — поселение. Рожденные из камня этих гор, каменные коробки с плоскими крышами теснятся друг к другу.

В этом суровом краю, в этой суровой жизни, где человеческие отношения предстают не в оболочке театрализации условностей и фикций, а во всей обнаженности своей сути, не было места искусству для искусства. Люди строили дома, делали нужные им вещи — и в сфере этого материального производства возникло и естественно развивалось искусство предметного мира: архитектура и дизайн.

Есть и орнамент — волнующий не богатством формы, а силой лапидарной пластики. Здешний орнамент — не просто декор. Орнаментальное искусство северокавказских горцев вплоть до XIX века сохранило свой архаический характер. Этот орнамент предназначен не для того, чтобы всего лишь украшать здания и вещи. В нем сохранились первобытные формы, представляющие собой древние идеограммы. В этих абстрактных начертаниях люди когда-то выражали свои представления о мироздании. Люди верили, что посредством них приобщаются к высшим силам бытия, и относились к ним не как к забаве для глаз, а как к практическим вещам, как к чему-то реальному, нужному в жизни.

Но много ли самобытного искусства увидит досужий посетитель в горах? Вряд ли. В течение последних веков и особенно последних десятилетий здесь происходили кардинальные перемены в материальной и духовной жизни. Волны внешних влияний (отнюдь не всегда благотворных) смывали и покрывали привнесенными чертами сугубо местное, самобытное искусство. Теперь уже и для постороннего взгляда и для здешних жителей кажется, что Дагестан, Чечено-Ингушетия и Северная Осетия — в области народного искусства это культурная провинция Передней Азии или, в лучшем случае, Закавказья. Нужно переворошить груды наносного, чтобы найти крупицы подлинно самобытного.

Карта-схема
Среднего
(Восточного)
Дагестана

На земле хазар

Кумыки населяют предгорья и «плоскость» (так на Северном Кавказе называют равнину) северо-восточной части Дагестана. На этой территории находятся почти все города ДАССР: Махачкала, Буйнакск, Хасавюрт и др.

Столица республики получила свое название в честь Махача Дахадаева, одного из видных борцов за Советскую власть, погибшего от рук белогвардейцев. Раньше город назывался Петровск-Порт. Он был образован в 1857 году из форштадта крепости Петровское, названной так потому, что на этом месте, по преданию, в 1722 году стоял лагерем Петр I во время своего похода против Персии. Первая русская крепость в районе нынешней Махачкалы заложена в 1821 году возле селения Тарки, где была резиденция кумыкского шамхала.

До революции главным городом Дагестана был Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск, названный так в честь революционера Уллубия Буйнакского). Здесь 13 ноября 1920 года на Съезде народов Дагестана была провозглашена Советская автономная республика Дагестан.

Русская крепость Темир-Хан-Шура была основана в 1832 году на месте одноименного кумыкского селения и получила статус города в 1866 году. Название это как будто означает *«озеро хана Тимура». Здесь раньше было озеро,* у которого, согласно преданию, находилась резиденция Тамерлана во время его похода против Золотой Орды в конце XIV века. Ханом Орды тогда был Тохтамыш, который после поражения татар на Куликовом поле сумел снова подчинить себе Москву. Разгром Золотой Орды — единственное доброе дело, совершенное Тимуром, если только можно назвать добрым делом очередную кровавую резню. Нанеся золотоордынцам поражение, войско Тимура ворвалось в их столицу Сарай. Грозным татаро-монголам, потрясавшим Русь, пришлось на себе испытать то, что они делали с другими. Город был уничтожен и больше не возродился, так что и место, где он стоял, оказалось забытым.

Кумыкский язык, в отличие от языков других дагестанских народностей, относится не к кавказским, а к тюркским. Получилось это так.

В IV веке на Северном Кавказе появились монгольские гунны. Разгромив здесь алан и готов, они двинулись даль-

ше, в Европу. Но часть их осталась. Остались входившие в гуннскую орду булгары и савиры. Савиры, обитавшие раньше на р. Урал, были потомками одного из древних племен Евразийской степи. Еще в начале нашей эры они, как и все прежнее население Средней Азии и Казахстана, были завоеваны вышедшими из Алтая тюрками, частично смешались с ними и восприняли их язык и веру. Теснимые другим народом, вышедшим из глубин Азии,— аварами, савиры отошли в приморский Дагестан и здесь смешались с местным населением. Так началось формирование кумыкской народности.

В VI веке гуннов в Дагестане сменили хазары, тоже выходцы из глубин Центральной Азии. Объединив под своей властью племена северо-западного Прикаспия, они образовали мощное, хотя, как показала история, внутренне непрочное государство. Равнина и предгорья Дагестана входили в состав Хазарии. Здесь находился город Семендер — столица хазар до середины VIII века, когда, вследствие нашествий арабов, столица была перенесена в Итиль на Волге; Семендер был в 965 году разрушен киевским князем Святославом.

Надо полагать, среди предков кумыков было немало хазар. Савиры занимали территорию от Дербента до Махачкалы. А на пространстве от Махачкалы до р. Терек, где теперь живут тоже кумыки, обитали хазары. Они, как и савиры, были тюрко-язычными.

Хазарское царство образовалось в VII веке. Правитель савиров был вассалом и союзником хазарского царя. В VIII веке они совместно оказали упорное сопротивление арабам. Арабы в то время, одерживая победу за победой, захватили огромные пространства: на западе — всю Северную Африку и Испанию, на востоке — Иран и Среднюю Азию. Но Дагестан оказался крепким орешком. Подчинив себе все Закавказье, арабы на протяжении более ста лет совершали многократные походы в Дагестан. Как свидетельствуют средневековые авторы, территория, где теперь живут кумыки, была буквально опустошена. И тем не менее арабам не удалось закрепиться севернее Дербента. Если бы арабы тогда не были остановлены хазарами и савирами, они могли бы пройти в южнорусские земли, насадить там ислам — и кто знает, как далее сложилась бы история восточных славян.

Арабам удалось навязать мусульманство части населения на юге Дагестана, но непосредственно в результате их вторжений Дагестан не стал мусульманской страной. Ислам утверждался в Дагестане позднее, благодаря миссионерской деятельности из Средней и Передней Азии, Ширвана и Дербента, а также усилиями местных феодальных владетелей. До X века в Дагестане господствовало язычество; при этом среди аварцев, лакцев, табасаран существенным влиянием

пользовалось христианство, бытовавшее местами до XIII—XIV веков, а в некоторых районах часть местных жителей исповедовала иудейство. Горцы сопротивлялись обращению в мусульманство. «Ислам» значит «покорность», дагестанцы же тогда не знали тиранических порядков и привыкли к личной свободе. Жизнь дагестанских общин строилась на основе традиций — адата, а новая религия утверждала шариат — мусульманское право, основанное на Коране и чуждом местному населению укладе жизни. Только после походов Тимура, который поголовно истреблял «неверных», население Дагестана было окончательно обращено в мусульманство, которое затем, в XIX веке, было укреплено усилиями Шамиля. Хазарское царство прекратило свое существование после того, как в X веке было разгромлено Святославом. Часть хазар,— очевидно, те, которые жили кочевым бытом,— смешались с нахлынувшими в степи Северного Кавказа половцами, а те, которые были оседлыми, вероятно, вошли в состав предков кумыкского народа. Судя по некоторым данным, хазары, как и савиры, в значительном своем числе были антропологически не монголоидными. Во всяком случае, у нынешних кумыков монголоидность выражена очень слабо — не более, чем среди русских Поволжья.

Основным же этническим субстратом кумыкской народности следует считать исконно аборигенное население. Кумыки говорят на тюркском языке, но по внешнему облику и, особенно, по культуре это кавказцы. Правда, их архитектура, будучи связана с зодчеством остального Дагестана, в то же время отражает влияние Ирана, а орнаментика — степного Предкавказья.

Последний элемент в искусстве кумыков, однако, не является ведущим и при этом генетически связан, вероятно, не с их тюркскими предками, а с художественной культурой всей северокавказской степи. Если среди их предков были входившие в хазарское объединение савиры и, в какой-то степени, может быть, сами хазары, то это еще не значит, что материальная и художественная культура кумыков представляет собой наследие того, что было оставлено этими народами.

От хазар вообще не осталось ощутимого культурного наследия. Хазары объединили под своей властью многочисленные людские контингенты и, таким путем, образовали значительную для своего времени военно-политическую силу. Но когда это объединение распалось, от них осталось только воспоминание. Хазары не создали государства, которое отличалось бы какой-то определенной культурой. Очевидно, потому, что культура хазар была примитивной и они в этом отношении не могли ничего дать подвластным им племенам.

Рядом с кумыками живут даргинцы. Исследователи полагают, что местными, кавказскими предками кумыков были племена,

родственные даргинцам. С другой стороны, в формировании даргинской народности участвовал тюркский элемент, хотя и в гораздо меньшей степени, чем это имело место среди предков кумыков. Территория, которую населяют кумыки и даргинцы, когда-то находилась под властью хазар, и это предопределило общие исторические судьбы здешнего населения в средние века. В то же время о глубинном родстве этих двух народностей свидетельствуют сходные черты в их материальной культуре, в их зодчестве и искусстве.

О том, что собой представляло зодчество кумыков и даргинцев до их присоединения к России, мы почти ничего не знаем: слишком недолговечны местные постройки. Археологи производили раскопки столицы савиров — Варачана. Архитектурные черты тех строительных остатков, которые представилось возможным в этом отношении исследовать, указывают на соответствия больше с Южным Дагестаном, чем с нынешним зодчеством на этой территории. У одного из средневековых арабских авторов есть беглое описание домов в Семендере, из которого как будто явствует, что крыши построек были выпуклыми, а стены плетневыми. Конструкция стен в виде плетня, обмазанного глиной, была распространена в приморском Дагестане (как и по всему Северному Кавказу) вплоть до нашего времени; теперь она вытеснена саманом*. А выпуклые крыши до сих пор обычны у северных кумыков (кстати, они известны и в Закавказье, куда, как и в приморский Дагестан, занесены, вероятно, из среднеазиатских степей).

У остальных кумыков жилище имеет несколько иной вид. Впрочем, назвать его кумыкским можно лишь условно, потому что оно бытует также на части территории Аварии и Даргинии. Это протяженная в плане постройка, но не с выпуклой, а с плоской земляной крышей. Интересно, что стены дома — каменные и не оштукатуренные, хотя в прикаспийской полосе саман и штукатурка давно известны и широко применяются. Вдоль фасада идет навес на столбах — галерея. Жилище состоит из двух-трех комнат, расположенных в ряд. Обычно для повседневной жизни семьи используется лишь одна из них. Вторая — чисто убранная и обставленная вещами — является как бы парадным помещением. Естественно, что не в повседневной, а в парадной комнате принимают гостя. Но специальной комнаты для гостей, «кунацкой», у кумыков и даргинцев, как и у других дагестанцев (а также чечено-

* Саманом называется высушенный, т. е. необожженный, крупный кирпич, изготовляемый из глинистого грунта с примесью соломенной сечки, откуда и название этого строительного материала (по-тюркски саман — значит «солома»).

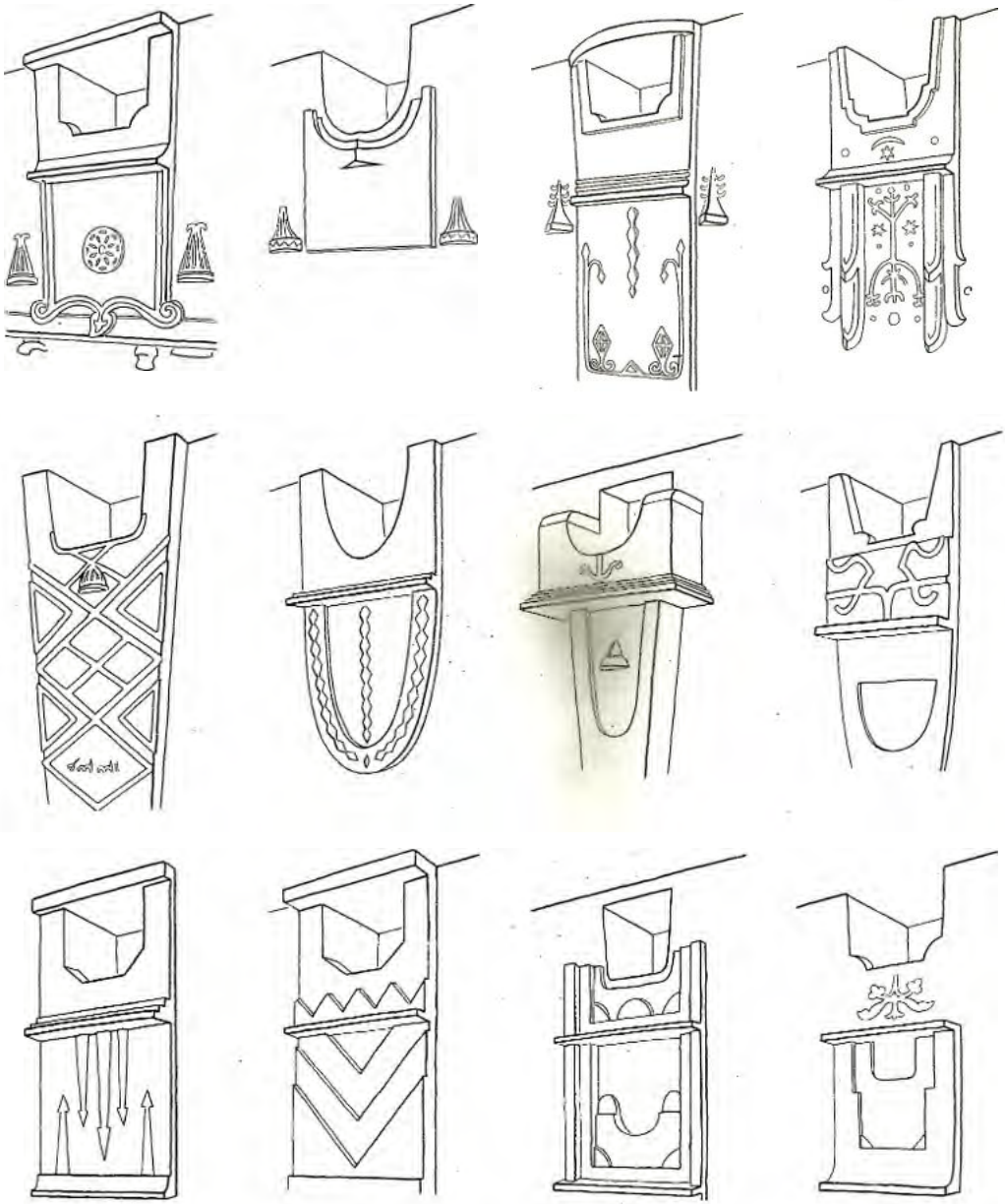
ингушей и осетин),— нет (она имелась раньше у черкесо
и кабардинцев, причем не у всех, а лишь у достаточно
состоятельных).

Прежде всего бросается в глаза в кумыкском жилище исключительная чистота. Не только в комнатах, но даже во дворе — буквально ни соринки. Навоз от скотины, которую на ночь загоняют во двор, утром собирают, чтобы вывезти его в поле,

56. Традиционный жилой дом кумыков (с. Маджалис)

а двор тщательно подметается. Полы и двор, так же как и надворные постройки, регулярно промазывают глиной или освежают жидким глиняным раствором. В некоторых местностях имеется белая глина, и из нее делают состав для отделки помещений: стены окрашивают в белый цвет, а полы — в серый (раствор подкрашивают добавкой порошка из древесного угля). Все деревянные детали интерьера — потолок, балки, столб, двери, полки, утварь — промазывают дегтем или нефтью. Таким образом, получается основа цветового оформле-

ния интерьера: белое и черное, а пол — синевато-серый или охристый. В цвет пола окрашивают и некоторые глинобитные детали постройки — например, ступеньку для утвари, идущую вдоль одной из стен, цокольную часть камина. Иногда этой краской акцентируют лепные рельефы. Белят стены не только в комнате, но и на галерее, поскольку она представляет собой как бы продолжение жилища на открытом воздухе. По дагестанскому обычаю, на галерее готовят пищу, выполняют разные домашние работы, летом спят, а зимой отдыхают на солнце.

У кумыков и даргинцев, как и у других жителей приморского Дагестана, полы в комнатах, по восточному обычаю, устланы коврами, стены увешаны цветными тканями, в нишах и на полках расставлена декоративная посуда. Это оформление, так же как планировка и общий вид жилища, создает облик дома, который русские авторы прошлого века называли сделанным «по персидскому образцу».

Архитектура Ирана известна по обильной и богато иллюстрированной литературе. Эти постройки с массивными стенами и куполами, с цветистым декором, облицованные яркими изразцами (подобную архитектуру можно видеть также в Средней Азии и Азербайджане), не имеют ничего общего с зодчеством народностей Северного Кавказа, в том числе Дагестана. Но в Иране есть и другая архитектура. Она не столь эффектна, поэтому не останавливала на себе внимание европейцев, искавших броской экзотики. По тем скудным сведениям, которые мне удалось найти в литературе, в северо-восточном Иране народное жилище как будто действительно сходно с тем, что я видел у кумыков, а также соседних им аварцев и даргинцев. Кстати, такое жилище в Дагестане называется «тавхана» — домостроительный термин, известный в Иране и Таджикистане. О том, что «тавхана» — тип дома в Дагестане сравнительно поздний, свидетельствует, в частности, наличие на территориях, где он распространен, следов других, более древних типов жилища. Например, у кумыков в старину жилище имело следующий вид. Жилая часть дома представляла собой помещение, разделенное перегородкой, в которой имелся у пола проем высотой около метра; он завешивался рядном. Первое отделение было проходным и неотапливаемым, а за этой «дверью» находился отсек, где на полу разводили огонь; над этим очагом висела цепь для котла.

57. Лепной декор каминов в старых кумыкских домах

В жилище же типа «тавхана» очагом служил камин. Камины украшены глиняной лепкой. Орнаментация эта богата и разнообразна. Мастера (вернее, мастерицы, потому что лепкой каминов, как и обмазкой стен, занимались женщины) обладали поистине неистощимой фантазией. Среди множества каминов вы не увидите двух одинаковых; даже просто похожие встретить трудно.

Стиль декора каминов выразителен. Это крупные, сочные, пластичные рельефы. В книге искусствоведа П. М. Дебирова «Архитектурная резьба Дагестана» собрано много интересных образцов архаической лепки каминов. Здесь смешалась символика древних культов богини плодородия и солнечного божества, есть и элементы поздней ближневосточной орнаментики.

Но стиль орнаментации лепных каминов Дагестана не аналогичен стилю художественной культуры Ирана, Азербайджана, Турции или арабских стран. Правда, на юге Дагестана проявляется влияние художественной культуры соседнего Азербайджана. Например, у цахуров камины декорированы лепкой, сходной с азербайджанской и даже среднеазиатской. Тем нагляднее отличие декоративной лепки каминов у кумыков, а также частично аварцев и даргинцев. Примечательно, что не только в Азербайджане, но даже в Грузии оформление каминов отражает характер художественной культуры народов, исповедующих ислам, тогда как в Дагестане оно имеет самобытный характер, связанный с древними традициями.

Где корни этого стиля? Может быть, в архаических, еще досредневековых, художественных традициях Ирана? Не знаю, в литературе я не видел ничего подобного. Может быть, это искусство сугубо местное по происхождению? Но никаких, ровным счетом никаких данных об этом у нас нет. Глиняная лепка ведь столь недолговечна.

Теперь камины почти нигде не используются. Во многих домах они если не замурованы, то прикрыты занавесками. Повсеместно в быт входят печки, которые бывают двух видов: металлические времянки, убираемые из помещения на лето (такие железные печурки распространены по всему Кавказу), и сделанные по их образцу стационарные глинобитные. Печки, очевидно, появились в Дагестане не ранее XIX века (для их обозначения служит русское слово «печь»).

Конструкция печки проста: прямоугольная камера, в которой сгорает топливо, установлена на четыре ножки; сверху металлический лист, на который ставится посуда с готовящейся пищей; продукты сгорания отводятся в стеновой канал при помощи жестяной или турлучной* трубы. В стене над печкой иногда имеется проем, через который берут из кухни еду, находясь в смежном помещении. Некоторые печки покрыты чугунными плитами с кольцевыми конфорками.

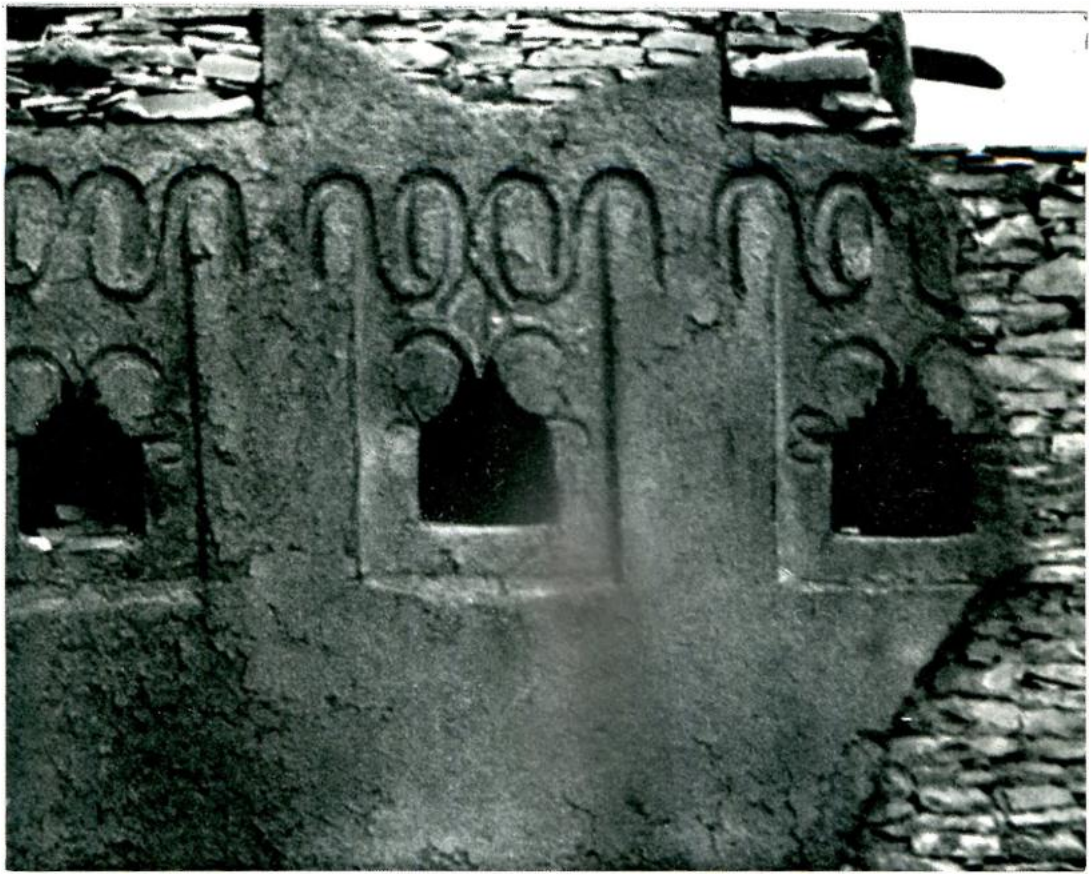
Теперь в новых домах устраивают печи более совершенного типа.

В предгорных селениях южных кумыков, а также даргинцев украшают глиняными рельефами бытовые ниши в домах, срезы на углах стен у ворот, иногда встречаются лепные

* Плетенной из хвороста и обмазанной глиной.

узоры на стенах построек. Представляется, что это очень древняя традиция, восходящая к тем временам, когда предки кумыков еще не назывались кумыками. В этой местности есть селения Гели, Дургели и т. п. Поневоле вспоминаются сообщения античных авторов о том, что в приморском Дагестане жил народ, называвшийся «гели»...

В одном даргинском селении мне довелось видеть несколько

58. Ниши и лепной декор в помещении старого дома; предгорная зона Среднего Дагестана

образцов глиняной лепной орнаментики, раскрашенной в два цвета: белый и серый. Формы этих орнаментов (растительные, усложненные по рисунку и композиционно регулярные) отражали художественную культуру, сформировавшуюся на Северном Кавказе под влиянием искусства Востока — влиянием, которое проникало сюда разными путями: из глубин Азии (посредством степных кочевников), из Передней Азии (прежде всего — Ирана), из Византии (через Абхазию, Грузию, Аланию). Орнаментация этого стиля свойственна искусству народ-

ностей степного Предкавказья: черкесов и кабардинцев, частично осетин, в некоторой степени кумыков.

В приморских кумыкских селениях есть постройки (главным образом, мечети) начала XX века со вставленными в кладку стен цветными керамическими барельефами: арабскими надписями, иногда изображениями льва или другого животного. Но строительная керамика и полихромия не свойственны самобытному зодчеству Дагестана. Наверное, эти изделия привезены из Азербайджана или Дербента.

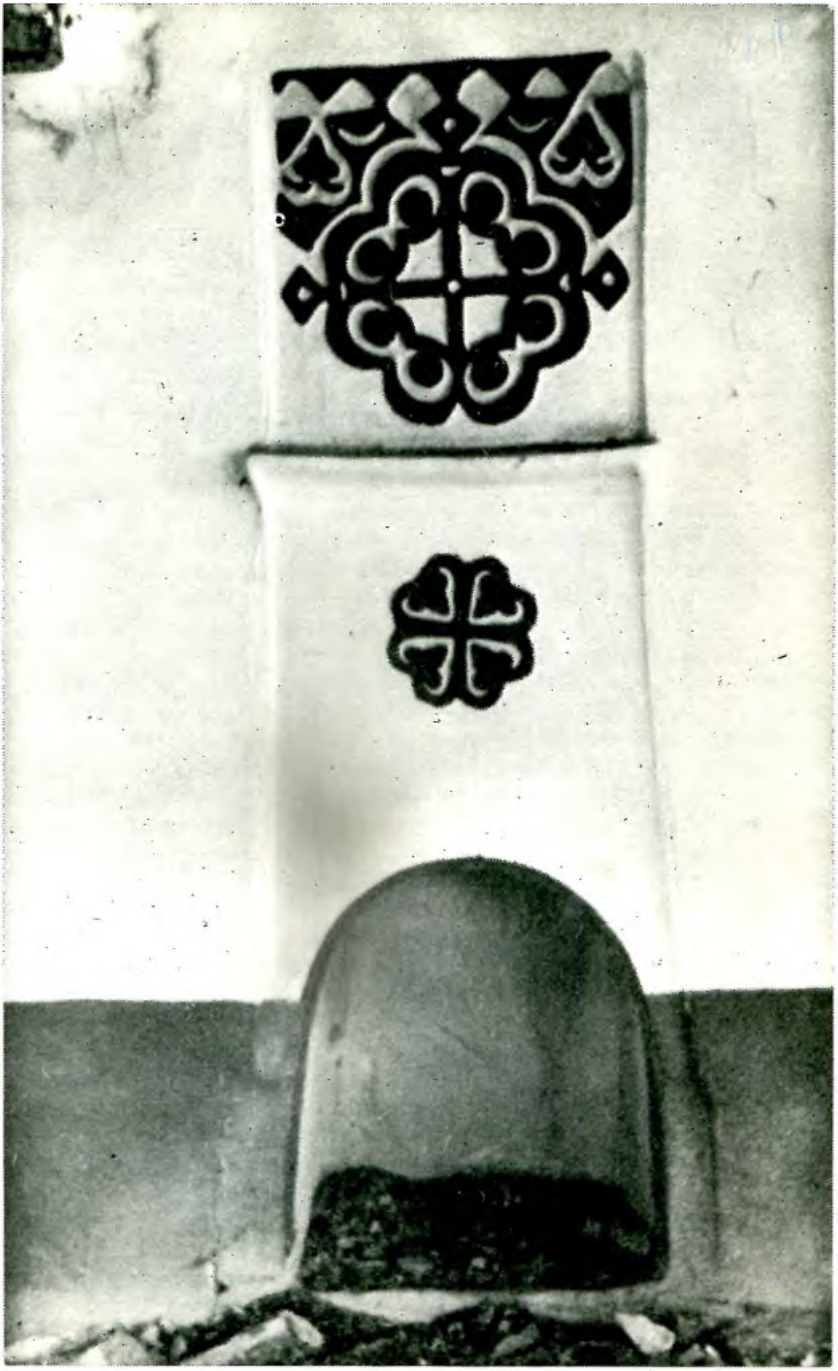
Интересна резьба деревянных деталей в кумыкских постройках. Их архаическая орнаментика выполнена не в восточном, а в горско-кавказском стиле. Однажды, в селении Башлыкент, мне показали резную деревянную подбалку, извлеченную из развалин старого селения Баршли (которое было разрушено русскими войсками в 1877 году). Она украшена рисунками розеток, выполненных в технике треугольно-выемчатой резьбы. И то и другое характерно для архаического искусства горного Кавказа и Восточной Европы. Ни Азия, ни Закавказье такого стиля не знают. В нынешних кумыкских домах или мечетях уже трудно встретить что-либо подобное. Этой уникальной вещи место в музее. Я сказал об этом.

— Пожалуйста, бери,— ответили мне. — Мы привезли ее на дрова, чтобы топить печь. Старое дерево хорошо горит. Но если ты говоришь, что нужно в музей,— бери. Бери бесплатно.

Легко сказать «бери». В карман, что ли, ее положить? Мне приходилось уже убеждать представителей местных властей в том, что памятники архитектуры и искусства следует сохранять, а отдельные изделия желательно отправлять в Махачкалу.

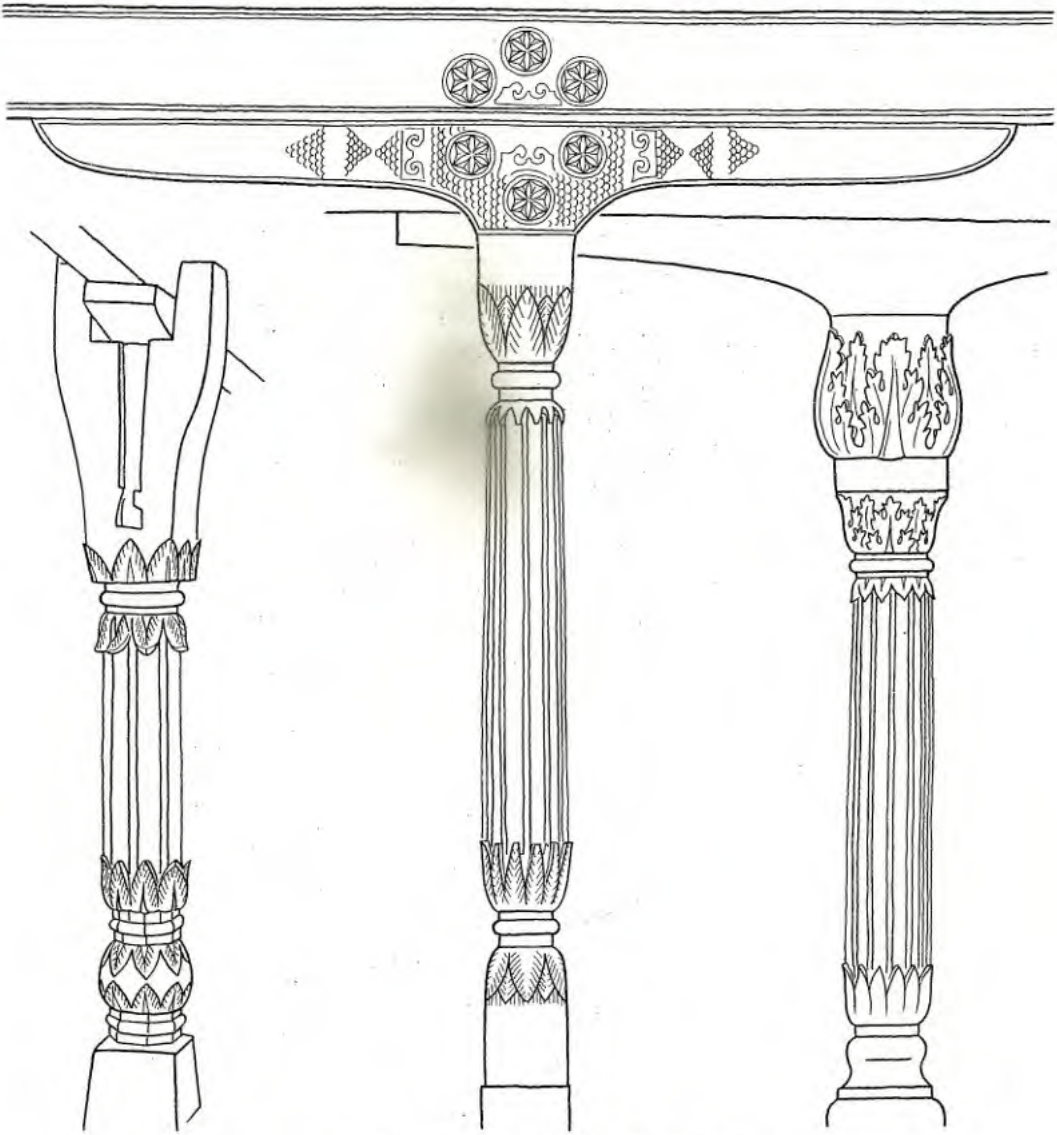
Что говорить! Читатель, наверное, уже догадался, что эту подбалку распилили на моих глазах. Я только успел ее сфотографировать. Исчез еще один памятник древности. Сколько их исчезло, оставшись неизвестными,— погибло в годы разрушительной Кавказской войны, погибло за последующие сто лет в процессе перестройки старого быта и приобщения его к современной цивилизации.

Встречаются в приморском Дагестане резные деревянные столбы и подбалки другого стиля, отражающие влияния, которые идут из Азербайджана, Ирана, Средней Азии. На одном из столбов я увидел даже классический акант, с тонким художественным чутьем использованный в оригинальной композиции и вырезанный с большим мастерством. Все эти внешние влияния трактованы тактично и дали в результате вещи отнюдь не подражательные. Нужно отдать должное местным мастерам: это были подлинные художники. Их изделия, созданные как согласно традиции, так и с использованием заимствованных мотивов, выполнены на уровне высокой художественной культуры.

59. Декор камина в с. Цураи; влияние стиля орнамента степных народов Предкавказья на орнаментальное искусство в приморском Дагестане

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 см

Однако с конца XIX века это искусство приходит в упадок. Резные детали зданий становятся грубыми по форме и примитивными по исполнению. С приобщением Дагестана к новой эпохе, знаменующей собой товарно-денежные отношения и фабричное производство, здесь происходит то же, что и везде: народное декоративно-прикладное искусство вырождается.

Если несведущему в специальных вопросах читателю не совсем ясно, что такое подбалка и какую роль она играла в архитектуре, поясню это вкратце.

Чтобы конструкция перекрытия комнаты была прочнее, поперек помещения, со стены на стену, клали мощный деревянный брус — главную балку. А чтобы она не провисала или не сломалась, ее посередине подпирали столбом. Если между столбом и балкой проложить короткий брус — подбалку, то балка будет держаться прочнее.

Не у всех народов, применявших в своей архитектуре деревянные столбы, последние имели подбалки. Например, у славян балка подпиралась двумя наклонными брусками (подкосами), упирающимися нижними концами в столб. А в Средней Азии, где балки перекрытия укладывались в перекрестных направлениях, на верху столба устраивалась крестовина. Столбы с подбалками присущи народной архитектуре Передней Азии и Кавказа. Но и на Кавказе они устраивались не везде. Например, у одних дагестанских народностей столб с подбалкой, стоящий посреди жилого помещения, обязателен, а у других (при таких же размерах помещения и такой же толщине балки) его не бывает. Наверное, столб имел не просто конструктивное назначение.

И действительно, это был символ — священный символ дома, символ рода. У аварцев срединный столб назывался «столб корня» (т. е. рода), у грузин — «мать-столб». У кумыков, даже в домах позднего времени, где срединных столбов уже нет,— как пишет этнограф С. Ш. Гаджиева, «прежнее место установки столба все еще в какой-то мере почитается. При трауре на это место, которое по-прежнему называется орта-багана (срединный столб), сажают самую близкую к умершему старшую из родственников женщину»[10]. «Столбы корня» переносились из старого дома в новый при его постройке и передавались по наследству из поколения в поколение. Кое-где в сараях еще и сейчас валяются древние почерневшие столбы, отслужившие свое.

Столбы и подбалки в Дагестане представлены в богатейшем разнообразии форм.

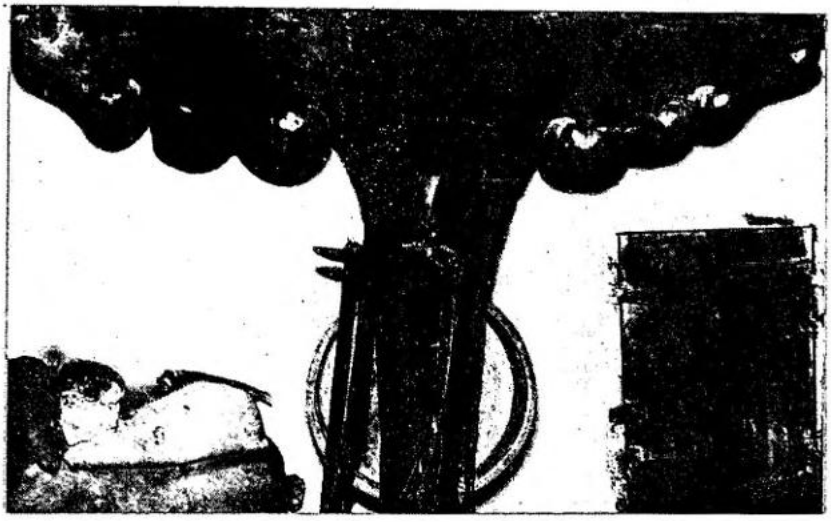
В мечетях селений Верхнего Кайтага столбы имеют наверху уширение своеобразной формы, с клювообразными выступами

60. Старинная резная деревянная подбалка трехметровой длины из развалин с. Баршли, предгорная зона Среднего Дагестана

61. Резные деревянные столбы в кумыкских селениях Каякентского и Ленинского районов; примеры переднеазиатского влияния в декоративном искусстве приморского Дагестана

(в Аварии встречаются и подбалки подобного силуэта). Эти клювообразные формы напоминают очертания деревянных консолей, поддерживающих свесы крыш в срубных конструкциях Аварии (любопытно, что подобную форму имеют консоли в срубных конструкциях у восточных славян). Особенно замечательны среди образцов этого типа столбы мечети в даргинском селении Тама (о них я еще буду говорить). Подбалка в простейшем виде имеет вид бруса, уложенного на столб. Концы бруса утоняются, чтобы он не имел грубой формы. Но такие элементарные подбалки встречаются редко. Даже в бедных домах старались хотя бы незамысловатой резьбой выделить подбалку, подчеркнуть ее значение.

В предгорной полосе северо-восточного Дагестана характерны длинные изящные подбалки с обработкой нижней поверхности выступами в виде гирек. Выше в горах подбалки имеют понизу мешкообразные выступы; именно такого силуэта была старинная подбалка из развалин Баршли. Мешкообразные выступы могли произойти от рисунка спиральных

62. Столб с подбалкой в жилом помещении (с. Канасираги); декоративные формы представляют древний культовый символ на Кавказе и в Передней Азии — бараньи рога

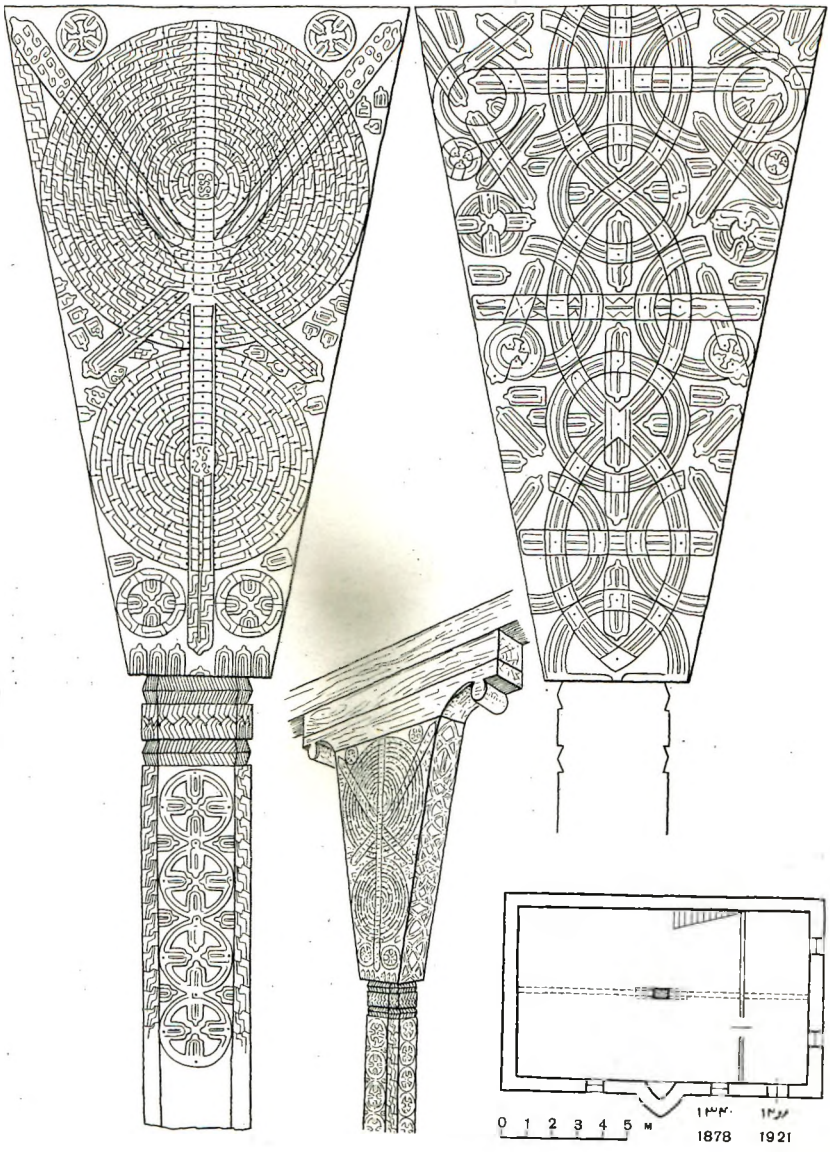
завитков, представляющих собой один из древних культовых символов.

Столбы, деревянные, отесанные на четыре грани, оформляются срезами на ребрах. При этом зачастую срезка в верхней части завершается фигурным вырезом, обычно несложным, но иногда фасонным; подобным способом обработаны и потолочные балки. Встречается обработка столбов посредством горизонтальных пропилов. Столб может украшаться также розетками или иной резьбой. В Кайтаге есть столбы мече-

тей с вырезанными на их стволах сплетениями в форме узлов.

Столб с его сочными формами мощной подбалки и камин с яркой по силуэту пластичной лепкой — эти могучие, суровые формы придавали значительность и величие интерьеру старинного дагестанского жилища.

Несмотря на наличие лоджий, галерей и балконов, несмотря

63. Резной деревянный столб мечети (с. Турага). Трапециевидная капитель характерна для Табасарана и соседних с ним районов

на применение резьбы и других деталей, архитектура Дагестана, особенно в высокогорных районах, имеет суровый, замкнутый характер. Но интерьер, в противовес лаконичности и даже лапидарности внешнего облика зданий, будучи тоже строгим, иногда даже мрачноватым, решается с большей деталировкой, а в ряде случаев с определенной изысканностью. Это свойственно не только нынешним жилым помещениям, обогащенным обилием ковров, посуды, утвари и других предметов, но и изредка встречающимся примерам, по которым можно воссоздать облик традиционного горского жилища, не искаженный поздними влияниями.

Традиционный дагестанский жилой интерьер отражал характер трудной и тревожной жизни, сурового быта. Черный деревянный потолок с балками, побеленные или же просто каменные неоштукатуренные стены, глинобитный пол. Камин у стены или открытый очаг на полу. У одной из стен, на полке или на нарах, убранная на день постель: паласы, овчины, подушки. У других стен — металлические и глиняные сосуды. Посуда на полках. Ларь для зерна и муки. Развешаны овчины, одежда, тазы, мясо, оружие. Низкий потолок, очень низкие двери, небольшие окна или их совсем нет. Комната освещена огнем очага и коптящим светильником или лучинами. Помещение плохо проветривается, поэтому двери по возможности всегда приоткрыты. Зимой в доме холодно, и люди кутаются в тяжелые овчинные шубы. Дым из очага стелется по помещению, раздражает глаза, горло. Мужчины в шапках, женщины в платках. Спят в одежде, улегшись на паласах, разостланных на полу или на нарах, и укрывшись овчинами. Мебели почти нет. Домашние работы, в том числе и приготовление пищи, женщины выполняют, сидя на полу. (Во избежание недоразумений напоминаю читателю: речь идет не о современном жилище.)

И все же интерьер традиционного дагестанского жилища, при всей его суровости и архаичности, эстетически полноценен благодаря органичной связи декоративных и утилитарных элементов, а лучшие его образцы, проявляющие чистоту традиций самобытной культуры и высокое мастерство, производят впечатление произведений высокого искусства.

Нужно сказать, что эти описания впечатлений относятся скорее к Внутреннему Дагестану. Ближе к приморью, в предгорьях, на плоскости — и природа, и люди, а следовательно, и архитектура, имеют несколько иной характер. Причина этого — не только в разнице в природных условиях, но и в большем общении с внешним миром. На протяжении более тысячи лет — с VI по XVIII век — этим внешним миром был прежде всего Иран. Это не могло не сказаться на архитектуре — по крайней мере на плоскости, в предгорьях и

64. Столб с «морским узлом» (с. Барша)

частично в горной полосе, полукольцом охватывающей Внутренний Дагестан с востока.

По описаниям прошлого века типичная комната дома жителей Среднего Дагестана представляется так. В передней стене два окна без стекол, закрывающиеся деревянными ставнями. Между ними камин, а по сторонам него две ниши; в них посуда. В торцовых стенах — под потолком ниши с посудой, ниже висят большие плоские тазы, а также оружие; на полу сундуки, сосуды, седло со сбруей. Задняя стена (противоположная окнам) имеет на высоте около метра большую, идущую вдоль всей стены полку, на которой лежат подушки и одеяла. Крыша подпирается продольной балкой, посредине столб. К балке прикреплена веревка, на которую навешена одежда. Эти описания соответствуют облику старинных предгорных жилищ, местами сохранившихся до середины XX века.

У богатых и жилище было побогаче. Очевидец XIX века так передает свое впечатление о доме Нахибашева в с. Чох: «Мы остановились в сакле наиба, убранной не столько во вкусе чисто горском, сколько плоскостном или персидском: обилие ковров, тюфяков и одеял, уместная и неуместная драпировка стен и окон, наполненные всякого рода посудою ниши,— все это почти роскошно в сравнении с убого-простой обстановкой чисто горского жилья»[11].

С XVIII века в горах все больше дает себя знать влияние городской архитектуры. Сперва это единичные случаи, а с конца XIX века — массовое явление.

Лучшим примером этого влияния может служить архитектура селения Согратль, где формы городской архитектуры XIX века не подражательно повторяются, а своеобразно трактованы с проявлением художественного такта и хорошего вкуса. Но примеров дурного влияния новых веяний, к сожалению, больше.

С начала нынешнего столетия, когда начал повышаться достаток части горцев и когда на вкусы местных жителей стала оказывать влияние городская художественная культура того периода, здесь получило распространение то, что в архитектуре определяют как «внешнепоказное». Стремление к эффекту преобладает над заботой об удобствах. Стены увешивают коврами и пестрыми тканями, вырезками из иллюстрированных журналов. Резные столбы закрыты тазами и занавесками, лепные камины заклеены газетами. На кроватях горой сложены подушки, накрытые тюлевыми накидками. Расписные зеркала, всевозможные рамочки, полочки и всякие безделушки, которые горожане обычно не покупают, привозятся из города как символ «современности».

Вместо того чтобы воспитывать вкус сельских жителей, промышленность производит вульгарные вещи, обосновывая это

тем, что они «имеют спрос». Конечно, это явление специфично не только для Дагестана. В русской деревне дело обстоит не лучше. Да и не только в деревне.

Корни нынешнего положения в художественной культуре дагестанского жилого интерьера — в мещанских представлениях о красоте. Все это не имеет отношения к традиционной дагестанской национальной культуре.

65. Кухонный отсек в жилище даргинцев

Путешествовать по Кумыкии просто: всюду дороги, по которым то и дело проезжают автомашины, а кое-где и автобусы.

Попутная машина — обычный вид транспорта для нашего брата, исследователя народного зодчества и искусства. На мешках с мукой, на дровах, на ящиках и бочках, в пустых кузовах, где не за что ухватиться, а иногда — с комфортом — в кабине рядом с шофером я объездил приморский Дагестан.

Для того, кто изучает процессы современных преобразований в быту и материальной культуре, материала здесь много. И современное искусство здесь процветает: в сельских школах висят общеизвестные репродукции, в придорожных закусочных красуются исполненные с потрясающей выразительностью «Охотники на привале», а мусульманские святыни изукрашены масляными красками душераздирающих расцве-

66. Декоративная посуда в обильном количестве, развешанные и сложенные ковры и яркие ткани призваны обогащать облик жилища

ток (излюбленные цвета: голубой — потому что только эту краску выпускает какая-то артель в Махачкале, и серебряный — потому что в городе она тоже популярна, ею окрашивают батареи центрального отопления). А вот тому, кто ищет памятники старины, труднее.

Рейсовым автобусом доехал до станции Мамедкала. Жара, пыль. Ларьки с кое-какой снедью. С несколькими другими попутными пассажирами взбираюсь на груженую машину, которая направляется в Маджалис, центр Кайтагского рай-

она. Дорога все время идет вверх. Через час повеяло прохладой: мы приближаемся к горам.

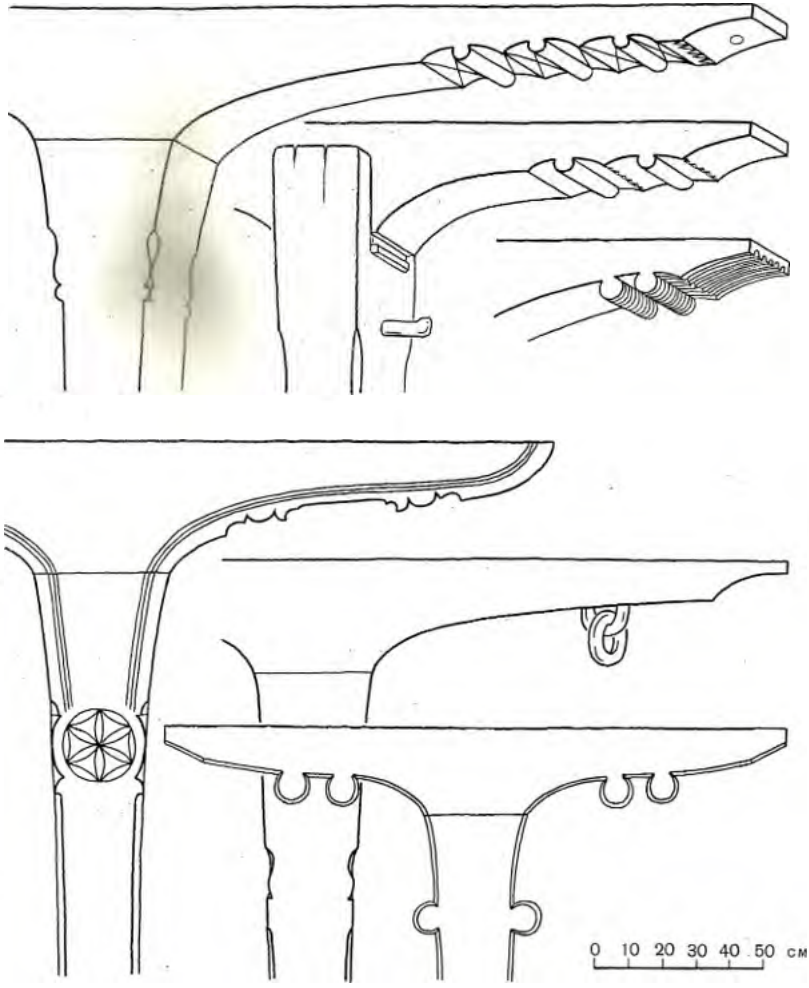
В Маджалисе новые постройки перемежаются с остатками старого русского укрепления, от которого сохранились каменные стены с бойницами. До присоединения Дагестана к России в этом населенном пункте находилась резиденция кайтагского уцмия. Как свидетельствуют данные прошлого века, больше половины жителей селения тогда составляли евреи. Они занимались ремеслом и торговлей, и уцмий покровительствовал им. Если кто убивал еврея, то должен был уплатить большой штраф: содрать кожу с убитого и наполнить ее серебром. Еврей был полезной скотиной, его убивать не следовало.

Теперь Маджалис населяют кумыки и даргинцы: селение находится на стыке территорий этих двух народностей.

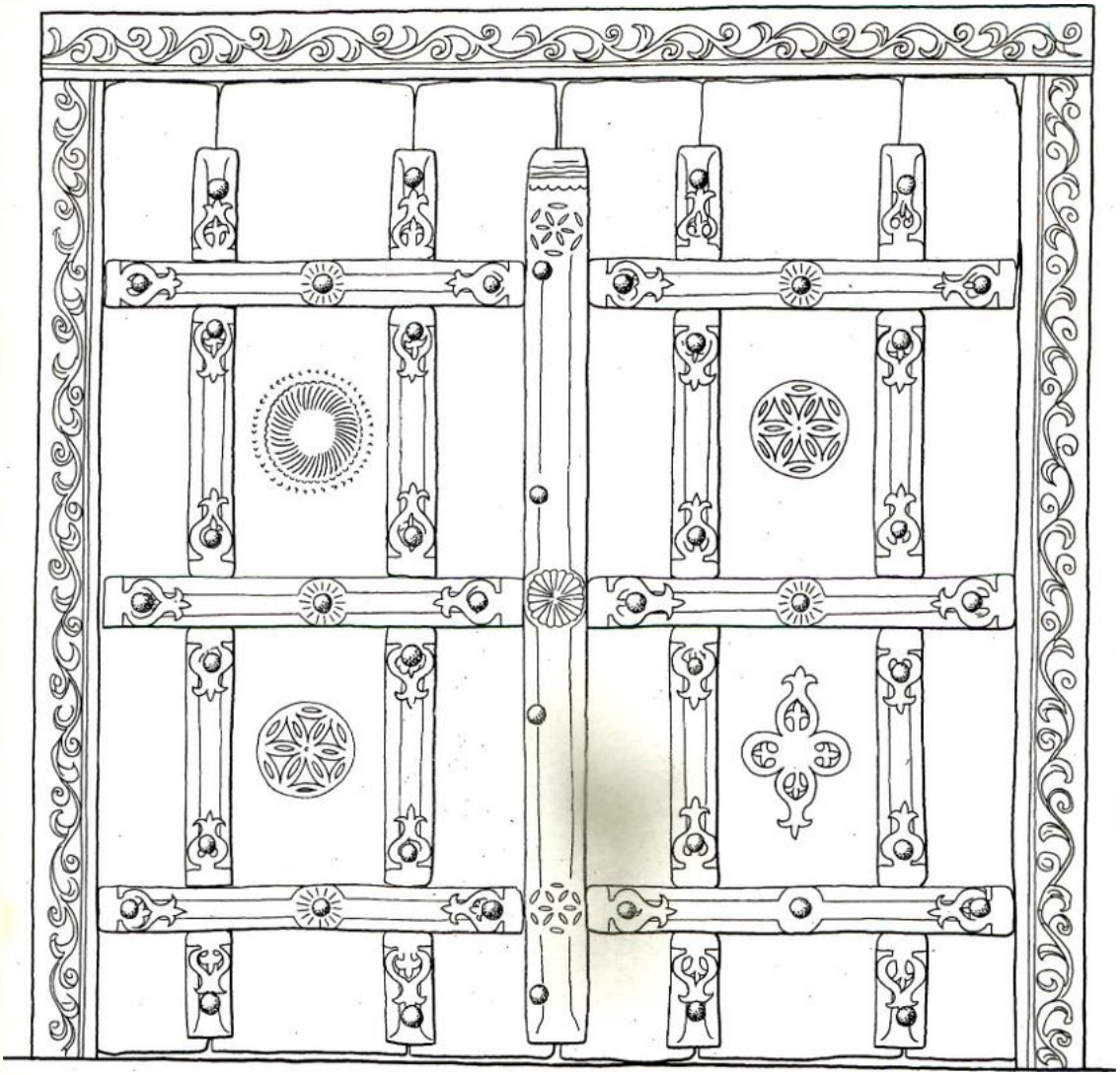
В верхней (т. е. расположенной на возвышенности) части селения еще сохранились кое-где старые постройки. В этих домах можно видеть подбалки, с нижней стороны которых вырезаны фигуры, состоящие из двух круглых выступов в виде гирек и зубца между ними. Странно (а может быть, и нет), что точно такая же декоративная форма известна в деревянной резьбе старого зодчества и Грузии и России. Это — рудимент священной эмблемы, представляющей собой ромб и два диска. Такая эмблема, трактованная как орнаментальный мотив, встречается в средневековом декоративно-прикладном искусстве Средней Азии и России. Она изображена на груди половецких каменных истуканов, выставленных в Историческом музее в Москве. Ромб — это женский символ (знак «земли-матушки»), диск — мужской символ (знак «солнца-батюшки»). Два диска и ромб между ними выражают ту же идею (а какую — нам не известно), что и древняя композиция, в которой изображена женская фигура (Великая богиня, мать всего сущего) и по сторонам нее — две мужские фигуры или две симметрично расположенные фигуры животных (львов, коней и др.).

В Верхнем Маджалисе можно увидеть старые, черные (окрашенные нефтью) деревянные ворота с резьбой. Полотно ворот состоит из нескольких толстых досок. Эти доски, а также связывающие их брусья покрыты резьбой. Резьба полотнищ ворот встречается в разных местах Дагестана. Но если у аварцев и даргинцев она архаична по стилю, то у кумыков и особенно у лезгин отражает влияние ближневосточного декоративного искусства. Украшались резьбой также обрамления ворот въезда в усадьбу и дверей входа в дом. На них изображались древние культовые символы, имевшие, очевидно, магически-апотропейное значение,— в данном случае, у входа в жилище, с особым смыслом. Встречается и резьба на брусьях, перекрывающих проем ворот.

В селениях Кумыкии (главным образом, у южных кумыков, населяющих центральную часть приморской зоны) распространен прием уменьшения пролета перемычки проема ворот путем закладки консолей на опорах. Эти конструкции выполняются в разнообразных декоративных формах. Среди последних встречаются и такие, которые сходны по своему рисунку с консолями, применявшимися в старом зодчестве районов, далеких от Дагестана: Грузии, России, Западной Европы.

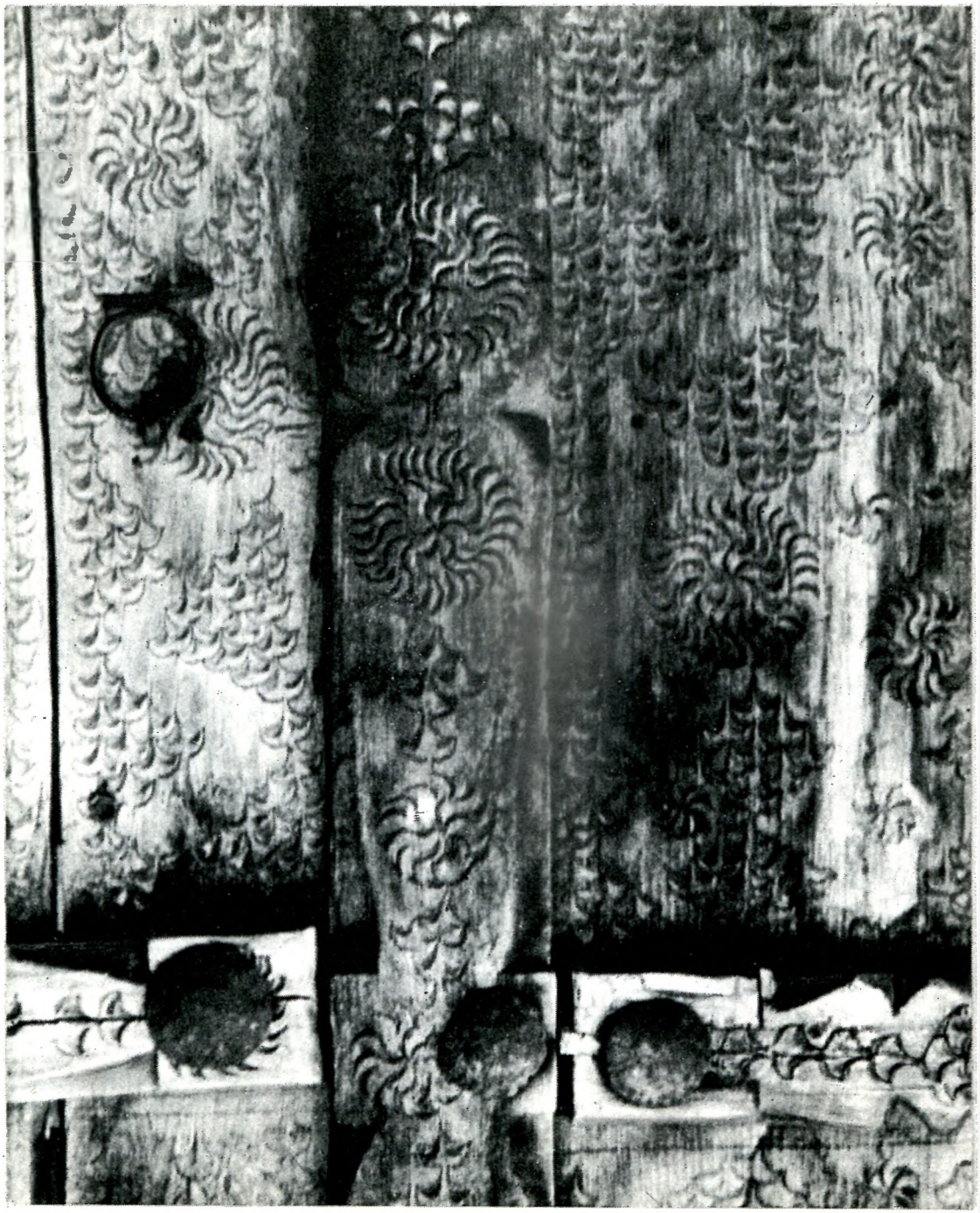

67. Декоративное оформление подбалок в домах кумыкских селений

68. Резной декор ворот въезда на усадьбу в приморском Дагестане (с. Маджалис)

Один старик в Маджалисе сказал, что если я ищу старину, то мне следовало бы побывать в Тама — самом отдаленном селении Кайтагского района. И я отправился в ту сторону. Дорога довольно широкая, немного извилистая, с небольшим подъемом — идти нетрудно. Погода отличная, тишина, ясное солнце. Две женщины (по даргинскому обычаю, в белых шалях) идут навстречу. За спиной каждой — поклажа, и идут они, наклонившись вперед под тяжестью, глядя на дорогу перед собой. В Дагестане не встретишь на дороге женщину

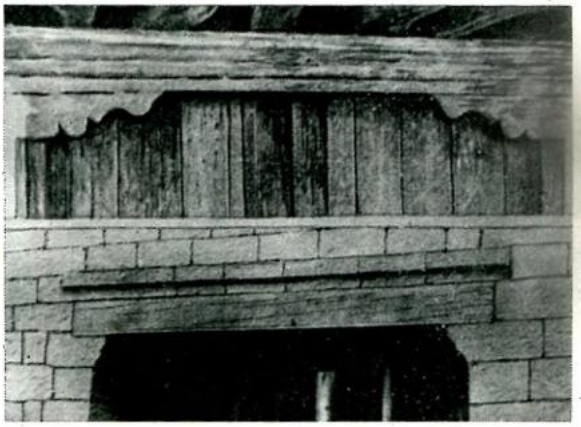

без ноши. Так же как не встретишь мужчину, который бы что-нибудь нес. Старый обычай: женщина — работник, а мужчина — воин, его руки должны быть всегда свободны, чтобы он мог в любой момент схватиться за оружие. Теперь драться не с кем, оружия ни у кого нет, а обычай держится. У кумыков есть еще и такой обычай: если мужчины проходят мимо сидящих женщин, то те встают. Встают даже старухи (кстати, они, соблюдая обычай,— с наибольшей готовностью). Мужчина — воин, защитник, постоянно подвергает свою жизнь опасности, его надо уважать.

Женщины прошли мимо, не глядя на меня. Горянка как бы не замечает постороннего мужчину — так требует приличие. Однажды молодой человек попросил меня сфотографировать его вдвоем с женой. Когда я сказал ей, чтобы она смотрела не в землю, а в объектив, то, поощряемая мужем, она лишь с трудом заставила себя поднять глаза. Впрочем, то было у аварцев. Кумычки держатся свободнее.

За женщинами семенит белобрысый мальчик, босой, в потрепанном картузе, с хворостиной в руке — ни дать, ни взять русский деревенский мальчуган.

Меня нагоняет мотоцикл с коляской. В плоскостном и предгорном Дагестане лошадей нет, потому что здесь везде имеются дороги для колесного транспорта. Мотоцикл выгоднее лошади: его не нужно кормить, когда он не работает. Лет двадцать-тридцать тому назад здесь еще не было мотоциклов, но уже не было лошадей, и люди на далекие расстояния ходили пешком. Поднимаю руку — мотоцикл останавливается. За рулем — двадцатипятилетний джигит с озорными глазами. Оказывается, председатель здешнего колхоза. Неужели его слушаются мужчины, привыкшие уважать лишь пожилого, умудренного жизнью человека? Чудеса происходят в нынешнем Дагестане.

69. Фрагмент резьбы архаического стиля на воротах (с. Дуакар)

70—71. Консоли проема ворот; Каякентский и Сергокалинский районы

На мотоцикле мы приехали в Шиляги. Здесь меня заинтересовал добротный красивый дом, построенный перед первой мировой войной братьями Арболиевыми — по всему видно, зажиточными хозяевами. По старому обычаю, каждая семья довольствовалась одной комнатой. В углу жилого помещения — очаг на полу, над ним — прикрепленное к потолочным балкам и не доходящее на метр до пола глиноплетневое ограждение, своеобразный зонт, служащий для вытяжки дыма; это характерная деталь старого даргинского жилища. Стены дома выложены из тщательно отесанного камня, следовательно, мастерам были уплачены хорошие деньги,— но постройка совершенно лишена резьбы по камню и дереву или каких-либо иных декоративных деталей. Сказывался наступивший XX век.

Неподалеку от селения — полуразрушенная старинная башня. На одном из ее камней — неразборчивая арабская надпись, сделанная куфическим шрифтом (в Дагестане он применялся в XI—XIII вв.). По неопытности можно было принять это сооружение за боевую башню, но особенности его конструкции и деталей свидетельствовали, что это минарет. И действительно, как выяснилось из расспросов местных жителей, здесь когда-то было селение, а на этом месте находилась мечеть.

В этих местах уже начинается территория даргинцев. Не установлено происхождение их этнонима (этнического имени, т. е. слова, обозначающего национальность). Может быть, его можно связать с именем древнего переднеазиатского бога Таргу — так же, как и некоторые местные географические названия (чеченское селение Дарго, ингушское Таргим, кумыкское Тарки или Таргу, называемое аварцами тоже Таргим).

По запущенной разбитой дороге грузовик довез до Тама́. Мне дали в провожатые мальчишку лет пятнадцати. Брожу по улицам безлюдного селения, поросшим крапивой. Унылые каменные стены, груды камней. Дома заброшены, многие из них полуразрушены. Но здесь, видимо, кое-кто еще живет: в открытых лоджиях сараев, стоящих на краю селения, виднеется сено, а над одним из домов поодаль поднимается дымок от очага.

Заблуждается тот, кто думает, что вот приедет он в Дагестан и перед ним развернется панорама памятников старины во всем своем великолепии. Нет, это не Помпеи. И даже не Армения. Старинные образцы архитектуры и искусства здесь надо поискать — да и знать надо, чего ищешь: местное искусство не эффектно, заметит и оценит его не всякий. Сколько раз я наталкивался на интересный объект совершенно случайно и, наверное, не раз проходил в двух шагах

от других, так и не увидев их. Вот так в Сомоде не заметил старинный амбар, подобный тому, что мне показали в Ругельде.

Надо, думаю, посмотреть мечеть. В культовых зданиях, как известно, обычно сосредоточены лучшие образцы монументально-прикладного искусства.

Мальчишка повел меня к мечети. Еще издали увидев ее,

72. Дом в с. Шиляги, построенный в начале XX в.

я понял, что приехал сюда не напрасно. Если кто представляет себе «настоящей архитектурой» такие здания мечетей, как, например, построенные в начале XX века в Петербурге или Владикавказе, то вид культовых зданий в горных селениях Дагестана его, конечно, разочарует. Мечети здесь не импозантны, не изукрашены многодельными деталями и цветистым узорочьем. Иную не очень отличишь от заурядного дома или даже сарая: каменная коробка с плоской земляной крышей — и все.

На фасаде этой мечети — две двери, украшенные глубокой сочной резьбой. На одной из дверей — арабская надпись куфическим шрифтом. Это XII век. Период расцвета местной культуры, от которого дошло до нас считанное число памятников. В отличие от подражательной работы позднего времени, резьба этих дверей представляет подлинные образцы самобытного местного искусства.

73. Улица в дагестанском селении

74. Сараи на окраине с. Тама

Позднему дагестанскому декоративному искусству свойственны ориентализмы в орнаментике; старинному искусству они чужды. Особенно чувствуется влияние эстетических вкусов Востока в приморье, которое первым встречало струю культурного влияния стран Ближнего Востока. А в древности прикаспийская равнинная полоса подвергалась внешним воздействиям и иного рода. Неоднократно сменяли друг друга вторгавшиеся сюда племена и народы. В горах же сохранялась этническая устойчивость населения. Плоскостные районы и

75. Дверь мечети в с. Тама, XII в.

предгорья были ареной многочисленных нашествий, сопровождавшихся истреблением жителей, грабежом и разрушениями. Но эти нашествия мало задевали Внутренний Дагестан. Там сохранялась и развивалась самобытная дагестанская культура, не сходная с так называемой «восточной» — арабской, персидской или тюркской.

Архаический дагестанский орнамент характерен рядом признаков, которые резко отличают его от так называемого «искусства стран ислама» в Азии и от декоративного искусства Европы, взращенного на традициях античности с изрядной примесью влияния вкусов все той же Азии. Черты, отличающие подлинно кавказско-горское монументально-декоративное искусство,— геометричность начертания элементов, простота, лаконичность, свободная композиция.

Народам древних земледельческих культур Азии свойствен растительный орнамент: его элементы в значительной части состоят из стилизованных или натурально изображенных веточек, завитков, листьев, цветков, бутончиков. Старинному дагестанскому (как и вообще горнокавказскому) орнаменту эта тематика не свойственна. Как и архаический русский орнамент, он состоит из геометрических фигур: розеток разных видов, треугольников, ромбов, крестов, спиралей, двуспиралей и т. п. Эти орнаментальные фигуры происходят от символики солнечного культа древних скотоводов Восточной Европы.

Азиатский орнамент сложен по начертанию и состоит из дробно прорисованных взаимосвязанных элементов. Архаический дагестанский орнамент представляет собой композиции из простых, ясных, лаконичных, раздельных фигур.

В азиатском (как и в позднеевропейском) орнаменте композиции симметричны, регулярны и, как правило, рамочны. Для дагестанского (как и для древнеевропейского) орнамента характерна нерегулярная, свободная композиция.

Насмотревшись в музеях и на выставках приторно-слащавых поделок «а ля Восток», я не мог отвести восхищенного взора от этой резьбы, любовался внушительностью, силой и серьезностью этого искусства. А главное (что всегда пленяет ценителя) — это было искусство не заимствованное, не подражательное, но подлинно свое, сугубо местное, выражающее собственную психологию создавшего его народа, выражающее дух не заморских стран, а здешний.

Я заглянул через щель внутрь. Крыша частично обрушилась, и в помещении было достаточно светло. То, что я увидел внутри, заставило меня забыть обо всем на свете, кроме того, что я должен попасть туда. На дверях висел большой ржавый замок. Я обернулся к мальчишке.

— Принеси ключ.

Он побежал, вернулся.

— Ключ у бригадира, а он уехал.
Я осмотрелся. Можно перелезть через стену — ведь крыши нет. Но как взобраться наверх? А! Ведь в этом селении кто-то еще живет. А в каждом доме должна быть лестница, чтобы взбираться на крышу, потому что плоская земляная крыша требует постоянного ухода. И действительно, там, у того дома, над которым поднимается дымок, как будто видна лестница.
— Пойди туда и принеси лестницу. Быстро!
Мальчишка побежал, вернулся.
— Нет лестницы.
Я схватил большой камень.
— Если ты сейчас же не принесешь лестницу, я разобью эту дверь, и аллах тебя покарает! Или председатель колхоза!
Мальчишка побежал, принес ключ. Я вошел внутрь.
Подпирая балку полуобрушившейся крыши, среди грязи и хлама, полузамазанные штукатуркой, стояли великолепные

76. Резьба по дереву традиционного стиля в Дагестане — ларь в жилом доме (с. Уркарах)

каменные столбы. Подобных им нет ни в Иране, ни в Грузии, нигде. И в Дагестане таких нигде больше нет. По крайней мере, теперь уже больше нет. Могучие, мощные формы. Грандиозная капитель с клювообразными выступами — стилизованный образ рогатого животного. Лирообразные фигуры — символ головы барана, почитавшийся у древних скотоводов. На гранях столба — византийская плетенка.
Я подошел и потрогал столб рукой. Он был деревянный! Такая махина, такая мощь форм — в дереве. Эти столбы

стоят уже семьсот-восемьсот лет. Дерево — материал недолговечный. Местами они уже подгнили. Надо сфотографировать хотя бы один столб, тот, который находится под проломом в крыше и лучше освещен. К счастью, он меньше залеплен глиняной обмазкой, хотя и замазан побелкой. Долго я соскабливал обмазку и побелку ножом. Потом, пристроившись в углу, на куче ржавого металлолома, сфотографировал эту уникальную вещь.

77. Кафедра из мечети: резьба по дереву, получившая в Дагестане распространение в начале XX века (Дагестанский республиканский краеведческий музей)

Вышел наружу. Мальчишка не дождался, пока я кончу, ушел. Солнце уже спускалось к горам. За селением едва слышно журчит речка. Вокруг — немые развалины. Тишина. Я был в XII веке!

Вернувшись в Махачкалу, помчался к директору музея рассказать ему о своей находке, обрадовать сообщением о великолепном экспонате, которым может обогатиться музей.

— Двери? У нас уже есть двери мечети XII века. (Это он имел в виду псевдофиленчатые двери из селения Калакорейш,

украшенные резьбой в полуперсидском-полугрузинском стиле.) Столбы? Но ведь они неподъемные. И, кроме того, чтобы их изъять, нужно разрушить мечеть. Местные жители будут возражать. Нужно все-таки считаться с чувствами верующих.

— Селение необитаемо. И это уже не мечеть. Там колхозный склад.

— Тем более.

— Это не склад. Там валяется ненужный хлам. И вообще это развалина, у нее даже нет крыши. Возьмите соответствующее письмо от руководства, поезжайте туда, и председатель колхоза отдаст вам эти столбы и двери.

— Думаете, мы не ездим в горы? Посмотрите, во дворе стоит мимбар, недавно привезли.

Во дворе стоял мимбар — деревянная кафедра, с которой мулла читает проповеди в мечети. Типичная работа начала XX века. Деревянные детали выполнены техникой, которая в Дагестане была еще неизвестна даже в середине XIX века,— выпилены пилой, оструганы рубанком, обточены на токарном станке,собраны столярным способом. Это произведение исскуства, приобретенное музеем, было отделано худосочной резьбой в стиле провинциального подражания искусству благословенных стран, где совершали свои деяния пророк и его сподвижники, и даже раскрашено масляными красками.

Надо обратиться в общество охраны памятников истории и культуры. Два молодых человека сидели за письменными столами и оживленно беседовали. Меня встретили приветливо.

— Да, конечно, нужно принимать меры по охране памятников. Но до всего руки не доходят. Одна переписка чего стоит! И, кроме того, видите, в каких условиях мы работаем — всего одна комната. Да, памятники — великое дело. Знаете, во многих селениях сейчас сооружают памятники павшим в Великую Отечественную войну.

— Это благородное и нужное дело. Но я сейчас не о таких памятниках говорю.

— Конечно, конечно. Мы различаем. Есть памятники археологии, памятники архитектуры, памятники истории и революционной славы...

Пошел к министру культуры. Энергичный и обаятельный мужчина, он тоже рассказал мне много интересного. Пошел в обком.

— О! Мы принимаем меры. Как раз сейчас готовимся к отчетно-выборной конференции общества по охране памятников. С тех пор прошли годы. Смотрю на свои фотографии уникальных произведений средневекового искусства в горном дагестанском селении Тама. Сгнили они уже или пущены на дрова?

78. Резной деревянный столб мечети в с. Тама, XII в.

Из Тама в Ицари я приехал вдвоем с проводником, на лошадях. Дорога была трудной и долгой. Прибыли мы уже под вечер. Меня определили переночевать в доме бухгалтера колхоза, а моего провожатого — где-то в другом месте.

Бухгалтер оказался приветливым, мягким человеком средних лет. Назавтра он охотно показал мне достопримечательности своего селения, в том числе остатки средневекового замка, который я сам не нашел бы и не заметил, потому что они со всех сторон обстроены жилыми домами. Старинное сооружение резко отличалось от этих домов своим видом. Камни его стен — большого размера и очень гладко отесанные, даже как будто отполированные. На некоторых камнях высечены древние культовые символы. Есть надписи, которые арабисты не смогли прочесть, когда я им потом показывал фотоснимки. По шрифту надписей — XII век.

От замка осталась только башня, да и то не вся, а лишь ее нижние три этажа. Как мне сказали, верхние два были недавно разобраны на камень. Я возмутился: «Как можно?» Мне ответили: «Хозяин, что хочет, то и делает».

Башня эта была не оборонительной, а жилой. В ее нижнем этаже находился хлев, во втором, по-видимому, сеновал, а третий был жилым. Дверь входа в третий этаж обрамлена деревянным наличником с резьбой, похожей на декор обрамления дверей мечети в Тама. «Это был дом уцмия»,— сказал мой гид. Действительно, согласно имеющимся данным, земля, на которой находится Ицари, принадлежала уцмию.

Я вошел в помещение, которое восемьсот лет тому назад было жилищем князя Кайтага. Комната площадью 25 квадратных метров. Небольшое окно с полуистлевшей рамой. Два камина; видимо, на одном женщины готовили пищу, а у другого сидели мужчины. Стены не оштукатурены — голый камень. Сумрачно, неуютно. Да, невесело жил князь. Наверное, обилие мяса было его единственной отрадой в жизни. Впрочем, и его европейские коллеги, средневековые бароны и графы, обитали в таких же башнях-донжонах.

Потом уцмий переселился в Маджалис, и его вотчина превратилась в обычное селение, отличавшееся от других только тем, что здешние жители должны были платить ему подать. Для защиты от наседавших на них врагов — жителей соседнего «общества» — они построили на подступах к селению большую сторожевую башню.

Она круглая в плане, и в стенах ее имеется много бойниц, предназначенных для стрельбы из лука: с внутренней стороны бойницы устроена ниша, в которой может поместиться человек. На самом верху башни, под карнизом, едва различимая снизу, имеется надпись на камне — изречение из Корана. Эта башня была построена уже в XV веке. Она неплохо сохранилась, только крыши нет. Одна из немногих башен в Дагестане,

стены которой сохранились доверху. Реставрировать бы ее, восстановить крышу, междуэтажные перекрытия. Здесь можно было бы устроить туристский приют. А в самом селении — пансионат. Местность великолепная для отдыха горожан. У местных жителей — обилие продуктов, которые некому продавать: город-то далеко.

Памятники старины в Ицари мне представлялись заслуживающими детального исследования, но в тот момент у меня не было времени и условий для этого. Прибыв в это селение вторично, я счел неудобным снова стеснять гостеприимного человека, у которого останавливался в прошлый раз, и пошел к председателю колхоза. Но меня, очевидно, узнали. Через некоторое время пришел мой прежний хозяин, посидел с нами немного, потом сказал мне: «Пошли!»

Согласно горскому обычаю, если я однажды остановился в чьем-то доме, то впредь, будучи в этом селении, должен останавливаться там же. И дети, и внуки мои. А те люди, у которых я гостил, будут останавливаться у меня, и их потомки — у моих потомков. Отныне мы — кунаки, и я нанес оскорбление дому, не придя туда, где уже ночевал однажды. Меня простили только потому, что я был чужеземцем, не знающим местных обычаев.

Пришлось мне побывать в селении Ицари и в третий раз. Проезжая по дороге к правлению колхоза, я увидел, как из знакомого мне дома выбежал мальчик. Он догнал меня и, взяв лошадь под уздцы, сказал, указывая на свой дом: «Давай!» Я объяснил ему, что сначала должен явиться в сельсовет. Он понял и, указав на меня, а потом на свой дом, сказал: «Ночь!» Это означало, что ночевать я должен прийти к ним. Я кивнул, он отпустил меня, а когда вечером я пришел, оказалось, что его отец в отъезде, и мальчик с серьезным видом принял меня как гостя.

Однажды я был свидетелем такого случая. Ехал на попутной машине. Когда проезжали через какое-то селение, шофер остановил машину и ушел. Его не было минут двадцать, полчаса. Я спросил у своих попутчиков: куда ушел шофер? Мне объяснили, что у него здесь кунак, и поскольку он проезжает мимо, то должен зайти к нему.

Нам, европейцам, кажется, что кавказцы оказывают гостеприимство каждому встречному. Это не совсем так. По обычаю, гостя нужно принять радушно и сделать все, чтобы он был доволен. Вплоть до того, что если потребуется — защищать его с оружием в руках. Но не всякий пришелец считается гостем. Наоборот, чужой человек был вне закона. Его можно было обидеть, убить — это не расценивалось как преступление и не осуждалось общественным мнением. Но если кто-нибудь почему-либо отнесся к чужому как к «своему» — это меняло положение. Тогда на него распространялись правила, действу-

79. Оборонительная башня в с. Ицари, XV в.

ющие по отношению к «своим». Теперь, в наше время, когда канули в небытие времена постоянной войны всех против всех,— люди стали приветливее и не видят в чужом человеке врага. А когда-то, отправляясь в другое селение, нужно было быть уверенным, что там обеспечен прием: иметь там кунака или заранее с кем-нибудь договориться.

С тех пор условия изменились, но не настолько, чтобы все для всех были безусловно «своими». Как-то в Махачкале, разговаривая с одним местным человеком и узнав от него, что в неко-

ем селении есть памятники старины, я сказал ему, что поеду туда. Он спросил: «А у вас там есть где остановиться?» Меня этот вопрос удивил. Мне не приходилось сталкиваться с затруднениями на этот счет. Потом я понял, в чем дело. Ведь у меня всегда были документы, удостоверяющие, что я не досужий бродяга, а пришел по делу, что меня направили сюда. А если так, то меня уже считали «своим» и принимали за гостя. Впрочем, и соответствующие «бумаги» не всегда производят впечатление.

Рассказывая все это, я вовсе не хочу сказать, что кавказское гостеприимство — миф. Нужно отдать кавказским горцам должное: они, большей частью, люди приветливые и гостеприимные, особенно в местностях, отдаленных от культурных центров.

Машина подпрыгивает на ухабах, трясет, мотает из стороны в сторону. Дорога вьется по горным склонам, петляет в объезд низин и высот, извивается серпантином на спусках и подъемах. Земледельческие террасы ступенями покрывают южные склоны. На крупных склонах террасы поддержаны подпорными стенками, чтобы дождями не смывало землю. Трудом многих поколений созданы эти, как их здесь называют, «поля» шириной в два-три метра. Пашут на них деревянной сохой, жнут серпами, а урожай собирают мизерный. Когда-то эти полоски земли представляли собой ценность: они кормили горцев. Теперь большинство их заброшено: хлеб возделывают на равнине.

Колхозам горных селений выделены пахотные земли на плоскости, и на время сельскохозяйственных работ часть людей переезжает туда, потом они едут обратно. К зиме отары перегоняют на равнинные пастбища, а на лето — в высокогорье, на альпийские луга. Чабану в горах трудно: он лишен элементарных бытовых удобств, спит или укрывается от непогоды в шалаше, завернувшись в бурку; он мерзнет, не может искупаться, питается однообразно, а главное — на два-три месяца оторван от людей. Да и в самом селении не очень интересно. Развлечений мало: бесконечные однообразные разговоры, карты, выпивка. Раньше люди со всем этим мирились, потому что не мыслили жизнь иной, а теперь знают, что может быть иначе.

Шофер всю дорогу ругается, клянет здешнюю жизнь, грозится уйти в город — да старики не пускают.

На повороте раскрывается величественная панорама: горные гряды кулисами стоят друг за другом. На переднем плане желтоватые, с зелеными пятнами растительности, за ними темные, синеватые, а дальше — серо-сизые, фиолетовые, как бы невесомые в далеком мареве. Очень красиво. Чистый воздух пьянит, вольные просторы радуют душу горожанина, истоско-

instituteofhistory.ru

вавшуюся по природе. Хорошо здесь побывать. Но жить постоянно... Современному человеку нужен комфорт. Нужны общение с культурой, развитые коммуникации, снабжение. Мне что, я вернусь в город; а эти люди здесь останутся. Жизнь в горах очень изменилась по сравнению с тем, что было даже тридцать лет тому назад, а о дореволюционном периоде и говорить нечего. Но люди сравнивают условия жизни не

80. Земледельческие террасы на склонах гор

только с тем, что было когда-то, но и с тем, что есть теперь в других местах и могло бы быть здесь.

Местность становится менее пересеченной, горы ниже, склоны более пологи. Справа — широкий склон с перелесками и кустарниками, покрытый сочной травой. Это сенокосный участок (косят в горах, конечно, вручную). Если идти в этом направлении, то там, говорят, находится Калакурейш — бывшая «столица» Кайтагского уцмийства. Но без проводника идти нельзя — можно заблудиться. Мне советуют не слезать с машины, прое-

хать до райцентра и уже оттуда, по другой дороге, как-ни
будь добраться до селения Дибгалик, рядом с которым нахо
дится Калакурейш.

До Дибгалика добрался. По ту сторону ущелья увидел знаме
нитый Калакурейш, часто упоминаемый в литературе о Даге
стане. Местные князья, уцмии, сочинили легенду о том, чт
они происходят из рода самого пророка. Магомет и первы
халифы были из рода Курейш, и Калакурейш значит «крепост
курейшитов». Но это, конечно, просто забавное совпадение на
званий. Скорее всего, «курейш» — один из вариантов древне
го местного слова, значение которого забыто. В Дагестане ест
и другие селения с похожими названиями: Куруш, Карах, Ку
рах, Кура, Калакюре. Есть дагестанское имя Куруш. Между
прочим, древнеперсидского царя Кира в действительност
звали Куруш.

Калакурейш расположен на вершине возвышенности. Когд
потом я оказался там, то увидел, что она хотя и окружена с
всех сторон ущельями, но связана двумя перешейками
«большой землей». Через это место когда-то проходила доро
га из Дербента в глубинные горные районы. У дороги есть ра
валины караван-сарая (редчайшее явление в Дагестане). И
Дибгалика кажется, что возвышенность, на которой стоит К
лакурейш, изолирована со всех сторон, как остров. Вокруг не
стоят высокие горы. На фоне этих гор, на фоне сине-зеленог
лесистого противоположного склона, в торжественной тишин
как призрак неведомого мира, желтели старинные развалины
обагренные лучами заходящего солнца. Вид был великолеп
ный. Правда, когда я назавтра попал туда, все оказалос
более прозаичным.

Сперва нужно было спуститься вниз, в ущелье. Здесь у тро
пинки стоял шалаш, и в нем сидел человек. Он строго спроси
кто я такой и куда иду. Это противосапный контрольный пос
В это время овцы болели сапом, и на дорогах были установле
ны посты, не пропускавшие овец ни в живом, ни в резаном ви
де и вообще не допускавшие провоза продуктов. Машины
люди должны были пройти по опилкам, пропитанным креозо
том. А во многих местах и вовсе никого не пропускали. Когд
я потом возвращался обратно, этот человек предложил мн
отдохнуть в его шалаше, а сам сбегал на речку за свежей во
дой, чтобы я мог напиться и освежить лицо.

Из ущелья долго поднимался наверх. На подходе к селению –
старинное кладбище. Из земли торчат покосившиеся намо
гильные стелы — каменные плиты, почерневшие от времени,
серыми пятнами высолов, которые бывают только на очен
старых камнях, простоявших не одну сотню лет. На лицево
стороне стелы, иногда и на боковых, высечены плоским рельеф
фом изображения. Более поздние стелы покрыты затейливы
ми арабскими надписями и дробным орнаментом азербайджа

но-персидского стиля, а на средневековых — изображения в духе архаического местного искусства: крупные, лаконичные фигуры, обычно представляющие собой модификации языческих культовых символов. Но надгробия эти не языческие. Насколько известно, их устанавливают в Дагестане с X—XII веков, когда здесь начало распространяться мусульманство.

Помимо стел, в Южном и Среднем Дагестане иногда встречаются, как их называют, «сундукообразные», или «саркофагообразные» надгробия — горизонтальные, вытесанные из цельного камня, длиной около полутора метров и высотой около сорока сантиметров, округлые сверху. Два таких надгробия имеются на кладбище Калакурейша. На одном из них сделаны барельефы — два льва в геральдических позах, одноглавый орел и другие изображения. По арабской надписи куфическим шрифтом это надгробие может быть датировано ориентировочно XII веком. Какой-то усердствующий мусульманин густо замазал древние рельефы сверкающей на солнце известкой: белый цвет считается священным.

Селение покинуто жителями. В нем остались только два человека, старик со старухой. Кроме их дома, все постройки разрушились. Если дом покинут, то земляная крыша, лишенная ухода, начинает протекать, балки гниют, крыша обрушивается, срывая верхнюю часть стен. Потом под дождем разрушаются и стены, потому что они тонкие и сложены без применения извести, которая скрепляла бы камни. Эти развалины эффектно выглядели вчера вечером с той стороны ущелья.

А вот и мечеть. Ее двери сняты давно, еще в 20-х годах; они находятся в музее Махачкалы. Крыша отсутствует. Весьма любопытны столбы. Вообще для традиционного дагестанского зодчества обычны деревянные столбы, но встречаются и каменные — выложенные кладкой или, иногда, цельные. Столбы калакурейшской мечети высечены из цельного камня на всю высоту. Необычна для Дагестана их форма, состоящая из членений по высоте, как то свойственно русскому зодчеству (не объясняется ли это в обоих случаях влиянием Византии?).

Михраб (молитвенная ниша, устраиваемая в мусульманском храме и являющаяся его главной деталью) оформлен резьбой по гипсу. Художественная резьба по гипсу — прием декора, с древних времен распространенный в Иране и Средней Азии. В Дагестане имеется всего, кажется, три ее образца. Все они демонстрируют высокое, совершенное искусство этого рода и, безусловно, выполнены мастерами из Ирана. В Иране есть михрабы, похожие на калакурейшский. Они датируются концом XI—XII веками.

Этот уникальный образец средневекового искусства, который я увидел в селении Калакурейш, имел плачевный вид. В 1913 году, когда перестраивали мечеть, резные гипсовые плиты сняли, разбив их на большие куски с бесформенными краями, а

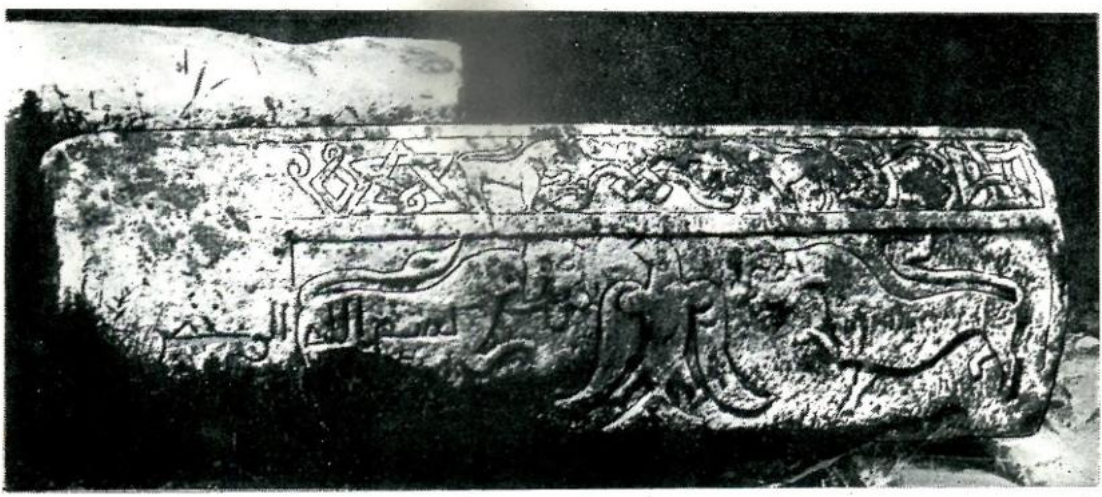
81. Намогильная стела архаического стиля; с. Дибгалик, ориентировочно XIV—XV вв.

потом прикрепили к стене, вколотив в тончайшее кружево резьбы большие деревянные колья. Щели между плитами грубо замазаны. Крыши нет, и старинное гипсовое изделие, простоявшее семьсот лет, разрушается, будучи открытым непогоде. Когда потом в райкоме я сказал, что надо спасти этот памятник искусства, хотя бы соорудив над ним навес, мне ответили, что заниматься ремонтом мечетей нам не следует: верующие могут истолковать это как положительное отношение властей к религии. Вот оно как. А в Тама, наоборот, нельзя

тронуть старую развалюху, чтобы спасти резные деревянные столбы,— тоже верующие могут неправильно истолковать. Диалектика!

Читатель, быть может, недоумевает: почему я проявляю такую заинтересованность по отношению к этому произведению переднеазиатского искусства, тогда как отрицательно высказывался о других примерах подобного стиля в Дагестане. Дело в том, что ценить следует все подлинное. Заимствования, остающиеся на уровне дилетантских подражаний, не воспринимаются положительно эстетическим чувством, которое основано на уважении к настоящему и не видит особой ценности в подделках, сознательных или бессознательных. Грузинская церковь в дагестанском селении Датуна — не дагестанское зодчество, михраб мечети в Калакурейше — не дагестанское декоративное искусство; но это вещи настоящие.

О Кубачах говорят и пишут так много, популяризируют и рекламируют Кубачи так усердно, как будто декоративному искусству Дагестана больше нечем похвастать. Одним из приме-

82. Надгробие горизонтальной формы; с. Калакорейш, XI—XII вв.

ров такой аберрации может явиться книжка искусствоведа А. С. Башкирова, изданная в 1931 году; она называется «Искусство Дагестана», но в ней рассматривается искусство (в данном случае камнерезное) только одного селения Кубачи. Это селение не представляет весь Дагестан не только потому, что в ДАССР имеются сотни других селений, в которых живут люди тридцати национальностей с разнообразными, порой весьма различными художественными традициями, но главным образом потому, что искусство Кубачей вообще

стоит особняком в дагестанской художественной культуре. Популярность кубачинского искусства основана именно на том, что оно ориентируется не на сугубо местные, а на усредненно-внешние вкусы. Кубачинские изделия не отличаются особой оригинальностью, они на что-то «похожи»,— а это как раз многим и нравится.

Кубачинцы официально считаются даргинцами, и в средней школе этого селения обучение ведется на даргинском языке. Однако их в действительности родной язык, урбугский, хотя и родствен даргинскому, но все же особый. Теперь на этом языке говорят, кроме Кубачей, еще только в одном селении — Ашты. Очень давно часть племени урбугцев стала специализироваться на ремесленном производстве. Еще полторы тысячи лет тому назад персы прозвали их местность Зирихгеран, что значит «оружейники». «Кубачи» означает то же самое по-турецки (это название дано, наверное, турками-сельджуками, в свое время распространившими свое политическое влияние до Дагестана).

На протяжении веков все жители этого селения были ремесленниками. Мужчины изготовляли оружие, утварь, занимались ювелирным делом, женщины выделывали сукна. В последнее столетие кубачинцы специализировались главным образом на ювелирном деле, чем занимаются и теперь. В Кубачах раньше изготовляли мастерски отделанные серебром кинжалы, а теперь делают пошлые подстаканники, а также специально выставочные экспонаты. Если бы кубачинцы продолжали делать кинжалы, то эту продукцию можно было бы продавать за хорошую валюту и зарабатывать на ней больше, чем на всяких там кувшинчиках и тарелочках, которые на мировом рынке не выдерживают конкуренции с иранскими и турецкими изделиями. А какой турист не хотел бы купить здесь кинжал как сувенир! Правда, в горах Дагестана туристы если и бывают, то «дикие».

Как отмечает искусствовед Э. В. Кильчевская, «кубачинские памятники XVI—XVIII веков весьма органично вписываются в общую орбиту переднеазиатского искусства позднего средневековья»[17]. Дело в том, что кубачинские ремесленники издавна работают на широкий, обезличенный рынок и поэтому их искусство в основном опирается не на коренные дагестанские традиции. Это свойственно, кстати, не только Кубачам. Рыночное производство всегда перестает быть национальным, за исключением тех случаев, когда специально консервируется в таком виде.

В силу этих причин кубачинцы издавна проявляли интерес к декоративному искусству разных стран. Когда-то молодые кубачинцы, как это было в средневековой Европе, в целях приобретения и совершенствования мастерства, отправлялись в далекие странствования и набирались опыта в художественно-ре-

83. Молитвенная ниша мечети в с. Калакорейш; конец XI—XII вв.

84. Каменный столб мечети в с. Калакорейш

месленных центрах Закавказья, Ирана, Турции. Они привозили с собой заграничные предметы декоративно-прикладного искусства, из которых создавались домашние коллекции. В каждом кубачинском доме на видном месте имеется выставка «красивых вещей» самого различного происхождения. Все это становилось источником вдохновения и служило материалом для выработки своих приемов мастерства, создания своего собственного, кубачинского варианта «восточного стиля».

На фоне аскетичного Дагестана в Кубачах бросается в глаза стремление к нарядности. Это видно, например, в изощренной орнаментации резных каменных плит каминов и вычурных по форме деревянных подбалок опорных столбов, в обилии декоративной утвари, даже в подчеркнуто праздничном одеянии девушек, идущих с кувшинами за водой. «В с. Кубачи давно нераздельно господствует страсть к орнаменту, вошедшая в плоть и кровь людей — мастеров резца, мастеров чеканки, знатоков искусства Востока, через руки которых проходили художественные произведения Китая Индии, Ирана, Бухары», — писал кавказовед Е. М. Шиллинг[13].

В прошлом в Кубачах процветало, помимо ювелирного, камнерезное искусство. Нигде больше в Дагестане не было круглой скульптуры и рельефной пластики. Большинство кубачинских каменных рельефов вывезено и находится в музеях Махачкалы, Ленинграда, Нью-Йорка. Остались единичные образцы, в большинстве своем не представляющие особой ценности. Правда, в числе их — прекрасная стилизованная фигура льва. Она осталась на месте потому, что заложена в кладку стены постройки. Резное «сундукообразное» надгробие в Калакурейше и резные двери калакурейшской мечети,— безусловно, тоже кубачинская работа.

В Кубачах имелись великолепные каменные тимпаны — надоконные вставки арочной формы, украшенные барельефами. Тимпаны такого типа в средние века делались и в Грузии. Исходная форма их — византийского происхождения. Но нигде нет тимпанов с такими барельефами, как в Кубачах. Это искусство здесь, хотя и возникло на почве вдохновения иноземными мотивами, своеобразно по формам и художественной трактовке. Оно самостоятельно по существу. Правда, его никак нельзя назвать дагестанским — но оно и не соотносится непосредственно с чем-либо, известным где-либо в других местах. Это именно кубачинское средневековое искусство. Датировать эти баральефы можно приближенно XII веком по начертанию букв арабских надписей на них. Кроме того, одежда, оружие и другие детали изображений на них указывают на тюрко-сельджукские прообразы,— что тоже свидетельствует о XII веке.

В Кубачах и некоторых ближних к ним селениях имеются резные каменные плиты, оформляющие нижнюю часть каминов.

По форме и стилю они относятся к той же «орбите переднеазиатского искусства позднего средневековья» и изготовлены, по-видимому, не ранее XVIII—XIX веков.

В селениях Среднего Дагестана, на территории, где живут даргинцы, кумыки и табасараны, во многих местах обращает на себя внимание тщательная отеска камней кладки стен построек. Она распространилась с конца прошлого века, когда местные мастера стали располагать хорошим камнетесным инструментом. До этого железо в Дагестане было очень дорогим. Старики еще помнят время, когда железо было ценно настолько, что кузнец, подковывая лошадь и пробивая в подкове отверстия для гвоздей, выбитые кусочки железа собирал и отдавал хозяину. Резцы и зубила для отески камня стоили дорого, поэтому старые постройки обычно сложены из грубо сколотого камня. Правда, в более отдаленное время, в XI—XII веках, когда в Дагестане, как и на всем Кавказе, происходил расцвет экономики и культуры, здесь имели место и отличная камнетесная работа, и художественная резьба по камню, сравнимая с лучшими во всем мире образцами искусства того времени.

Но в средние века техника обработки камня процветала, как и теперь, лишь в районе Среднего Дагестана. У аварцев же и чистая отеска камней кладки стен и художественная резьба каменных архитектурных деталей появились не так давно и не имеют широкого распространения. Зато зодчество Аварии отличается первоклассной плотничьей работой и высоким искусством резьбы по дереву.

Из дерева делали не только деревянные конструкции построек — столбы, балки и т. д. Жилища в горной зоне имели мебель — кровати, диваны, табуреты, лари и т. п. В быту употреблялась деревянная утварь — ларцы, коробки, ступки, мерные емкости, чашки и др. Деревянная утварь была многочисленна и разнообразна, и вполне резонно звучит своеобразное высказывание, слышанное мною от одного местного жителя: «Науке известен каменный, бронзовый, железный век. А у нас был еще и деревянный век».

Техника изготовления деревянной утвари имела здесь давние традиции. Археологами найдена чудом сохранившаяся деревянная чаша, изготовленная более трех тысяч лет тому назад. Дерево — материал недолговечный, поэтому древние деревянные изделия могли дойти до нас лишь в отдельных случаях. Но очень может быть, что в числе деревянной утвари, которая еще пятьдесят лет тому назад применялась дагестанскими горцами, были очень старые вещи. Ведь сохранились же деревянные столбы и двери, изготовленные семьсот-восемьсот лет тому назад. Мне еще приходилось видеть кое-где

в домах у горцев отдельные предметы деревянной утвари, но она быстро исчезает из обихода, вытесняемая покупными предметами фабричного производства. Некоторые старинные вещи попадают в музеи, но большинство их просто выбрасывается за ненадобностью. В каком-то ничейном сарайчике среди хлама я подобрал великолепную резную стойку от прялки, которая теперь красуется как уникальная вещь в моей московской квартире.

Резьба по дереву как искусство, имеющее древние традиции и рассчитанное на то, что пользоваться этими вещами будут люди той же среды, к которой принадлежал сам мастер, отличается архаичностью стиля. Правда, встречаются деревянные изделия уже с орнаментом совершенно иного — восточного типа. Сопоставление этих разных изделий наглядно показывает несостоятельность утверждений о том, что будто бы геометрический стиль орнамента был обусловлен самой техникой резьбы по дереву.

Старая дагестанская керамика, по очертанию форм изделий и по характеру их орнамента, соответствует эстетическим вкусам тех, кем и для кого она создавалась,— людей, вку-

85. Деревянная резная подбалка кубачинского стиля

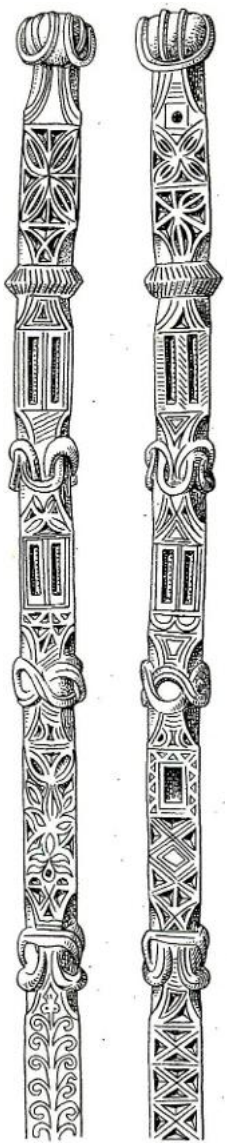
сы которых определялись спартанскими условиями жизни. С эпохи бронзы и до прошлого века здесь преобладали сосуды четкой лаконичной формы, изготовленные путем простейшей техники обжига, без полива и почти без росписи, терракотово-кирпичного цвета, со скупым прочерченным или налепным орнаментом. Только на крайнем юге Дагестана, вернее, за его нынешними пределами, в пограничной с ним местности Азербайджана (где, как и на юге Дагестана, проживают лезгины), лет двести-триста тому назад изготов-

86. Резная каменная надоконная вставка из с. Кубачи, XII в. (Метрополитен-музей, Нью-Йорк)

87. Резная каменная плита камина из с. Кубачи, конец XIX века

88. Резная стойка прялки; ориентировочно XIII в. (Кайтагский район)

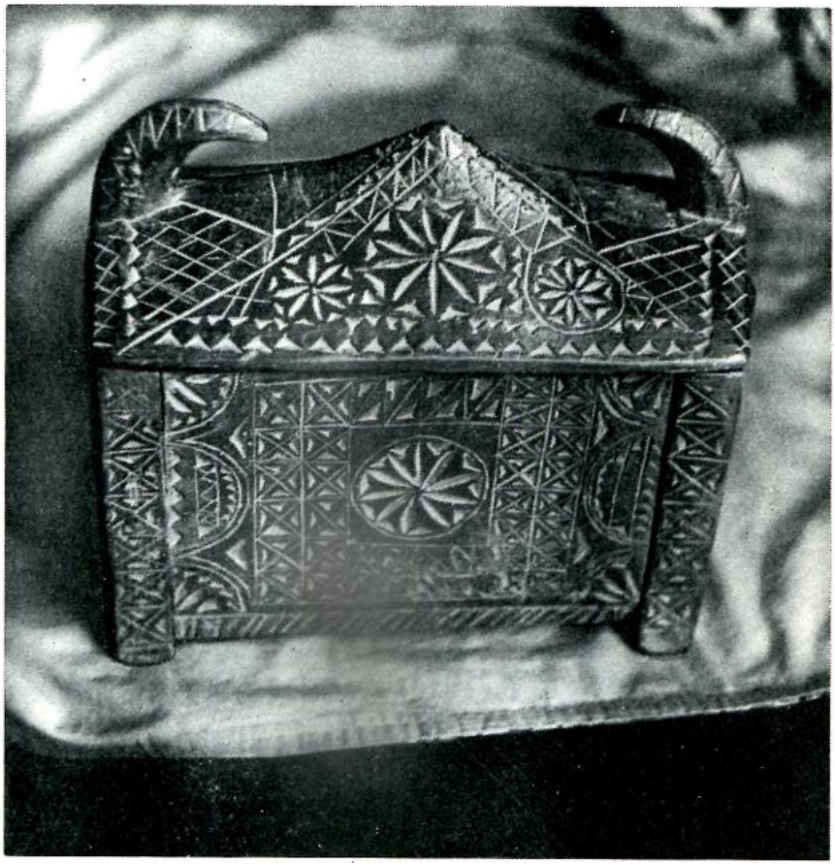
ляли керамику с отличной многоцветной поливной глазурью. В последние десятилетия керамическое производство, не выдерживая конкуренции фабричных изделий, свертывалось. К 1940-м годам в Дагестане остался уже только один центр кустарного производства керамики — Балхар. И можно понять, почему: помимо того, что селение Балхар находится в глубинном горном районе, который в условиях бездорожья не был избалован внешними поставками, эти изделия, при их весьма умеренной цене, прельщали покупателя своей декоративностью. Вкусы за последние сто лет постепенно изменились, и строгая архаическая орнаментика им уже все меньше импонировала.

В Балхаре выработался стиль росписей своеобразный, не копирующий какие-либо заимствованные образцы. Роспись опоясывает сосуд крупной вязью, которая, как писал Е. М. Шиллинг, «создает впечатление богатого при всей своей простоте растительно-геометрического орнамента, лишенного строгой симметрии и точности, но необычайно выразительного, свежего и непосредственного». Далее автор отмечает: «Обращаясь к Кавказу в целом, мы можем указать на известные центры керамического производства в Закавказье — в Кахетии, Карталинии, Имеретии и в некоторых местах Армении. Однако они в отношении орнамента, как мне кажется, менее богаты, чем Балхар. Таким образом, несомненно следует признать, что Балхар представляет собой большой интерес в масштабе всего Кавказа»[14].

Процесс производства керамических сосудов в Балхаре — дело целиком женское; и приготовление глины, и заготовка изделий, и их роспись, и обжиг. Может быть, то обстоятельство, что расписывают сосуды женщины, оказалось одним из факторов, повлиявших на формирование стиля орнаментации балхарской керамики. Эстетический вкус женщин-горянок в последние сто лет формируется под воздействием внешних влияний, среди которых немаловажную роль играет знакомство с привозными узорчатыми тканями.

Вообще в разных сферах материального производства эстетические нормы переменчивы в разной степени. Если архитектура, будучи создаваема на месте, а также декор, связанный с архитектурой, у кавказских горцев отличались устойчивостью форм, то формы и декор перемещаемых предметов, которые изготовлялись на обезличенный рынок, сравнительно быстро менялись и становились более общими, усредненными. Например, стиль отделки оружия в прошлом веке был на всем Кавказе один (только опытный глаз знатока отличит, например, дагестанский кинжал от грузинского, а среди дагестанских кубачинскую работу от аварской). Мужской «кавказский» костюм является по происхождению черкесским и распространился по всему Кавказу в середине прошлого века.

Женский костюм у кавказских горцев более своеобразен, традиционен. Еще пятьдесят лет тому назад (а в некоторых случаях и сейчас) национальность женщины в Дагестане можно было определить по ее головному убору. И в то же время, как это ни противоречиво, женский костюм был весьма подвержен влиянию внешних факторов. В результате мирных сношений или военных стычек с соседями в руки горцев

89. Резная деревянная шкатулка с орнаментом традиционного местного стиля (Дагестанский республиканский краеведческий музей)

попадали вещи, привлекавшие внимание их жен и дочерей,— ткани, платки, платья, которые были более нарядны, чем их собственные. Дело в том, что старинная женская одежда у кавказских горцев отличалась той же суровостью стиля, которая была характерна и для других бытовых вещей. Женское платье делалось из одноцветной ткани, причем темного цвета, главным образом темно-синего или темно-зеленого, шаровары всегда черные, головной платок обычно черный, изредка белый. Лишь края одежды обшива-

лись цветной тесьмой да серебряные нагрудные украшения белели на фоне темной ткани.

У женщин равнин и долин (азербайджанок, черкесо-кабардинок, татарок) одежда была более яркой по цвету, причем с узорами — набивными, нашивными, вышитыми. Нарядностью отличалась также одежда (мужская и женская) у аланов — степного народа, который в средние века играл

90. Резная деревянная емкость для муки с орнаментом ближневосточного местного стиля (Дагестанский республиканский краеведческий музей)

91. Расписная керамика из с. Балхар, первая половина XX в. (Дагестанский республиканский краеведческий музей)

большую роль во всех делах на Северном Кавказе, в том числе в определении вкусов.

Женщины тех народностей, которые так или иначе сталкивались с жителями равнин и долин, приобрели вкус к обогащению облика своей одежды. В Дагестане это были в первую очередь кумычки, поскольку они жили у самого края горной области, а также аварки восточных районов, кубачинки, лачки — поскольку их мужья и отцы имели развитые торгово-хозяйственные связи с внешними рынками. Распространялся

швейный орнамент и в более отдаленных горных районах. Орнаментация женской одежды выполнялась двумя способами: более старый и простой — нашивка аппликаций из тканей других цветов, более дорогой — золотое и серебряное шитье. В орнаментах преобладают крупные растительные мотивы: ветви, листья, цветы, бутоны и т. п., а также неизобразительные криволинейные узоры, отдаленно связанные своим происхождением с растительными и другими смысловыми элементами.

92. Бронзовый котел с орнаментом кубачинского стиля; ориентировочно XV—XVII вв. (Дагестанский республиканский краеведческий музей)

В прошлом почти во всем Дагестане женщины занимались ковровым производством. На юге изготовляли ворсовые ковры в стиле, распространенном в Азербайджане (а последний развивался в русле иранских традиций). Аварские тканые безворсовые ковры более оригинальны.

Совершенно своеобразна кайтагская вышивка чехлов для подушек. Она делалась техникой аппликаций. Эти чехлы теперь

исчезли из обихода, и их можно увидеть только в музее. Их орнамент генетически связан с древней культовой символикой, наиболее ярко отразившейся в резьбе по камню и по дереву.

В дальних западных районах Дагестана, Тляратинском и Цунтинском, до сих пор бытует производство шерстяной вязаной узорчатой обуви. Раньше, когда приверженность к

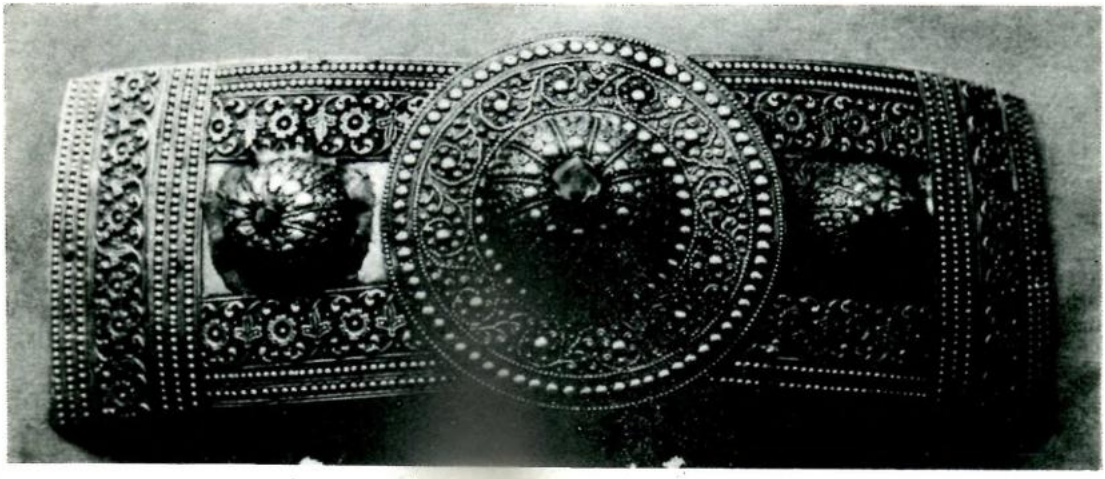

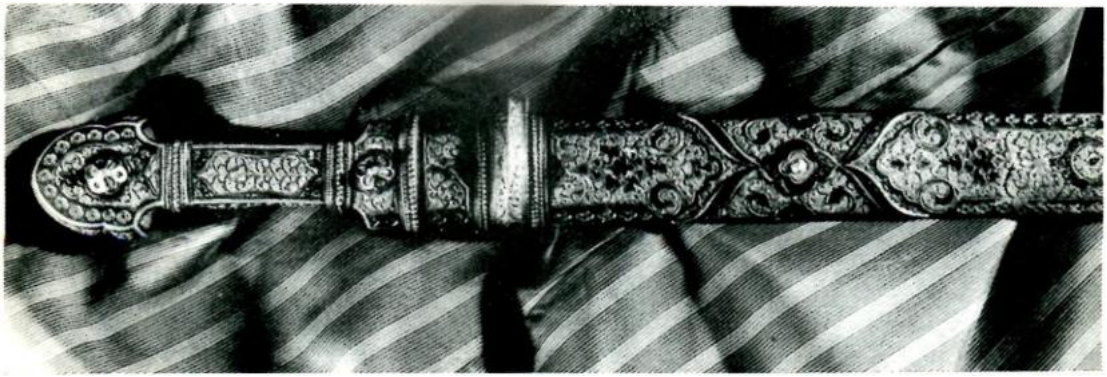
93. Кубачинские ювелирные изделия; современная работа

традициям была более стойкой, чуть ли не в каждом селении придерживались своей системы узоров, так что, как пишет Е. Шиллинг, «опытный глаз местного жителя при одном взгляде на то, как обут человек, без ошибки определял, откуда тот пришел»[15].

До последнего времени по всему Дагестану производилась металлическая утварь — тазы, чаши, водоносные кувшины. Это медные кованые изделия, луженые, украшенные гравировкой и чеканкой. Их орнаментация отражает влияние узо-

ров на привозных сосудах ближневосточного и закавказского происхождения, но, в то же время, в ней имеются и мотивы, сходные с декором древней местной керамики.
Интересны средневековые литые бронзовые котлы со скульптурными и орнаментальными украшениями; они изготовлялись, главным образом, в Кубачах.

95. Кинжал кубачинской работы, XIX в.

94. Серебряная пряжка женского пояса, XVIII—XIX вв.

Ювелирное производство было развито не только в селении Кубачи. Не менее интересны работы мастеров декоративной отделки народного оружия и серебряных женских украшений из лакского селения Кумух, лезгинского селения Ахты, ряда горных аварских селений — Ругуджа, Чох, Хунзах, Гоцатль.
Своеобразно искусство декоративной отделки техникой насечки металлом по дереву, возникшее в XIX веке в аварском селении Унцукуль.

Музей краеведения в Махачкале не очень богат образцами традиционного местного искусства. Но то, что можно увидеть здесь, все же дает представление о его разнообразии самобытности. Сожаление вызывает, однако, что устроители экспозиции не видели принципиального различия между характерным и случайным, самобытным и заимствованным, шедеврами и ширпотребом. Впрочем, это в определенной мере было обусловлено и наличием тех или иных материалов в музее, и тем, что он расположен в тесных, совершенно непригодных для показательной экспозиции помещениях.

В узком коридоре стоят монументальные экспонаты — резная деревянная перегородка из аварского зального жилища и даргинский ларь для зерна. Их здесь невозможно не только сфотографировать, но и рассмотреть как следует. Книжные магазины, где продается литература по искусству, ныне имеющая большой спрос, предлагают издания по искусству всех времен и народов. Индия, скифы, этруски, даже, если вам угодно, коптские ткани — пожалуйста. И мало кто знает, что в коридоре музея Махачкалы стоят произведения искусства мирового класса, созданные местными народными мастерами,— уникальные вещи, которые могли бы украсить любой музей мира и самую роскошную книгу по искусству.

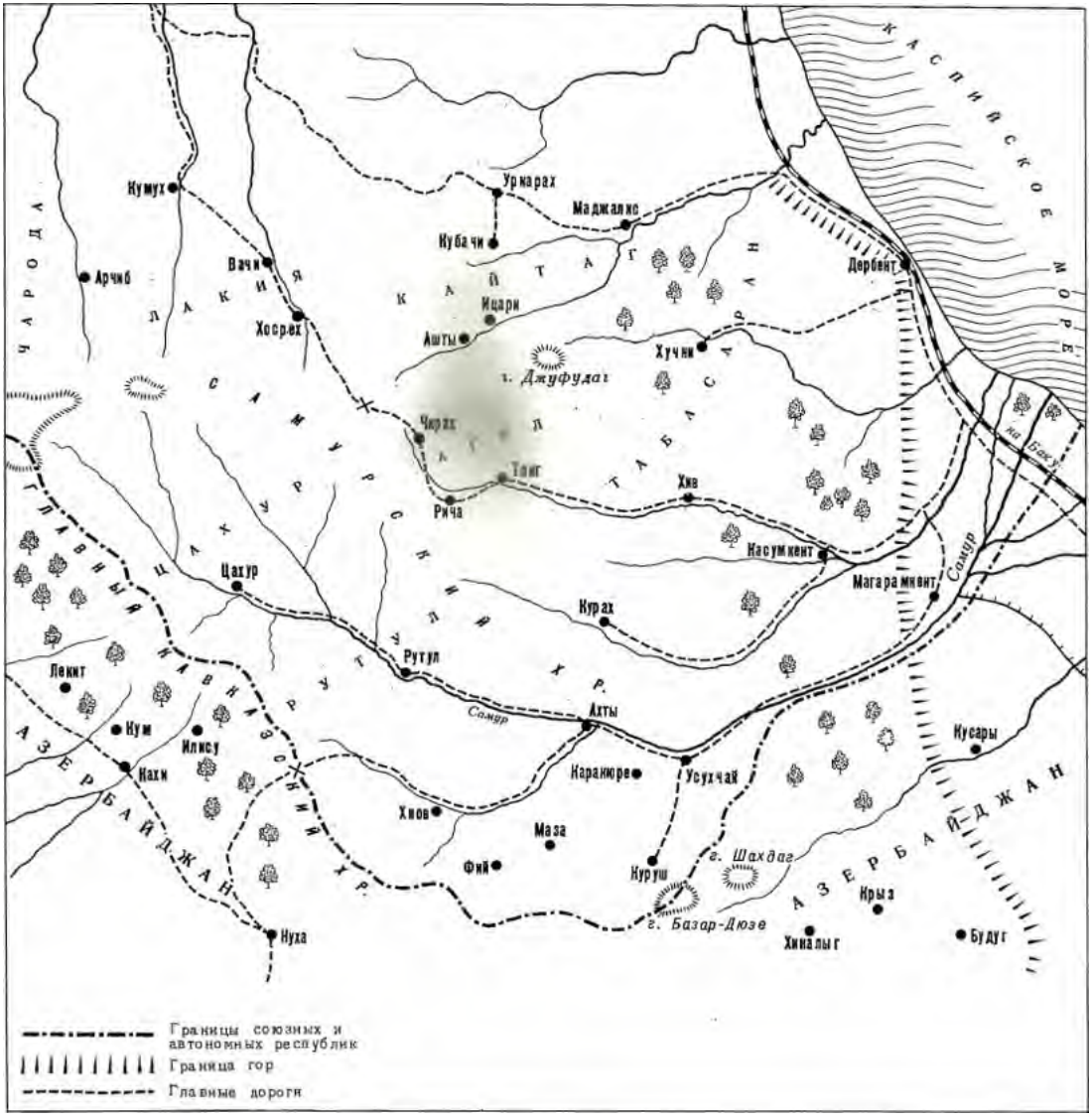
Обращает на себя внимание в махачкалинском музее краеведения еще одно обстоятельство: и в будний день здесь много посетителей,— в том числе горцы, крестьяне, приехавшие по своим делам в город. Это отрадно.

А теперь зайдем в магазин «Сувениры-подарки», находящийся напротив музея.

Здесь поражает другое. Половина торговой площади отведена под стандартную галантерею, которую предлагают соответствующие торговые предприятия по всей стране. В другой половине — в огромных количествах рога с примитивной отделкой стиля «ширпотреб» — это изделия некогда прославленных ювелиров Гоцатля. Набор серебряных рюмочек — ныне высший класс их мастерства. За скудностью ассортимента полки секции «Гоцатлинские изделия» дополнены бутылками коньяка. Что же предлагают всемирно известные Кубачи? Серебряные ложки и подстаканники с примитивной отделкой чернью, а также все те же рога. Несколько более высокий класс по сравнению с Гоцатлем, который совсем деградировал. Унцукуль держится на высоте эстетически вполне приемлемого; но корни этого искусства неглубоки, в нем нет обаяния вековой старины. Балхарская керамика (для удобства изготовляемая в Махачкале) — мелкая и явно конвейерная. Ковры — тусклы по расцветке и дороже, чем на местном рынке.

Что ж, как «сувениры-подарки» вся эта продукция, может быть, и сойдет.

Карта-схема
Юждага
(Южного Дагестана)

У границ Кавказской Албании

В Дербенте летом жарко. Серо-синий Каспий тяжелым свинцом лежит у сухих пыльных берегов и простирается вдаль, растворяясь в мутном мареве на востоке, откуда доносится горячее дыхание среднеазиатских пустынь.

Существующий ныне город построен в основном за последние сто пятьдесят лет, после присоединения к России (в Дербенте русское управление существовало с 1806 г.). От древнего Дербента осталось лишь несколько сооружений. В двух километрах от берега, на возвышенности, за которой вздымаются бескрайние горы, стоит цитадель. От нее к берегу шли две параллельные линии оборонительных стен, между которыми размещался город, включая и постройки, и огороды.

Дербент расположен в месте, где Кавказские горы ближе всего подходят к Каспийскому морю. Он был основан как крепость, преграждавшая путь вдоль побережья. В древние времена через это место, называвшееся «Каспийскими воротами», то и дело врывались с севера, из степей Предкавказья, орды воинственных народов, разорявшие города Закавказья. Крепость была построена персами в VI веке, в период царствования династии Сасанидов, для защиты их закавказских владений от обитавших в Прикаспии гуннов, а затем хазар. Иран тогда простирался от Индии на востоке до Византии на западе. Кавказская Албания, находившаяся на территории нынешнего Азербайджана, стала одной из персидских провинций, и северная граница империи продвинулась до Каспийских ворот. Город был назван Дарбанд, что по-персидски значит «запертые ворота».

В 692 году Дербент был взят арабами, но первый их поход в Дагестан закончился неудачно. Окончательно закрепились арабы в Дербенте в 732 году. Ими были проведены работы по возобновлению крепости; она многократно перестраивалась и в дальнейшем, в том числе в XVII—XIX веках. После того как арабы ушли, Дербент обычно подчинялся ширванским шахам, а в периоды своей самостоятельности находился в культурной связи с Ширваном (т. е. Азербайджаном).

Таким образом, исторически Дербент возник и развивался как город не дагестанский, хотя находится в окружении земель, населенных одной из дагестанских народностей —

лезгинами. Соответствующий характер имеют его традиционная художественная культура и архитектура. Ныне, находясь в пределах административных границ Дагестанской АССР, Дербент является одним из хозяйственно-экономических центров республики. Но что касается старой, традиционной культуры, особенно художественной, он представляет особое явление в дагестанской среде.

Старое и новое соседствуют в Дербенте. На периферии города возводятся массивы крупнопанельных зданий, а центральная его часть, находящаяся в полосе между крепостными стенами, которые шли от цитадели к берегу моря, застроена одно-двухэтажными домами прошлого века. Мужчины в папахах, молодые люди с модными галстуками и транзисторами; женщины в платках и девушки в брючных костюмах. Одно другому не противоречит и не вызывает взаимного недоумения. В городе имеются современные промышленные предприятия, а жизнь на улицах какая-то по-азиатски сонная, и в базарный день на старинных крепостных стенах развешаны ковры для продажи.

Стены, которым полторы тысячи лет; дома, которым сто лет. То и другое сроднилось тем, что все это — старина. Время как будто остановилось. Но на этих домах — телевизионные антенны, а в древние городские ворота въезжают автомобили.

В иных городах старина лишь вкраплена в ткань нового. В Дербенте старая часть города сохранилась в прежнем виде (если не считать, конечно, асфальта, электрического освещения улиц, средств наглядной агитации на стенах построек и т. п.). Дома построены из камня-ракушечника, легко поддающегося резьбе. Резные каменные детали украшают почти каждую постройку. На большинстве старых зданий — плоские крыши. Общий стиль архитектуры старого Дербента, сложившийся к концу XIX века, своеобразен. Это стиль дореволюционной застройки провинциальных городов Закавказья. Теперь он уже нигде не сохранился в таком компактном виде, как здесь.

За период Советской власти число врачей в Дербенте возросло с 3 до 206. Казалось бы, наглядный показатель роста культуры. Но вот другие показатели. В магазине сувениров — стандартная галантерея. А ведь какое здесь раньше делали серебро! Давно забыто производство поливной и расписной керамики, процветавшее в этих местах. В музее — ни одного изделия национальных промыслов, ни одного предмета национального искусства. Музей в городе Дербенте имеет жалкий вид по сравнению с великолепным музеем в горном селении Ахты.

Когда-то Дербент был цитаделью мусульманства в языческом Дагестане. Затем, при распространении ислама среди горцев,

96. Дербентская городская стена, возведенная в VI в

отсюда заимствовались и некоторые сопутствующие ему формы архитектуры и искусства. Удивительно, однако, как мало было заимствовано. Сохранившиеся в Дербенте фрагменты старины отчетливо носят характер ирано-азербайджанской культуры, не находившей отклика в психологии дагестанцев. Во всем Дагестане нет ничего подобного архитектуре городских ворот Дербента. Вот Джума-мечеть, которая первоначально была построена в VIII веке, затем восстановлена после землетрясения в XIV веке и перестроена в

XVIII—XIX веках. Ее типично иранская арочно-купольная архитектура так и осталась инородной на фоне зодчества Дагестана.

Вдвоем со случайным попутчиком — молодым кумыком из Буйнакска, приехавшим с коммерческой целью, в поисках предметов старины (как то делают некоторые москвичи, отправляясь по русским деревням) — мы вошли во двор мече-

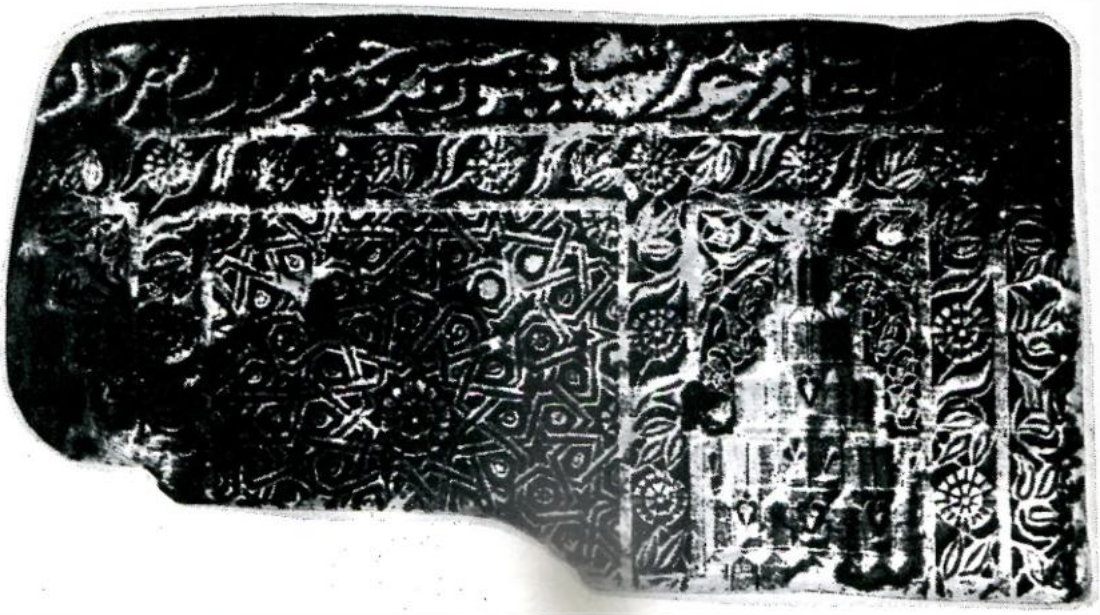

97. Городские ворота в Дербенте, сооруженные в XVII—XVII вв. в стиле азербайджанской архитектуры

ти. Здесь тоже оказалось, что старое сочетается с современностью: портал был пестро размалеван масляными красками. «Вот невежды»,— промолвил парень, по роду своего хобби разбирающийся что к чему. Я раскрыл фотоаппарат, чтобы запечатлеть на пленке это чудо клерикального искусства второй половины XX века. Из помещения правления религиозной общины выбежала женщина с криком: фотографировать нельзя — это святое место. На фасаде мечети висит мраморная доска с надписью «состоит под охраной». Инте-

ресно, что же здесь охраняется — памятник архитектуры или цитадель невежества и религиозного фанатизма?

Есть в Дербенте вещи любопытные, есть интересные. Но время, проведенное около крепости, связано с ощущением какого-то очарования. Наверное, потому, что здесь архитектура слилась с природой. Архитектура здесь представляется естественной, такой, какой она должна быть. А главное,

конечно,— пейзаж, живописный горный ландшафт. Ощущение времени, вечности, исходящее от древней крепости (хотя и обезображена она горе-реставраторами, выпятившими на центральное место здание современного вида), сливается с очарованием вечной природы. Нам так ее не хватает. Нам так не хватает ее гармонии, мы так остро ощущаем потребность жить в контакте с нею — ведь мы ее дети. Рядом с этим ансамблем серьезной архитектуры и вечной природы Дербент пошл и суетен. Не потому, что это провинция, а потому, что это обыденная искусственная среда, созданная без понимания ценности жизни в гармонии с природой.

98. Резная каменная архитектурная деталь в Дербенте

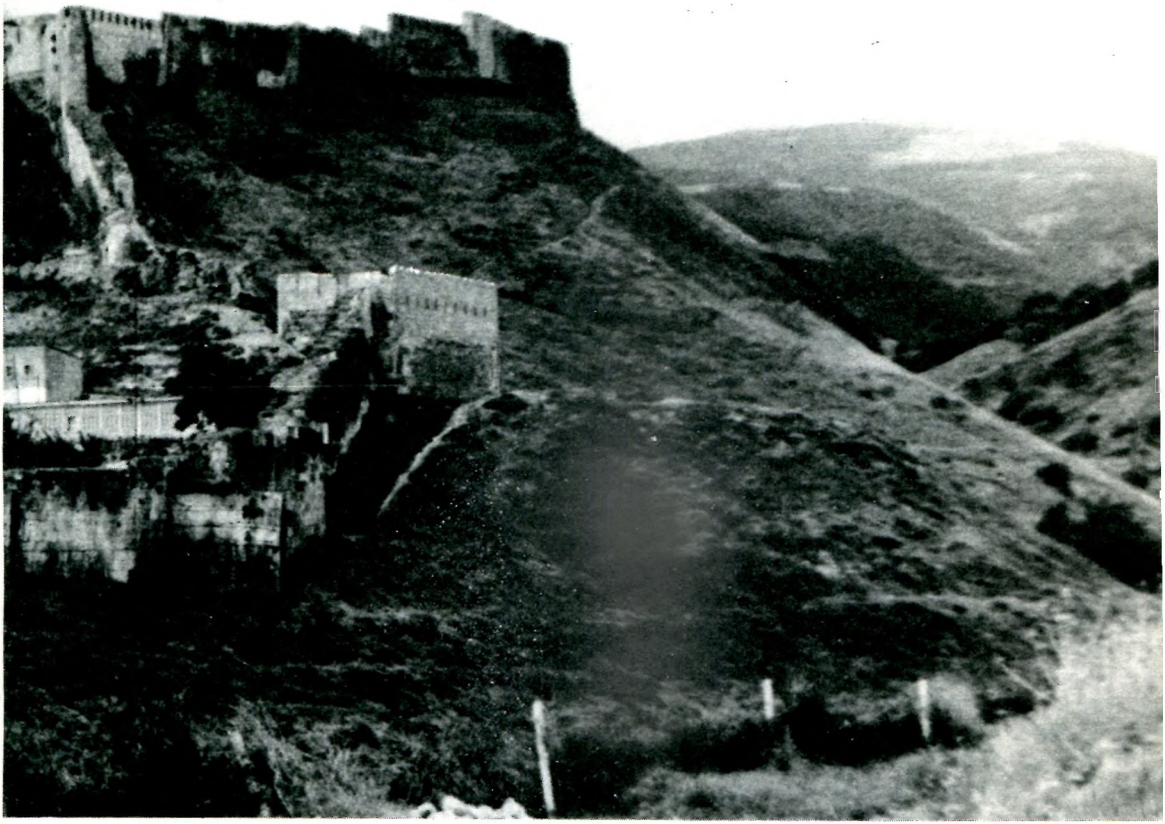
От дербентской крепости на восток, в глубь гор, на 40 километров тянется крепостное заграждение, называемое Горной стеной. Теперь можно видеть местами лишь его остатки. Оно представляло собой мощную каменную стену с крепостцами-фортами через каждые несколько километров. Архитектурно-строительные особенности этих укреплений сви-

99. Цитадель Дербентской крепости

детельствуют об их переднеазиатском (а точнее — иранском) происхождении. Когда-то персидские властители переселили сюда людей из Ирана для постоянной охраны этих укреплений. Жители селений, расположенных в районе Горной стены, и теперь еще говорят на староперсидском языке; их называют татами.

В конце Горной стены, на возвышенности близ табасаранского селения Хучни́, стоит старая крепость, о происхождении которой трудно сказать что-либо определенное. Она распо-

ложена на продолжении Горной стены и как бы замыкает ее. Поэтому можно предположить, что эта крепость — последний укрепленный пункт в системе Горной стены. Но стена на несколько километров не доходит до нее. К тому же по планировке и строительной технике эта крепость отличается от фортов Горной стены. Но по этим же признакам она не может быть отнесена к дагестанскому зодчеству. Это сооружение имеет у местных жителей странное название — Чухункала, что значит «еврейская крепость». Дальше на восток есть

высокая гора, называемая Джуфудаг, что значит «еврейская гора». На ее вершине имеются остатки каких-то укреплений. Отсюда в ясную погоду обозревается весь район Горной стены вплоть до Дербента.

Теперь уже трудно сказать, с чем связаны эти названия. По преданиям дагестанских евреев, они были выселены сюда персидским царем; возможно, в числе других переселенцев из Ирана они должны были охранять пограничные укрепления империи. Но обитателями упомянутых крепостей могли быть и аборигены, принявшие иудаизм. В Дагестане раньше национальность отождествлялась с вероисповеданием; так, принявших христианство называли «армянами», или «греками», или даже «римлянами» (т. е. византийцами).

В первых веках нашей эры, до прихода в Южный Дагестан персов и сооружения ими Дербентской крепости, где-то в этих местах, наверное, проходили границы Кавказской Албании. О том, каковы были пределы этого древнего государства, нет единого мнения среди историков. Некоторые считают, что весь Дагестан входил в Албанию. Но нужно побывать в горах Дагестана и представить себе состояние этого края две тысячи лет тому назад, когда здесь не было дорог и горы были покрыты дремучими лесами, чтобы понять фантастичность такого предположения. Даже могущественные персидские цари, без затруднений присоединившие к своей империи албанов, ничего не могли поделать с Дагестаном. Как же сами албаны могли подчинить себе дагестанцев?

Видимо, суждение о том, что будто бы весь Дагестан когда-то являлся частью Кавказской Албании, основано на желании видеть этот край в составе легендарного древнего государства (которое воевало с самим Римом!). Но ничего выдающегося это государство собой не представляло. Кавказская Албания не была страной высокой культуры типа Армении или Грузии.

Некоторые исследователи албанской проблемы, когда речь заходит об искусстве этой страны, не находят ничего лучшего, как упоминать о средневековом искусстве кубачинцев, существовавшем через тысячу лет после Албании.

На равнине в 25 километрах южнее Дербента находится большое городище Топрах-Кала. Укрепления состоят из глубокого рва и мощного земляного вала, наверху которого сохранились фрагменты стен из сырцового кирпича и следы ворот, возведенных с применением обожженного кирпича. Судя по обнаруживаемым чертам планировки и строительной техники, это — раннесредневековая иранская крепость. Может быть, и правы те, кто считает ее албанским городом, но никаких элементов связи с зодчеством Дагестана у этих сооружений нет.

Примерно в этом же районе, у устья р. Самур, есть городи-

ще, называемое Армен-Кала. Я осматривал его с археологом В. Г. Котовичем. Мы находили обломки керамики, которую он считал сходной с тем, что обнаруживается в Северном Азербайджане, и квадратные обожженные кирпичи, обычные в Иране, получившие распространение в средневековом Азербайджане, но не воспринятые Дагестаном. Может быть, этот район входил в культурно-политическую сферу Кавказской Албании. В Албании часть жителей приняла христианство. Оно распространялось миссионерами из Армении. Поэтому здешних христиан называли «армянами». Отсюда и название Армен-Кала («армянская крепость»).

Можно допустить, что Южный Дагестан, населенный лезгинами, входил в состав Кавказской Албании, ядро которой находилось в Северном Азербайджане. Но для последующей культуры лезгин это не имело явного значения. Культура лезгин родственна культуре других дагестанских народностей и отличается от культуры азербайджанцев.

Южный Дагестан населен народностями лезгинской группы. Это, прежде всего, сами лезгины (двести тысяч человек, половина которых живет в прилегающей полосе Азербайджана), а также табасараны (сорок тысяч), агулы, цахуры, рутулы (по нескольку тысяч человек). В Северном Азербайджане, помимо лезгин, обитают еще более малочисленные народности этой группы, населяющие каждая одно-два селения. Каждая народность говорит на своем особом языке, не понятном для соседей, хотя эти языки лингвистически родственны. Так и русский не понимает серба или чеха и даже болгарина — а ведь все славяне.

Дети любой национальности имеют право учиться на своем родном языке. Это теоретически. Но как практически реализовать это право для народности, которая столь малочисленна, что для нее невозможно издавать свои книги, не говоря уже о том, чтобы готовить учителей, которые вели бы преподавание на ее языке? Для малых языков нет даже письменности; они так и называются — бесписьменные языки. В агульских, рутульских и цахурских селениях обучение ведется на русском языке. Дети здесь оказались в более благоприятном положении для приобщения к современной образованности и культуре, чем, например, у народностей андо-дидойской группы западного Дагестана. Там они, придя в школу, начинают учиться почему-то на аварском языке, который для них такой же родной, как для агулов лезгинский.

В России не знают аварцев, лакцев, даргинцев, кумыков и т. д. Зато известны лезгины. Национальный танец любой дагестанской народности называется лезгинкой. Ансамбль

песни и пляски Дагестана носит название «Лезгинка». Дело в том, что в прошлом веке лезгинами называли всех дагестанцев. Потом это имя закрепилось за одним народом. А сами лезгины себя раньше так не называли. Происхождение же этого слова неизвестно.

Местность, где живут лезгины, примыкает к Дербентскому проходу и притом сравнительно доступна по своей топографии. Здесь тоже есть горы, и довольно высокие, но склоны их не покрыты лесами, как в Чечне, не изрезаны глубокими каньонами, как в Аварии, ущелья не узки, как в Осетии, где они вследствие этого могли быть защищены фортификационными сооружениями от доступа извне. Поэтому лезгинам трудно было отстаивать свою независимость. В древности они, возможно, были подчинены албанам; затем Южным Дагестаном владели персы; их сменили арабы, потом ширванские шахи, потом турки-сельджуки, потом дербентские правители, потом снова ширваншахи, потом снова персы, а в начале XIX века сюда пришли русские; лезгины, как и кумыки, первыми в Дагестане подпали под твердую руку Российской империи.

Такого рода исторические судьбы народа не могли не повлиять на его национальный характер. Можно только удивляться тому, что это влияние в конечном счете оказалось незначительным,— во всяком случае, менее явным, чем можно было ожидать. Лезгины мало отличаются от других дагестанцев. Для внешнего наблюдателя вообще практически не отличаются, и только сами дагестанцы находят какие-то отличия в оттенках национальной психологии.

В архитектуре и искусстве лезгин близость к трассе Прикаспийского пути и давние контакты с международной (в местных масштабах, конечно) культурой чувствуются. Здесь нет боевых башен. Нет средневековых жилищ, которые по внушительности и производимому впечатлению могли бы сравниться, скажем, с аварскими залами. Редко встречается резьба по камню, но те образцы, которые имеются, могут свидетельствовать о том, что это — остатки забытого уже древнего искусства. Кстати, эти резные камни аналогичны тем, которые фигурируют севернее, у даргинцев.

От эстетики, связанной с архаичными духовными концепциями родового быта, лезгины в значительной степени отошли, поэтому в их формах материальной культуры декор, происходящий от образов языческой магии, не занимает такого места, как у даргинцев, аварцев или даже живущих в приморье кумыков. Например, камины у них обычно не украшены лепкой, а намогильные стелы в большинстве лишены резьбы. Последнее обстоятельство, впрочем, может свидетельствовать, помимо приведенных причин, и о более глубокой специфике национальной психологии.

Ограниченный круг жанров свойствен и прикладному искусству, связанному с производством утвари, предметов домашней обстановки и т. п. у лезгин (как и у других народностей Южного Дагестана). Здесь не имеют развития (во всяком случае, в обозримый теперь период) искусство резьбы по дереву ларей, сосудов и мебели, изготовление металлической посуды, насечка по металлу в отделке конской сбруи, ювелирное производство, изготовление и украшение оружия — всего того, что так характерно для внутренних областей горного Дагестана, которые, будучи отдалены от внешних производственных и торговых центров, должны были удовлетворять спрос своего населения собственным кустарным производством.

В период XII—XVIII веков в лезгинском районе, который теперь находится в пределах Азербайджана, было развито производство интересной полихромной поливной керамики, но теперь оно забыто. В XIX—XX веках единственным развитым видом народных промыслов, имеющих художественное значение, является изготовление ковров. В Южном Дагестане чуть ли не каждая женщина занимается ковроткачеством. Однако теперь это уже в значительной мере не творчество, а поставленная на поток работа по упрощенным шаблонам.

В Южном Дагестане почти нет лесов. Раньше, судя по массивным балкам и опорным столбам в старых постройках, были, а теперь нет. Местность каменистая, неприглядная. Топлива нет. В качестве горючего материала употребляют кизяки: женщины делают их из смеси навоза и соломы с грязью и лепят на стены построек для просушивания.

Лезгины еще с прошлого века стали переселяться из высокогорий на более удобные для жизни места — на равнину в предгорной полосе и в горные долины. Одно из массовых переселений имело место после землетрясения 1966 года, при котором было разрушено и повреждено много домов в горных селениях Южного Дагестана. Мы посетили одно из них — Куквáз в Курахском районе.

Тропинка извивалась по склонам, поднимаясь все выше и выше. Над хаосом возвышенностей со скудным травянистым покровом вздымались громады Самурского хребта. Когда мы проходили мимо почти отвесной скалы, проводник указал вверх. На высоте нескольких сот метров над обрывом виднелись постройки. Обойдя гору, мы поднялись наверх и увидели селение. Со времени, как его покинули жители, прошло немного — два года. Постройки были почти целы, только крыши обрушились да окна и двери вырваны (дерево в этих местах — ценность). В звенящей тишине молча стояли

100. Селение Кукваз, покинутое после землетрясения

сбившиеся в кучу дома, глядя на нас мертвыми глазницами окон.

Когда-то здесь была жизнь, теперь она ушла в другие места. Спустившись и пройдя вниз к долине километров пятнадцать, мы пришли в Новый Кукваз. Среди деревьев аккуратные белые домики под шиферными крышами. Да, здесь жить лучше, несомненно. Теперь, когда постоянная военная опасность не заставляет людей забиваться в каменные теснины; они могут устроиться удобнее. Молодежь довольна, но старики тоскуют по горам.

Я взобрался на кузов попутной машины. В ней уже было несколько пассажиров — три-четыре женщины с узлами, одетые в темные длинные платья и черные штаны, в черных

101. Фрагмент селения в Курахском районе; на плоских крышах складывают кизяки, используемые как топливо в безлесных местностях

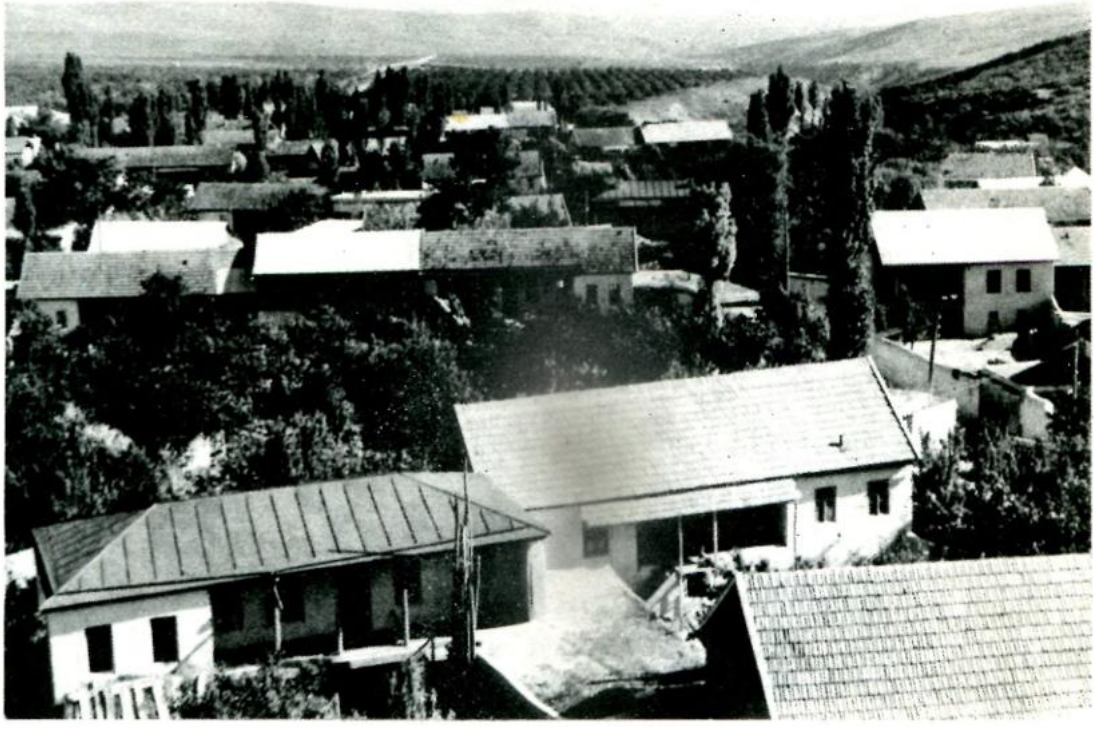
платках и мужчина в фуражке, транспортировавший откуда-то дрова. Несколько удрученный небогатым уловом в своих архитектурных изысканиях, я не склонен был общаться с попутчиками. Они же, снедаемые любопытством, поглядывали на меня. Наконец, мужчина решил завести разговор.

— Здравствуйте.

Я ответил.

— Почему здесь едешь? (Это значило: кто я такой, куда еду и что здесь делаю?)

— Я путешественник.
Мужчина повернулся к женщинам и своеобразно перевел им это слово, повторив его по-русски с местным произношением. Затем следовали, очевидно, пояснение и обмен мнениями. Они, видимо, остались не удовлетворены, потому что он снова обратился ко мне с вопросом:
— А что ты здесь путешествуешь?

102. Селение современного типа в Дагестане (с. Нижнее Казанище)

— Я смотрю местные постройки — дома, мечети...
— Зачем?
— Интересно.
— Вах! (возглас удивления, сокращение от «вай аллах»). Он стал что-то оживленно говорить женщинам, они, смеясь, отвечали ему в тон. Потом мне было высказано их заключение:
— Что здесь интересного? Поехал бы в Ленинград.
Действительно, в Ленинграде архитектура более видная (да-

103. Дома из сырцового кирпича в с. Куруш

же они об этом наслышаны). Но и здесь есть вещи, достойные внимания и изучения. Доктор искусствоведения С. О. Хан-Магомедов многократно ездил в Южный Дагестан, собрал обильные данные о местном зодчестве, написал о нем несколько книг и целую серию научных статей. Надо уметь смотреть.

Лезгинское селение Куруш расположено на высоте 2427 м над уровнем моря — выше всех населенных пунктов на Кав-

казе. Несмотря на это, добраться до него несложно. От селения Усухчай, которое лежит в долине реки Самур, путь идет вверх вдоль широкого ущелья; довольно сносная автодорога извивается на зеленом склоне. Горы здесь не скалистые, но там и сям видны груды камней. Впереди величественно сияет в синем небе снежная вершина Базар-Дюзи, самая высокая в Дагестане (4480 м), а левее, чуть пониже — гора Шахдаг, находящаяся уже на территории Азербайджана.

После полутора часов езды показывается Куруш — россыпь домиков, крошечных в окружении величественных горных громад. Лесов здесь нет, но травы сочные и обильные. Эта местность — рай для скотоводства, которое является традиционным занятием местных жителей. По их уверению, здесь можно было бы развести в десять, в сто раз больше овец, чем теперь. Да только некому этим заниматься: местность мало населена, а молодые люди не хотят быть чабанами; получив образование, они ищут себе более достойное, по их мнению, занятие.

Сто лет тому назад Дагестан был страной сплошной неграмотности. Если и были образованные люди, то все их образование заключалось в знании арабского языка, на котором они могли читать глубокомысленные средневековые трактаты.

На меня произвел впечатление опубликованный в прошлом веке этнографический очерк, написанный молодым дагестанцем, который учился в России и приехал на каникулы в свое родное селение[16]. Его отец, всей душой преданный вере предков и обычаям родного края, тем не менее пришел к пониманию того, что будущее его соотечественников — в европейской образованности. Он отправил своего сына учиться в Россию. И вот юноша приехал на каникулы. Отец, встретив сына, не подпустил его к себе, пока тот не показал ему, что не забыл мусульманских молитв. Потом, преклонив колена, стал вымаливать у аллаха прощение сыну и себе. Когда они прибыли в селение, молодой человек, переодевшись в местную одежду и спрятав волосы под папаху (мусульмане бреют голову), оставался, тем не менее, для всех чужим. Женщины прятались, увидев его, а мужчины относились к нему настороженно. От приводил такой отзыв своих односельчан о русской власти: «Слыханное ли дело, чтобы победители и неверные обращались с нами так, как обращаются русские? Хотя нам и связали руки, но они не грабят нашего имущества, не уводят наших жен и детей в плен и даже защищают нас от воров и мошенников. Это недаром, тут скрывается что-нибудь страшное. В прежние времена ни шамхалы тарковские, ни уцмии кайтагские, ни ханы казикумухские не обращались с нами так, ни даже сам Шамиль».

То было сто лет тому назад. А теперь в Дагестане человек с высшим образованием так же обычен, как в России. Не редкость селение, из числа жителей которых происходит несколько кандидатов наук. В Дагестане теперь — пять высших учебных заведений, шестнадцать техникумов, пятьсот библиотек. Невольно возникает мысль: а что здесь было бы, если бы победил Шамиль?

Сто лет хозяйственного и культурного развития в условиях единства с русским народом, а затем с семьей советских народов, преобразили страну. Сто лет тому назад это был отсталый, нищий, обездоленный край, с примитивным хозяйством, засильем средневековых нравов и пережитков патриархально-родового строя. Сейчас в это трудно поверить. Дагестан по уровню своей экономики не отличается от областей России, а дагестанцы, по культурному развитию,— от представителей других национальностей нашей страны.

Присоединение Дагестана к России, задевая национальные чувства местного населения, в то же время положительно сказалось на хозяйственном и культурном развитии края. Были прекращены междоусобные войны, запрещена работорговля, отменены внутренние таможенные пошлины. Вошло в нормальную колею сельское хозяйство, наладилась торговля, строились мосты и дороги, появились зачатки промышленности. В начале XX века, в период интенсивного развития капитализма в России, экономика Дагестана процветала, о чем, между прочим, говорит вид построек тех лет. Только после присоединения к России в Дагестане появились школы, началось изучение страны, ее природных условий, культуры, языков. Возникла национальная интеллигенция, получившая образование не в духовных училищах, а в светских учебных заведениях. Представители этой интеллигенции были руководящей силой в борьбе за власть Советов в Дагестане.

В Куруше тихо. Жителей мало: кто на горных пастбищах, кто уехал по делам на плоскость. Старухи хлопочут по хозяйству. Сбежались дети, с изумлением смотрят на приезжих. Громады гор высятся вокруг, сияет ярко-синее небо с неподвижными ватными клочьями облачков. Вечером, когда люди придут с работы и с поля пригонят скотину, селение несколько оживет, но шума и суеты не будет. Удивительная умиротворенность в этих горных селениях. Люди неторопливы, степенны, держатся уверенно, разговаривают спокойно.

Мне нравилось наблюдать, как они разговаривают. Уважительно, без нетерпеливости или пренебрежения. Говорящему дают возможность высказаться, не перебивают друг друга.

Горцы хорошо держатся, и речь у них поставлена хорошо. Однажды мне пришлось быть свидетелем заседания правления колхоза. Не понимая ни слова, я слушал с удовольствием. Это было у даргинцев, язык которых считается в Дагестане красивым. Звучание речи мужественное, выразительное, так сказать, пластичное, речь богата интонациями. И что еще меня поразило: никакого шума, никакой суетности. Все держались с достоинством и с уважением к собеседнику. А разговор шел, как я потом узнал, неприятный.

Из-за того, что в горах тихо, а поверхность земли неровная, с человеком легче переговариваться на расстоянии, чем подойти к нему. Может быть, поэтому у горцев выработалась привычка говорить ясно, отчетливо, выразительно. Как-то, находясь в одном доме, я сказал, что должен торопиться, потому что мне надо попасть на машину, идущую в другое селение. Хозяин ответил: «А мы сейчас узнаем, пришла ли машина». Он вышел на террасу, окликнул соседа, тот вызвал кого-то дальше, пока на другом конце селения не поднялся на крышу человек, которого затребовали. Так они и переговаривались из конца в конец. По-русски на таком расстоянии говорить было бы бесполезно: слов не разобрать.

В Куруше тихо. Припекает солнце. Постройки неказисты. Они возведены из самана, обмазаны и побелены. Это показалось бы странным, если бы я не видел, что и в других горных лезгинских селениях саман преобладает над камнем, часто встречаются обмазка и побелка стен. А ведь это, в сущности, не свойственно горской архитектуре: в горах повсюду стены сложены из камня и не обмазаны. Техника возведения стен из сырцового кирпича и обмазка стен проникли в Дагестан из Азербайджана. В старых лезгинских постройках сырцовые кирпичи — азербайджано-переднеазиатского типа: квадратные и плоские.

Считается, что народная архитектура определяется местными строительными материалами и климатом. Но это не совсем так. На примере зодчества народностей Кавказа видно, что при несомненном влиянии этих факторов решающее значение в определении характера архитектуры имели другие — духовные мотивы.

Действительно, при одних и тех же природных условиях в горном Дагестане у разных народностей наблюдаются существенные различия в планировке жилищ и их архитектурных формах. А с XIX века по всему Дагестану распространился один тип жилого дома — протяженный в плане, с галереей вдоль продольного фасада; при этом различия в климате и рельефе местности (горы, предгорья, плоскость) не играли роли. В Чечено-Ингушетии, природные условия которой не отличаются от дагестанских, жилища строились в виде башен; но с прошлого века здесь тоже стали строить

низкие продолговатые дома, как в Дагестане. В Куруше стены домов обмазаны глиной, а в селении Джаба этого же района саманные стены оставляют голыми.

Саман — материал по происхождению своему равнинный, поскольку на равнине нет камня. Но лезгины, живущие в горах, строят из самана, хотя камня здесь предостаточно. У кумыков же, которые живут в условиях куда менее горных, чем лезгины, саман мало распространен. А у аварцев вы ни одного саманного дома не увидите.

Саманный дом дешевле каменного, и в нем теплее зимой. Поэтому лезгины, которые менее других дагестанцев придерживаются старых обычаев, повсеместно перешли на саман — вплоть до того, что столбы и даже арки выкладывают из необожженного кирпича-сырца. Примечательна такая деталь: в Куруше дома не имеют карнизов; крыша оконтурена невысоким парапетом, являющимся продолжением стен над ней. Однако влажному горному климату, да еще при стенах из сырца больше подходит карниз, чем парапет. Дело в том, что парапет — деталь построек в сухом климате местностей, откуда заимствованы дагестанцами саманные дома вместе с этой деталью.

В Куруше я обратил внимание на одну необычную постройку. В облике этой постройки, непритязательной и даже примитивной, было что-то, что заставило меня остановиться, когда я проходил мимо. Чувствовались старина, архаичность, непосредственность. Я вошел внутрь. Это была хозяйственная пристройка к жилому дому, но раньше здесь, несомненно, было жилище: в одном из помещений находился старый, не используемый камин. Три небольшие комнатки с грубо обмазанными глиной непобеленными стенами, заставленные глиняными сосудами, коробками, бочонками, с навешенными на стенах вязками лука и мешочками со всякой снедью, шли, как обычно в Дагестане, в ряд. Но удивляло то, что расположены они анфиладой, одна за другой. Такого я здесь нигде не видел. В Дагестане принято, чтобы помещения имели каждое свой вход с продольного фасада дома и на этом же фасаде (вдоль которого обычно идет навес-галерея) имеются окна. Здесь же входная дверь находилась в торце постройки, а окон не было: помещения освещались через отверстия в крыше.

Случайность? Но и в других лезгинских селениях есть дома с такой планировкой. Они встречаются редко, и всегда это — старые постройки. В планировке и некоторых деталях этих жилищ наблюдалась определенная повторяемость, закономерность. Севернее территории лезгин, там, где теперь живут кумыки, в прибрежных горах археологом В. Г. Котовичем

раскопан и исследован раннесредневековый город (который он считает остатками Варачана, разрушенного арабами в VII веке). В планировке построек этого городища — те же особенности. Значит, не случайность. Кстати, при раскопках там было обнаружено, что в домах имелись погреба особой формы — в виде колодцев, обложенных камнем; такие хранилища для продовольствия я видел и в старинных лезгинских

104. Тип дома, получившего в Дагестане повсеместное распространение с XIX в.

жилищах. В развалинах Варачана были раскопаны каменные подколонники, на которые устанавливались деревянные столбы; высокие каменные базы под деревянные столбы встречаются и в постройках Южного Дагестана. Значит, если в зодчестве Южного Дагестана XIX века и в постройках V—VI веков есть общие черты, эти черты не случайны, они говорят об исторической преемственности.

Как мало — до обидного мало — мы знаем о прошлом зодчестве горцев Кавказа! Отдельные отрывочные факты пред-

ставляют собой точки, через которые приходится проводить пунктирные линии догадок. Что удивительного, если исследователь рискует соединять точки, находящиеся далеко одна от другой, и делает рискованные предположения. Жилища подобной планировки — их называют мегаронами — были в Древней Греции.

Слово «лезг» похоже на «пелазг», так называли древнейших обитателей Греции. Грузины называют дагестанцев «лек»; античные авторы сообщают, что в Дагестане жил народ «лег». Но древние греки называли своих предшественников «лелег» (форма множественного числа от «лег»), а в Малой Азии была страна Ликия. Фантастика? Может быть. Но если бы мы не знали точно, что далекие предки армян четыре тысячи лет тому назад вышли из глубин Балканского полуострова, а прапредки турок — из Алтая, мы такие предположения тоже считали бы фантастическими.

У лезгин распространен тип жилого дома уступчатой формы: нижний этаж шире верхнего и выступает перед ним, так что его крыша служит террасой перед верхними помещениями. Такие дома располагались, примыкая продольными сторонами вплотную друг к другу. При этом нижний этаж, имевший хозяйственное назначение, освещался благодаря наличию в его крыше люка, через который по лестнице поднимались наверх. А верхние этажи были обеспечены светом и воздухом, потому что, будучи уже нижних, располагались с разрывами.

Теперь представим себе, что эти дома разрушены и остались только фундаменты или нижняя часть стен. Археолог или историк архитектуры, глядя на узкие длинные промежутки между параллельными линиями стен, будет недоумевать: как освещались помещения? и какой смысл в столь неудобной планировке? Именно такой вид имеют планы раскопок поселений в Древней Греции, озадачивающие исследователей. Но странности их планировки объясняет вид нынешнего греческого сельского дома: он, как и лезгинский, имеет уступчатую форму и его нижний этаж шире верхнего.

В Южном Дагестане — на стенах мечетей, на намогильных памятниках, на старинных рукописях — встречается изображение фигуры в виде круга с взаимопроникающими спиральными линиями внутри; в научной литературе ее называют лабиринтом. Подобные изображения известны и в средневековой Западной Европе (причем там они тоже имели культовое значение). Как это объяснить? Связями между одинаково фанатичными в представлении об исключительности своей веры христианскими служителями культа в Европе и мусульманскими в Дагестане? Сомнительно. Логичнее предположить, что в обоих случаях изображение лабиринта восходит к дохристианской и домусульманской языческой куль-

товой символике. Но какие были связи тогда? Об этом ничего неизвестно.

Помимо лабиринтов, в центре которых изображены кружок или розетка (символ солнца), есть и другой тип лабиринта, с крестом внутри (крест — тоже символ солнца). Лабиринтов такого типа во всем мире известно немного: на этрусской вазе VI в. до н. э., несколько — в Древней Греции эллини-

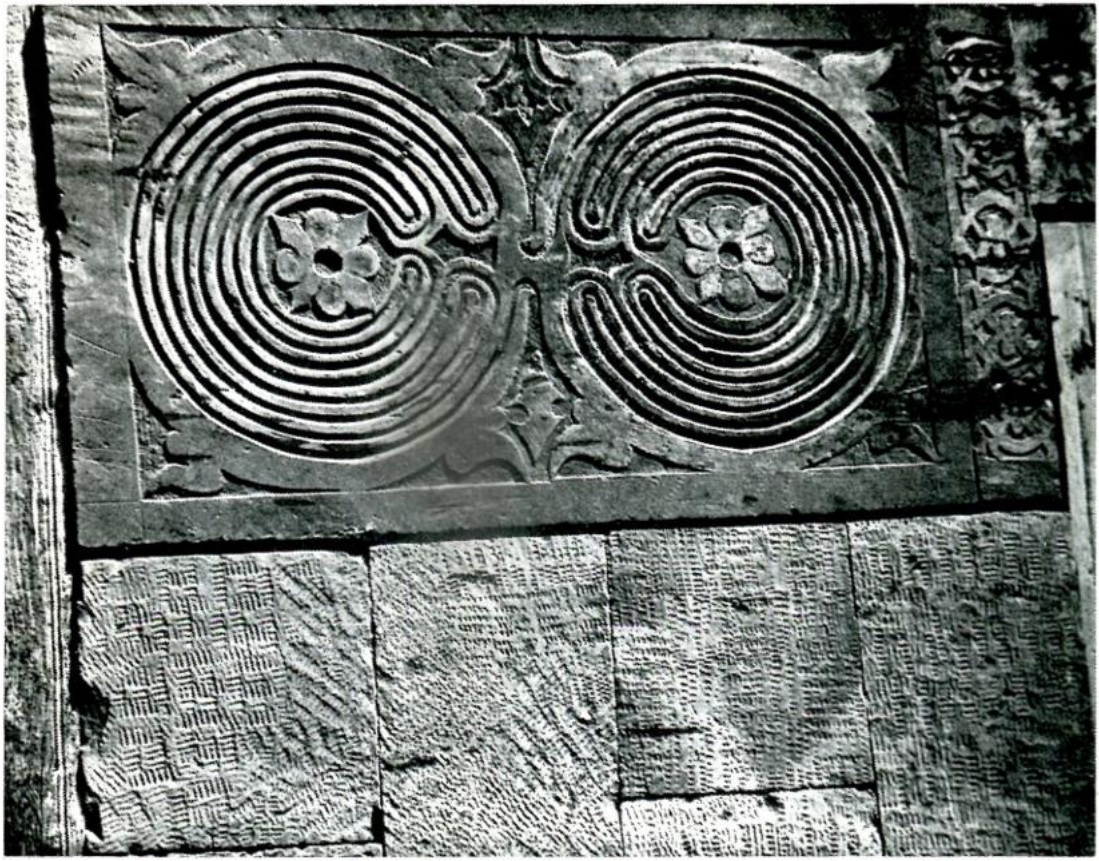

105. Старые лезгинские дома, обращенные торцом к улице (с. Шихикент)

стического времени (последние века до нашей эры), два-три в Скандинавии (средние века), один в Осетии и более десятка — на стенах построек XVII—XVIII веков в Дагестане, главным образом в Аварии. Самостоятельное возникновение в разных местах одинакового рисунка, довольно сложного по начертанию, совершенно исключено — это все равно как если бы предположить, что жители Великобритании, США и Австралии независимо друг от друга придумали английский язык.

Внутриевропейские связи Средиземноморья и Скандинавии еще как-то понятны. Но Средиземноморье — Дагестан? Как это объяснить? Пока никак — нет данных.

В дагестанских селениях устраивают представления бродячие труппы канатоходцев. На высоте пяти-шести метров натягивается канат. Акробат ходит и приплясывает на нем под музыку, причем глаза его завязаны, к ступням ног привязаны

торчащие вперед обнаженные кинжалы, на голове стоит кувшин с водой, а в руках нет шеста, помогающего сохранять равновесие. Но не искусство акробата поразило меня. Публику развлекал один из непременных членов такой труппы — шут в вывернутом наизнанку овчинном тулупе и войлочной маске. Такую точно маску надевали скоморохи в Древней Греции!

В краеведческом музее Махачкалы стоят старинные дагестанские сосуды, ручки которых не круглые, а торчащие

вверх наподобие рогов. Подобная утварь была обнаружена при раскопках Трои. До последнего времени, пока не появилось электричество, жилища в Дагестане освещались светильниками с двумя отверстиями, в одно из которых наливалось масло, в другое вставлялся фитиль. Такие светильники применялись в Древней Греции. У кавказских горцев есть предания о Прометее, о циклопах, о нити Ариадны — причем не

106—107. Два типа символа «лабиринт» в Дагестане (резные камни в табасаранском с. Гуми и аварском с. Хиндах)

в Причерноморье, где они могли были быть воспринятыми у греческих колонистов, а именно у горцев. Кавказцам присущи такие, типичные для Европы и чуждые для Азии, обычаи, как рукопожатие, поцелуй, брудершафт, прекращение бритья в знак траура, обнажение головы в знак уважения.

Как-то в Махачкалу приехала певица из Югославии. Она с удивлением заметила, что народная дагестанская музыка чем-то напоминает мелодии народов Балканского полуострова. Кстати о музыке. Когда вы слушаете по махачкалинскому

радио сладко-душещипательные мелодии, сочиненные местными композиторами на бакинский манер, не верьте, что это — подлинно дагестанская музыка. Если вам повезет, может быть, вы попадете на празднество в глухом горном селении — там услышите песни иные, с другими интонациями, представляющие подлинно местную, самобытную музыкальную культуру, корни которой уходят в глубину времен. Мне приходилось такое пение слышать. Я был потрясен подлинным величием того, что слышал,— оно было сродни стилю той архитектуры, того прикладного искусства, которые дошли до нас, как и эти песни, в остатках.

Говорят, что в музыке венгров и поволжских угров есть общие черты. А ведь эти народы разошлись полторы тысячи лет тому назад, если не раньше. Если бы музыковеды занялись исследованием архаических пластов музыкальной культуры кавказских горцев, они обнаружили бы много интересного. Если не опоздают. Потому что еще сто лет тому назад писали, что старинную музыку в Дагестане знают старики, а молодежь поет другие песни...

Читателю может показаться, что автор — фанатик древностей. Мои симпатии на стороне современности, и я ценю ее выше «доброго старого времени». Но дело в том, что при исследовании народного творчества (подлинно народного, не обесцененного нарочитостью и эклектическим смешением элементов, взаимно чуждых по происхождению и по смыслу) возникает ощущение, что соприкасаешься с чем-то настоящим, сущностным, изначальным. Цивилизация многое дала человеку. Но кое-чего его и лишила. Не всех, но многих. Лишила цельности и духовной ясности. Формы человеческих отношений во многом приобрели характер игры. Но в условиях жизни, примитивной по нашим понятиям, приходилось ко всему относиться серьезно, по существу. Легкомысленно выберешь дорогу — получишь пулю в сердце или погибнешь под снежным обвалом. Заденешь чье-нибудь самолюбие — напорешься на кинжал. Будешь нерадивым в работе — помрешь с голоду. Пококетничаешь с девушкой — можешь считать себя ее мужем, а если это чужая жена — тебе и вовсе нет места на этом свете. Не будешь считаться с людьми — прогонят, и сгинешь без них. Если муж, рассердившись, сказал жене: «Ты мне не жена», он уже не мог взять своих слов обратно, и она должна была уйти от него. Все, что делалось, делалось всерьез. Это отражалось на характере всего, что делал человек,— строил дом или покрывал столб дома резьбой, лепил горшки или расписывал их узорами, вел дела с другими людьми или пел песни. Жизнь была серьезной, и таким было искусство. Не было места в жизни мишуре — не было места ей и в искусстве. Когда люди в эпоху варварства делали то, что мы теперь воспринимаем как

нимаемых сельским населением как проявление городской культуры, пагубно отразилось на бытовом народном искусстве. Это наглядно видно, например, на изменении характера оформления надгробий.

В Дагестане издавна существовал обычай, по которому у въезда в селение ставился памятник умершему на чужбине. Сейчас у многих селений сооружают мемориалы землякам, погибшим в Отечественную войну. Когда видишь у селения, в котором всего-то 200—300 жителей, такой монумент с перечнем нескольких десятков имен, это производит соответствующее впечатление. Люди чтут память погибших — это достойно уважения. Но в эстетическом отношении эти памятники ужасны.

Традиционная художественная культура народа оказалась в период с середины XIX века надломленной. Старая уходит, новая еще не сформировалась.

Археологические исследования дают крайне скудные сведения о древних культовых постройках в горах северо-восточного Кавказа. Вернее, есть сведения о культовых местах, но ничего не известно о культовых постройках.

Языческие жертвенные места могли быть открытыми. Некоторые из них находились на вершинах гор. Там находят бронзовые статуэтки (человеческие фигурки), головки рогатых животных, железные трезубцы, кости жертвенных животных, древесные угли. Почитание таких мест сохранило силу до сих пор. Так, на вершине горы Бахарган на Андийском хребте верующие мусульмане совершают моления по обычаю, который явно восходит к языческому прошлому. В Южном Дагестане на горе Шалбуздаг находится священное место, весьма почитаемое лезгинским населением в широкой округе; здесь и теперь происходят жертвоприношения, есть мечеть и даже своего рода гостиница для паломников. Представление о вершине горы как о священном месте было свойственно многим народам древности. Так, библейский пророк Осия клеймил язычников, которые «на вершинах гор приносят жертвы», да и сам Моисей общался с всевышним, пребывая на горе. Горные вершины служили местами для святилищ у иранских народов. В пантеоне Авесты теснее всего с горами связано божество, олицетворявшее первые лучи утренней зари. Наверное, на вершине гор святилища располагались потому, что здесь раньше, чем внизу, появляется утреннее солнце, а может быть, потому, что они ближе к небу.

Языческие капища могли находиться, вероятно, и в пещерах, судя по тому, что и теперь верующие считают некоторые пещеры священными. Так, священная пещера имеется в та-

произведения искусства, они имели в виду решение практических (или таких, которые они считали практическими) жизненных задач. Характер этих вещей не был самодовлеющим, они не имели развлекательного назначения, их жизнь была полнокровной и осмысленной.

Интеллект наших далеких предков был прост и безмятежен. Жизнь первобытная, простая, с отношениями прямыми, без зигзагов и иносказаний, порождала соответственное искусство. В истории искусства, в отличие от техники, необязательно каждый следующий этап является прогрессом по сравнению с предыдущим. Эстетические формы на любой стадии общественного развития, в том числе и на первобытной, могут оказаться стоящими в ряду высших достижений культуры человечества. В так называемом примитивном искусстве привлекает нечто изначальное, сущностно значимое, ощущение соприкосновения с первоосновами бытия. Народное искусство непосредственно связано с жизнью. Вникая в смысл этого незамысловатого искусства, постигаешь его преимущество по сравнению с поверхностно-развлекательным, украшательским, бутафорским.

Характер искусства кавказских горцев определялся и условиями окружающей природы. Ее сверхчеловеческая мощь, ее облик несокрушимо вечного внушали человеку ощущение суетности житейских мелочей. Суровые условия обитания в горах дают почувствовать цену жизни, а это побуждает задумываться над ней, осознавать разницу между пустячным и существенным. Увидишь эти сумрачные скалы и поймешь: живущий здесь человек не станет рисовать цветочки. Нарочитое и вычурное противны горскому искусству, по крайней мере старому. Жизнь горцев была бедна развлечениями. Они и не стремились к ним. Стремление развлечься сродни бесцельному, игровому действию, чего горцы не понимали. Поэтому искусство их не было развлекательным.

Старинный горско-дагестанский орнамент незамысловат, хотя и не однообразен. Он лаконичен. Эта лаконичность сродни стилю жизни людей. У них, например, нет витиеватых тостов, как у грузин. Нет цветистости в жизни, нет ее в искусстве. Несмотря на кровавый быт в прошлом (до революции в Дагестане совершалось ежегодно 500—600 убийств), они очень ценят жизнь, воспринимают смерть как страшную трагедию и чтят умерших в большей мере, чем европейцы. Намогильные памятники здесь величественны. Это каменная стела (некоторые из них достигают двух и более метров в высоту), покрытая резным орнаментом и надписями. Старые памятники — величественные, суровые, вечные. Поистине монументальное выражение памяти живых о покойном.

Но времена меняются, меняются и вкусы. Влияние стиля декоративного искусства Востока и мещанских вкусов, воспри-

басаранском селении Хустиль. На границе Кайтагского района с Табасаранским, километрах в десяти восточнее горы Джуфудаг, в поросших лесом горах, находится пещера в виде полости между двумя скалами, ровные наклонные стены которых, смыкаясь наверху, образуют высокое помещение с перекрытием двускатной формы. Может быть, такая форма, напоминающая интерьер жилища (с двускатной крышей), но больших размеров и «нерукотворного», повлияла на религиозную фантазию горцев. Это место могло стать почитаемым еще и потому, что рядом находится своеобразное чудо природы: нависающий над ущельем мост, длиною примерно метров пятьдесят, естественно образовавшийся из цельной скалы.

Привязав лошадей, мы пробирались через заросли к священной пещере. Когда подошли, я увидел мост, и он поразил меня. Огромная каменная арка висела над головой. Сфотографировать ее не было возможности: мы находились на крутом склоне ущелья, и отойти было некуда. Настоящий каменный мост! Трудно было поверить, что он создан слепыми силами природы. Никто мне не говорил об этом чуде ни в Махачкале, ни в других местах Кайтага и Табасарана. Я спросил у провожатого, может ли он рассказать что-нибудь об этом сооружении. Тот пожал плечами: «Старики говорят, какой-то великан построил». Между прочим, подобный мост имеется в США (штат Юта), где он числится одним из национальных памятников; он там считается самой большой в мире естественной аркой; кайтаго-табасаранская более величественна, но о ней мало кто знает.

В обрядах языческих культов коллективные молитвы занимали не столь значительное место, как в монотеистических религиях. Поэтому у разных народов языческое капище состояло из небольшой постройки, которая вмещала лишь жрецов, свершавших богослужебный ритуал; толпа находилась не в здании, а снаружи. Даже монументальный Парфенон в Афинах был предназначен фактически для статуи богини, а не для богослужений. Исходя из этого, можно было бы предположить, что культовые постройки в языческом Дагестане не имели формы зальных зданий, как нынешние мечети. Все же история религий и этнография свидетельствуют, что у некоторых народов имелись залы для ритуальных действий. Но нам ничего, в сущности, не известно о характере язычества в Дагестане, и здесь не сохранилось следов древних или хотя бы средневековых культовых построек, так что никаких определенных суждений на этот счет делать не представляется возможным.

Может быть, здесь были языческие святилища в форме жилых домов. Во всяком случае, архитектура мечетей в Дагестане близка к архитектуре местного жилища и не

108. На мусульманском кладбище (г. Дербент)

имеет ничего общего с архитектурой мечетей в странах ислама.

В разных странах и в разные эпохи при строительстве культовых зданий вырабатывались формы и художественные образы, которые становились архитектурными символами той или иной религии. Духовенство ревностно следило за соблюдением канонических форм построек, предназначенных для богослужения. При распространении какой-либо религии в других странах там насаждались эти архитектурные формы. Так, церкви в России и на Балканах имеют сходные черты, потому что христианство распространялось здесь из одного и того же центра — Византии.

Мечети в Египте, Индии и Испании, при всех их локальных различиях, все же характерны общностью стиля, который известен как «архитектура стран ислама». Тем не менее мечети в Дагестане не соответствуют этому стилю, демонстрируя формы и художественные образы, которым чужда архитектура Востока. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить мечети в Дербенте и в дагестанских селениях.

Для архитектуры стран ислама характерны стрельчатые арки, своды и купола, сталактиты, круглые колонны с массивными капителями, специфический орнамент, возникший из истоков арабской и иранской культур. Ничего этого нет в дагестанских мечетях. Примечательно, что в результате культурно-политических и хозяйственно-экономических связей, которые имело Закавказье в XV—XVIII веках с соседними странами — Ираном и Турцией, их материальная и бытовая культура оказала влияние не только на мусульманский Азербайджан, но и на христианские Армению и Грузию — только не на горную область Большого Кавказа, включающую, в своей восточной части, Дагестан, Чечено-Ингушетию и Северную Осетию.

Вековая устойчивость горской культуры не поддавалась этому воздействию, хотя и была сильно поколеблена в XIX веке, в период религиозного подъема, побуждавшего кавказских горцев видеть себя частью мусульманского мира.

Почти везде, куда приходил ислам, строились мечети, имеющие типично «мусульманский» облик. Это не произошло на северо-восточном Кавказе. Ислам, пришедший на смену языческим и частично христианским верованиям, перестроил духовную жизнь горцев и внес чуждые элементы в их общественное устройство, но не изменил их материальную культуру, и в частности, не преодолел местных традиций народного зодчества, в том числе не сказалася существенно на архитектуре мечетей.

Дело здесь не в каких-то особенностях горско-кавказской психологии, а в том, что для воздействия на материальную культуру нужны деловые контакты, тогда как религия, сама по себе, влияет лишь на духовную и общественную жизнь.

В архитектуре классового общества разных стран и народо культовые постройки — обычно самые грандиозные. Нерацио нальные затраты огромных, подчас фантастических по раз мерам средств и труда на их сооружение были вполне рацио нальными с точки зрения тех, по чьему повелению это дела лось: архитектура, как и искусство, служила религии, религия поддерживала властвующих. Грандиозность культо вых сооружений пропорциональна силе власти угнетателей Поэтому в обществе, социальная и духовная жизнь которог недалеко ушла от формации, сложившейся при родовом строе, храмы не отличаются ни размерами, ни особой эффект ностью. Мечети в Дагестане по объемно-планировочным конструктивным решениям соответствуют местным приемам строительства жилых домов. Небольшая мечеть имеет такое же строение, как старинный жилой дом: одно помещение со столбом посредине, на который опирается крыша; вдоль продольного фасада устроена галерея — навес на столбах, и здесь же вход. Единственное существенное отличие — это наличие михраба, молитвенной ниши. Михраб расположен в южной стене, так как молящиеся должны быть обращены лицом к Мекке. Ниша михраба бывает украшена лепным глиняным или резным деревянным обрамлением.

Многие мечети в Дагестане не имеют минаретов. Между тем эта типичная деталь мусульманского храма известна здесь давно. Имеются надписи на камнях, свидетельствующие о постройке минаретов в XII—XIV веках (более старых надписей нет). В отдельных случаях сохранившиеся (в полуразрушенном виде) минареты можно отнести к тому времени, но таких очень немного; большинство было построено гораздо позже. От средневековых же остались только камни с надписями, заложенные в кладку стен более поздних построек.

Минареты в Дагестане обычно имеют характерный переднеазиатский облик: это круглая башня, наверху которой имеется надстройка для выхода на площадку. Но встречаются минареты и не круглые (в нескольких селениях Южного Дагестана) — квадратные в плане, не с винтовой лестницей внутри, а с междуэтажными перекрытиями, к люкам которых приставлялись деревянные лестницы. Эти минареты построены по типу боевых башен. Дело в том, что в Южном Дагестане минареты появились еще в средние века, когда здесь были боевые башни, и строились они по образцу последних; а дальше к северу их начали сооружать уже тогда, когда боевые башни здесь не строились, и образцом для них были минареты тех стран, откуда был привнесен в Дагестан сам тип минарета как постройки, то есть Передняя Азия. Чем позже в данном районе Дагестана утвердился ислам, тем менее архитектура здешних минаретов связана с традиция-

109. Здание мечети на склоне горы (с. Чахри)

ми местного зодчества и тем больше они похожи на переднеазиатские.

Поскольку убранству мечети уделялось повышенное внимание, в этих зданиях встречаются интереснейшие образцы искусства архитектурного декора. Правда, их уже не встретишь в большинстве ныне существующих мечетей, поскольку те были построены в начале XX века. Мастерство камнетесов и резчиков, которые работали в то время, видно и по тщательной отеске камней, из которых выполнены каменные столбы мечетей,

и по искусной резьбе надгробий. Но общественные вкусы этого периода побуждали мастеров отходить от традиционных форм.

Образцы монументально-декоративного искусства, встречающиеся теперь в зодчестве Дагестана, относятся к периоду

110. Мечеть в с. Варсит; XVIII в.

XII—XIX веков; более старых не сохранилось, а со второй половины прошлого века это искусство приходит в упадок и к началу нынешнего столетия сохраняется разве что в глиняной лепке каминов и резьбе каменных надгробий. В лезгинских районах единственным видом этого искусства, который более или менее широко представлен, является резьба опорных столбов, а также консолей, поддерживающих свес крыши. Лезгинские резные деревянные столбы в общем относятся к типу, распространенному во всем Дагестане, но

имеют и некоторые особенности. К последним следует отнести, прежде всего, широкое применение в их декоре розеток. Розетка — декоративный мотив, известный в орнаментике многих народов, но главным образом Восточной Европы, Кавказа и Передней Азии. Вопреки его названию, он происходит не от изображения цветка. Растительные мотивы вообще чужды тем орнаментальным системам древности, в которых

111. Мечеть в с. Рича, XII—XIX вв.

розетка была излюбленным элементом, в том числе и орна ментике кавказских горцев. Никогда раньше, до появлени здесь восточного по происхождению орнамента растительног стиля, не изображали горцы ни листьев, ни цветков. Почем же так популярна у них розетка? Это древний язычески *символ солнца.*

В орнаментике горного Кавказа розетки представлены в большом разнообразии начертаний. Самое простое из них — просто кружок, или несколько концентрических окружностей, или круг с крестом внутри. Есть розетки, с одной стороны которых сделано несколько черточек; они символизируют солнечные лучи. Странно, что лучи изображены не вокруг солнца, а с одной стороны. Но так делали в древности, и таких изображений немало.

Часто в Дагестане встречаются розетки, окруженные, в виде зубчатого колеса, треугольниками. Эти треугольники символически представляют лучи солнца. В древних изображениях лучи вокруг диска показаны длинными и заостренными, а потом они превратились просто в треугольники. Между прочим, розетка с треугольниками по периметру — один из распространенных орнаментальных мотивов в древнерусском декоративном искусстве.

Очень часто и в Дагестане, и на Руси, и, например, в Древней Греции, розетка имеет внутри шесть лепестков. Это тоже — символическое изображение солнечных лучей. Почему их именно шесть — пока не разгадано.

В орнаментике Дагестана, как, впрочем, и других мест Кавказа от Осетии до Армении, встречается изображение солнца с лучами, закрученными в виде спиралей. Почему так — неизвестно.

Повсеместно в Дагестане, как и повсюду в горах Кавказа, как и у многих народов Восточной Европы, фигурирует так называемая завихренная розетка: ее лучи, выходящие в виде пучка линий из центра диска, загнуты в одну сторону — так, как будто диск вращается. Что это означает — неизвестно.

Одна из наиболее интересных мечетей в лезгинских районах Дагестана находится в селении Каракюре. Плоская земляная крыша здания опиралась на ряды столбов. Крыши давно уже нет, столбы упали. Здесь, в этой постройке, деревянные столбы стояли не просто на полу, как обычно, а на каменных подколонниках — деталь, иногда встречающаяся в Южном Дагестане и, вероятно, являющаяся одним из старых, почти забытым к XIX веку приемом местной архитектуры. В краеведческом музее Махачкалы есть резной каменный подколонник, на гранях которого сделаны изображения: всадник на кры-

латом коне, всадник на слоне (!), грифон, терзающий лань, павлин. Резной каменный цоколь столба имеется в мечети селения Хив. В Каракюринской мечети подколонники, имеющие здесь форму прямоугольных массивов, облицованы резными орнаментованными гипсовыми плитами. Техника и стиль резьбы — те же, что и в михрабе селения Калакурейш. Датируются они так же: конец XI—XII век.

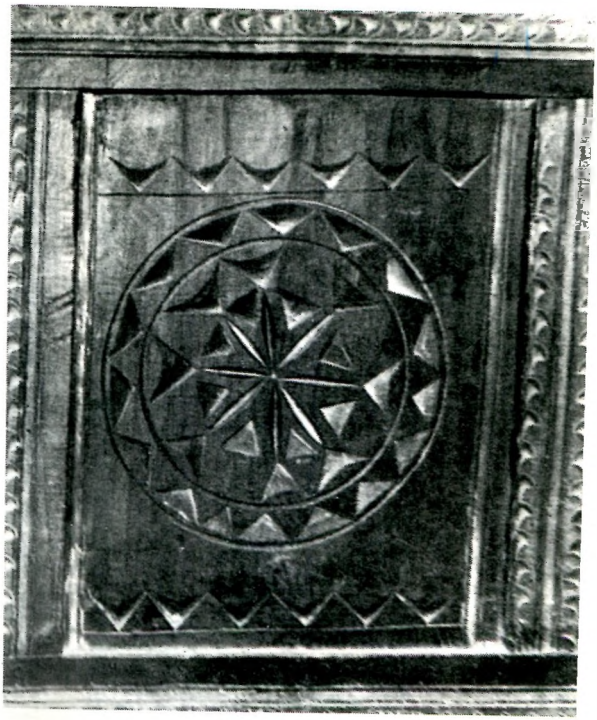

112. Подбалка столба лезгинского типа; мечеть в с. Шимихюр

Интересно, почему в этой мечети дверь двойная? Две двери, расположенные рядом, устроены и в калакурейшской мечети. Может быть, одна для мужчин, а вторая для женщин?

Мечеть была отстроена в 1841 году. Как гласит надпись на камне, «после того, как войско русских разрушило ее вместе с селением». Из этой надписи явствует также, что селение в прошлом веке называлось не Каракюре, как теперь, а Калакуре — удивительно похоже на Калакурейш. При восстановлении мечети были сделаны нынешние резные двери и

113—115. Розетки разных видов — символы солнца; камень в кладке стен мечети начала XX в., с. Цнал; фрагмент деревянного ларя, с. Бакни; старый резной камень в с. Какашура

116—117. Резные каменные подколонники (мечеть в с. Хив и Дагестанский республиканский краеведческий музей)

резной деревянный столб, поддерживающий навес перед входом. На этих деталях обозначена та же дата. Декоративные формы дверей и столба и стиль их резьбы — не горско-кавказские, а ирано-ближневосточные или, что почти то же самое, азербайджанские. Это несколько озадачивает: ведь дагестанцы — сунниты, а азербайджанцы и иранцы — шииты; эти две разновидности мусульманской религии враждебны друг другу, как католики и протестанты в христианстве. Но факт остается фактом.

Некоторые примеры декоративного убранства дагестанских мечетей, как видим, свидетельствуют о связях с Передней Азией. Но эти примеры в то же время довольно выразительно показывают, насколько перенесение образов искусства стран ислама в Дагестан было редким явлением, а также насколько это искусство отличается от исконно местного.

С исламом проник в Дагестан не только специфический восточный декор. Здесь получили распространение и некоторые типы сооружений, присущих мусульманскому культу. Одно из них — минарет. Другой — мавзолей.

Мавзолеем называется постройка, сооружаемая над захоронением особо почитаемого или знатного человека и имеющая помещение, куда входят пришедшие помянуть погребенного. Один из наиболее грандиозных в истории архитектуры мавзолеев был построен в IV в. до н. э. в Малой Азии над могилой царя Мавсола; отсюда и название сооружений такого рода. Возведение мавзолеев — древний восточный обычай, и хотя ислам был на первых порах против этого, ему все же пришлось с этим примириться, а затем и культивировать его — уже как обычай специфически мусульманский.

Откуда же происходит каноническая форма мусульманского мавзолея — кубический массив, увенчанный куполом? Это — форма одного из типов жилищ, распространенных в безлесной полосе Передней Азии от Ирана до Сирии. Такие жилища строили здесь тысячу лет тому назад, строят их и теперь. В местностях, где отсутствует дерево как строительный материал, научились сооружать крышу над жильем в виде купола из глиняных кирпичей. Указанный район Передней Азии является родиной безбалочных конструкций перекрытий — арки, свода и купола. Эти конструкции называются распорными, потому что они, в месте своего опирания на нижележащие конструкции, дают распор — давление в разные стороны.

На Кавказе лесоматериала достаточно — во всяком случае, до последнего времени было достаточно. Поскольку здесь имелось дерево, из которого можно было делать балки, не было надобности применять такие сложные конструкции, как арки, своды и купола. В Дагестане начали возводить арки уже в период последних веков. Здесь есть и примеры сводов, но их мало; своды встречаются в постройках XVIII — начала XIX века, а потом техника из возведения была почему-то (наверное, в связи с общим упадком, вызванным Кавказской войной) забыта. Но куполов в Дагестане не было и нет.

С распространением ислама в Дагестан была привнесена форма намогильного сооружения в виде мавзолея. Но техники возведения купола местные мастера не знали. Поэтому они сооружали так называемые «ложные купола» — посредством

instituteofhistory.ru

118. Портал мечети в с. Каракюре, середина XIX в.

постепенного напуска каменной кладки. Ни один из мавзолеев в Дагестане не имеет распорного купола.

Больше всего мавзолеев на юге, у лезгин. Оно и понятно, ведь мусульманство с его установлениями укоренилось здесь раньше. У даргинцев мавзолеев мало, а у аварцев они уже единичны. Но что примечательно: простые по форме мавзолеи характерны для лезгинских районов, а сложные — для аварских. Это явление можно сопоставить с тем, как различаются минареты в Южном и во Внутреннем Дагестане. Форма мав-

119. Столб мечети в с. Каракюре, середина XIX в.

золеев у лезгин соответствует тому периоду, когда они здесь появились несколько сот лет тому назад. А в Аварии мавзолеи появились уже в XIX веке, в период усложненной и вычурной архитектуры.

В постройках Южного Дагестана широко распространены арки. Особенно много их на юге, у лезгин, и здесь они по своей архитектурной отработанности наиболее совершенны.

120. Мусульманский мавзолей в с. Калакорейш

Ма́стерское включение арок в архитектурные композиции производит впечатление, что эта форма очень давно присуща местному зодчеству. Но это не так. Для сравнения можно привести народное зодчество Греции. Здесь тоже арка — ныне обычный элемент архитектуры. Но известно, что архитектура Древней Греции арки не знала.

В Дагестане арки наиболее обычны в его южной части. Чем дальше к северу, чем дальше в глубь гор, тем их меньше, тем они проще по конструкции и по архитектур-

ной проработке. А в Чечено-Ингушетии их уже почти нет. Хотя, по некоторым данным, арки в Дагестане появились еще в средние века, большое распространение они получили только во второй половине прошлого века — главным образом, по причине исчезновения лесов (по той же причине, что и в Греции).

Даже на юге Дагестана, в лезгинских селениях, можно увидеть, что в постройках XVIII — первой половины XIX века арок еще нет, а вместо деревянных балок начинают применять каменные балки. Но каменное балочное перекрытие — конструкция тяжелая и недостаточно надежная. Когда местные каменщики научились выкладывать арки — а именно, с середины прошлого века,— каменных балок уже больше не применяют. Теперь арки в Дагестане стали обычной чертой архитектуры, и поэтому кажется, что так было всегда.

Арка в Дагестане стала широко применяться в качестве сугубо практического приема — несущей конструкции в безлесных местностях. Со временем эта конструкция эстетически осваивалась, появились изысканно выполненные аркады (кстати — всегда только в первом этаже, т. е. на уровне хозяйственных помещений; для жилых же помещений и для галерей перед ними устраивают только деревянные перекрытия, как бы ни был лес дефицитен).

Орнаментальные обрамления окон резными каменными деталями или украшенные резьбой деревянные перемычки в Дагестане встречаются редко. Декор окон сосредотачивался на деталях заполнения проемов — в виде резьбы на рамах коробок и на створках ставен.

В то же время арка занимает зодчих и как чисто декоративная форма. Излюбленная форма оконного проема в Дагестане, как и на всем Кавказе,— арочная; но распорных арочных перемычек оконных проемов здесь почти не бывает; арка окна почти всегда ложная, т. е. проем имеет лишь декоративную форму арочного.

Обычно оконные коробки лишь скупо украшены орнаментом или имеют лаконичную фигурную обработку. Но в Табасаране лицевые плоскости широких оконных рам покрыты сплошной резьбой. Мотивы орнамента резьбы на полях оконных коробок восходят к древней культовой символике (круг, ромб, крест). Иногда эти элементы сочетаются в виде простых композиций, но чаще рисунок усложнен, образуя орнамент «плетенка». Аналогичным образом здесь отделаны и дверные коробки; они тоже покрыты ковровым орнаментом «плетенка». В других районах на обрамлениях дверей и ворот вырезали ленточный орнамент, розетки и пр. Судя по отдельным сохранившимся архаическим мотивам, украшение коробок дверей и ворот резьбой имеет древнюю традицию и происходит от обычая размещать у входа

в дом знаки, которые первоначально имели магическое назначение.

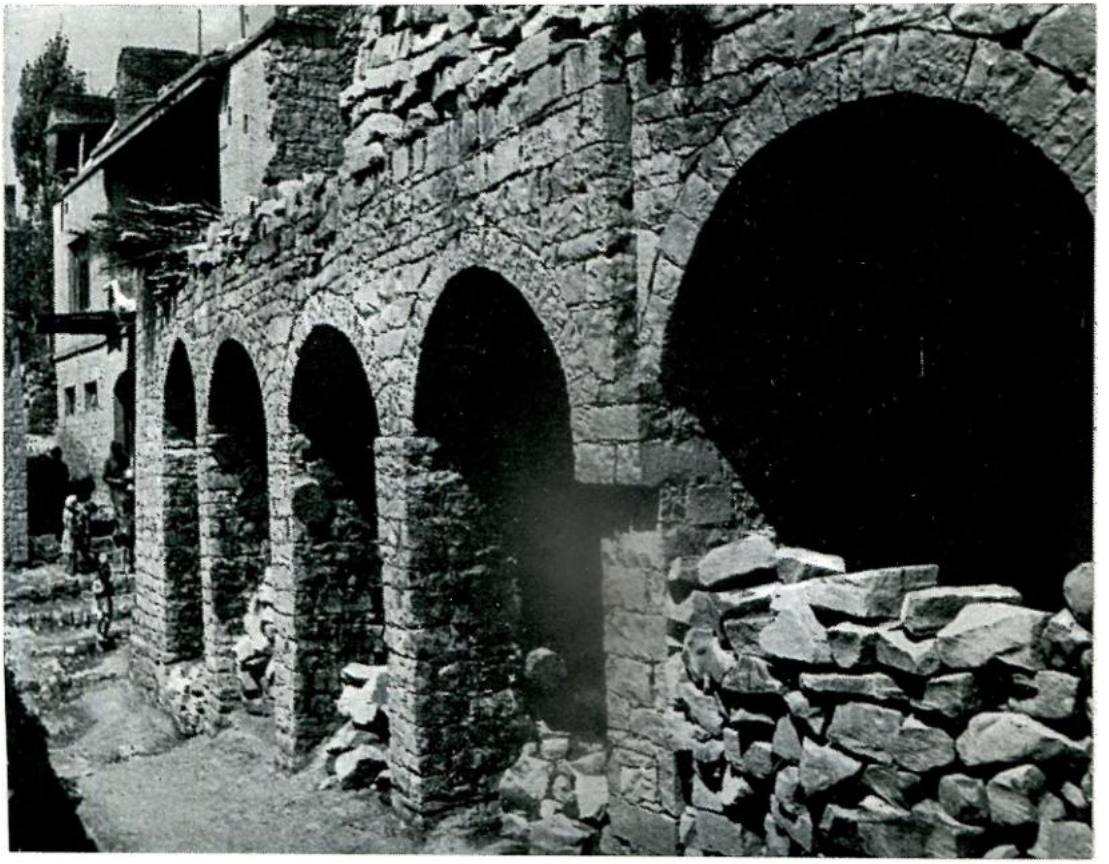
Иногда встречается в старых домах у лезгин странная конструкция, поддерживающая потолок комнаты: в продольном направлении уложена массивная балка (прогон), а на нее, поперек,— две меньшие балки. Казалось бы — чего проще опереть эти балки, уложив их просто на прогон? Но они

опираются на маленькие столбики, которые стоят на прогоне. Конструктивно это лишено смысла и функционально никак не объяснимо. Почему же так делали? Просто так, для красоты, для эффекта, для живописности? В народном зодчестве, как и в жизни, ничего не делалось «просто так». И если мы сталкиваемся с непонятными архитектурными формами, как и странными обычаями,— значит, когда-то это имело логическое обоснование, но в дальнейшем сохранилось лишь по традиции. В народном искусстве, как и в быту,

многое основано только на традициях, даже если оно утратило смысл,— и в этом их иррациональная сторона. Но когда-то смысл был.

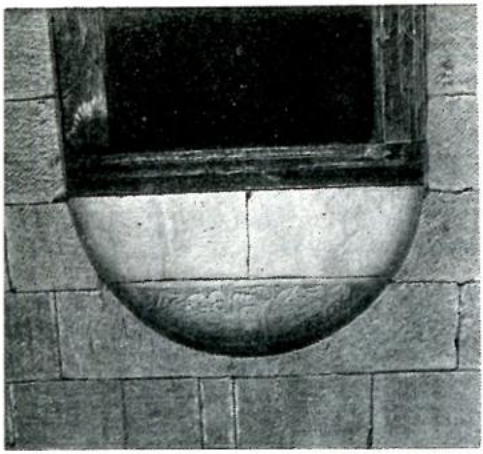
В тех местностях Кавказа, где постройки имеют не плоскую, как в Дагестане, а двускатную крышу, конструкция, поддерживающая ее, такова: поперек помещения укладывают балку, и на нее посредине ставят столбик, который под-

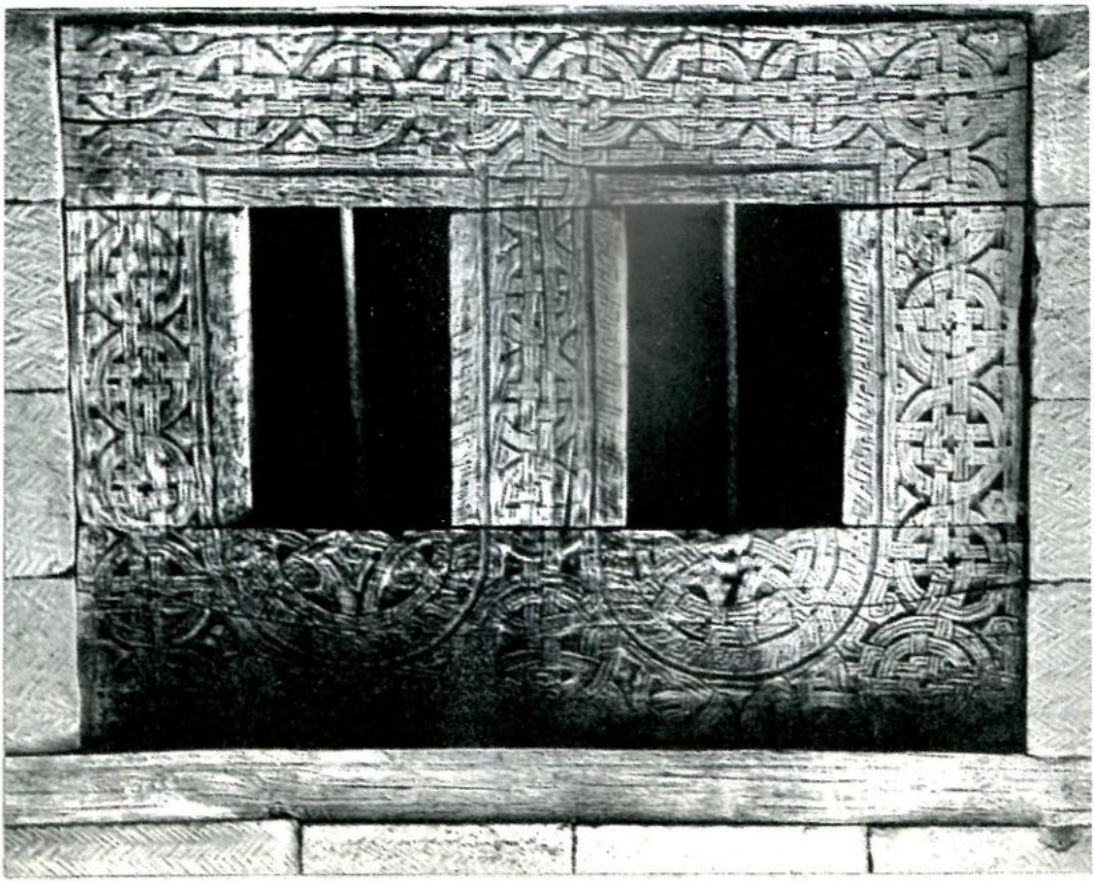
121—122. Арочные архитектурные формы, освоенные в течение последних лет народными мастерами в Дагестане (с. Согратль, с. Каякент)

держивает конек крыши. Если крыша двускатная, этот столбик нужен, если крыша плоская, он лишний. Может быть, он сохранился в постройках с плоскими крышами как рудимент конструкции со скатной крышей? Тогда, значит, в той местности, где теперь строят с плоскими крышами, раньше дома имели скатные крыши? Или, может быть, люди, живущие здесь, когда-то переселились из мест, где строят со скатными крышами?

Плоские крыши более подходят для сухого климата, а скат-

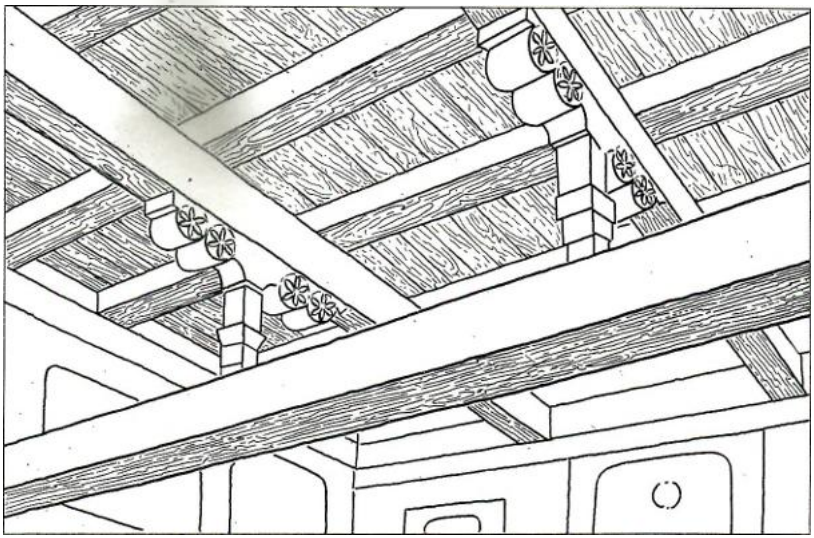
ные — для влажного. Казалось бы, те и другие должны при
меняться в местностях с соответствующим климатом. Но это
далеко не всегда так. В горах Кавказа выпадает дождей
больше, чем в средней полосе России, и зима здесь не
менее снежная. Но крыши здесь плоские, а в русском на
родном зодчестве, как известно, скатные, причем довольно
крутые — чтобы лучше стекала вода и сползал талый снег.
В Иране строят с плоскими крышами, но археологические
данные свидетельствуют, что, например, три тысячи лет тому
назад здесь применялись скатные крыши. Не имело ли это
место и в Дагестане?
В селениях горной Турции жилые дома имеют плоские кры
ши, а сараи — двускатные. Это само по себе примечательно
потому что в хозяйственных постройках сохраняются архи
тектурно-строительные формы, утраченные в жилых. Но и в
Дагестане (а именно, у табасаран) — то же самое: жилые дом
имеют плоские крыши, а сараи — скатные. Более того, на та
басаранских мечетях крыши тоже скатные. Объяснение этому
может быть только одно: предки табасаран, жившие или
здесь, или где-то в других местах, строили жилые дома со
скатными крышами — ведь в культовых постройках сохраня
ются освященные обычаем архитектурные формы, уже утра
ченные в постройках практического назначения. Но когда это
было и где? Неизвестно — нет данных.

Экспедиционная автомашина Дагестанского филиала Акаде
мии наук подъезжала к табасаранскому селению Кандик.
В кузове с брезентовым верхом было восемь человек: четыре
этнографа, архитектор, фотограф, художник и повариха и
терских казачек; всегда веселый и говорливый шофер Ис
крутил баранку. Впереди ехал на лошади колхозный сторож,
который указал подходящее место, где можно остановиться
недалеко от родника с питьевой водой. Такое место в гора
не просто найти. И ровная площадка, и родник встречаются
не часто, а их сочетание — тем более.
Обеспечение кухни водой составляло проблему: воду нужно
было носить в ведрах, хорошо, если только за сто-двести
метров, а то и на расстоянии километра. А какой уважаю
щий себя мужчина будет носить воду? Я, единственный
европеец в группе, помогал поварихе, за что она меня любила
и потчевала пончиками, когда не видел начальник отряда.
Начальником был новоиспеченный кандидат наук Ахмед, ли
шенный чувства юмора и постоянно всех поучавший.
Машина свернула с дороги и, тяжело переваливаясь на
неровностях почвы, въехала в недавно посаженный сад. Сто
рож попросил не трогать куч скошенной на сено травы и
уехал. Мы выгрузили снаряжение и продовольствие, поставили

123—125. Декоративные арочные формы в народном зодчестве Дагестана: резная деревянная рама окон, с. Хараг; резной камень, с. Кубачи; перемычка двери дома, с. Кандик

палатки; повариха, гремя посудой, готовила ужин. Быстро спустилась ночь. Ужинали при свете керосиновой лампы, потому что вокруг не было хвороста для костра. Потом залезли в спальные мешки и уснули.

Утром пошли «на работу». Пришли в селение, представились властям и разбрелись в поисках подходящих объектов и информаторов. Один интересовался историей хозяйственных отношений, другой одеждой, третий жилищем и т. д. Через несколько часов, как обычно, собрались в центре селения. Когда все закончат свою работу, мы отправимся в лагерь. Но обычно так просто уйти не удавалось. Как правило, местные жители считали своим долгом устроить прием для гостей, и, пока мы работали, где-то уже велась подготовка к соответствующему мероприятию. Здесь происходило то же самое. Двое-трое мужчин подошли к нам и сказали, что, согласно обычаю, предстоит угощение. Ахмед почему-то заартачился — то ли селение ему не понравилось, то ли не выспался — и ответил: «У нас есть что кушать». Мужчины

126. Конструкция перекрытия в старинном лезгинском жилище (с. Каракюре)

переглянулись. Но на гостя обижаться нельзя. Главный из устроителей встречи, одноногий человек средних лет, убеждал меня, что мы не должны обижать их, пренебрегая их гостеприимством. По его наивному представлению, я, как старший по возрасту среди приехавших, вправе был решать. Ахмеда это взбесило. Мы, глядя в землю, потянулись гуськом к своему лагерю. Хромой некоторое время шел, тяжело ступая за нами и приговаривая: «Эх, Ахмед, эх, Ахмед», потом вернулся.

Мы ужинали, когда показались двое, наш знакомый на протезе и с ним еще один. Они подошли к нам, поставили бутылку водки и бидончик с молоком (для женщин). «Если вы не захотели зайти к нам, то мы пришли к вам, чтобы приветствовать вас как гостей». Ахмед поднялся и ушел в палатку. Остальные молчали. Мне было стыдно. Я стал развлекать пришедших как мог. Потом попросил шофера Ису: «Отвези их».

Они уехали и долго не возвращались. Мы уже готовились к ночлегу, когда машина на большой скорости с грохотом подъехала к лагерю и Иса, высунувшись из кабины, громко позвал меня. «Садитесь, вас ждут». Поехали.

Меня ждали. Пришлось нам с Исой представительствовать за всех. Приветственные речи, крепкие рукопожатия, широкие улыбки — и, конечно, возлияния. Было уже поздно, постепенно гости разошлись, куда-то делся Иса, и я остался в комнате с тремя мужчинами. Двое сели по обе стороны меня, беспрестанно подливая в стакан, а третий, с седой коротко остриженной головой,— напротив. Он сказал:

— Ну, а теперь говори, кто ты такой.

Я назвал себя.

— Э, что ты сказки рассказываешь. Откуда ты родом?

— Из Бердичева.

— Вах! Какой такой Бердичев? Здесь все свои, говори правду.

— Я говорю правду.

— Ты родом из нашего селения.

— С чего вы это взяли?

— Нам рассказали те, кто к вам в лагерь приходил, как ты с ними разговаривал. Они сразу поняли, что ты — наш человек.

— Это им так показалось.

— Да что ты мне голову морочишь! Я помню тебя мальчишкой, когда ты в школу ходил, я твой учитель. Тебя зовут Джан.

— ?!

— Да, ты — Джан Хан-Магомедов. Сюда приезжал такой же вот, как ты, ходил, смотрел, фотографировал, а когда уехал, мы узнали, что это был наш земляк Селим Хан-Магомедов, архитектор из Москвы. А ты его старший брат Джан.

Пытаясь добиться у меня признания, они применяли недозволенные методы, наливая чару за чарой и требуя выпить за них, за меня, за соседей, за всех добрых людей на свете и пр. и пр.

Надо было с этим кончать.

— Эй, где Иса?

НашлиИсу.

— Поехали.

В сопровождении огорченных земляков мы вышли на улицу. Машина оказалась запертой за воротами, ключ был неизвест-

но у кого. Послали за ключом. Пришел какой-то человек, радостно пожал нам руки и сказал:
— Ключа нет. Ночевать будете у меня. Мой дом — твой дом. Что делать! Уже полночь. Надо же где-то переспать. Пошли за ним. Там пришлось снова поужинать. Утром завтрак с тем же меню. Гостеприимный хозяин проводил нас до ворот.
— Приезжайте еще! Мой дом — твой дом!
Его желание исполнилось раньше, чем он ожидал. Вечером пошел дождь, в палатках было неуютно, и Иса сказал мне: «Ну что мы здесь будем валяться как бродяги? Поехали в гости! Мой дом — твой дом».
Поехали. Вошли. Наш вчерашний кунак с недоумением смотрит на нас. Он вчера с честью выполнил долг гостеприимства — *чего нам еще надо? Иса пустил в ход арсенал своих* россказней и прибауток — хозяин оставался сер, как дождь за окном.
— Иса, пора домой. Поехали.
Поехали. Иса, чертыхаясь, вглядывался в темень, чтобы не наткнуться на дерево, и приговаривал: «Ну! Ну! Мой дом — твой дом».
А когда вернулись в лагерь, Ахмед в назидание рассказал притчу, в которой, с подкреплением авторитета самого пророка, раскрыл ситуацию иных случаев гостеприимства.
— Однажды к Магомету постучали в дверь и сказали: «Гостей хотите?» Пророк ответил: «Не заставляйте меня лгать. Входите».
Наш вчерашний кунак преподал нам урок: не нужно нахально напрашиваться в гости, когда не приглашают. Но обычно горец, соблюдая обычай, принимает незваного гостя, если и не хотел бы этого, причем не подавая виду, что гость ему ни к чему. Горцы вообще тактичны, и нам, людям современной культуры, можно в этом у них поучиться.
Никогда не забуду такой случай. Дело было в одном из селений самого отдаленного от Махачкалы Цунтинского района, расположенного у хребта, за которым уже начинается Грузия. По представлению кумыков, тамошние жители вообще дикие люди. И вот как там обошлись со мной.
Я пришел в селение усталый, с рюкзаком за плечами. Представился председателю сельсовета, и он пригласил меня к себе домой. Мы сели, стали беседовать. Он сказал что-то девочке, она принесла миску красных ягод и поставила передо мной. Забыв о деликатности, я набросился на них. Долг хозяев — угощать, но долг гостя — угощаться в меру. Он сообщил, что вчера его родственник приехал из-за хребта, из Грузии, и привез оттуда эти ягоды. Мне следовало сообразить, что поскольку это привозной деликатес, нужно быть сдержаннее. Угостили тебя — это не значит, что ты обрадуешь хозяев, если все уничтожишь. Он снова сказал

что-то девочке. Она принесла кувшин с водой, полотенце, и мне предложили помыть руки. Пока я умывался, миска с остатками ягод исчезла. Только тогда я сообразил, в какое глупое положение поставил себя. Хорошо, что у меня были с собой городские яства, я всё вывалил на стол, ссылаясь на то, что скоро вернусь в Махачкалу и мне ничего не нужно.

Горец не терпит неуважительного к себе отношения, но и сам относится к другому уважительно. В обществе, когда жизнь и судьба человека зависят не столько от обстоятельств, в которые его ставит иерархическая общественная система, сколько от него самого, у людей вырабатывается уважение к человеку, в том числе самоуважение.

У людей вольных развито понятие о человеческом достоинстве. Условия жизни кавказских горцев выработали в них характер прямой, открытый и решительный. И искусство (не заимствованное, а исконно свое) у них — соответственное их характеру. Впрочем, характер заимствований свидетельствует об изменении эстетических вкусов, а следовательно, и национальной психологии.

Батырай родился в те времена, когда дагестанцы начинали свою полувековую борьбу за независимость, и окончил свою жизнь, когда Дагестан уже был частью России, вдоль Каспийского побережья шла железная дорога и наиболее предприимчивые горцы богатели на овцеводстве.

Батырай был прирожденным поэтом. Он был простым горцем, таким же как его соседи, не умел читать и писать и даже не знал, что стихами можно зарабатывать деньги. Но песня рождалась в его душе — и он пел. Его песни запоминались людьми, повторялись — и так они дошли до нас.

Он полюбил девушку, которую ее родители не хотели выдавать за него. И сделал то, что по обычаю делалось в таких случаях: похитил ее. Но в отличие от того, как поступали другие, не позволил себе насилия; она стала его женой только после того, как стала женой законной.

Поэтические формы Востока проникали в Дагестан, и Батырай слагал свои песни под их влиянием. Но он был истинным художником, и вместо подражательных витиевато-цветистых фраз вкладывал в свою любовную лирику реалистические жизненные смыслы:

Есть в Египте, говорят,
Наша давняя любовь:
Там портные-мастера
Режут выкройки по ней
Есть по слухам в Шемахе
Страсть, что нашею была:

За нее в обмен купцы
Деньги белые берут.

Как всякий истинный художник, он выражал правду жизни, и это, как всегда, не нравилось сильным мира сего. В данном случае — совету сельских старейшин; они запретили ему петь. Совет старейшин постановил: если запоет Батырай — зарезать у него быка. По обычаю, решение старейшин — закон. Но поэт не мог не быть поэтом. И его семь быков были зарезаны один за другим. Возлюбленная жена, забрав детей, ушла от него; по адату, жена имеет такое право, если муж оказался нерадивым хозяином. Что ж, иные за свои песни расплачивались и жизнью.

Но народ хотел песен. Люди сложились, купили быка и пришли к нему: «Пой, Батырай, вот штраф». Поэт вышел на террасу и плача спел одну из своих последних песен:

Ах, могу ль я песни петь,
Если гордое мое
Сердце сокола в груди
Сожжено печалью дней,
Солью горестей мирских.

Он умер нищим старцем, всеми заброшенный и забытый. Умер, не зная, что он — поэт.

Наступили новые времена, появились поэты новой формации. Теперь произведения местных сочинителей печатают в книгах, которые расходятся большими тиражами по нашей обширной стране и даже за границей. Только почему-то в самом Дагестане к ним не относятся с таким восторгом, как за его пределами. Когда я спрашивал о причине, мне отвечали, что не заслуживает уважения сочинитель, не знающий действительной жизни своего народа, не болеющий душой за него и обманывающий иноязычного читателя цветистой россыпью фальшивой экзотики.

Туман опускается на склоны древних гор. Пасмурно, сумрачно, то и дело моросит мелкий дождь. Далекое прошлое истории Дагестана неясно, как смутные очертания предметов в этом тумане. Единичные местные хроники на арабском и персидском языках составлены сравнительно недавно, и достоверность содержащихся в них сведений во многом сомнительна. Своя письменность здесь появилась только при Советской власти. Свидетельств иноземных авторов почти нет: сюда раньше никто не проникал. Легенды и сказания уходят в глубь времен не более чем на два-три поколения. Археология раскрывает лишь отдельные детали необъятной толщи прошлого. Оно пока еще в тумане.

В горах много мест, где когда-то были селения. Жители знают о них и охотно их показывают приезжим. В Кандике

нам тоже сказали, что поблизости есть заброшенное селение, и провели к нему. Неровности почвы, угловатые бугры, кое-где торчащие из земли камни. Много таких мест в Дагестане. Археологам здесь работы — непочатый край.

Неподалеку — заброшенное кладбище. Скользя по мокрому дерну, мы подошли к мрачным темно-серым стелам — вертикально поставленным каменным плитам. Они отличаются от тех, которые можно видеть на ныне действующих кладбищах: массивные, покрытые пятнами выцветов, покосившиеся, глубоко вросшие в землю. Моросит дождик, фотоснимок получится плохой. К тому же самые интересные две стелы сильно наклонились лицевой стороной вперед. Фотографирую их, лежа на мокрой траве. Старые стелы обычно не имеют надписей, и поэтому их датировать трудно. На этих двух есть надписи куфическим шрифтом — значит, что-то около XII века. То, что я увидел на одной из стел за селением Кандик, осенило меня догадкой. Я был так доволен, что даже не огорчился, когда на обратном пути, поскользнувшись на мокром камне, упал и повредил объектив фотоаппарата — благо имелся запасной.

Дагестанские намогильные стелы последних веков имеют облик типично ближневосточный. Они сделаны по иранским и турецким образцам, большей частью в азербайджанской трактовке. Витиеватые формы, орнамент в виде дробных завитушек, затейливые арабские надписи. Казалось бы, вопрос ясен. Как бы не так. Стелы такого типа появились в Дагестане не ранее XV века. Средневековые выглядят иначе. Орнаментика на них архаическая, под стать местному архитектурному орнаменту. Крупные, лаконичные формы. Языческие культовые знаки. Непонятные изображения, странные очертания. Значит, происхождение не местное? Но самые старые стелы (появившиеся здесь, вероятно, в X—XII вв.) имеют совершенные, отработанные формы. Они появились здесь сразу в готовом виде — нет предыдущих фаз их развития. Может быть, и были, но о них нет данных.

Судя по тому материалу, которым мы располагаем сегодня, можно предположить, что каменным стелам в Дагестане (и в других местах Кавказа) предшествовали деревянные. В литературе по археологии и искусству других стран — например, стран Ближнего Востока и Передней Азии — мне не встречалось изображений стел, которые могли бы служить параллелями средневековым дагестанским.

Особенно примечательны и своеобразны стелы в Табасаране.

Один мой знакомый, живущий в Махачкале, убеждал меня, что они свидетельствуют о христианстве. В средние века христианство, действительно, имело некоторое распространение в Дагестане, в том числе в Табасаране. Но эти стелы

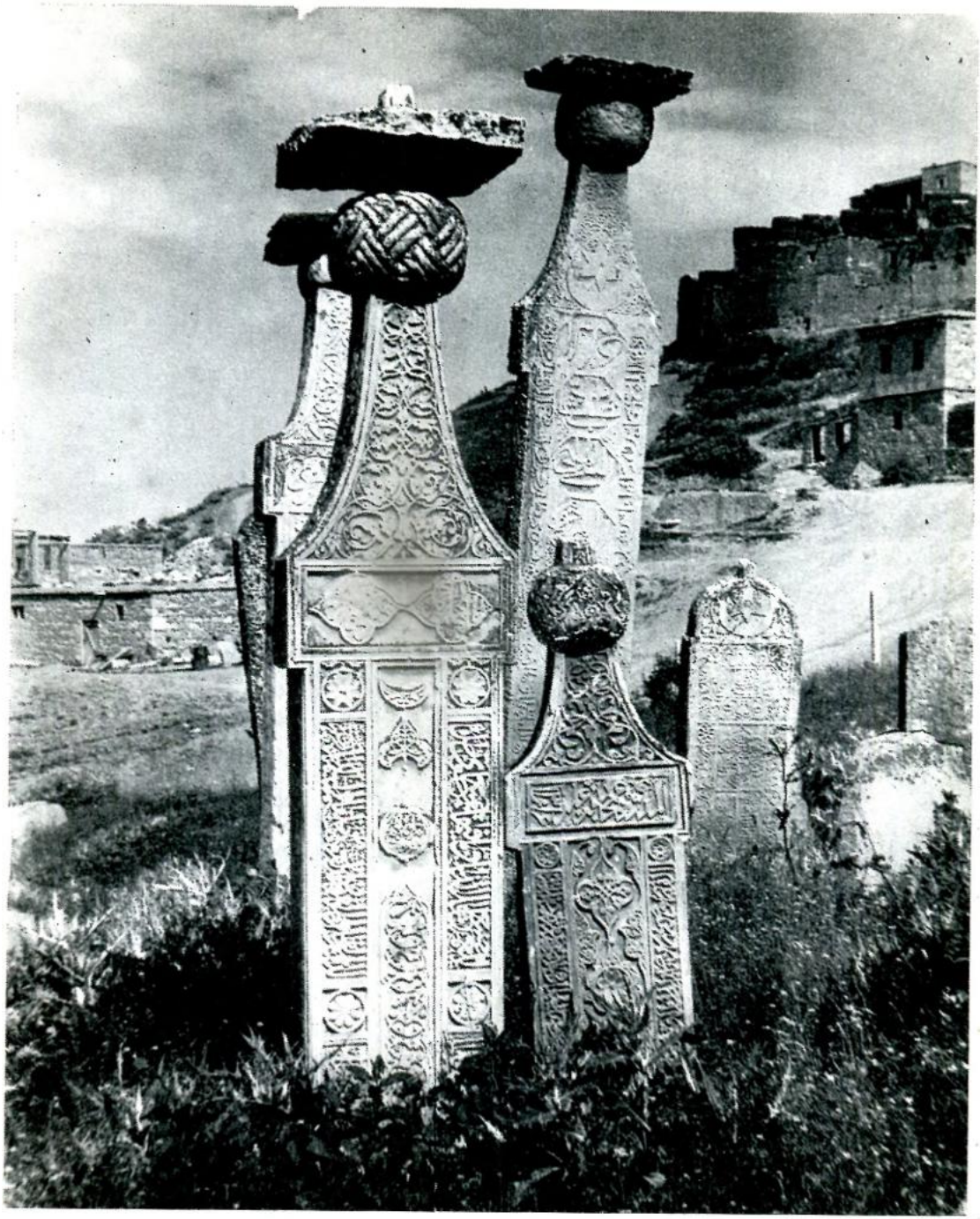
нельзя считать христианскими. Моего приятеля сбили с толку некоторые изображения на них, которые он принял за христианские. В таких случаях нельзя торопиться с выводами. Знаки древней языческой символики в средние века и даже позднее почитались и христианами, и мусульманами. Например, крест применительно к Кавказу отнюдь не обязательно является христианским символом. Хевсуры нашивают на своей одежде кресты из матерчатой тесьмы вовсе не потому, что они христиане: так делают и мусульмане в Дагестане. В Дагестане

127—128. Намогильные стелы в Табасаране: XII в. (с. Кандик) и XVIII в. (с. Ляхля)

и Чечне нередко даже на зданиях мечетей встречаются изображения крестов.

«Посмотрите,— сказал мне мой знакомый,— вот изображение святой троицы». Действительно, на стеле был выполнен рельеф, очертания которого казались похожими на три человеческих силуэта. Да, это святая троица, но не христианская, а языческая. В древних культах Закавказья, Передней Азии и Восточного Средиземноморья почитались различные троицы богов. У этрусков храм состоял из трех отделений. Подобные

церкви были в Византии, Армении и Грузии. Потом три отделения уже не устраивали, но все же делали три апсиды, хотя только одна из них играла роль заалтарной части храма. Три креста, три солнечных диска — распространенная тема в древней языческой культовой символике, а затем орнаментике.

В Дагестане встречаются намогильные стелы с диском или шаром наверху. Их силуэт похож на фигуру человека. Но происхождение этой формы иное: прямоугольная подставка, увенчанная символом солнца. Я понял это, когда на средневековой стеле у с. Кандик увидел высеченное в камне изображение прямоугольника с прикрепленными к нему несколькими дисками.

Фигура в виде прямоугольника, увенчанная диском, встречается в декоре и христианских и мусульманских построек Малой Азии. Это — древний языческий символ солнца. На многих табасаранских стелах встречается изображение трех солнечных дисков. Три прямоугольника, увенчанные дисками, означают то же самое.

Как легко впасть в ошибку, делая поспешные заключения. В Дагестане можно видеть изображения всадника — в наскальных росписях, сделанных три тысячи лет тому назад, и на намогильных стелах позднего средневековья. Естественное, казалось бы, суждение, которое приходит в голову и затем появляется на страницах научных публикаций — будто бы это отражение развития бытового и военного всадничества. Но это не так. Этот всадник — не человек, а бог. Наиболее почитавшийся из пантеона местных языческих божеств — бог солнца.

Почему он изображен всадником? У скандинавов, основным средством транспорта которых была ладья, солнце изображалось плывущим на ладье; у древних народов евразийской лесостепной полосы основным средством транспорта была колесница, и они изображали солнце едущим на колеснице; в горах основным видом транспорта была лошадь, и солнце здесь изображалось едущим на лошади. Среди наскальных росписей Дагестана есть изображения всадника, везущего солнце на луке седла, или всадника с нимбом (солнечное сияние) вокруг головы, или — лошади с нимбом! Всадник, лошадь — это образы солнечного бога. Он вошел в христианство под именем св. Георгия Победоносца, поражающего змия (борьба солнца со змеей — древний мифологический сюжет).

Поэтому на Кавказе так почитался св. Георгий: его прообразом был бог солнца.

Кстати, древнегреческий Пегас, крылатый конь — одна из ипостасей солнечного божества. В связи с этим любопытно отметить, что в Чечено-Ингушетии было найдено раннесредневеко-

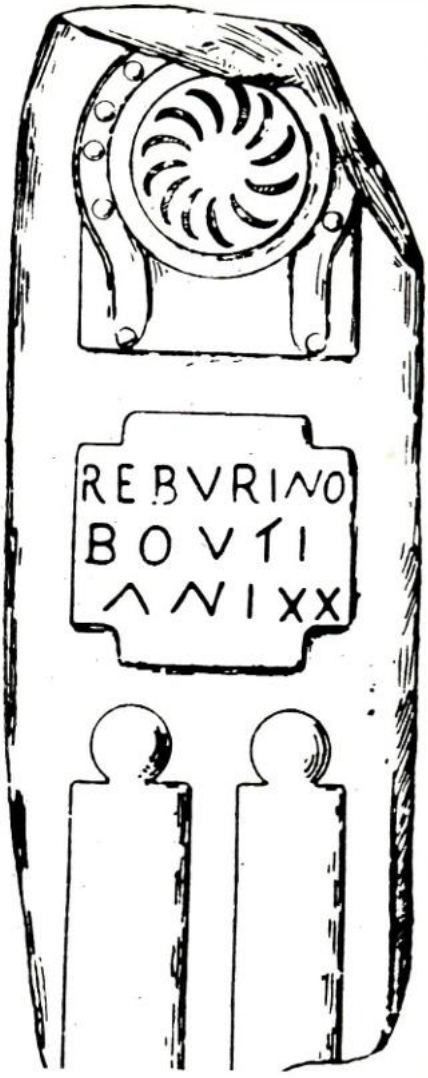
129. Тип намогильной стелы, получившей распространение в Дагестане и других местах Северного Кавказа в XIX в. (с. Вихли)

130—131. Редкие виды стел в Дагестане (Табасаранский район)

132—133. Изображение диска — символа солнца на могильной стеле XIX веке в Дагестане (Табасаранский район) и на древнеримской стеле

вое изображение крылатого коня (вспомним изображение всадника на крылатом коне в Дагестане).

По древнему языческому обычаю, на мусульманских намогильных стелах в Дагестане изображалось солнце: в виде розетки или шара, или круга с крестом, или птицы (птица — тоже образ солнца, поэтому солнечный бог у славян назывался Перун, что значит «пернатый»), или всадника, или коня. В Дагестане есть намогильные стелы в виде головы коня.

Стелы, увенчанные солнечным диском, бытовали в древнем Средиземноморье от Балкан до Испании. Странно. Как и когда они попали в Дагестан?

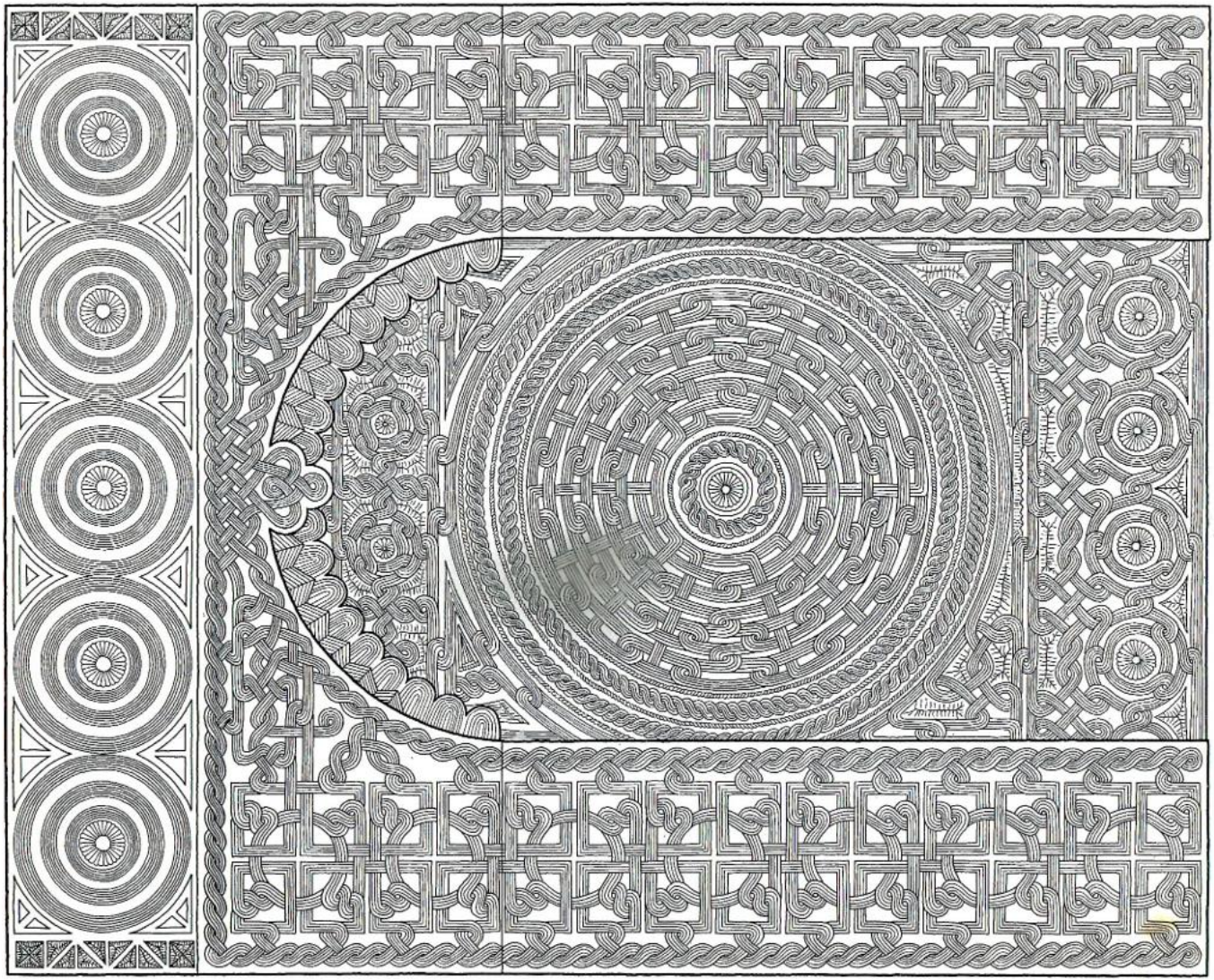
В табасаранских мечетях опорный столб имеет особую форму, нигде больше в Дагестане не встречающуюся: столб имеет расширяющееся кверху, трапециевидной формы венчание. Конструктивный прообраз такой опоры ясен: иногда встречается в утилитарных конструкциях такой столб, уширение которого используется для более удобного опирания на него балок. Столбы, подобные табасаранским, известны в древней Мидии (северо-западный Иран) и в горной Грузии. Специфическая архитектурная форма у разных народов, разделенных сотнями километров труднопроходимой горной территории. Как это объяснить?

В Табарасане деревянные детали здания покрыты ковровой резьбой. Ею украшены столбы в мечетях, а также лицевые

134. Всадник — древнее изображение солнечного божества, прообраз христианского Георгия Победоносца (с. Хотода)

плоскости массивных коробок дверей и окон. У соседей табасаран — лезгин на юге и даргинцев на севере — можно видеть более архаические формы декора оконных и дверных обрамлений: это символы солнца — круги и кресты, и символы земли — ромбы. У табасаран они превратились в плетенку, в рисунках которой можно видеть переплетения в разных вариациях крестов, кругов и ромбов. Узоры табасаранских орнаментальных плетений слишком похожи на армяно-грузинские, чтобы можно было игнорировать этот факт.

Когда и при каких обстоятельствах происходило заимствова-
ние? О том, чтобы именно Табасаран среди прочих областей
Дагестана имел в средние века особые связи с Грузией или
Арменией, ничего не известно.
За Табасараном находится небольшой район, со всех сторон
окруженный труднопроходимыми горами; здесь обитает не-
большая народность лезгинской группы — агулы. В агуль-
ском селении Рича́ есть мечеть, известная среди знатоков
дагестанских древностей благодаря интересной надписи на
одном из ее резных камней. В этой надписи сказано, что
мечеть отстроена после того, как войско монголов в нача
ле XIII века разрушило селение. По характеру некоторых
элементов резьбы столбов мечети можно заключить, что они
были изготовлены в XII веке. Эти столбы несколько обгоре
ли — может быть, следы пожара, учиненного монголами..
Семьсот лет прошло с тех пор.
Двенадцатый век. Замок в Ицари, мечеть в Тама, церковь
в Датуна, михраб в Калакурейше, барельефы в Кубачах.
Многие выдающиеся памятники зодчества и художественной
культуры Дагестана датируются этим временем.
Двенадцатый век был периодом расцвета хозяйственно-эконо
мической и культурной жизни Передней Азии, Средней Азии
Ближнего Востока и Кавказа. Это была яркая страница
истории народов Азии и Кавказа, сравнимая с эпохой Воз
рождения в Европе. И кто знает, как сложились бы судьбы
культуры Востока, к каким вершинам развития пришла бы
Азия, если бы не Чингис. Тот самый Чингис-хан, которому
теперь с благоговением поставили памятник китайские проек
танты нашего с вами будущего. А после Чингиса был Тимур,
нанесший культуре Азии новый удар. Городская цивили
зация, возродившаяся было в Дагестане после того, как
спала волна арабской агрессии, была уничтожена Тимуром.
Например, Тимур разгромил город Алмак, имевший семь
восемь тысяч домов (сейчас даже неизвестно место, где
он находился), город Кадар, в котором проживало несколь
ко тысяч семейств (ныне Кадар — рядовое селение).
Затем для Дагестана, как и для всего Кавказа, как и
для Азии, наступили века упадка. После многовекового мра
ка только в XX веке для народов Востока забрезжил свет
новой жизни.

135. Резной деревянный портал мечети в с. Тпиг

Дагестан очень разный. Дербент с его колоритом старого
южного города — и Каспийск, новый город, построенный при
Советской власти. Древние селения, как бы вставшие со
страниц истории,— и новые селения, с просторной застрой
кой, шиферными крышами и зеленью садов. Только что вы
были в окружении дикого горного пейзажа — и через час
полета на самолете местного сообщения попадаете в совре

менный город Махачкалу, едете на троллейбусе по прямым улицам, прогуливаетесь по усаженной цветами приморской набережной, входите в здание театра ультрановой архитектуры.

Может ли современный город иметь национальный облик? Большинство архитекторов отчаялись дать положительный ответ на этот вопрос, а те, кто считает, что современная архитектура может быть национальной, оставаясь современной, оперируют в основном словесными аргументами. В Махачкале строят по-современному (т. е. как везде), люди одеваются по-современному (т. е. как везде), в магазинах — товары те же, что и везде.

В журналах мод и на просмотрах мод сезона для разнообразия представляют модели одежды (женской или детской), задуманной с использованием национальных мотивов. На них смотрят со снисходительным интересом, но никто не шьет себе «национальное» платье, а если бы таковые выпускались промышленностью, они вряд ли имели бы спрос. Неужели, правда, мир идет к неизбежной унификации?

Если проблема национального в искусствах, связанных с материальной культурой (архитектура, дизайн, орнамент), сложна, то в изобразительных искусствах она не проще. Что делает живопись и скульптуру национальной? Тематика? Но ведь сами сюжеты утрачивают национальную специфику. Стиль? Но в чем он?

Собрание картин музея изобразительных искусств в Махачкале небольшое, но довольно неплохое. В числе работ русских художников есть работы известных мастеров. В двух залах экспозиция посвящена дагестанской тематике: здесь большая коллекция Е. Лансере, монументальные полотна Ф. А. Рубо, несколько вещей Г. Гагарина. Эти русские художники второй половины прошлого — первой половины нынешнего века изображали сцены Кавказской войны, местные пейзажи, горные селения, колоритные типажи.

В 1920-х годах начинал свою деятельность первый видный дагестанский художник М. Джемал. Как и Е. Лансере, он обращался к старому горскому быту, изображал старые селения, людей в старинных одеждах.

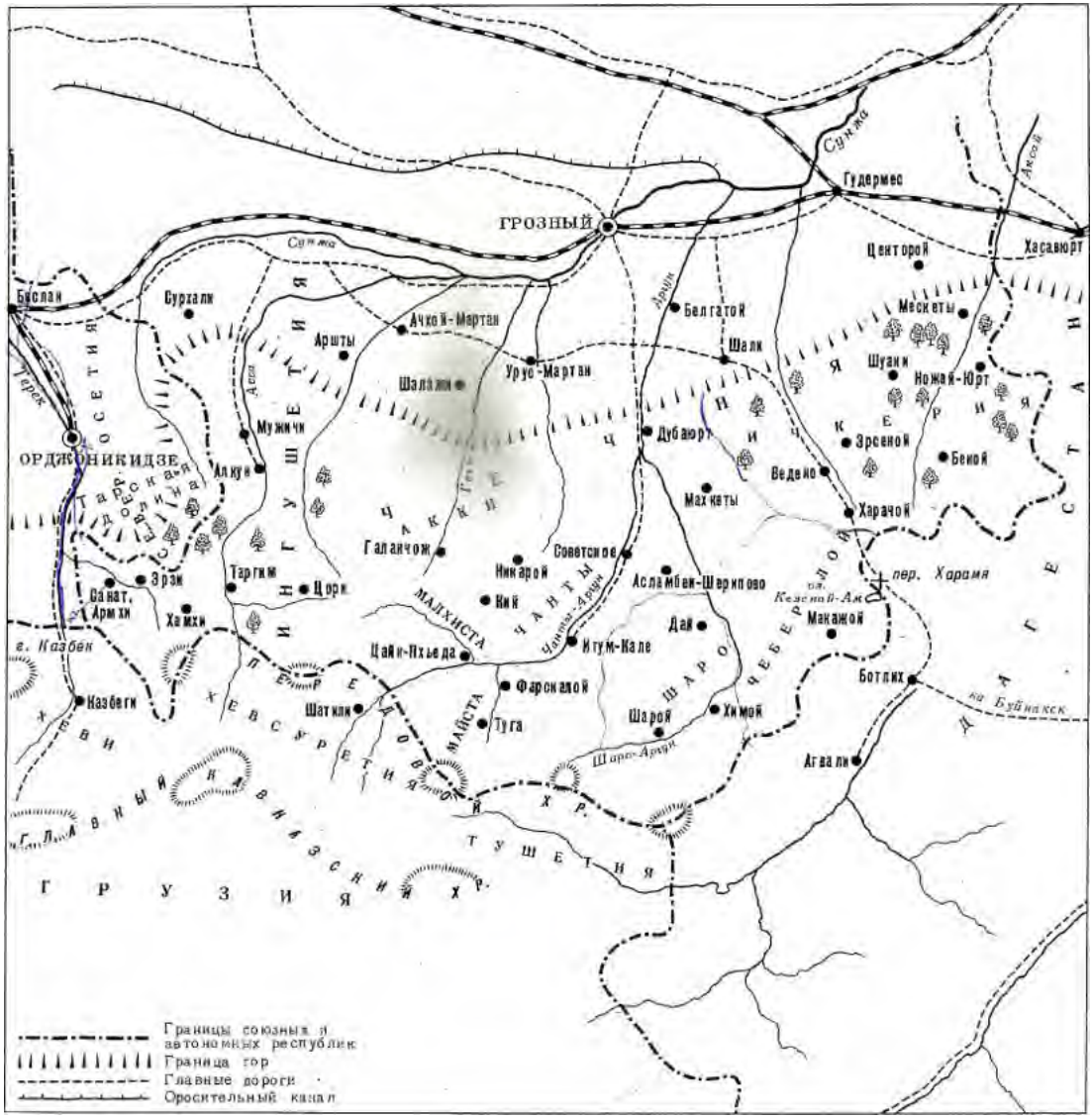
Но ведь не всегда же заниматься художнику только прошлым. Нынешние дагестанские художники обращаются почти исключительно к современности, и если их интересует история, то современная.

Назначение изобразительного искусства состоит не только в том, чтобы просто изображать. Художник должен проникать в сущность жизни и показывать ее, в этом состоит главный принцип реализма. Нужно сказать, что иные старые работы живописцев, обращавшихся к дагестанской тематике, более реалистичны, чем многие нынешние, ибо более психо-

логичны. Да и по колориту темная гамма более соотве
ствует реальной картине горного Дагестана, чем просветле
но-радужные краски. Но дело, конечно, не только в цве
и прежде всего не в нем. Излюбленное традиционное цвет
сочетание в искусстве старого Дагестана — черно-белое. Каз
лось бы, черно-белые линогравюры братьев Сунгуров
должны были бы вызывать ассоциации с местной реальн
стью. Но они, несмотря на свою ахроматичность, по-восто
ному, не по-дагестански, цветисты. Их пронизывает д
вечного праздника, беззаботной жизни.

Кто может взять на себя смелость давать художнику н
ставления? Его творческая совесть — главный его судья. Т
же, как каждым из нас руководит прежде всего его совест

Карта-схема
горной
Чечено-Ингушетии

В стране *вайнахов*

Так назвал свою книгу археолог В. И. Марковин, в которой он рассказывает о своих путешествиях по горам Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши — родственные народности, две ветви одного племени, их языки и культура весьма сходны, и все они называют себя «вайнах», что значит «наш народ».

Грузины называли соседних им горных вайнахов кистинами. Русские в XVIII веке впервые столкнулись с аборигенами в лице жителей селений Чечен и Ангушт, отсюда нынешние наименования этих народностей. По переписи 1970 года чеченцев было 61 тысяча, ингушей — 158 тысяч.

Чечено-Ингушетия расположена к северу от Главного Кавказского хребта. На востоке она граничит с Дагестаном, на западе с Северной Осетией, на юге с Грузией, на севере с Россией.

От Грузии Чечено-Ингушетию отделяет параллельный Главному хребту Пирикительский хребет, вершины которого покрыты вечными снегами. Примыкающая к нему южная часть республики представляет собой скопище глухих, труднопроходимых гор, изрезанных глубокими ущельями, местами каменистых, местами покрытых скудным травяным покровом. Эта мрачная горная местность когда-то и была коренной территорией вайнахов, откуда они в средние века и позднее распространялись к северу, в более благоприятные для жизни места. Теперь уже в высокогорьях никто не живет; лишь там, где имеются луга, встречаются пастухи со стадами, пригнанными на летние пастбища. Перед снеговым, скалистым и пастбищным хребтами идет полоса более низких и лесистых гор. Здесь уже встречаются поселения, и чем ближе к равнине, тем их больше.

По равнине с запада на восток протекают река Сунжа, приток Терека и, параллельно ей, сам Терек. Вдоль этих рек здесь проходит железнодорожная линия, связывающая города Северного Кавказа с Ростовом и Новороссийском на западе, Астраханью и Баку на востоке. На Сунже расположена столица республики — Грозный — большой современный город, крупный промышленный и культурный центр на Северном Кавказе. Подъезжая к Грозному, вы видите нефтяные баки и промышленные установки, огромные агрегаты, мощные трубопроводы, пламя сжигаемого газа, лес труб, извергающих в атмосферу клубы дыма.

Севернее Терека простирается безлюдная засушливая степь, в пространстве же между Сунжей и горами климат достаточно влажный и земля плодородна.

На равнине летом бывает жарко, но ночи порою прохладные. Зима на равнине довольно холодная, в горах — снежная и морозная.

Если смотреть с равнины на юг, то с той стороны местность как бы окаймлена грядой гор. Покрытые лесом, они всегда темны, отчего и их название — Черные горы. Но это по существу еще только предгорья. Настоящие горы — дальше, за ними. По эту же сторону, от лесистых предгорий до Сунжи стелется обширная плодородная долина, тоже лесистая и омываемая множеством топких ручьев и речек, то пересыхающих, то выходящих из берегов, стекающих с гор и впадающих в Сунжу. Главные из этих рек — Аргун и Асса. В бассейне Аргуна живут чеченцы, по Ассе же, в соседстве с Северной Осетией и частично на ее территории — ингуши.

О прошлом вайнахов мало что известно. Темна история народа, у которого не было письменности. О Дагестане хоть что-то сообщали средневековые арабские, армянские и другие авторы, а в XVIII—XIX веках там появились и свои летописцы, писавшие на арабском языке. Отдаленная же от центров цивилизации горная страна вайнахов почти не имела сношений с соседями, которые бы описывали ее, а грамотные люди здесь появились только в прошлом веке, да и те были приезжими из Дагестана муллами. Древняя история в какой-то мере воссоздается методами археологии, но в труднодоступных и необитаемых ныне горах Чечено-Ингушетии археологические раскопки в широких масштабах затруднены.

В ближних горных районах Чечено-Ингушетии исследовано несколько могильников эпохи бронзы. Их материал показывает, что три тысячи лет тому назад район Внутреннего (западного и центрального) Дагестана и восточной Чечни населяли этнически родственные племена однородной культуры (она называется в археологии каякентско-харачоевской). В то время в Северной Осетии процветала знаменитая кобанская культура, периферия которой включала северо-западную территорию нынешней Чечено-Ингушетии.

Затем в степях Северного Кавказа господствовали поочередно скифы, сарматы, аланы, хазары, но что тогда происходило в горах, сказать трудно. В эпоху раннего средневековья обширная территория предгорно-плоскостной зоны Северного Кавказа принадлежала аланам. Теснимые нахлынувшими из Азии тюрками, они отступали в горы. Аланские могильники обнаружены на подступах к горам Чечено-Ингушетии.

Впервые на историческую арену вайнахи выходят в XII веке, когда они попадают в сферу влияния усилившейся Грузии.

Севернее Терека простирается безлюдная засушливая степь, в пространстве же между Сунжей и горами климат достаточно влажный и земля плодородна.

На равнине летом бывает жарко, но ночи порою прохладные. Зима на равнине довольно холодная, в горах — снежная и морозная.

Если смотреть с равнины на юг, то с той стороны местность как бы окаймлена грядой гор. Покрытые лесом, они всегда темны, отчего и их название — Черные горы. Но это по существу еще только предгорья. Настоящие горы — дальше, за ними. По эту же сторону, от лесистых предгорий до Сунжи стелется обширная плодородная долина, тоже лесистая и омываемая множеством топких ручьев и речек, то пересыхающих, то выходящих из берегов, стекающих с гор и впадающих в Сунжу. Главные из этих рек — Аргун и Асса. В бассейне Аргуна живут чеченцы, по Ассе же, в соседстве с Северной Осетией и частично на ее территории — ингуши.

О прошлом вайнахов мало что известно. Темна история народа, у которого не было письменности. О Дагестане хоть что-то сообщали средневековые арабские, армянские и другие авторы, а в XVIII—XIX веках там появились и свои летописцы, писавшие на арабском языке. Отдаленная же от центров цивилизации горная страна вайнахов почти не имела сношений с соседями, которые бы описывали ее, а грамотные люди здесь появились только в прошлом веке, да и те были приезжими из Дагестана муллами. Древняя история в какой-то мере воссоздается методами археологии, но в труднодоступных и необитаемых ныне горах Чечено-Ингушетии археологические раскопки в широких масштабах затруднены.

В ближних горных районах Чечено-Ингушетии исследовано несколько могильников эпохи бронзы. Их материал показывает, что три тысячи лет тому назад район Внутреннего (западного и центрального) Дагестана и восточной Чечни населяли этнически родственные племена однородной культуры (она называется в археологии каякентско-харачоевской). В то время в Северной Осетии процветала знаменитая кобанская культура, периферия которой включала северо-западную территорию нынешней Чечено-Ингушетии.

Затем в степях Северного Кавказа господствовали поочередно скифы, сарматы, аланы, хазары, но что тогда происходило в горах, сказать трудно. В эпоху раннего средневековья обширная территория предгорно-плоскостной зоны Северного Кавказа принадлежала аланам. Теснимые нахлынувшими из Азии тюрками, они отступали в горы. Аланские могильники обнаружены на подступах к горам Чечено-Ингушетии.

Впервые на историческую арену вайнахи выходят в XII веке, когда они попадают в сферу влияния усилившейся Грузии.

В горную Ингушетию прибывают грузинские миссионеры, здесь строятся христианские храмы, в грузинских анналах появляются упоминания о дзурдзуках и глигвах (чеченцах и ингушах).

В XIII веке аланы претерпели жестокий разгром со стороны татаро-монголов, и остатки их, укрывшиеся в горах, смешались с аборигенами. Затем, в конце XIV века, Золотая Орда, господствовавшая на Северном Кавказе, была разгромлена Тимуром. После этого из глухих высокогорий коренного района вайнахов стало переселяться избыточное население. На новых местах вайнахи обосновывались в лесных прогалинах среди дремучих чащоб, затем постепенно распространялись дальше, на плодородные земли лесостепи. Здесь они пришли в столкновение с калмыками (потомки монголов), жившими на Тереке, с дагестанцами-кумыками, населявшими соседние с лесной Чечней равнину и предгорья, с кабардинцами, занявшими в XV веке почти всю северокавказскую степь и приобретшими тогда большую силу.

Колонизация вайнахами, первоначально обитавшими в высокогорном районе верховий Аргуна и Ассы, соседних земель, направленная к северу, востоку и западу, продолжалась на протяжении веков. Процесс переселения усилился в начале прошлого века в связи с тем, что строительство русских укреплений обезопасило плоскостные районы от набегов и разбоя, и пошел быстрыми темпами с конца XIX века, после замирения края. В 1920-х годах некогда густонаселенные горы Чечено-Ингушетии почти обезлюдели и окончательно опустели в 1940-х годах.

XII—XVIII века характеризовались расцветом архитектуры коренного района вайнахов, в тот период влиявшей и на зодчество соседних территорий. Однако на вновь осваиваемых землях зодчество вайнахов-переселенцев находилось всецело под влиянием строительной культуры, выработавшейся в местных условиях у их соседей — кумыков и кабардинцев.

В XVIII веке к Северному Кавказу приблизились границы царской России, и с этого времени начинается хорошо известный и полный драматизма период истории его народов. Первоначально отношения русских властей с чеченцами и ингушами были почти вполне мирными. Вайнахи даже охотно приняли покровительство России, так как это обеспечивало им защиту от враждебных соседей, а главное — создавало условия для торговых и других экономических сношений с внешним миром, в чем они очень нуждались. Но со временем русская администрация стала относиться к местному населению так же, как она привыкла относиться к населению в России, к чему свободолюбивые вайнахи, никогда раньше не знавшие ни бюрократически-административных порядков, ни сословных различий, ни вообще какой бы то

ни было власти, не были подготовлены прошлым своей истории. В Дагестане и Осетии к тому времени уже появилась местная знать, а в так называемых «вольных обществах» этих областей, имевших определенные контакты с внешним миром, тоже оформилось какое-то управление, установился некоторый правопорядок. Чеченцам же и ингушам чужда была сама идея власти над ними, в особенности власти безапелляционной и бесконтрольной.

Русская администрация вела себя по отношению к местному населению грубо и неуклюже, без понимания специфики его быта, обычаев, психологии. В 1840 году, когда среди чеченцев пронесся слух, что они из вольных людей будут превращены в крепостных, они восстали и присоединились к Шамилю. Почти двадцать лет продолжалась тяжелая и кровопролитная война русских войск с чеченцами, стоившая больших потерь для обеих сторон, пока горцы не вынуждены были покориться.

И в то же время ожесточенная борьба с русскими войсками не вызывала в народе ненависти к русским людям. Географ Н. К. Зейдлиц писал в статье о своей поездке в Чечню, опубликованной в 1873 году: «Приезжего в аул русского все почетные жители встречают пожатием руки, уезжающего нередко провожает почтенная хозяйка, желая ему счастливой дороги, и весьма рада, если вы ей подадите руку в знак благодарности за радушный прием»[17].

Во время русско-турецкой войны 1877 года чеченцы, как и дагестанцы, снова восстали; восстание было жестоко подавлено. В 1878 году вспыхнул мятеж среди ингушей, о причине которого красноречиво сообщает свидетельство того времени. Жителям нескольких ингушских селений было предложено переселиться на лучшие земли и образовать поселения, более удобные, чем горные, типа казачьих станиц. Среди горцев распространился слух, что их хотят превратить в казаков и обратить в христианство, а горянки должны будут, на манер казачек, ходить без шаровар, что по понятиям местных жителей считается бесстыдством. Ингуши послали депутацию к приставу с намерением выяснить, так ли это. Пристав арестовал депутатов и посадил их под стражу, что вызвало бунт.

В конечном счете, вайнахи, как и все другие народы Кавказа, все же выиграли в результате присоединения к России. Во-первых, это принесло им мир. До того они жили в состоянии постоянной войны с внешними врагами и между собой; каждое племя, каждая община, даже каждый род при этом могли полагаться только на собственные силы — и горе было слабому, который не мог защитить себя. Помимо враждебных отношений с соседями, в среде самих вайнахов не было мира и согласия: ингуши враждовали с чеченцами, а горные че-

ченцы — с предгорно-плоскостными; вражда была настолько большой, что разные группы одного в сущности народа не признавали родства между собой; об этом писал, например, первый чеченский историк, выходец из местных жителей У. Лаудаев. Во-вторых, присоединение к России дало возможность народам Кавказа выйти из состояния слишком затянувшегося средневековья на дорогу экономического и культурного прогресса. Люди стали жить зажиточнее и получили возможность приобщаться к мировой культуре. Присоединение народов Кавказа к России вырвало их из духовной сферы азиатчины, в чем несомненное прогрессивное значение этого исторического акта.

Решающую роль в судьбах вайнахского народа сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция. Советское государство, экспроприировав обширные земли на равнине у помещиков и белоказаков, передало их горцам для переселения, и к концу 1920-х годов в горах осталась уже едва десятая часть чечено-ингушей. Советская власть создала для горцев условия возможности зажиточной жизни, прогрессивного социального и культурного развития. Общеизвестный несправедливый акт поголовного обвинения народа в измене и выселения в 1940-х годах вайнахов с их территории был исправлен при восстановлении в партии ленинских принципов руководства.

Теперь селения чеченцев и ингушей представляют собой разительный контраст с тем, как жили их предки: капитальные кирпичные или саманные, побеленные домики под черепичными, шиферными, железными крышами стоят в окружении садов; вокруг зеленеют тучные поля и луга; во всем чувствуется основательность, зажиточность.

В происхождении вайнахов [illegible]много неясного. На первый взгляд кажется — какие события, которые приводили бы к этническим сдвигам, могли быть у народа, жившего оторванно от внешнего мира, в труднодоступной горной области, за непроходимыми лесами и снеговыми хребтами? Тем не менее некоторые факты побуждают полагать, что такие события были. Некоторые ученые придерживаются неукоснительного правила — считать, что вайнахи и все другие кавказские народы существовали как данные народы извечно и их предки извечно жили на тех же местах. Такого рода представления, как ни лестны они для национального самолюбия, вызывают скептицизм при беспристрастном отношении к фактам. Этнограф Л. И. Лавров в связи с этим замечает: «В последние годы стали модными поиски доказательств автохтонного*

* То есть извечно местного, не подвергавшегося существенным внешним воздействиям.

происхождения большинства ныне существующих народов...»[18] Как будто если предки народа или часть их в незапамятные времена переселилась из других мест, это подрывает его престиж или ставит под сомнение право людей считать своей родиной те места, где они родились. История почти всех народов, прошлое которых достоверно известно, связана с переселениями и смешениями. О прошлом кавказских народов известно мало, но они в этом отношении не составляют исключения.

В III тыс. до нашей эры почти все Закавказье и отдельные места Северного Кавказа были заселены племенами так называемой кура-араксской культуры, явно выходцами из Передней Азии. Они населяли долины, а в горах обитали племена другой культуры. В начале II тыс. до н. э., в эпоху трансконтинентальных миграций восточноевропейских племен, которые достигли Алтая и Индии, они заполонили Кавказ, проникая сюда и с севера и с юга. В связи с этим все обнаруженные археологами поселения племен кура-араксской культуры прекращают в то время свое существование. Именно этими событиями объясняется тот факт, что в грузинском языке имеется ощутимый пласт древнего европейского языка. А в первой половине I тыс. до н. э. на Кавказ стали продвигаться новые племена с юга. Имеются неоспоримые данные о продвижении предков грузин из Малой Азии. Историк Г. А. Меликишвили считает, что в южных миграционных волнах того периода участвовали и племена, вошедшие в число предков дагестанцев и вайнахов. В связи с этим можно упомянуть и о новейших данных антропологии, показывающих наличие морфологической преемственности между древним населением территории нынешней Армении и современными народами, населяющими центральные предгорья Кавказского хребта.

Народы Кавказа и Балканского полуострова относятся к кавказо-балканской подрасе. Их разделяют живущие к югу и к северу от Черного моря народы других подрас. Видимо, далекие предки народов Кавказа и Балкан когда-то жили не так далеко друг от друга, как теперь.

Среди кавказских горцев, в том числе вайнахов, часто встречаются лица североевропейского облика. Это — потомки древних европейских племен, которые четыре тысячи лет тому назад мигрировали в горы Кавказа. Миграция была, очевидно, массовой, потому что, как свидетельствует археология, в тот период здесь резко изменился характер культуры: иным стал погребальный обряд, иной оказывается инвентарь в захоронениях.

В литературе конца прошлого века много сообщений о том, что когда исследователи, в стремлении выяснить что-либо о происхождении вайнахов, обращались с соответствующими

вопросами к старикам из местных жителей, те единодушно утверждали, что их предки когда-то пришли на эту землю, а раньше здесь жили какие-то другие племена, которые они называют тиндами, джелтами, мидами.

Вряд ли можно сомневаться в том, кто такие тинды: народность с таким названием имеется в соседнем Дагестане, и обитает она близ нынешней Чечни. Слово «джелт», вероятно, сопоставляется с названием аланского города Джулат. Кто такие «мид», неясно.

Главная река Ингушетии — Асса; в этом названии нетрудно видеть имя алан (русские летописи называют их ясами). В Чечне есть селение Дай; в древности в Дагестане жил народ с таким названием, чеченцы и теперь называют аварцев «дай». В Чечне есть селение Дарго, что сопоставляется с этнонимом даргинцев в Дагестане.

Судя по антропологическому облику вайнахов, сходному с типом соседних народов, основной контингент их предков составляло древнейшее местное население. Но это не исключает вхождения в него в разное время различных пришлых групп.

У чеченцев есть легенда о миграции (состоявшейся, возможно, в X—XII вв.) какой-то части их предков из Закавказья вдоль Черноморского побережья. В книге Н. С. Семенова приводится перевод виденной им рукописи на арабском языке, в которой рассказывается об этом переселении. Детальное повествование, с обозначением попутных географических названий, заставляет верить в аутентичность этого предания.

Между прочим, в этой легенде упоминается местность Халиб. Теперь такого названия нет, но в древности у юго-восточного побережья Черного моря жил народ халибы. Чеченские муллы не могли этого знать, если бы это они сочинили легенду о переселении. Исходным пунктом миграции, согласно этому преданию, называется Нахч-ван, т. е. «страна нахчей» (как называют себя чеченцы). На юге Закавказья есть город и селение с таким названием. А в местность Нахч-ван, как гласит предание, предки этого племени пришли откуда-то из еще более далеких мест. Не оттуда ли переднеазиатские названия вайнахских богов — Мэлх, Эл, Тушоли, Нана, Эштр?

Вайнахи — такой же смешанный по происхождению народ, как и другие народы; «чистой крови» нет ни у кого (и тем лучше для человечества, потому что расовые смешения способствуют его физическому здоровью).

Но каково бы ни было происхождение вайнахов, теперь и в обозримое время в прошлом они выступают как определенная этническая общность, с языком, который входит в кавказскую языковую семью, с культурой, которая сходна

с культурой других соседних кавказско-горских народностей — дагестанцев на востоке, осетин на западе, хевсуров и тушин на юге.

Для горских народностей северо-восточного Кавказа, от Дагестана до Осетии, свойственна определенная общность обычаев и психологического склада. Различия есть, но сходства больше. Это свидетельствует о глубокой древности местного этнического субстрата, поскольку народы эти были все же разобщены, и для выработки общих обычаев и общих взглядов на вещи требовалось длительное время, измеряемое тысячелетиями.

Дагестанцы и осетины так или иначе соприкасались с внешним миром, но горные вайнахи до XIX века жили более замкнуто, и в их старой культуре в большей мере сохранились древние черты и особенности, несколько непривычные для тех, кто воспитан на началах современной европейской цивилизации. Правда, в средние века в горы Чечено-Ингушетии проникало христианство. Однако местные жители приняли лишь его внешнюю, обрядовую сторону, а суть христианского учения не только не повлияла на народную психологию, но даже не коснулась ее. В условиях родового быта, когда каждый род был замкнутой в себе системой, а весь остальной мир считался для членов рода враждебным, когда аргументом в решении спорных вопросов была сила, не было места таким понятиям, как милосердие, справедливость, различения добра и зла. Всему этому народная мораль предпочитала более простое и понятное суждение: если сумел, значит молодец. Рецидивы такого взгляда на человеческие отношения имеют место и теперь, что, в частности, выражается в обычае умыкания девушек, который, к нашему стыду, не изжит окончательно до сих пор. Конечно, все видели фильм «Кавказская пленница»; в действительности все происходит грубее и совсем не смешно.

Если молодому человеку, который намерен жениться, родители не просватали невесту, или у него нет денег на калым, или ее родители отказываются выдавать ее за него, или ему приглянулась девушка, которая не откликается на его ухаживания либо с которой он просто не знаком,— то в таких случаях применяется насилие, осуществляемое обычно с помощью двух-трех дружков.

Закон предусматривает строгое наказание за умыкание невест, но оно остается безнаказанным, потому что ни девушка, ни ее родители, как правило, не обращаются в суд по этому поводу: девушка считается опозоренной, и никто другой на ней не женится. Закон здесь ничего не поделает. Этот отвратительный обычай исчезнет только тогда, когда

в психологии народа выработается отношение к насилию как к деянию безнравственному.

В средние века вайнахи испытывали влияние Грузии, страны древней и развитой культуры. Но нельзя переоценивать это влияние. Во-первых, вряд ли оно было сильным в условиях отдаленности этого района от культурных центров Грузии. Во-вторых, ограничиваясь периодом XI—XV веков, оно впоследствии заглохло. Замкнутость жизни горцев, застойность их быта, оторванность от внешнего мира, без оживленных связей с которым никогда, как известно, не поднималась высоко культура ни одного малочисленного народа, тяжелые условия существования, при которых главным делом мужчин была война,— что отвлекало лучших и наиболее деятельных представителей народа от продуктивных занятий,— все это привело к тому, что культура вайнахов, какой она оказалась в XVIII—XIX веках, была сравнительно невысокой. Грамотеями и ремесленниками (кроме строителей) здесь в то время были главным образом выходцы из Дагестана. Н. С. Семенов сообщает: «Ни один чеченец не знает, сколько ему лет»,— что совершенно согласуется с представлениями о времени у народа, не имеющего письменности.

И в то же время поразительно, насколько высока была у вайнахов культура поведения (что вообще свойственно кавказским горцам). Их умению соблюдать этикет во многом можем поучиться даже мы, представители городской цивилизации XX века. Кавказские горцы отличаются несколько церемонной вежливостью. Если даже в каких-то случаях она не следствие искренне доброжелательного отношения, а лишь форма,— согласитесь, что это все же лучше беззастенчивого хамства, являющегося обычной нормой общения в иных местностях.

В древности человек в одиночку был бессилен перед внешним миром. Чтобы выжить, нужно было объединяться. Лишь образовывая коллективы, люди могли сохранить себя. Естественным коллективом было объединение родственников. Это и привело к удивительной родственной спайке у горцев. Верность фамилии сохраняется и теперь. Нам может представиться странным, когда чеченец, живущий в городе, получивший современное образование и, как нам кажется, такое же, как мы, воспитание, ничем будто не отличающийся от нас, скажет: «Я должен поехать туда-то». «Зачем?» «У меня там брат живет, я его уже месяц не видел». Немного совестно станет, когда вспомнишь, что твой брат живет в одном с тобой городе, и ты не видел его полгода или год.

«Фамилия» — это круг родственников, происходящих от общего предка в восьмом-десятом поколении. Вайнах или осетин может перечислить последовательно имена восьми-десяти-двенадцати поколений своих предков. У дагестанцев этого

нет; там не помнят своих предков дальше деда. Причина этого в том, что у вайнахов и осетин родственные объединения были фамильными, а у дагестанцев они представляли собой родовые общины, внутри которых фамилия не составляла обособленной группы. Это, кстати, отразилось на отличии в архитектуре дагестанцев, с одной стороны, вайнахов и осетин — с другой: у первых поселение было единым домом-крепостью общины, у вторых обычной формой поселения являлась фамильная крепость (замок), состоявшая из семейных башен.

Зная значение рода в жизни горцев, можно понять, почему они так радовались рождению сына и были безразличны к факту рождения дочери: сын оставался членом своего рода и таким образом содействовал увеличению его силы, а дочь, выходя замуж, уходила в другой род и ее дети были уже его членами.

Инстинкт племенного самосохранения приводил к установлению обычаев, смысл которых состоял в увеличении числа союзников. Например, распространен был обычай названного родства — куначества. Устанавливалось оно побратимством, оформляемым специальным ритуалом, который в разных вариациях сводился к тому, что двое мужчин клялись друг другу в вечной верности, пили хмельной напиток из одного кубка, целовались и обменивались оружием. Для упрочения названного родства нередко отдавали на воспитание ребенка (мальчика) в другой род, причем совсем не обязательно принадлежащий к той же национальности.

Строили свои жилища рядом, как правило, родственники. Но если случалось так, что соседями были люди, которых не связывало родство, то по старому горскому обычаю отношения между соседями должны быть такими, как между родственниками. Был еще такой обычай: попутчики или случайно встретившиеся путники должны помогать друг другу и защищать друг друга в случае опасности. Помните кинофильм «Мольба»? Кистин и хевсур встретились в горах. Поговорив дружелюбно, они стали «братьями», и хевсур по приглашению кистина пошел в его дом. Ошибка его была в *том, что он не назвал себя. Тогда бы кистин не пригласил* его к себе без разрешения своих соплеменников.

У вайнахов в большей мере, чем у дагестанцев, имела место вражда между отдельными родами. Раздоры и неприязненные отношения были настолько сильны, что суд по адату, принятый в Дагестане, здесь имел меньшее значение, и споры чаще решались силой оружия.

Земля не считалась частной собственностью: владение ею было общинным. Каждый год земля, принадлежавшая общине, делилась на равные участки по числу семей и распределялась по жребию. Лес же считался ничейным, и каждый имел

право вырубить участок леса, поселиться на нем и тем самым становился его собственником, так же как земледельческая терраса на склоне горы, созданная трудом семьи, принадлежала ей.

У вайнахов не было сословия господ, как у их соседей — осетин, кабардинцев и кумыков. Но у них слабые фамилии находились в зависимости от сильных, а также были рабы из военнопленных.

Слабые фамилии считались ниже сильных; волею обстоятельств они вынуждены были искать у них покровительства, за что выполняли для них разные работы. В ряде случаев сильные фамилии брали дань с некоторых слабых.

В горах северо-восточного Кавказа рабами становились не местные жители, попадавшие в кабалу к своим соплеменникам, а лишь чужие, захваченные при набегах. Пленников возвращали за выкуп; кто мог, выкупал своего родственника, бедняки же оставались в плену и превращались в рабов.

Но применение рабского труда имеет смысл, только если оно дает существенную прибавочную стоимость. В горах Кавказа, однако, производство стояло на столь низком уровне, что применение рабского труда в сколько-нибудь значительных масштабах не оправдывало себя. Поэтому если в состоятельных семьях и были один-два раба, то держать их больше не было смысла. В рядовом же хозяйстве и одного раба иметь было ни к чему. Поэтому пленных, если не удавалось взять за них выкуп, обычно продавали в рабство на сторону, а не оставляли у себя. Наследственного рабства не было, потому что детей рабов надо кормить, пока они вырастут и смогут работать. Состарившихся и заболевших рабов отпускали на волю. Они обычно оставались в этих же местах и образовывали особые поселения.

Одни семьи были богаче, другие беднее, но не было такого положения, чтобы одни, владея средствами производства, жили эксплуатацией труда других. Соответственно не было и сословного разделения. В чечено-ингушском языке нет таких слов, как «господин» или «приказывать», потому что самих этих понятий не существовало.

В XVIII веке к вайнахам, жившим в плоскостных районах, стало проникать мусульманство, распространяемое дагестанскими и кабардинскими муллами. Первоначально новообращенных было сравнительно немного, и относились они к новой для них вере довольно равнодушно. Но в 1785 году ислам перешел в наступление: шейх Мансур в Чечне выступает с призывом к борьбе с «неверными» под знаменем ислама. Одной из задач, которые он ставил перед собой, было массовое обращение в мусульманство вайнахов-язычников; это было осуществлено окончательно уже в середине XIX века (последнее чеченское селение приняло ислам в

1862 г.). Ислам стал идеологическим фактором сплочения горцев в их борьбе против наступавшей на Кавказ колониальной державы — царской России, и в этом причина его быстрого успеха среди вайнахов, которые когда-то считали себя христианами. Но дело еще и в том, что горцы по своим традиционным обычаям и национальной психологии были склонны к принятию этой религии. Им были понятны и фанатическая непримиримость по отношению к иноверцам, и узаконенное неравноправие женщин, и некоторые другие догматы ислама. Со своей стороны, мусульманство определило не только политическую, но и культурную ориентацию населения, которое с приобщением к миру ислама стало считать себя частью Азии.

Надеюсь, читатель не сетует на меня за то, что утомляю его сведениями о быте и нравах горцев в прежние времена — в те времена, когда создавались дошедшие до нас памятники архитектуры и искусства. Это жизнь, а жизнь сказывается на эстетических представлениях людей. Трудно понять архитектуру и искусство народа, рассматривая их оторванно от его жизни.

Интересно рассмотреть, как соотносится зодчество на смежных территориях Дагестана и Чечни. Это сравнение будет показательным, если сопоставить также зодчество Дагестана и других соседних земель.

На юге Дагестан граничит с Азербайджаном; здесь архитектура лезгин, живущих по соседству в разных республиках, в общем сходна, но архитектура азербайджанцев от дагестанской отличается.

На юго-западе Дагестана, по ту сторону Главного хребта, находится входящая в состав Азербайджана Закатальская область. Когда-то она принадлежала Кахетинскому царству. 300 лет тому назад персидский шах Аббас истребил здешнее грузинское население. На освободившуюся таким образом территорию переселились из Дагестана аварцы и цахуры, а также жители из коренного Азербайджана. Здесь переселенцы строили уже не в традициях зодчества тех земель, откуда вышли, а сообразно с тем, что застали на месте и под влиянием архитектуры соседней Кахетии. Архитектура аварцев, живущих в Закатальском районе Азербайджана, не имеет ничего общего с архитектурой аварцев в Дагестане.

На западе Дагестан граничит с Грузией: с Кахетией на юге этого участка, а севернее — с Тушетией. Архитектура тушин от дагестанской весьма отлична: дома стоят не вплотную, а разреженно, крыши у них скатные, шиферные. В высокогорной, безлесной зоне Тушетии жилища в прошлом были камен-

ными, башенными. Башни эти, как и нынешние тушинские постройки, стояли разреженно и имели скатные крыши.
На севере Дагестан граничит с селениями терских казаков и с ногайскими землями. Казаки строили в традициях южнорусских, а ногайцы, перейдя к оседлости,— по кабардинскому типу и в какой-то мере под влиянием кумыков.
На северо-западе Дагестан граничит с Чечней. И здесь мы сталкиваемся с удивительным фактом: зодчество дагестанцев везде отличается от зодчества их соседей, тогда как при переходе из Дагестана в Чечню не заметно особых различий в характере построек. Архитектура этой части Чечни, будучи подобна дагестанской, в то же время отличается от архитектуры коренной Чечни.
Географически и исторически на территории Чечни, смежной с Дагестаном, различаются два района: горный, примыкающий к Аварии,— Чеберлой и к северу от него, где более низкие горы покрыты лесами,— Ичкерия. В Ичкерии постройки сходны с соседними кумыкскими в Дагестане, а в Чеберлое заметно влияние аварского зодчества.
Сходство архитектуры чеченцев Ичкерии и Чеберлоя с дагестанской могло сформироваться под влиянием строительной культуры Дагестана. Это один из аспектов ситуации, но он не объясняет всего. Такая культурная зависимость не может определиться обстоятельствами одного лишь только соседства, тем более что контакты населения Чечни и Дагестана имели место не в большей мере, чем между дагестанцами и другими их соседями.
Почти вся масса построек в восточной Чечне, столь сходных с дагестанскими, относится к концу XIX — началу XX века. Но это сходство (или даже общность) архитектуры имеет более давние корни. Памятники архитектуры соседней с Дагестаном части Чечни, относящиеся к более давней эпохе, тоже носят такой же характер, как в Дагестане, и тоже отличаются от присущих чеченской территории, простирающейся далее к западу. Соответствующее сходство с Дагестаном и различие с коренной Чечней касается не только внешних форм архитектуры, но и запечатленных в ней культово-духовных представлений, которые более тесно, чем строительство само по себе, связаны с традиционным этническим бытием народа.
В коренной Чечне умерших хоронили в коллективных семейных гробницах. В Ичкерии, куда чеченцы переселялись начиная с XV века, почти нет гробниц; захоронения здесь одиночные. Поскольку и в Чеберлое нет гробниц, можно полагать, что и этот район тоже был заселен чеченцами в сравнительно позднее время. Вряд ли гробницы, если бы они здесь существовали, были разрушены с принятием мусульманства. Трудно себе представить, чтобы их снесли до

основания так, что не осталось и следов ни одной из них. А главное, в этом районе нет не только наземных гробниц, которые могли быть снесены, но и заглубленных в грунт,— а они обычны в тех местах Чечни, где есть наземные гробницы.

Далее, на постройках в Чеберлое часты петроглифы — высеченные на камнях кладки стен древние культовые символы,— что так характерно для Аварии. За пределами Аварии в Дагестане такие изображения встречаются значительно реже, причем тем реже, чем дальше от нее. То же самое наблюдается и с другой стороны — к западу от Чечни. В Ингушетии еще встречаются единичные знаки на камнях, но это уже периферия распространения той культуры, для которой такие изображения были характерны.

Наконец, согласно данным антропологов, чеченцы в расовом отношении ближе к жителям Аварии, чем Ингушетии.

Напрашивается предположение, что восточная часть горной Чечни когда-то входила в общую с горным Дагестаном сферу культуры. Эта общность существовала, как свидетельствует археология, в эпоху бронзы; возможно, в Чеберлое она продолжала существовать до средних веков, когда выходцы из коренной Чечни заселили эту местность. Вероятно, именно здесь обитали те «тинди», на которых чеченские предания указывают как на прежних жителей края. Здесь произошло подобное тому, что и в Закатальском районе Азербайджана: переселенцы усвоили традиции зодчества прежних обитателей этих мест.

При переселениях народов на новые земли сравнительно редко бывает, чтобы прежние жители были полностью истреблены или изгнаны (и в Закаталах остались грузины — принявшие ислам). Обычно часть аборигенов остается и сливается с пришельцами, причем количественно старые жители могут даже преобладать. Представители пришлого племени, будучи завоевателями, играют ведущую роль в общественной жизни слившегося людского контингента, поэтому их язык обычно побеждает, а язык аборигенов забывается. Но практические навыки людей, их привычки, образ мыслей, традиции — остаются при людях и передаются потомству. Люди продолжают делать то, что́ они делали, и так, как им привычно делать; это воспринимается и их детьми. Поэтому при слиянии аборигенов с пришельцами у их потомков сохраняются и продолжаются, в большей или меньшей мере, черты прежней культуры населения этой территории.

Смежные высокогорные районы Чечни и Дагестана сообщаются посредством автодороги, проходящей через перевал; она проходит от крупного дагестанского селения Бо́тлих до

чеченского селения Ведено, где в свое время находилась ставка Шамиля. Этот путь, представлявший собой коммуникационную артерию, которая связывала две части шамилевского государства, называли «дорогой Шамиля». На подходе к перевалу со стороны Чечни дорога проходит по берегу озера Кезеной-Ам, у самого края отвесного обрыва над водой. Ее здесь называют «царской дорогой»: она была вырублена в скалистом склоне специально для проезда кареты Александра II, который в 1871 году приехал полюбоваться Кавказом.

Кезеной-Ам, единственное крупное озеро в горах северо-восточного Кавказа, находится на высоте 1870 м над уровнем моря; глубина его 70 м. Это естественная запруда, образовавшаяся в результате оползня. Согласно чеченской легенде, вода затопила селение, жителей которого бог покарал за негостеприимство. Можно полагать, что легенда передает в фантастической форме происшедшее на памяти прошлых поколений трагическое событие — гибель селения. Примечательно при этом, что именно сочли горцы смертным грехом, вызвавшим, по их мнению, божью кару.

Между перевалом и Ведено находится селение Харачой, название которого увековечено в археологии: здесь были найдены материальные памятники так называемой каякентско-харачоевской культуры племен, населявших Дагестан и восточную Чечню три тысячи лет тому назад. В районе Харачоя есть пещеры. Здесь скрывался известный до революции абрек (разбойник, изгой) Зелимхан.

Вид на озеро великолепен, пейзаж окружающей местности величествен. В окрестностях — полуразрушенные, а также более или менее сохранившиеся памятники старого зодчества. А на берегу озера предполагается построить туристскую базу, настолько бездарную по архитектуре, что трудно придумать.

Налево от перевала, к югу — Чеберлой; многие его селения покинуты, в других осталось мало жителей. Это теперь край летних пастбищ, горных лугов, а далее — сланцевые осыпи и громады скал. Направо, к северу — плодородная лесистая Ичкерия, когда-то один из главных районов сопротивления царским войскам, а теперь одна из наиболее густонаселенных областей Чечено-Ингушетии.

В Ичкерии и дальше к северу, на плоскости,— старые постройки, как и у соседних кумыков, турлучные (глино-плетневые) или саманные (из высушенных на солнце крупных сырцовых кирпичей). «Ичкерия» — тюркское слово; почти все реки здесь носят тюркские названия. В ичкеринском диалекте чеченского языка ощутимы тюркизмы. Если все это объяснять влиянием соседних кумыков, то возникает вопрос, почему не было обратного влияния.

Чеченцы заселили этот район в период последних столетий. Вряд ли эта благодатная земля была необитаемой. Вероятно, здесь произошло то же, что и в Чеберлое: переселенцы с гор частично вытеснили прежнее население, а остальных ассимилировали.

К западу от Ичкерии протекает Аргун — главная река Чечни. Продвигаясь со стороны Грозного вверх по Аргуну, русские войска закрепляли свои позиции строительством крепостей — Воздвиженское, Аргунское, Шатоевское (ныне Советское), Евдокимовское (ныне Итум-Кале). При этом многие местные фортификационные сооружения были разрушены, чтобы ослабить возможные очаги сопротивления. Все же несколько башен сохранилось в этом районе. Но примечательно, что, по свидетельствам даже авторов прошлого века, местные жители уже тогда не связывали здешние башни со своими предками. Есть башни и в Чеберлое, но и там они, будучи расположенными в стороне от жилья, немы для истории.

Основной район сосредоточения памятников чеченской архитектуры — наиболее труднодоступная местность в верховьях рек Чанты-Аргун, Шаро-Аргун и Гехи. По преданию, это прародина чеченцев. Но теперь эта территория совершенно безлюдна — все населенные пункты на ней давно заброшены. Бездорожье в условиях высокогорья и отсутствие населения чрезвычайно затрудняют исследовательские работы в этой местности, из-за чего она в архитектурном и археологическом отношении мало изучена.

Археолог В. И. Марковин в своей книге «В стране вайнахов», описывая здешние места, не подчеркивал трудностей, связанных с доступом к ним. Без соответствующей подготовки пускаться в необитаемые горы так же опасно, как выходить на плохонькой шлюпке в открытое море. Идти в горы можно только в составе группы тренированных ходоков, имея с собой палатки, спальные мешки и прочее экспедиционное снаряжение, соответствующую одежду, продовольствие, вьючных лошадей, и обязательно с проводниками из местных жителей, хорошо знающих местность, потому что в условиях чрезвычайно изрезанного рельефа можно заблудиться даже в нескольких километрах от базы, и найти дорогу не помогут ни компас, ни карта.

В горной Чечне, как обычно в горах Кавказа, население группировалось в «общества» по ущельям. Два таких общества, Майста и Малхиста, представляющие пример типичной в географическом и этнокультурном отношениях коренной Чечни, находятся на расстоянии двухдневного перехода от селения Итум-Кале, где кончается автодорога, вверх по узкому ущелью Аргуна. У входов в эти боковые ущелья — развалины необычно крупных для глубинной Чечни поселений — Васеркел (Фарскалой) и Цайн-Пхьеда (рядом с ними — круп-

нейшие в Чечне некрополи, состоящие из родовых гробниц). Исследование этих городищ, как и многих других мест высокогорного Кавказа, весьма перспективно для археологии.

В XIX—XX веках они были уже давно необитаемы; люди жили в мелких поселениях, разбросанных на склонах гор. Так, общество Малхиста, насчитывавшее 122 двора, состояло из 14 селений. Здесь, в Малхиста, в 1918—1919 годах, в период поражения Терской советской республики, укрылись Г. К. Орджоникидзе и другие товарищи.

«Малхиста» значит «страна солнца». Название это происходит оттого, что предки обитателей этих мест до принятия мусульманства были солнцепоклонниками. Если же воспринимать это название в буквальном смысле, то можно только удивляться тому, как оно могло быть дано этой угрюмой местности. Чеченский писатель Х. Д. Ошаев писал (кстати, еще в то время, когда здесь жили люди): «Когда в ущелье Малхиста въезжает новый человек, им овладевает странное, мрачное чувство. Огромные серо-черные сланцевые скалы давят своим мрачным безмолвием и безжизненностью. Взметнувшийся ввысь фантастический хаос изломов черных глыб создает странное до невероятности впечатление какого-то неживого, серо-зелено-черного лунного ландшафта. Нависшие изломы скал как-то необычно жутко молчат. Кругом не видно ни жилья, ни птиц, ни скота... Безмолвие нарушается лишь шелестом пучка сухой травы, прилепившейся где-нибудь в щели недоступного камня, и однообразным шумом Аргуна» [19]. В довершение картины вас встречает у входа в ущелье «страны солнца» город мертвых — Цайн-Пхьеда с его полусотней гробниц, в каждой из которых лежат груды человеческих скелетов.

Тяжелой была жизнь в этих краях. Вокруг камень, тощая трава, крутые склоны; трудно представить себе, как и чем здесь можно было прокормиться. Участки, пригодные для земледелия или выпаса скота, немногочисленны и скудны. В первой книжке о Чечне, вышедшей в 1859 году, ее автор А. П. Берже писал: «Чеченцы, обитающие на долине, живут большими аулами; дома у них турлучные, внутри чисто, опрятно и светло... Комнаты нагреваются каминами... У горных чеченцев, живущих в верховьях Аргуна, где в лесе чувствуется большой недостаток, дома каменные. Чеченцы, живущие в верховьях Аргуна, живут гораздо неопрятнее и беднее» [20].

Помимо трудных природных условий, народ жил в атмосфере тяжкого кошмара кровавой межродовой вражды. В былые времена редкий мужчина в Малхиста доживал до старости: рано или поздно его настигали пуля или удар кинжала. Старинные чеченские песни полны печали:

Если б из сердца я горе мог выплеснуть
В синее небо, то небо низверглось бы,
Рухнуло, землю покрыв необъятную,—
Так необъятно и горе мое!
Если б печаль я мог выплеснуть на землю,
Грудь бы земная великая треснула,—
Так безысходна печаль моя тяжкая!

Зато искушенный стихотворец ласкает слух доверчивого читателя красивой вязью пустых трескучих фраз:

Где я рожден — в скале гнездо орлицы;
Где я рожден — обвал гремящий мчится;
Там водопад кружит чинары лист;
Как сердце матери, там воздух чист.
Где падает от древней башни тень,
Когда рождался день,
В счастливый день, когда кричал олень,
Я был рожден.

Когда горная Чечня еще не была «покорена», русский чиновник А. Л. Зиссерман, тогда 22-летний энергичный молодой человек, посетил ее самый отдаленный участок, общество Майста, проникнув туда со стороны Грузии. Привожу его рассказ об этом. Приходится пользоваться старыми свидетельствами, чтобы представить себе жизнь в среде той архитектуры, которая теперь, покинутая людьми, мертва.

«В Муцо жили несколько семейств кистин, переселившихся сюда, скрываясь от преследований кровомстителей. Один из переселенцев, Лабуро, вызвался по моему желанию сходить в Майста, узнать, что там делается, и, если окажется удобным, переговорить с одним из тамошних вожаков о моем намерении посетить их. На третий день он возвратился с весьма благоприятными известиями: самый удалой и почетный из майстинцев, Джокола, заверял, что я могу смело прийти к ним и положиться на его слово и священный закон гостеприимства.

Недолго думая, я решился привести свою затею в исполнение, и 18-го июля 1848 года, в сопровождении Лабуро, одного хевсура из Муцо, моего Давыда и рассыльного Далакишвили пустился пешком в путь, взяв с собою всяких запасов на несколько дней...

Не доходя несколько верст до Майста, мы были встречены Джоколой с двумя товарищами, поздравлявшими нас с благополучным приходом. Джокола — стройный горец, лет тридцати, с блестящими карими глазами и темно-русой бородой, ловкий, полный отваги, протянул мне руку, которую я принял, выразив благодарность за доброе расположение и готовность познакомить меня с его родиной. Часов около

двенадцати мы наконец вошли в аул Пого, в дом Джоколы.

Я достаточно исходил Кавказские горы во всех возможных направлениях, но ничего угрюмее, мрачнее ущелья, в котором расположены три аула общества Майста, я не встречал. Бедность жителей самая крайняя, за совершенным отсутствием не только пахотной земли, но даже удобных пастбищ; все ущельице — почти ряд голых, неприступных скал; лучи солнца проникают в него на несколько часов, а зимой вероятно весьма редко и не более как часа на два; все достояние жителей — оружие, да несколько коров и коз; соседи они весьма беспокойные и хищничество составляло их специальность. Таково это «общество», подобное которому едва ли можно встретить еще где-нибудь.

Несмотря однако на бедность, для угощения зарезали барана, которого тут же стали варить; дым, не находя выхода, клубами поднимался к потолку, давно уже поэтому принявшему лоснящийся черный цвет. Вся деревушка состоит из двухэтажных башен, в верхней части коих помещаются люди, а в нижней корова, несколько овец и запас кизяку. Хозяин

136. Место межродовых собраний, оборудованное каменными креслами; высокогорный район Чечни, близ Хевсуретии. Рисунок архитектора Н. М. Фукина. 1938

долго рассказывал мне о притязаниях мюридов укрепить между ними мусульманство, о том, как Майста еще недавно отстояло свою независимость, прогнав толпу чеченцев, окруживших их деревню по приказанию Шамиля; затем о своих набегах с мелкими партиями в верховья Алазани, откуда он не раз приводил пленных кахетинцев и т. д. После ужина он развлекал меня игрой на балалайке, пел, плясал, одним словом, старался выказать полнейшее радушие. Я предложил ему «побрататься», на что он с радостью согла-

сился. Я подарил ему три серебряные рубля и пистолет, а он мне отличный кинжал*.

Утром человек пятнадцать собрались поздравить меня с приходом. Поблагодарив их, я обещал им дружбу, готовность быть при случае полезным и просил их жить, как добрым соседям подобает. По моему предложению затеяли стрельбу в цель. На расстоянии 200 шагов была поставлена расколотая палка и в ней пожертвованный мною серебряный рубль, служивший и целью и призом. Много было отличных выстрелов, опрокидывавших даже палку, но рубль все еще оставался на своем месте; наконец один старик, стрелявший уже два раза, с некоторою досадой передал ружье своему сыну, лет десяти или одиннадцати; тот весьма проворно сам зарядил длинную винтовку, уселся на землю, уперся в коленки, стал целиться и выбил монету из палки. Нужно было видеть торжество мальчика и радость отца! Впрочем, у горцев это не редкость; я в Шатили не раз видел, как мальчишки 9—10 лет по нескольку человек упражнялись в стрельбе в цель, с большим искусством попадая в едва заметные точки. При появлении неприятеля многие из мальчиков выбегали с винтовками на тревогу.

Часу в одиннадцатом, в сопровождении «брата» Джоколы и еще нескольких кистин, мы отправились из этой в следующую деревню Туга, куда нас пригласил на ночлег родственник Джоколы, Тешка. Вечером собрались в маленькую его башню много гостей, с большим любопытством смотревших на меня, на мой щегольский черкесский наряд и красиво отделанное оружие. Несколько прехорошеньких девушек, одетых в длинные красные или желтые сорочки, ахалуки, подпоясанные ременными кушаками, по горскому обычаю импровизировали в честь мою песнь, превознося мою храбрость, отвагу, меткость в стрельбе, ловкость в верховой езде и тому подобные, в глазах горцев наивысшие достоинства человека. После, под звуки балалайки и другого инструмента, по волосным струнам коего играют смычком как на виолончели, три девушки показали мне образец своей живой грациозной пляски, выделывая с необыкновенною быстротой мелкие, частые па и становясь на кончики больших пальцев, как наши балетные танцорки. Когда я предложил им в подарок несколько мелких монет, они отвечали, что не возьмут от меня подарка, пока и я не покажу им своего искусства в пляске.

---

* Этот Джокола впоследствии переселился со своей родней в Кахетию, где основал и ныне существующее селение Джоколо или Туга-юрт, населенное выходцами из Чечни. Но, поссорившись с местными князьями, снова бежал в горы. В этом районе Грузии есть еще несколько других селений, жители которых считают себя кистинами, но христианами. Их предки покинули Чечню во времена, когда ею правил Шамиль (*Примеч. А. Г.*).

Никакие отговорки не помогли, я должен был выйти на средину, снять папаху, поклониться всей компании (таков уж общий обычай) и, выговорив себе условие получить от каждой танцорки по поцелую в награду, пустился выкидывать ногами, раскинув врозь руки, припрыгивать, потопывать, одним словом как пляшут лезгинку в Грузии. Сделав таким образом несколько кругов под общее хлопанье в ладоши, я почти

137. Покинутое чеченское селение Салхан

насильно расцеловал девушек (ощутив при этом крайне неприятный аромат кизяку и козлиного запаха), подарил им денег и возвратился на свое место при всеобщих кликах: «марджи конаг, марджи конаг!» (удалец, удалец!), а мои люди просто в умиление пришли, что я так достойно поддержал славу их начальника...

Было уже около полуночи, когда гости один за другим, со словами: «дыкин буис» (доброй ночи) удалились; нам на полу постлали по войлоку и мы наконец улеглись. Лучина

потухла, в амбразуре стены мерцала звездочка, тишина нарушалась однообразным шумом горного потока. Мне не спалось; я лежал в каком-то полузабытьи, мысли толпились хаосом. Я переносился от России к Тифлису, от родного дома в Малороссии и от княжеского дворца наместника к башне в Туга... Засыпая, я часто просыпался, взглядывал на окружавшие меня предметы. Как бы забыв где и с кем я, ощупывал в головах свое оружие... Никогда не забуду я этой ночи! Занесенный в такую даль, в дикий, оторванный от всего известного мира угол, в трущобу живущих разбоем дикарей, не признающих ничьей власти, я веселился, рискуя между тем жизнью, или, еще хуже, свободой. А всё кипучая молодость, да жажда сильных ощущений!

Вертелась у меня там же еще мысль, не попытаться ли пройти по Аргуну до Воздвиженской, где тогда находился с войсками сам главнокомандующий, и озадачить всех такою сумасбродною смелою выходкой, но Джокола на мой вопрос о таком путешествии решительно отказался, не желая рисковать ни своею, ни моею головой; вся Чечня была тогда на ногах, по случаю сосредоточения значительных русских отрядов, все дороги были усеяны партиями, караулами и вообще нельзя было думать пройти туда благополучно.

На другой день, распрощавшись с гостеприимными майстинцами, я пустился в обратный путь. До вершины горы провожали меня толпой, с песнями и выстрелами, а Джокола и Тешка пошли со мною до Муцо отдать визит»[21].

Нет больше селений Туга и Пого. Только серые развалины, поросшие кустарником, видны с вертолета. Потомки обитателей этих диких горных трущоб ныне — землепашцы и ученые, механики и торговцы, администраторы и врачи. Они свободно, даже без акцента, говорят по-русски, и лишь быстрый взгляд карих глаз да некоторая строптивость нрава свидетельствуют об их происхождении.

Башни — обычная деталь пейзажа в Кавказских горах. Они здесь повсюду. Но поистине страна башен — это центральный район горной системы Большого Кавказа, в особенности к северу от Главного хребта на участке между Осетией и Дагестаном.

Каждый, наверное, слыхал о хевсурском селении Шатиль (или, как произносят это название местные жители, Шатили). Оно состоит из жилых башен. Селение это знаменито, помимо впечатляющего облачения его жителей, еще недавно носивших панцири, щиты и мечи, также и тем, что является единственным башенным населенным пунктом в наше время. Но в старину оно было далеко не единственным в таком роде.

Башенными были почти все селения высокогорной Чечено-Ингушетии. Иногда старинные башенные комплексы стоят в окружении более поздних построек — низких, горизонтально протяженных сакель. С середины прошлого века, когда в горах прекратилась угроза постоянной военной опасности, башен уже больше не строили. В них еще продолжали жить, но если требовалось построить дом для новой семьи или

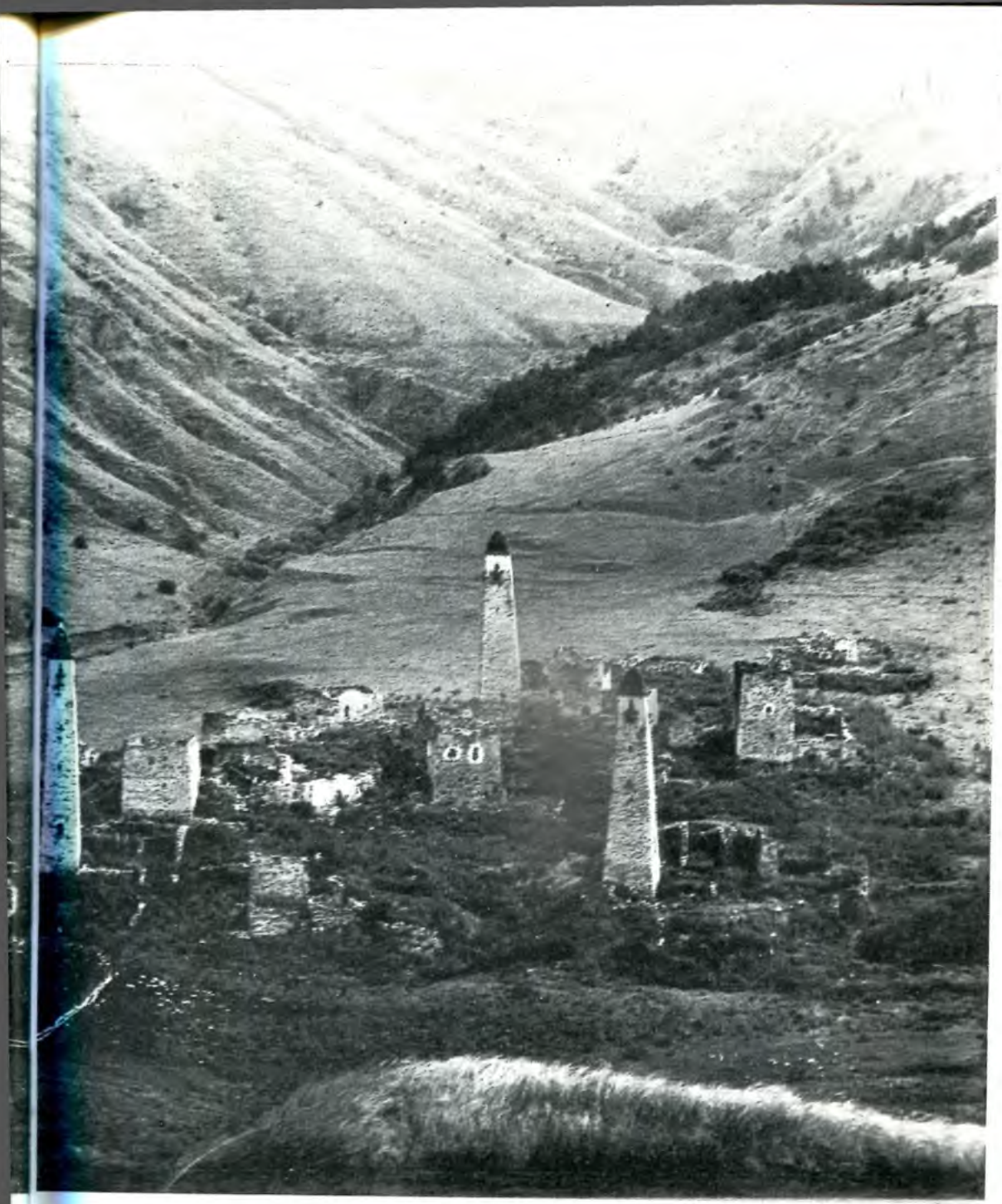

138. Современное селение в горной Чечено-Ингушетии (с. Ольгети)

если башня приходила в негодность вследствие ее естественного износа, строили саклю. Действительно, в сакле жить удобнее, чем в тесной мрачной башне, а построить ее значительно легче. Лет двести тому назад жилище в виде сакли было исключением в стране башен: нет данных о том, что ныне наблюдаемое сочетание башен и сакель имело место в старину, но зато сплошь и рядом встречаются селения, состоящие из башен без сакель. Башни не были привилегией какой-то части населения. Встречаются упрощенные, доступ-

139. Покинутое ингушское селение Таргим; на втором плане слева — некрополь

ные малосостоятельной семье, жилые постройки, приближающиеся к башенному типу. Такие дома в древности, видимо, явились изначальной формой, из которой развился тип жилой башни.

Элементарное жилище горца представляло собой дом-комнату: четыре стены, сложенные из собранных вокруг камней, и плоская земляная крыша. Остатки таких жилищ обнаруживаются при археологических раскопках, развалины их можно видеть в покинутых поселках, изредка и теперь в горах Кавказа можно увидеть жилище такого рода; в нем обычно живут старики, не имеющие детей, у которых они могли бы приютиться, или не желающие покинуть свой старый, привычный им дом.

Одноэтажные дома такого типа крайне редки. Дело в том, что где-то надо было держать домашний скот — путь даже пару овец и коз, которые имелись в каждом, самом бедном, хозяйстве. В условиях тесной застройки селений, обычной в горах Кавказа, не было места для сооружения постройки для скота рядом с домом. Да и небезопасно это было: уведут в два счета. Поэтому строили двухэтажный дом, с тем чтобы в его первом этаже держать домашних животных. Тем более это было естественным, что, поскольку ровного места в горах мало, а если оно есть, то используют его под пашню, дома́ стоят на склонах, а в этом случае необходимы субструкции (стены от уровня земли до уровня пола). На крутом склоне такие субструкции получались довольно высокими, и нижний этаж образовывался сам собой.

Если на жилище нападает враг — надо обороняться. В потолке устраивали люк для выхода на крышу, по периметру которой сооружали стенку из камней — парапет, чтобы из-за него можно было отстреливаться. Надобность обороняться была столь настоятельной, что верхнюю площадку, окруженную парапетом, в свою очередь стали перекрывать крышей и превращать в специальное оборонительное помещение; в мирное время оно служило также местом для хранения продовольственных припасов и летним жильем, где мужчины могли находиться, чтобы не дышать дымом от очага, заполняющим основное жилое помещение.

Это и есть простейшая жилая башня — двухэтажная или трехэтажная постройка с одним помещением в каждом этаже. Северокавказские жилые башни представляют собой сооружения с замкнутым обликом, массивные, монументальные. Стены жилых башен имеют толщину обычно менее метра, но бывают они столь толстые, что в их массиве устроены камеры, служившие кладовыми для запаса продуктов и топлива. Сложены они большей частью на известковом растворе. Качество раствора различно: иногда он тверд как камень,

иногда рассыпается при сжатии комка пальцами. В Дагестане кладка велась не на извести, а на глине, поэтому там местные сооружения были подвержены разрушению в гораздо большей мере, а при надобности и разбирались на камень. Чечено-ингушские и североосетинские жилые башни почти однотипны. Постройка обычно трехэтажная, в плане приближающаяся к квадрату, с приземистым силуэтом, имеющим сужение кверху. Высота трехэтажной жилой башни около 10 м, иногда до 12 м, размеры основания колеблются от 5×6 до 10×13 м. Стены в плане сходятся зачастую не точно под прямым углом.

В чечено-ингушских башнях для опирания перекрытий часто устанавливали в центре здания столб, выложенный из отесанных камней. Центральный столб выкладывался очень тщательно и был не менее устойчив, чем стены.

Крыша была земляная, плоская, иногда с небольшим уклоном. В Чечне нередко устраивали наклонную кровлю из шиферных плит (что, вероятно, следует отнести за счет влияния соседней Тушетии, где крыши не плоские земляные, а скатные, с шиферной кровлей).

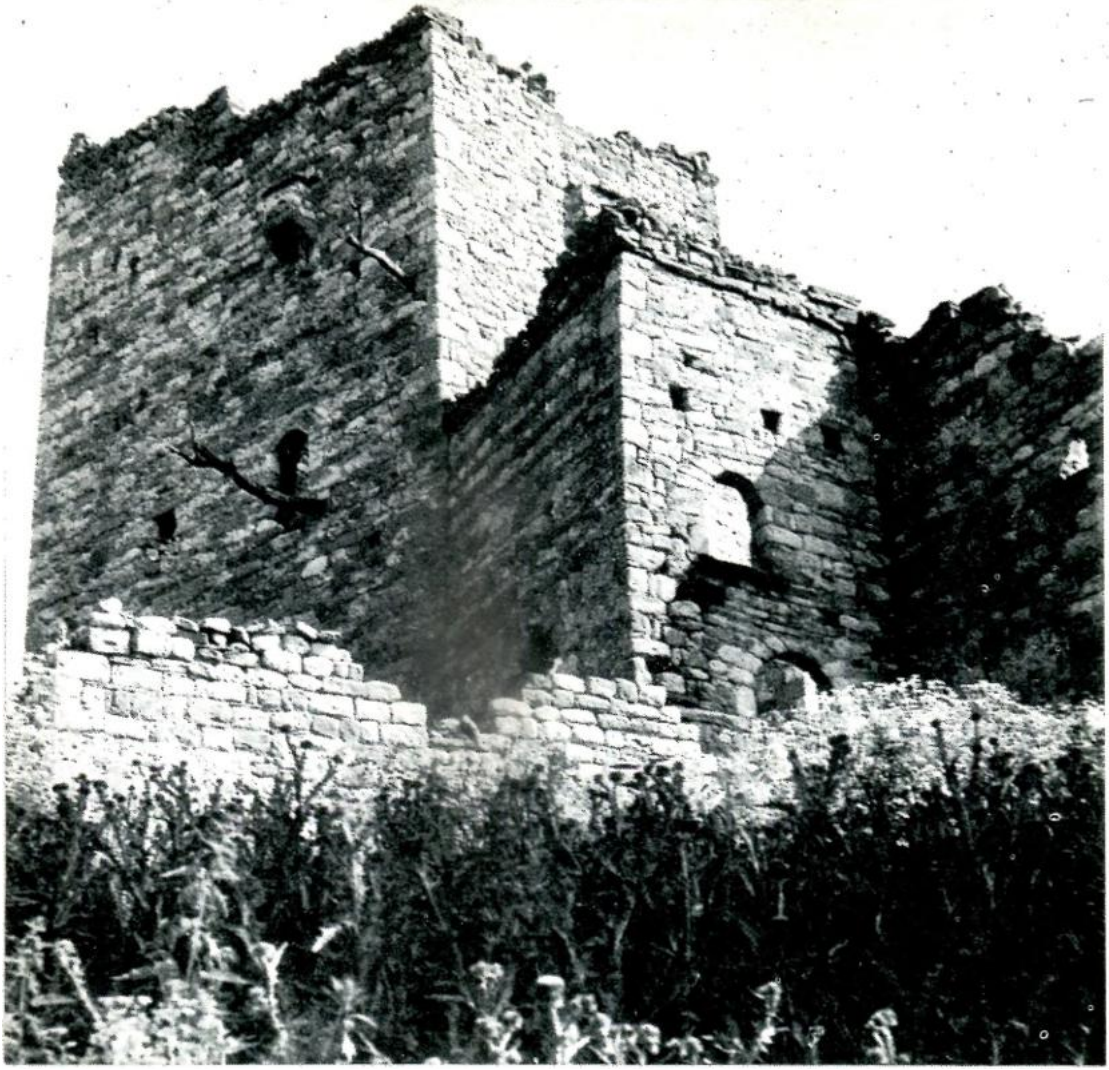
В стенах жилых башен устраивались бойницы и смотровые отверстия. Окна делались изредка и имели небольшие размеры. Вследствие этого помещения с неоштукатуренными и закопченными стенами были темными и мрачными.

Вход в башню мог вести через нижнее, хозяйственное помещение, но большей частью второй, т. е. жилой, этаж имел свою наружную дверь. Перед ней устраивали небольшой деревянный балкончик, игравший роль крыльца, или же здесь из стены просто торчало бревно, к которому прислоняли приставную деревянную лестницу (она убиралась внутрь на ночь или при опасности). Сообщение между этажами осуществлялось через люки в перекрытиях посредством приставных лестниц в виде зазубренных бревен.

Каждый этаж жилой башни представлял собой одно помещение площадью около 40 кв. м, но в XX веке жилой этаж зачастую уже имел внутренние перегородки.

Первый этаж предназначался для скота. В первом этаже устраивался также погреб для продовольственных запасов — небольшая камера, доступ в которую осуществлялся через люк в полу второго этажа.

Над хлевом помещалось жилье. Здесь был выложенный камнем очаг в виде открытого огнища на полу. Над ним спускалась очажная цепь, к которой привешивался котел для варки пищи. Дым от очага выходил через отверстия в стенах и через окна; копоть толстым слоем покрывала потолочные балки. К балкам были приделаны крючья, на которых висели вяленые бараньи туши и другие припасы. Вечером помещение освещалось лучиной. Спали на дощатых нарах. Для размеще-

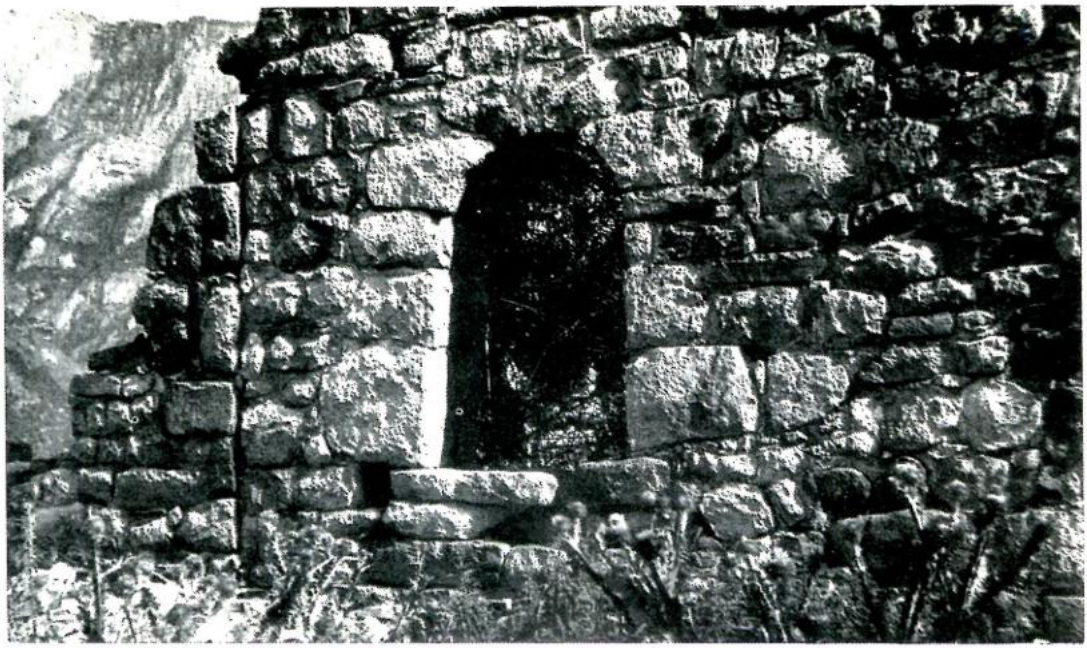

140. Развалины жилых башен в горной Чечено-Ингушетии (с. Басхой)

141—142. Устройство входа в жилую башню; вид снаружи и изнутри

ния домашней утвари служили ниши в стенах, а также возвышение в виде ступени-завалинки вдоль стены. В жилом помещении имелась мебель: резная деревянная кровать для главы семьи, кресло для него же, скамья-диван для гостей, скамеечки о трех ножках, небольшой низкий столик, резной деревянный ларь для запасов зерна и муки.

Третий этаж был оборонительным. В его стенах устраивались бойницы, а также проемы, перед которыми находились машикули — балкончики без пола, огражденные по сторонам

и сверху. Машикули располагались над входами; они предназначались для сбрасывания камней на осаждающих.
Кроме того, для целей обороны иногда использовалась плоская крыша в качестве боевой площадки. Для этого на крыше по ее периметру возводился парапет высотой в человеческий рост. В парапете были бойницы, иногда машикули в виде балкончиков. На крыше стоял чан для приготовления кипятка, который лили на пытавшихся ворваться в дом. Парапет выкладывался насухо, без раствора, чтобы в случае надобности камни можно было сбрасывать вниз на нападающих.
Строительство жилой башни, этого своеобразного дома-крепости, было трудным для горца делом. В старинной чеченской песне о постройке башни поется:

Камни привезли из-под голубого льда,
Двенадцать быков тащили плиту, ломая копыта от напряжения,
А был каждый камень ценою равен быку,
И весом — восьми быкам.

В Осетии есть пословица: из одной башни можно построить целое селение, но из всего селения не построить одной башни. И все-таки люди строили башни, хотя строить их было трудно и дорого, а жить в них было неудобно. Что ж, не только в те времена военные расходы являлись первостепенными в бюджете.

От жилых башен отличаются по своему устройству и виду боевые башни, предназначавшиеся для использования лишь в случае военных действий. Они вдвое выше жилых и вдвое уже, вследствие чего непригодны для постоянного проживания в них, но более приспособлены для обороны — главным образом благодаря своей высоте Увеличение расстояния между осаждающими, находящимися на уровне земли, и защитниками башни на верхнем этаже или на окруженной парапетом крыше уменьшало эффективность прицельной стрельбы снизу и ослабляло убойную силу стрел, пускаемых вверх. Иногда строили жилые башни, имеющие высоту боевых, но такие сооружения редки. Большей частью находили целесообразным, если позволяли средства, воздвигать специальные боевые башни в дополнение к жилым. Во-первых, проще построить высокую башню, если она будет узкой. Во-вторых, легче нескольким родственным семьям соорудить сообща одну боевую башню, чем делать чрезмерно высоким каждый дом. В-третьих, можно было сперва, пока средств мало, строить жилые башни, а потом, собравшись с силами, и боевую.

Не всегда, однако, жилой комплекс состоит из жилых и бо-

instituteofhistory.ru

евых башен. Довольно часто боевой башни нет: видимо, в этих случаях не было достаточно средств для ее строительства. Возможно, отсутствие специальных боевых башен в составе жилых комплексов указывает не только на ограниченность финансовых возможностей, но и на воинственность их жильцов. Например, большое ингушское селение Хамхи́ почти целиком состоит только из жилых башен. Жители этого селения славились своей боевой удалью. Они не боялись соседей; их боялись.

По всему Большому Кавказу боевые башни почти исключительно квадратные в плане. В пределах этой зоны круглые башни есть только в Дагестане, причем преимущественно в его юго-восточной части, имевшей, как и Закавказье, близкие контакты с Передней Азией. Строительство башен круглыми в плане было в определенной мере вызвано стремлением повысить их устойчивость против стенобитных машин, которые разрушали прямоугольные башни, выбивая их угловые камни. Наличие круглых башен в Закавказье, как и в Дагестане, видимо, следует объяснить тем, что их создатели были обучены в традициях фортификационного искусства, учитывающего применение стенобитных машин, а отсутствие их в горах Большого Кавказа, надо полагать, объясняется тем, что здесь стенобитные машины не применялись, а также не оказывали влияния соответствующие приемы фортификационного строительства. Главную же роль в этом вопросе играли, очевидно, общеархитектурные традиции. Так, в Передней Азии и в странах Средиземноморья древнее жилище было круглым в плане, и здесь еще в эпоху бронзы строили круглые башни. Жилище круглого плана в IV—III тыс. до н. э. было распространено на значительной части территории Закавказья. В горах же Большого Кавказа с древнейших времен неизменной была традиция устройства прямоугольных в плане жилищ, и здесь круглые башни так и не привились, несмотря на их явное преимущество в удобстве ведения кругового обстрела.

Квадратные кавказские боевые башни повсеместно примерно одинаковой величины; высота 20—25 м, сторона плана 5—5,5 м. Этажей, как правило, пять, редко шесть-семь.

В районе Центрального горного Кавказа силуэт башни имеет резко выраженное сужение, которое является следствием не только утонения стен, но и их наклона внутрь. Для осуществления этого требовалось большое мастерство каменщика, поскольку возвести наклонную стену, выдерживая точный угол наклона, довольно сложно. Сделан этот наклон для того, чтобы камни, сбрасываемые с балкончиков-машикулей, рикошетировали, ударяясь о стену, и затем падали, поражая осаждающих в разных местах, которые нельзя предви-

 деть.

143. Пятиэтажная жилая башня в ингушском селении Хамхи

144. Комплекс, состоящий из жилых и боевых башен (с. Басхой)

В дагестанских башнях наклон стен для этой цели не делался, наверное, потому, что стены, выложенные на глиняном растворе, недостаточно прочны и чтобы быть наклонными и чтобы служить для рикошетирования падающих камней. По этой же причине в дагестанских башнях обычно нет и балкончиков-машикулей.

Наклон стен внутрь стал характерной чертой центральнокавказской средневековой архитектуры: он обычно наличествует и в других постройках — жилых башнях, святилищах,

гробницах. Впрочем, в святилищах и гробницах наклон стен имел другое практическое назначение: посредством него уменьшался пролет свода.

Вход в боевую башню расположен обычно на уровне второго этажа; доступ к нему осуществлялся по приставной лестнице. Проем входа имеет сверху арочное очертание, вырезанное в одном или двух перемычечных камнях. Вход закрывался массивными ставнями и запирался брусом, который вдвигался в толщу стены.

Боевые башни в разных местах горной области Большого Кавказа в общем сходны по виду и структуре. Но среди них выделяются вайнахские. Они наиболее совершенны в техническом и архитектурном отношениях, а по облику наиболее интересны.

Эти башни увенчаны характерной ступенчато-пирамидальной крышей, выполненной ложным сводом (путем консольного напуска камней). Снаружи на каждом ряде камней сделан карниз из шиферных плиток. Самый верхний уступ с покрывающими его плитками образует квадратную площадку, на которой установлен венчающий шпилеобразный камень высотой в полметра. Благодаря наличию каменной крыши такие башни хорошо сохранились до сих пор. Башни, имевшие земляные крыши, дошли до нас с разрушенным верхом.

Перекрытие над вторым этажом такой башни, как и над верхним, тоже устроено каменным, в виде сомкнутого (четырехстороннего) ложного свода стрельчатого очертания. Такое перекрытие, в отличие от деревянного, нельзя было поджечь, если осаждавшие врывались внутрь, а осажденные запирались наверху.

Второй этаж служил жильем на случай осады. В его стенах имеются ниши; к деревянным балкам, заделанным поперек помещения под сводом, укреплены крючья для подвешивания вяленого мяса; на балки уложен настил, образующий антресоль для хранения провианта. К балке подвешена цепь с котлом для варки пищи. В полу помещения второго этажа устроены замаскированные люки для доступа в первый; часть пространства первого этажа отделена стенкой, образуя закром для зерна. Пользоваться этими башнями, по-видимому, приходилось неоднократно, потому что поверхности стен и сводов покрыты окаменевшей копотью от очага. На каждом этаже в углу помещения имеется в полу узкий люк для сообщения, которое осуществлялось по приставным лестницам в виде зазубренных бревен.

Во всех этажах башни (кроме первого) стены имеют отверстия: маленькие окна, потайные «глазки» для наблюдения, бойницы. На пятом этаже во всех четырех стенах сделано по одному проему побольше, таких же примерно размеров, как входной. Перед ними устроены эркерные машику-

ли — каменные балкончики, закрытые по сторонам и сверху, но без пола (пол был из деревянных досок, разборный). Вайнахские боевые башни этого типа построены капитально. Разбивка плана произведена тщательно: углы прямые, а размеры сторон совершенно одинаковы, с точностью до 1 см. Камни отесаны хотя и не с приданием им точной прямоугольной формы, но тщательно подогнаны. В нижней части постройки и в углах помещены камни более крупные и более правильной формы. Известковый раствор весьма прочен; по преданию, в него добавляли молоко или сыворотку (легенды о том, что будто бы в раствор добавляли яйца, лишены основания; во всей Ингушетии не было столько кур, чтобы хватило яиц хотя бы на одну башню).

В Сванетии средневековые боевые башни имеют двускатную шиферную крышу. По всему остальному Кавказу крыша башен плоская земляная. И только вайнахские башни описываемого типа увенчаны каменным пирамидальным покрытием в виде шатра со ступенчато-гребенчатым силуэтом. Как придумали местные зодчие эту диковинную форму? Народные зодчие никогда не придумывают чего-либо сногсшибательно нового. Народное зодчество консервативно и развивается постепенно: каждая новая форма в нем образуется на основе предыдущих. Развитие происходит медленно, постепенно, как бы само собой.

В Ингушетии, а также на соседних территориях — в Чечне, в Северной Грузии — встречаются боевые башни, плоская земляная крыша которых окружена высоким, выше человеческого роста, парапетом. Он прорезан посередине каждой из четырех сторон большим проемом, так что парапет имеет вид не стенки, обходящей крышу по периметру, а отдельных простенков, образующих четыре больших зубца на углах верха башни. За этими зубцами укрывались защитники башни, которые, находясь на ее крыше, игравшей роль боевой площадки, через эти большие проемы в парапете стреляли из луков вниз, на нападающих.

В нижней части проема устроен машикуль в виде балкончика, огражденного каменными стеночками и перекрытого сверху плитами, но не имеющего пола. Через него бросали вниз камни. А стреляли, опираясь коленом или локтем на каменную крышку машикуля, который, выступая вперед, прикрывал собой стрелка.

Но земляная крыша требует постоянного ухода. После каждого дождя ее нужно затирать жестким веником, чтобы она не растрескалась, ее периодически смазывают глиной, укатывают катком. Иначе она начнет протекать, ее деревянные балки подгниют и она обрушится (что и произошло, когда башни были заброшены). А зимой нужно постоянно очи-

щать крышу от снега, тем более что он крупной массой

скапливается за парапетом и заваливает люк выхода на площадку.

Все это неудобно и трудоемко. Поэтому естественно предположить, что над плоской крышей башни, над этой боевой площадкой, сооружали деревянный навес для защиты от осадков. Деревянными шатрами, как известно, были крыты боевые башни и на Руси. Высокие угловые простенки, увенчивающие, в виде четырех зубцов, некоторые башни северо-восточного Кавказа, вероятно, служили столбами, поддерживавшими навес.

Если заменить деревянный шатер каменным, получится форма венчания характерной вайнахской боевой башни.

Деревянные шатры на боевых башнях заменялись более капитальными и в России и в Западной Европе; естественно, что это могло быть сделано и в Ингушетии.

К происхождению же ступенчато-гребенчатой формы каменного пирамидального покрытия вайнахских башен мы вернемся, когда будем рассматривать местные гробницы, имеющие такую же крышу.

Строительство башни вышеописанного типа стоило дорого. Хозяин должен был доставить на место постройки строительные материалы (между прочим, один отесанный большой угловой камень стоил овцы), щедро кормить мастеров на протяжении всего времени строительства, уплатить за работу 50 коров плюс подарки мастерам (например, за установку последнего, венчающего пирамидальную крышу, камня, полагалось дать мастеру сверх платы подарок — лошадь или быка). Если в процессе работы случалась авария и в результате ее погибал мастер, хозяин нес за это ответственность, как за убийство. Мастерство было фамильным: отец учил сына, и так наука передавалась из поколения в поколение.

И. П. Щеблыкин рассказывает любопытную историю, характеризующую условия, в которых работали горные зодчие. «Строителя пригласили на работу в Чечню. Опасаясь, что его могут там задержать, он, уходя из своего селения, условился, что если пришлет за машиной для поднятия камней, это будет условным знаком, что с ним не все благополучно и что присланных людей надо задержать как заложников. Предположение мастера оправдалось, его задержали в Чечне. Когда присланные им люди явились за машиной, жена мастера привела их к лазу в нижний этаж башни, сказав, что машина спрятана там; те спустились в подземелье, а женщина закрыла над ними отверстие. В конечном счете мастер был отпущен в обмен на задержанных»[22].

По другому рассказу, в одном селении как-то, чтобы помешать строить башню, сразили мастера во время работы стрелой, пущенной из окна соседней башни.

145. Вайнахская боевая башня классического типа (с. Лежг)

Только богатый и сильный род имел возможность построить башню классического типа — тщательно возведенную из отесанных камней, на извести, с каменной пирамидальной крышей, с каменным сводчатым междуэтажным перекрытием. Классические вайнахские боевые башни высятся главным образом в селениях, расположенных в долине или на пологом склоне. Причина этого, с одной стороны, в том, что лишь владельцы хороших земель были достаточно состоятельны для строительства башни, а с другой — в том, что эти участки были легко доступны, и жилища на них требовали усиленной фортификации на случай необходимости обороны.

На той же территории Ингушетии и Чечни, где имеются башни с пирамидальным венчанием, есть башни и другого типа: с плоской земляной крышей, возведенные технически менее совершенно. Они расположены на более труднодоступных и, что то же самое, более бедных земельных участках.

Характерным примером башен без каменного пирамидального венчания может служить замок Воунашки — одно из самых живописных сооружений Чечено-Ингушетии. Дорога к этому месту сама по себе доставляет эстетическое наслаждение. Тропа вьется сквозь высокие благоухающие травы, а рядом, за сочной зеленью деревьев, шумит речка. За одним из поворотов взору открывается фантастическая картина: на фоне голубого неба две башни увенчивают шпилеобразную скалу. Подле башен к крутым каменным склонам лепятся развалины жилищ. Это зрелище потрясает: как там могли жить люди? Но они там жили. Со стариками, с детьми, со всем хозяйством. Жили из поколения в поколение в месте, где, кажется, чтобы сделать два шага, нужно быть акробатом.

Комплекс жилищ фамилии или рода у вайнахов состоял из нескольких жилых башен и, обычно, боевой башни. Для усиления его обороноспособности он иногда обносился стеной. В редких случаях фамильный замок строился сразу. Примером такого явления может служить замок Дударовых близ селения Харпе. Это известная в ингушских преданиях фамилия, пытавшаяся властвовать над соседями. В Осетии таких фамилий оказалось много, и им удалось свои поползновения к власти и господству в определенной мере осуществить. Согласно преданиям, эти аристократы являлись просто разбойниками, грабившими каждого, кого могли, захватывавшими людей и продававшими их в рабство. У вайнахов эти выдвиженцы не могли сделать карьеры, так как население их своевременно истребляло. Так и грозный Дударов вынужден был уйти в Осетию после того, как здесь убили его сыновей.

«Сильные фамилии» были сильны в буквальном, элементарном смысле этого слова. Их власть основывалась только на личной физической силе, она не имела экономической, а тем более социальной и политической основы. У вайнахов отсут-

ствовало феодальное владение землей, на которой работали бы зависимые крестьяне, что составляет суть феодализма. Да и земельных пространств, подходящих для этого, в горах нет. В этом отношении больше повезло «сильным фамилиям» в Европе, начавшим, как и их коллеги в горах Кавказа, с разбоя и пришедшим к положению баронов, графов и герцогов.

Теперь горная Чечено-Ингушетия — безлюдный, покинутый край, усеянный молчащими развалинами. Редко встретишь здесь человека. А встретишь — испытаешь разочарование: не таким представлял себе горца. Одет он в какую-то космополитическую робу, состоящую из стеганого ватника, бесформенных штанов, кирзовых сапог и замызганной фуражки. Впрочем, если увидишь его на каком-нибудь празднестве, то убедишься, что это действительно чеченец. Лезгинка — национальный танец кавказских горцев; в Чечне его танцуют особенно экспрессивно, под неистовые ритмы. Пришлось мне видеть чеченца и «в деле». Будучи городским жителем, он, однако, без седла так прочно держался на скакуне, как может только прирожденный наездник; увидев, что при переводе чьей-то отары через узкий шаткий мостик овца свалилась в реку, он, случайно оказавшись рядом, не раздумывая, в то же мгновение бросился в бушующий поток и вытащил тонущее животное.

В середине прошлого века А. Л. Зиссерман мечтал о сооружении дороги из Хевсуретии в Северную Осетию через вайнахские горы, которая связала бы в этом месте Северный Кавказ с Закавказьем. Для разведки местности он предпринял рискованный по тем временам переход вместе с неким присланным для этого штабным полковником. Привожу его рассказ, дающий некоторое представление о жизни в этих ныне необитаемых местах.

«Мы тронулись в путь по левому берегу Аргуна, едва заметною, полузанесенною снегом тропинкой. Поднявшись на возвышенную плоскость, мы на полускате достигли небольшой непокорной кистинской деревушки Джарего, которую никак нельзя было миновать. К счастью, мы застали дома одного из друзей наших шатильцев, вызвавшегося за приличное вознаграждение провожать нас до Владикавказа. Он недолго собирался, и мы пустились далее в ущелье, занятое шестью аулами общества Митхо, и прошли его боковыми дорожками...

Было уже совсем темно, когда лай собак известил нас о близости большого аула Цори, в котором старшина Бехо был нам известен, как приверженец русских властей во Владикавказе, куда он ездил, занимаясь торговыми делишками, поль-

зуясь особым расположением генерала Нестерова, начальника этого округа. Мы надеялись найти у него приют и вообще всякую поддержку...

Хозяин приказал зарезать теленка, который и был поставлен пред нами сваренный в чугунном котле; вместо хлеба подали в другом котелке вареные лепешки, вроде малороссийских галушек. Строго соблюдая чеченский обычай, Бехо ни за что не согласился сесть с нами вместе ужинать и все время стоял, прислуживая нам; подавая кому-нибудь воду, он снимал папаху и не надевал, пока не возвращали ему кувшина. Когда мы покончили с едой, он присел в угол, наскоро тоже поел и передал остатки толпившимся у дверей семье и чужим.

Наш митхойский проводник оказался виртуозом; ему принесли балалайку с тремя струнами, и он целый час распевал какие-то унылые, грусть наводившие песни; концерт закончился грациозною и живою пляской нескольких мальчиков, ловко становившихся на носки и выразивших неописанный восторг, когда я каждому дал по новенькому двугривенному.

Было уже около полуночи, когда мы, наконец, улеглись и после такого утомительного трудового дня растянулись на войлоках, сняв мокрую обувь. Хозяин погладил каждого из нас своею папахой, приговаривая: «дыкин буис», то есть доброй ночи, и ушел. На всякий случай, я осмотрел двери и ставни, задвинул их накрепко; оружие повытерли, насыпали свежего пороху...

На расспросы о дороге до Владикавказа, Бехо нам объявил, что обыкновенно они доезжают туда на другой день к обеду; но если рано выехать, не жалеть себя и лошадей, то можно и к позднему вечеру в один день добраться. Мы порешили не жалеть себя и лошадей, лишь бы не пришлось провести еще ночь на открытом воздухе, или искать ночлега в каком-нибудь ауле, подвергаясь искушению туземцев приобрести лакомую добычу.

Было еще темно, когда мы согрели наскоро в медном чайнике воды, напились чаю и стали торопить отъездом. За шесть лошадей и двух конных проводников до Владикавказа Бехо взял с нас, помнится, 25 рублей, да обещание замолвить за него доброе слово генералу Нестерову. Митхойца мы отпустили назад, конечно, с приличным вознаграждением, и чуть стало брезжить, тронулись в путь. Бехо поехал тоже с нами.

146. Поселение-замок Воунашки в Ингушетии

Невдалеке от Цори, на холме, я заметил большой каменный крест, полупокрытый мхом. Бехо объяснил, что предки их были христиане и, по преданию, крест этот поставлен их предводителем в память победы над мусульманами.

С полным восходом солнца мы достигли реки Ассы и разбросанных по ее берегам деревень общества Галгай. Все

147. Поселение Дошхакле в Ингушетии

пространство до поворота реки к северу представляет ряд небольших холмов, поросших мелким лесом. Местность вообще очень живописная и резко отличается от угрюмых ущелий Главного хребта. Галгаевцы ничем не разнятся от других кистин; они, должно быть, только богаче своих соседей, в одежде и в отделке оружия видна некоторая роскошь; часто попадаются верховые; женщины миловиднее и одеты опрятнее, в длинные, часто шелковые сорочки и ахалуки, обшитые позументами собственного изделия.

К полудню мы приблизились к трудному перевалу через хребет, составляющий левый берег Ассы. Сделав у подножия двухчасовой привал, во время которого Бехо сообщил нам кое-какие топографические сведения об окружающей местности, мы пустились далее. Дорога была адская, то по обрывистым тропинкам, усеянным огромными камнями, или гладким, скользким плитняком, то по вязкой глинистой грязи, под проливным дождем. Мы продвигались весьма медленно, ибо полковник, боясь свалиться, поминутно слезал с лошади, а проводники наши тоже слезали, по вежливому обычаю, требующему не оставаться на коне, когда старший идет пешком. Таким образом я всю дорогу ехал впереди, часто останавливаясь и поджидая далеко отставших. Да у меня, впрочем, ноги были так искалечены предшествовавшим переходом, что я едва мог несколько шагов пройти, особенно по камням и под гору. Наконец, одолели мы и этот, покрытый дремучими лесами, перевал и спустились в долину реки Армхи́.

...Было уже около девяти часов вечера, дождь не переставал лить как из ведра; все мы еле-еле держались на седле; лошади стали уменьшать шаг и приходилось все чаще и чаще подергивать поводом и подталкивать их шенкелями. По словам проводников, до Владикавказа оставалось еще часа три и мы опасались, что ни люди, ни лошади не вынесут этого расстояния, так что пришлось бы просто остановиться, и под проливным дождем, в непроглядную темь, простоять до рассвета; лечь же не было возможности; вся долина превратилась почти в одну сплошную лужу. Проехали мы еще часа два, и силы и терпенье окончательно истощались...

Темень стояла непроглядная, а ливень не переставал. Проехали мы, ничего не видя и не слыша, еще с три четверти часа, и вдруг с небольшого холмика увидели множество огоньков, услышали звон церковных колоколов, лай собак,— Владикавказ был пред нами...

Наконец, явился дежурный офицер и только после подробных распросов приказал отворить нам ворота. Через полчаса мы сидели в гостинице за чаем, а вся трактирная прислуга толпилась у дверей, оглядывая нас, как редких зверей.

Проспав мертвым сном до одиннадцати утра, я кое-как пообчистил свой костюм, вместо лаптей надел чувяки и вышел позавтракать. В передней стояли уже ординарец и вестовой, присланные комендантом к услугам полковника. Очевидно, местные власти уже узнали об его приезде ночью, и потому он поторопился отправиться к генералу Нестерову, к которому, как главному начальнику во Владикавказе, следовало явиться.

Генерал Нестеров закидал нас вопросами: как, что, откуда? Изумлению его не было конца и на лице даже выразилось сомнение в истине рассказа»[23].

В 1938 и 1939 годах архитекторы Ф. Н. Пащенко, Н. М. Фукин и Н. М. Уствольская в составе группы таких же, как они, энтузиастов, проходили из Северной Осетии в Грузию через горы Чечено-Ингушетии. Когда же побывать в этих местах довелось мне — к сожалению, они были уже необитаемы и архитектура их превратилась в памятники.

Печальна и вместе с тем величественна картина мертвых горных аулов. Неужели этот край так и останется кладбищем былой культуры? Нельзя ли к духовному богатству предков, воплощенному ими в их произведениях искусства, приобщить современников?

Местная интеллигенция сознает необходимость сохранения памятников архитектуры, ныне заброшенных и постепенно разрушающихся в горах. Но что для этого нужно сделать? Взять их под охрану? Это необходимо, потому что пастухи их портят, переоборудуют под временное жилье, используют в качестве загонов для скота. Разрушаются они и под воздействием стихий. Группа селений в долине реки Армхи считается филиалом Чечено-Ингушского музея краеведения, и здесь есть смотритель, но это само по себе не сохраняет старые постройки от разрушения.

Их нужно отремонтировать, восстановить; потребуются большие финансовые затраты. А какова будет отдача? Реконструировали храм Тхаба-Ерды — ну и что? Стоит он, все равно мертвый, в безлюдном краю. Если уж осуществить эту колоссальную работу — то для людей. Горная Чечено-Ингушетия, с ее впечатляющей природой и обилием памятников старины, могла бы стать районом массового туризма и отдыха; старинные постройки можно было бы реконструировать и, без искажения их облика, приспособить под необходимые для этого здания. Туристы знакомятся с горской архитектурой походя, не прочувствовав ее, даже не разглядев как следует во время экскурсий и переходов. Им бы пожить среди нее. Современная цивилизация стирает местный колорит, ради которого путешественник пересекает континенты и океаны. Туристские отели повсюду столь же похожи друг на друга, как и аэропорты. Везде постройки одного стиля, однотипная меблировка номеров, тот же стандартный набор «услуг», те же столики в ресторане и кресла в холле. Зона туризма и отдыха в горах Чечено-Ингушетии, созданная на базе существующей здесь местной архитектуры, была бы единственной в своем роде (чего нельзя сказать, например, об известном комплексе в Приэльбрусье).

Нет надобности, по крайней мере, в первое время, распылять усилия для реконструкции старых построек на всей территории горной Чечено-Ингушетии; да и нереально было бы браться за это сразу. Для начала достаточно зафиксировать отдельные заповедные участки и осуществить соответствующую работу в их пределах. Такими могли бы быть: районы Кезеной — Макажой и Итум-Кале в Чечне, Таргим — Эгикал и Эрзи в Ингушетии. Эти места особенно насыщены памятниками старины, и объекты здесь наиболее интересны. В Макажой, Эрзи и Итум-Кале есть автодороги, а в Таргим можно доставлять туристов на вертолете, что для них будет даже интереснее, чем поездка в автобусе; да и дорогу сюда построить не так уж сложно.

Поразительны оригинальность архитектуры и необычайно высокое мастерство средневековых строителей в этом глухом горном краю, почти не имевшем общения с внешним миром. Особенного искусства достигли ингушские зодчие. Это, очевидно, связано с более высокой в те времена материальной обеспеченностью ингушей, которая, в свою очередь, являлась следствием лучших природных условий занимаемых ими мест. Действительно, для развития культуры, в том числе эстетической, нужен соответствующий уровень жизни — хотя, конечно, уровень культуры не всегда и не обязательно пропорционален ему.

Основные типы монументальных сооружений в горах центрального Кавказа — жилые башни, боевые башни, гробницы и святилища. В Ингушетии выработался единый стиль архитектуры этих сооружений. Для них характерны компактность и лаконичность объема, сужающийся кверху силуэт, квадратный или прямоугольный план, каменная гребенчато-ступенчатая крыша, известковая обмазка с желтой покраской фасадов. По производимому впечатлению эта архитектура представляется какой-то зловещей, что соответствует породившей ее духовной среде средневековья; в особенности это впечатление свойственно гробницам, о которых В. И. Марковин пишет: «Честно говоря, становится как-то не по себе от их засилья, от их величественной холодности»[24].

Строительные приемы и архитектурные формы, выработавшиеся при сооружении гробниц, распространились также на святилища и боевые башни.

Языческие святилища, которые (большей частью в развалинах) можно видеть в других ближних местностях — в Чечне, Северной Осетии, Хевсуретии, Хеви,— обычно довольно примитивны по своему устройству. Есть два типа северокавказских горских святилищ: одни представляют собой монумент, высотой в среднем метра два и шириной около метра, по внешнему виду напоминающий облик вертикально вытянутого дома или его фасадной стены. Другие — это построй-

148. Фрагмент крупного ингушского селения Эгикал; в отличие от Дагестана, дома стоят разреженно

ки с внутренним помещением, предназначавшимся, однако, не для молящихся, а для хранения культового инвентаря и приношений.

К западу от реки Ассы зафиксировано около двух десятков частично сохранившихся, частично разрушенных построек ингушских святилищ. Все они сходны между собой по форме: постройка прямоугольная в плане, с двускатной крышей, похожая на домик. И действительно, как показывает архитектурный анализ их деталей, прообразом формы этих культовых

сооружений является жилой дом давно исчезнувшего в этих местах типа. Любопытно, что дверь в одних святилищах расположена с западной стороны (влияние христианских храмов, у которых алтарная часть должна быть ориентирована на восток), в других — с восточной стороны (обычай язычников-солнцепоклонников: дверь направлена в сторону восходящего солнца). В большинстве случаев святилища расположены на вершинах гор — это тоже обычай, восходящий к культу солнца. Перекрытие в постройках святилищ каменное, ложным

149—150. Средневековые гробницы в горах Чечено-Ингушетии

сводом; оно образует ступенчатую крышу, каждый уступ которой покрыт выступающей шиферной плиткой, так что получается характерный гребенчатый профиль крыши, нигде больше, кроме Чечено-Ингушетии и Осетии, не встречающийся.

Заходишь в такое святилище, которое обычно расположено в стороне от жилья, вступаешь в полутемное прохладное помещение под тяжелым каменным сводом, и немного жутковато становится, и в то же время охватывает радость от

соприкосновения с подлинным памятником старины. Как будто видишь тех, кто возвел этот храм, кто по-своему почитал своих богов, ощущаешь их чувства, их жизнь, их время. И почему-то понимаешь их: что-то общечеловеческое, понятное людям всех времен и всех стран, есть в настоящем произведении искусства.

Кавказовед В. Ф. Миллер описывает культовые церемонии при таких святилищах. «Культ, совершаемый в подобных местах, заключается главным образом в следующем. В извест-

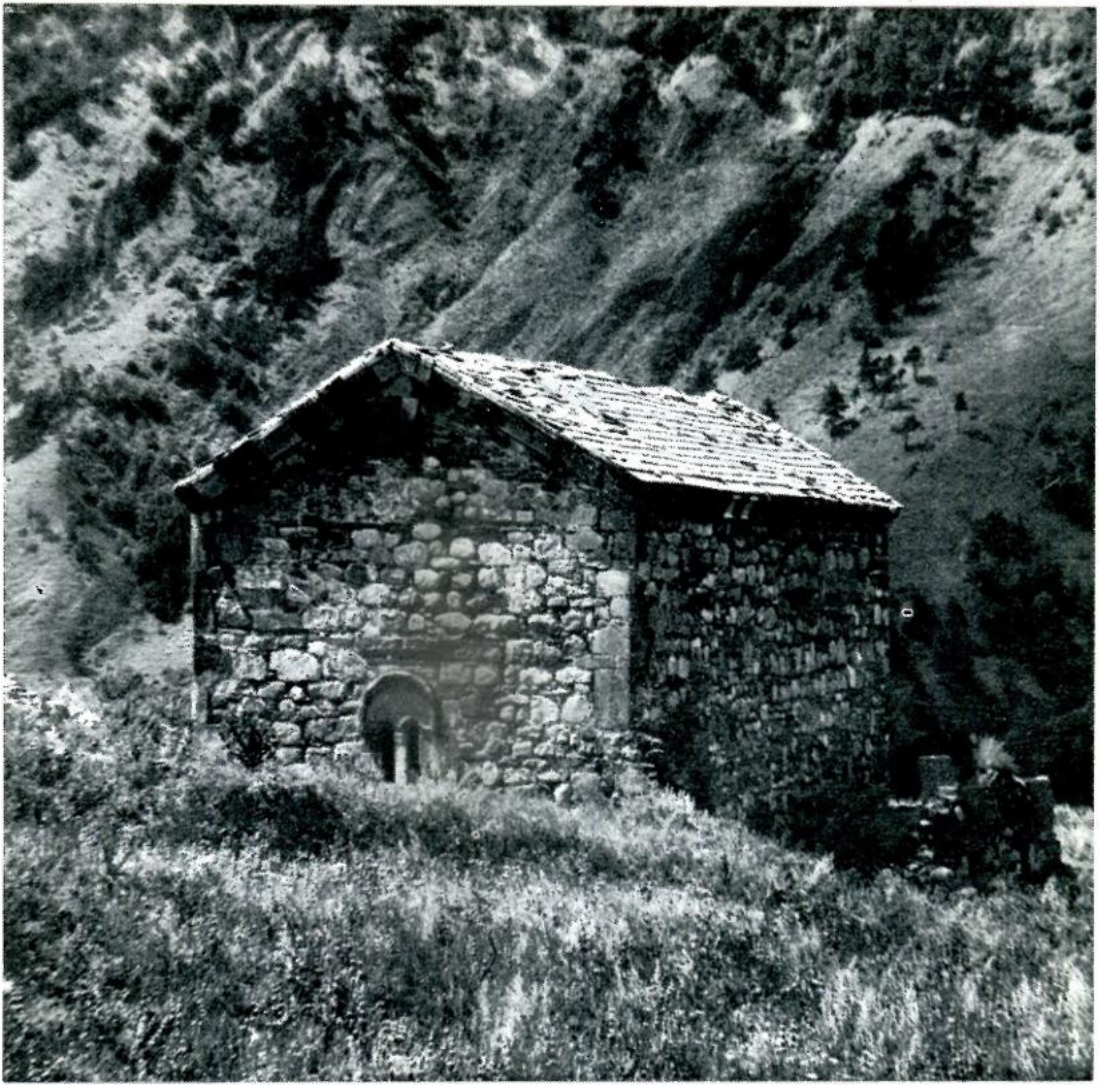
ное время, преимущественно летом, семьи, составляющие одно общество, варят пиво, приготавливают в большом количестве треугольные лепешки, выбирают баранов и отправляются справлять праздник к своей родной святыне. Во главе процессии идет старик, одетый обязательно в белую одежду. В руках он держит шест с колокольчиками и белым знаменем. За ним идут женщины, которые поют особый

151—152. Ингушские святилища — в виде монумента и в виде здания (с. Эгикал, с. Барха)

припев «уоллай». Процессия обходит святыню, причем некоторые ставят в известном месте зажженные свечи. Кланяясь святому месту, чеченцы обязательно снимают с головы папаху. Перед началом пиршества старик произносит молитвы, в которых просит Бога об урожае полей, приплоде скота и всяком благоденствии. Торжество кончается пирушкой, продолжающейся до поздней ночи»[25]. По всему видно, что христианство не имеет никакого отношения к этому ритуалу. И зажженные свечи, и белая одежда, и колокольчики, и обна-

153. Христианский храм XII века Тхаба-Ерды в Чечено-Ингушетии (после реставрации)

женные головы перед святыней, и даже кресты — это все аксессуары языческого культа.

Почитание древних святилищ заглохло к началу нынешнего столетия. Как сообщал в 1893 году один из первых исследователей вайнахской культуры Б. Далгат, горцы, сравнительно недавно обращенные в ислам, еще уважали свои прежние святыни, и вера в силу языческого божества была столь сильна, что редчайшим явлением было, чтобы, например, подозреваемый в преступлении дал ложную присягу перед

святилищем. Но исследовавший эти сооружения в 1920-х годах Л. П. Семенов писал, что они тогда уже были обращены в загоны для скота или в склады для сельскохозяйственных принадлежностей.

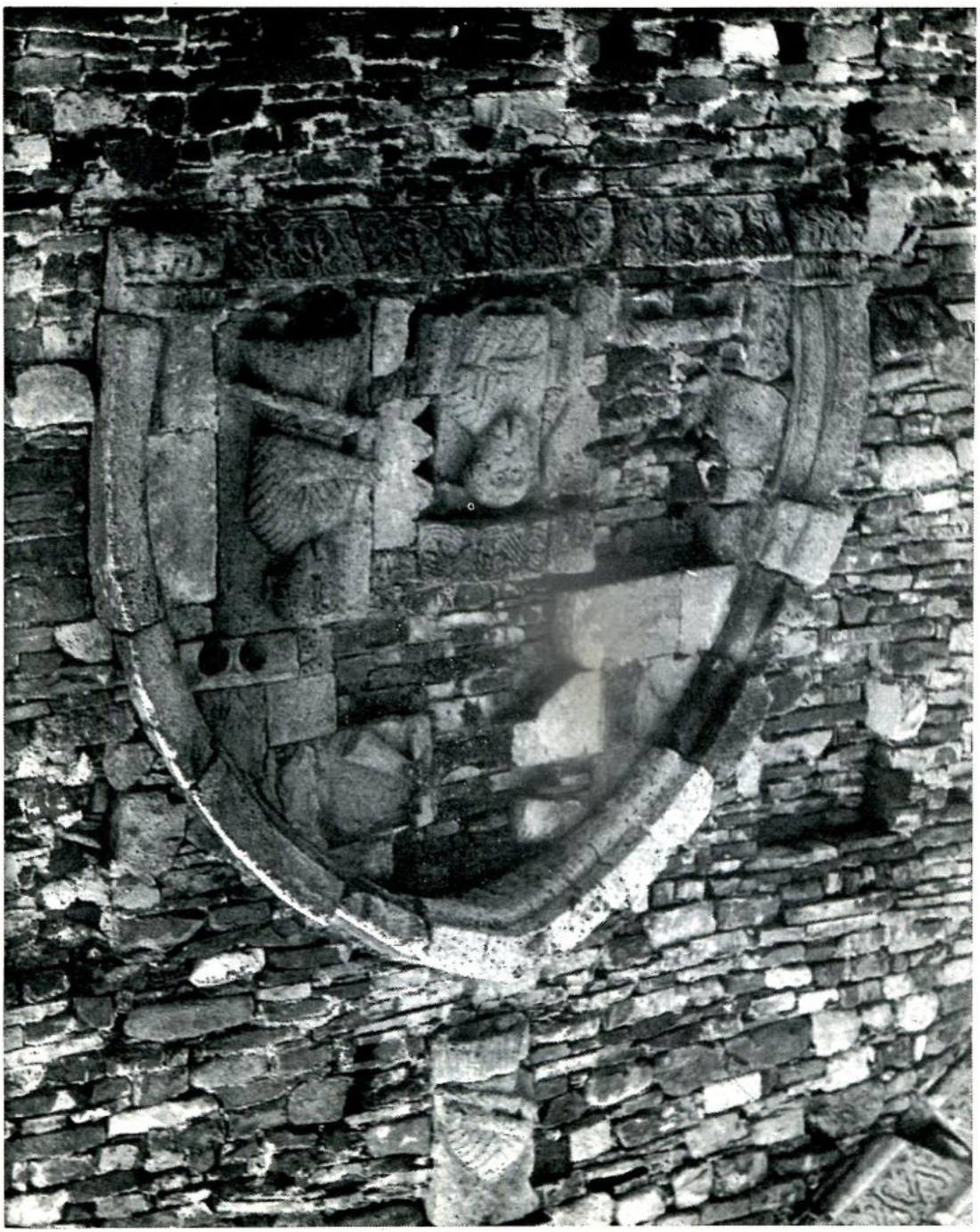
Мечети в горной части Чечено-Ингушетии начали строить только с начала 1900-х годов. Они были немногочисленны и к настоящему времени почти все разрушены. В соседнем с

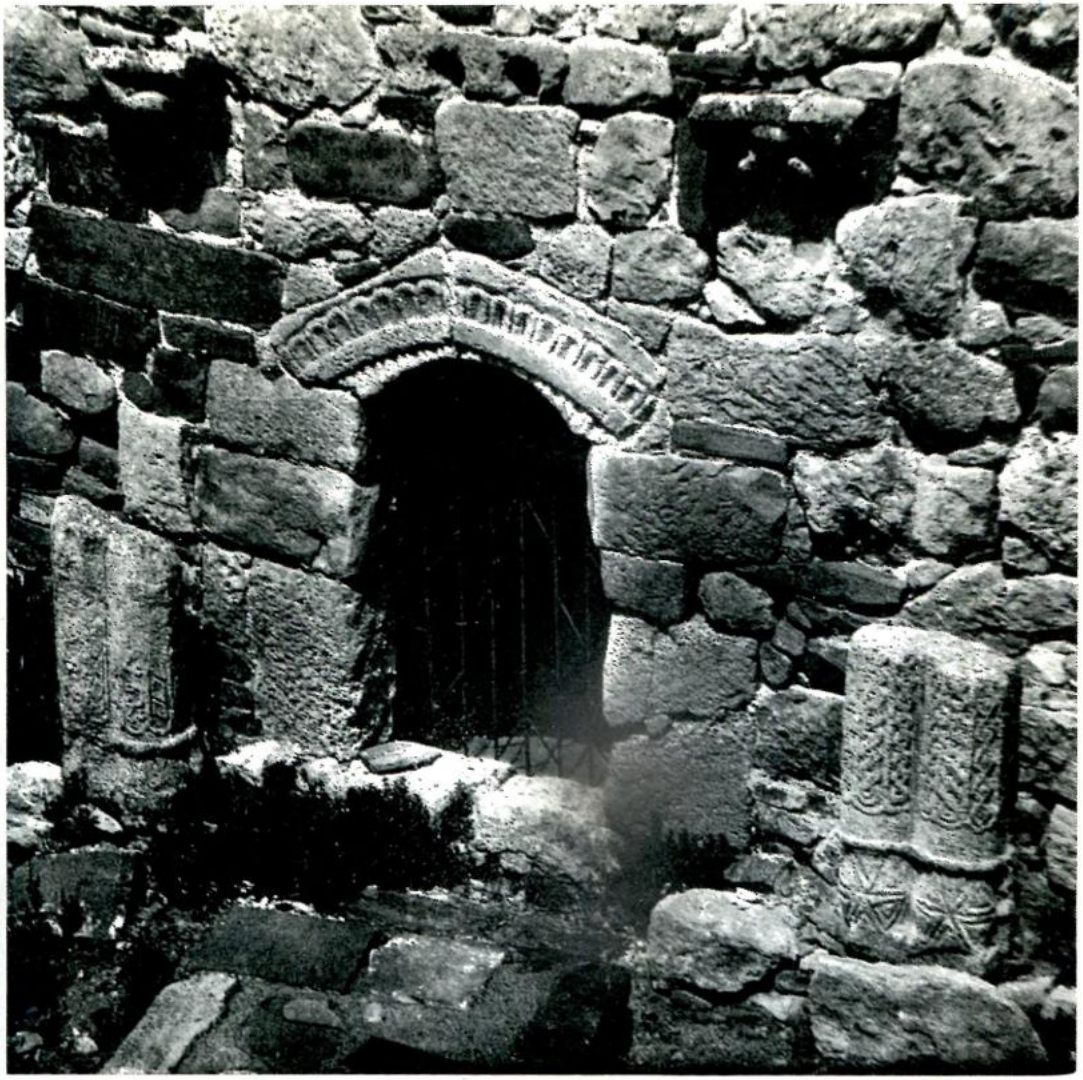

154. Резные каменные детали Тхаба-Ерды

Дагестаном районе Чечни, Чеберлое, мечети не отличаются от дагестанских, а в остальной Чечено-Ингушетии это была обычно невзрачная постройка в виде домика с черепичной крышей и деревянным минаретом.

Средневековые христианские храмы в горах Кавказа отличаются от языческих святилищ того времени. Они расположены не на высотах, а в долине, открыты обозрению со всех сторон, интерьеры их торжественны, внешний облик отличается какой-то просветленностью.

155—156. Резные каменные детали Тхаба-Ерды

В верховьях реки Ассы, близ перевальных путей в Грузию, в районе, который некогда являлся основным историческим и культурным центром горной Ингушетии, находится церковь постройки XII века Тхаба-Ерды. В. Ф. Миллер, посетивший ее в 1886 году, писал: «Местность для построения этого храма была выбрана чрезвычайно удачно. Это небольшая равнина, в которой сходятся несколько горных долин, образуемых рекою Асса и ее мелкими притоками. С одной стороны равнины возвышаются горы, покрытые донизу густым лесом,

с другой ее замыкают высокие утесы причудливой формы. С пригорка, на котором расположена церковь, открывается чудный вид во все стороны и виднеются башни аулов Хамхи и Таргима, стоящих при реке Ассе. Вся местность эта представляется густо заселенной, и многочисленные следы могильников показывают, что и в отдаленные времена в этих местах были значительные поселения»[26].

Храм Тхаба-Ерды явно был построен по указаниям грузинских миссионеров (об этом свидетельствует его планировка), но руками местных мастеров (об этом свидетельствуют его строительные конструкции).

Тхаба-Ерды представляет собой продолговатую, прямоугольную в плане постройку, длиной 16,2 м и шириной 7,6 м, с двускатной крышей. Вход — с западного торца, а противоположная входу, восточная стена помещения, как полагается в христианских храмах, завершена полукругом — апсидой. Помещение подразделено по длине на четыре части тремя поперечными арками. Сделано это было, очевидно, по подобию грузинских церквей, свод которых опирается на арки. Но разница существенна: в Грузии арки делались клинчатыми, распорными, а здесь они, как выражаются архитекторы, «ложные», т. е. устроенные посредством напуска горизонтальных рядов кладки. Этот прием обычен для капитальных сооружений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии.

Особенностью Тхаба-Ерды, отличающей эту постройку от других христианских храмов в горах северо-восточного Кавказа, является то, что она украшена резными каменными деталями и барельефами. По преданию, они были привезены из Грузии. Но это представляется маловероятным: камни тяжелы, а путь из Грузии далек и труден. Скорее всего, их высек на месте грузинский мастер.

Стены церкви носят следы неоднократных ремонтов. В 1971 году была произведена, под руководством специалистов из Грузии, реставрация памятника. Она произведена не совсем удачно. В старину эта постройка имела кровлю из местных сланцевых плиток. Право же, не стоило доставлять вертолетом из Грузии в горы Ингушетии новенькую черепицу современного фасона, чтобы сделать уникальный средневековый храм похожим на заурядный гараж.

В то время, к которому относится строительство Тхаба-Ерды в Ингушетии, в Дагестане был сооружен христианский храм Датуна.

В Дагестан христианство проникало тремя путями: в Южный — из Армении в VI—IX, в Северный — из Алании в VIII—X, во Внутренний — из Грузии в XI—XIV веках. Христианство исповедовалось в Дагестане кое-где еще в начале XVIII века. По местным преданиям, христиане среди аборигенов были в Аварии даже во время Шамиля, т. е. в середине

XIX века. Возле нынешнего селения Батлух существовало селение, жители которого из-за мусульманского фанатизма при Шамиле бежали в Грузию, где теперь их потомки проживают в Кварельском районе. Они являются христианами, но говорят на аварском языке и помнят о своем происхождении.

Имеются свидетельства о том, что в Дагестане было немало

157. Современное вайнахское жилище

церквей, но они не сохранились. Церкви местной постройки давно разрушены или разобраны на камень. О них напоминают только предания. Единственным сохранившимся зданием церкви в Дагестане является находящееся близ селения Датуна в Аварии. Оно хорошо сохранилось вследствие того, что возведено с применением известкового раствора, который прочно связывает камни кладки.

Датунский храм расположен близ Аваро-Кахетинской дороги, в небольшом боковом ущелье, примыкающем к долине реки

158. Старинный ингушский ковер (с. Фуртоуг)

Аварское Койсу. Картина предстает взору неожиданно и производит сильное впечатление. Посреди небольшой горной котловины на скальном выступе стоит эта постройка, небольшая, но величественная, неожиданно светлая по сравнению с мрачновато-серым колоритом местной архитектуры, как бы озаренная солнцем. Ее скромная красота восхищает, и встреча с этим произведением искусства далеких веков воспринимается, как праздник для души.

Не нужно быть большим знатоком архитектуры, чтобы ви-

деть, что храм Датуна возведен по всем правилам грузинского средневекового культового зодчества. В кладке его стен нет ни одного резного камня, но не в декоре суть архитектуры: Тхаба-Ерды оснащен барельефами и орнаментами грузинского происхождения, и все же его следует отнести не столько к грузинскому, сколько к вайнахскому зодчеству.

В настоящее время в повседневной жизни населения Чечено-Ингушетии уже ничего не осталось от старины. Идет новая жизнь, развивается современная культура. Поскольку мы интересуемся культурой старой, придется снова обратиться к свидетельству очевидца. Краевед Л. Н. Семенов, исследовавший материальную культуру ингушей в те времена, когда в ней еще заметны были остатки старины, дает описания того, что видел тогда.

«Приземистые сакли с плоской земляной кровлей сооружены очень незатейливо. Они низки, невелики по размеру; свет слабо проникает в них сквозь окошки. Под жилыми помещениями имеются тесные загоны для скота. Улицы узки и круты. Наземные склепы разбросаны или на окраине селения или вперемежку с жилыми домами. Некоторые аулы, расположенные на террасах скал, чрезвычайно живописны.

Башни, боевые и жилые, теперь редко бывают использованы под жилье. К этим старинным постройкам, уже утратившим прежнее значение, примыкают сакли позднейшей эпохи из камня или дерева; снаружи они обмазаны; имеют плоскую кровлю из плотного слоя земли. Комнаты расположены в одну линию; окна и двери большей частью находятся с одной стороны. Вдоль фасадной стены тянется узкая веранда, кровля которой поддерживается рядом деревянных столбов. Веранда несколько возвышается над землей; посреди или сбоку сделаны каменные ступени. Окна обычно с двустворчатыми рамами. Ставни одностворчатые или двустворчатые, запирающиеся железным болтом. Между смежными комнатами иногда устроены небольшие сени, в которые выходят двери из этих комнат и на веранду. Пол комнат и веранды чаще земляной, аккуратно выровненный и вымазанный глиной; реже пол деревянный, некрашеный. Дверь одностворчатая, с невысоким порогом, к которому иногда прибивается подкова; запирается изнутри на железный крючок или деревянную щеколду. Стены внутри обыкновенно выбелены; снизу идет широкая серая кайма; по верхнему краю ее и вокруг окон нередко бывает нанесен несложный узор (цветочный, елочный или точечный орнамент). Такая же кайма и орнамент бывают и снаружи. Потолок подшит тонкими досками; в одном месте оставляется отверстие для трубы железной печки, устанавливаемой не только в холодную пору года, но

и на лето. В сакле имеются одна-две жилых комнаты для хозяев и одна для гостей»[27].

Согласно этому описанию, жилище ингушей, не только плоскостных, но и горных, в начале XX века было сходно с дагестанским, а точнее — с кумыкским. Другие свидетельства Л. П. Семенова тоже показывают, что жилища вайнахов первой половины XX века и в целом и в деталях соответствуют тому, что до последнего времени можно было видеть в Дагестане, особенно в тех его районах, которые расположены ближе к городам и новым дорогам.

Далее Л. П. Семенов пишет (в конце 1920-х гг):

«*Малоземелье, неудобство средств сообщения* (отсутствие дорог и мостов), отдаленность от культурно-промышленных центров края послужили в последние годы причиной массового переселения жителей из гор на равнину. Вследствие этого жизнь в горах стала еще глуше, население сильно поредело, во многих аулах осталось по две-три семьи. Некоторые селения совершенно опустели...

В настоящее время памятники древности быстро ветшают и разрушаются. Меняется и вид жилых сооружений. Кое-где черепичная кровля встречается не только в Джераховском ущелье, но и Ассинском. В Ассинском ущелье в 1926 году был открыт первый кооператив. В Джераховском районе сооружен санаторий, развивается экскурсионное дело. Исчезает старина и в быту. Отмирают древние обычаи и суеверия; все более входят в употребление предметы домашнего обихода, доставляемые из города,— утварь, мебель и т. д.; меняется также под влиянием города покрой одежды.

Менее заметны следы старины на равнине. Ингуши стали переселяться с гор к началу XIX в. Жизнь для них сложилась здесь в иных, несравненно более благоприятных условиях. Селения многолюдны, окружены садами. Жилища светлее и чище горных. В домашней обстановке, в хозяйственном инвентаре, в одежде заметно более сильное влияние города. Так, здесь не редкостью являются оклеенные обоями стены, железные переносные печи, швейные машины, хорошая городская мебель и прочее»[28].

Нынешнее, периода 1960—1970-х годов, народное зодчество вайнахов не имеет ничего общего с их национальными памятниками архитектуры в горах. Это добротные кирпичные домики, с фасадами, украшенными затейливой кирпичной выкладкой в стиле, происхождение которого нетрудно понять, увидев дореволюционные постройки Грозного.

С традиционным декоративно-прикладным искусством вайнахов теперь можно ознакомиться только по описаниям, рисункам и фотографиям; образцов его нет даже в музеях. В быту люди пользуются вещами фабричного производства

(такими же, как и мы с вами, живущие в России), а изготовления изделий, имеющих национальный колорит, в Чечено-Ингушетии давно уже не существует.

Одна из причин этого (помимо других причин, достаточно известных) специфична в данном случае. Дело в том, что у вайнахов, в отличие, например, от Дагестана, в прошлом не было центров специализированного ремесленного производства. Люди все делали сами для себя — мебель, посуду, одежду из домотканой шерсти, чувяки из кожи домашней выделки.

Старинные вайнахские ковры отличаются от тканых дагестанских, где искусство ковроткачества развивалось при ощутимом иранском и вообще ближневосточном влиянии. У вайнахов сохранялось до начала XX века ковроделие иного типа. Эти ковры — войлочные, сшитые из кусков, которые вырезаны по форме требуемых рисунков и окрашены в разные цвета. Каждая отдельная часть рисунка при этом оконтурена белым шерстяным кантом. По краю ковра идет бордюр. Композиции состоят из криволинейных форм, естественных для технологии, основанной на резании мягкого материала. Мотивы рисунков свидетельствуют о существенном влиянии вкусов обитателей северокавказской степи — кабардинцев, ногайцев, а еще раньше — тюрков, алан, может быть, даже сарматов и скифов. Излюбленным является мотив оленьих рогов. Часты орнаментальные мотивы растительного характера, что, вообще говоря, чуждо древнему искусству кавказских горцев. Обычна в композициях этих ковров также симметричность, не присущая исконным традициям горской эстетики.

Художник И. П. Щебликин еще в 1920-х годах сообщал: «В горах трудно найти что-либо из этой области; все уходит вместе с населением на плоскость. На плоскости же население тянется ко всему городскому»[29].

Одежда в старину была весьма скромной по виду. Как свидетельствует инвентарь XVI—XVIII веков из гробниц, ткани были одноцветными, обычно синими или темно-зелеными, коричневыми, черными. Только подол платья и рукава обшивали тесьмой. На фоне темного платья выделялись серебряные нагрудные украшения. Позднее привилось украшение одежды посредством аппликаций и вышивок. Ими украшались также и другие предметы быта, изготовляемые из тканей, например, разнообразные чехлы. Мотивами вышивок служат, опять же, оленьи рога, растительные элементы, символы солнца и др. В XIX веке некоторое развитие имели золотошвейные работы. Таким шитьем украшались костюмы, шапочки, пояса, тесемки, различные предметы домашнего обихода. Это искусство тоже давно уже пришло в упадок и теперь не практикуется.

Таким образом, как видим, из всех видов пластических искусств в старой Чечено-Ингушетии имела существенное развитие только архитектура, причем почти не знающая орнамента: основным ее художественно-композиционным средством была форма. И нужно сказать, что форма эта была весьма выразительной, ярко отображая не только материальную и социальную, но и духовную жизнь своего времени. О реализме в искусстве Ф. Энгельс писал, что реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах, которые их окружают и заставляют действовать. Проецируя это определение на архитектуру, и в частности, на архитектуру вайнахов, мы убеждаемся в его справедливости и для данного случая. Чечено-ингушская архитектура реалистична и в деталях и в образах, правдиво воспроизведя свой характер и через него определявшие его обстоятельства — жизнь, эпоху. Это искусство, как и всякое подлинно народное искусство, реалистично, оно не стремится приукрасить действительность, создать иллюзорный мир — оно правдиво выражает действительность, ее суть.

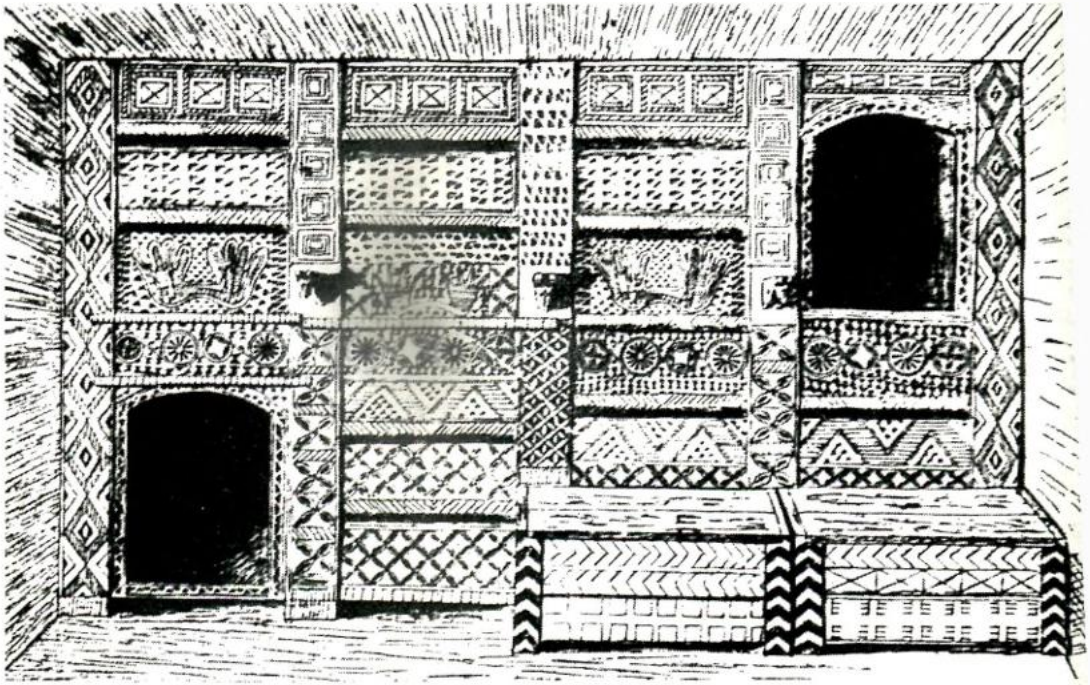
Особенности вайнахской архитектуры — отсутствие пышности, блеска, рациональность формы, ее правдивая прямота; красота этой архитектуры — не в декоре, а в гармонии форм. Эти особенности искусства давно прошедшей эпохи, эта его красота, выражая непреходящее в культуре, находят отклик в душе и современного человека.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Вайнахские женщины, подобно горянкам других местнос
Кавказа, носили серебряные украшения (между прочим,
лото горцы не любили и до конца XIX века оно в мести
ювелирном производстве не использовалось). Серебря
серьги и браслеты украшались вставками из цветного сте
или полудрагоценных камней; особенно популярен был тем
розовый сердолик; он, по поверьям, приносил счастье.
Как показывает инвентарь гробниц (это единственное реа
ное свидетельство материальной бытовой культуры в старин
у горных вайнахов широко применялась деревянная посу
и гораздо меньше керамическая. Но примеров вайнахск
резьбы по дереву известно мало; в архитектуре же резь

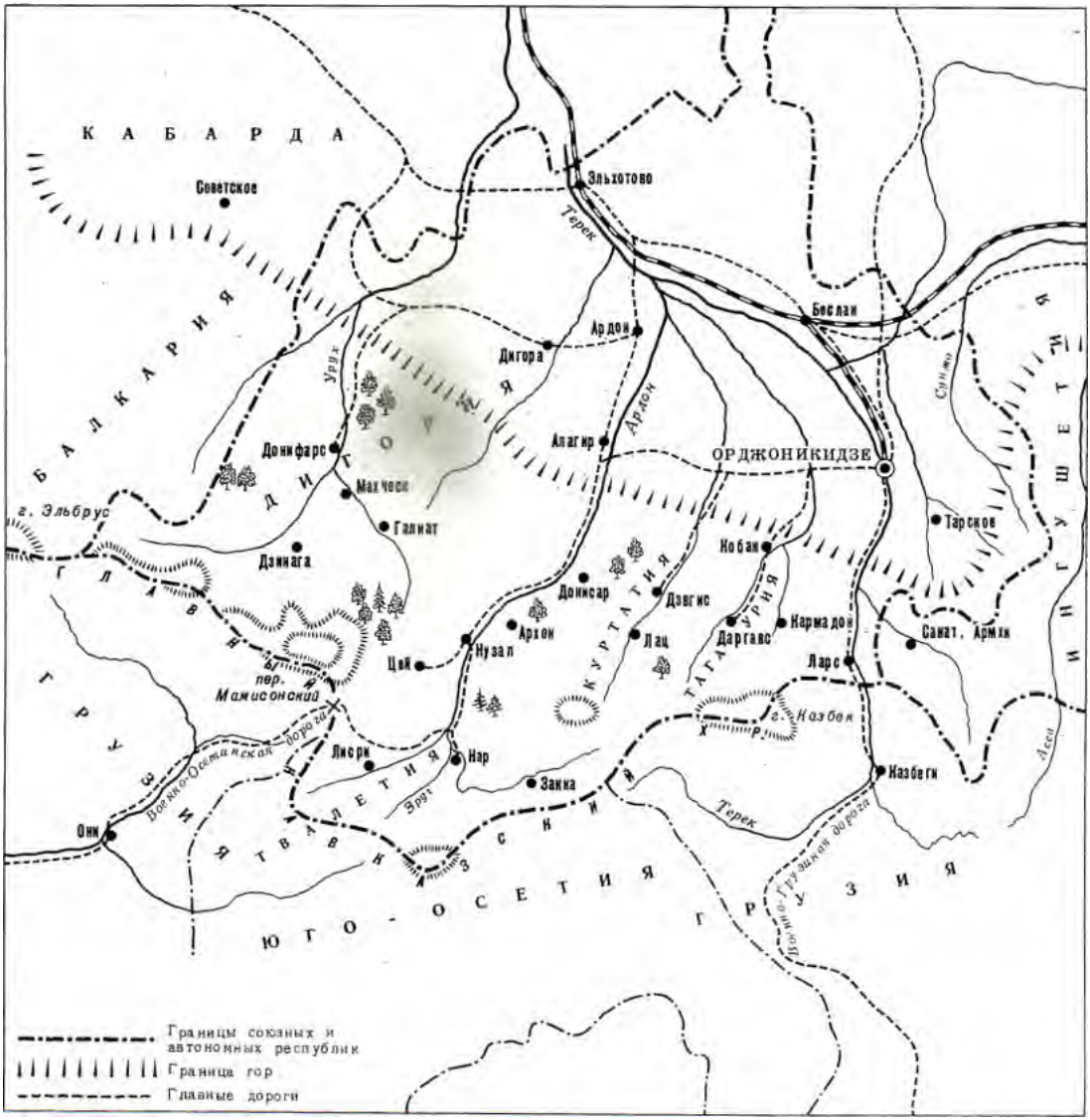

159. Резная деревянная перегородка в старинном чеченском доме, с. Терете. Рисунок этнографа Б. Плечке. 1928

по дереву вообще не применялась. Резные деревянные изделия выполнены в стиле, обычном для всех горцев Северного Кавказа — геометрической резьбой; она у вайнахов, как и у осетин, гораздо менее богата мотивами, чем в Дагестане или Грузии.

Архитектурный каменный декор в вайнахском зодчестве почти отсутствует, если не считать единичных скупых узоров, выполненных посредством выемчатой кладки на фасадах построек.

Карта-схема
горной
Северной Осетии

Потомки алан

Природа Северной Осетии великолепна, территория ее насыщена памятниками старины, повсюду хорошие пути сообщения. Не удивительно, что этот край покрыт сетью туристских маршрутов. В летнее время поезд Москва — Орджоникидзе заполнен туристами.

Орджоникидзе (бывший Владикавказ) — большой современный город. До революции он являлся центром российской администрации и военного управления на Северном Кавказе. Центральная часть города застроена в основном двух-трехэтажными домами дореволюционного периода. Новое строительство ведется на периферии. Учитывая качество сегодняшней архитектуры, вряд ли это можно считать потерей для облика города. Столица Осетии счастливо дожидается лучших времен в архитектуре, пока довольствуясь старыми, но еще физически не износившимися домами. Улицы прямые, широкие, и это при малоэтажной застройке создает впечатление простора и даже некоторой разбросанности.

В отличие от Москвы, с ее вечно спешащими толпами отовсюду съехавшихся людей, неумолкаемым грохотом транспорта и удушливой из-за выхлопных газов атмосферой, тут тихо, спокойно, воздух чистый. Но в отличие от Махачкалы и Грозного, здесь уже не увидишь мужчин в папахах и женщин в платках. Женщины одеваются модно и делают прически. Пожилые мужчины, с седоватыми шевелюрами и значительными лицами, напоминают персонажей из западных кинофильмов. Осетины имеют совершенно европейский облик, и их столица ни по архитектуре своей, ни по виду и манерам жителей не проявляет каких-либо национальных черт — разве что кое-где встречаются надписи на непонятном для приезжего языке. Магазин «Художественный салон» оформлен в подражание тбилисскому и торгует изделиями грузинского производства. Осетины раньше других северокавказских народов встали на путь современного развития, и народное прикладное искусство ими давно утрачено.

В свое время В. И. Ленин отмечал, что русский капитализм втягивал Кавказ в мировое товарное производство, нивелировал его местные особенности. Еще до революции многие кустарные промыслы на Кавказе, в том числе художественные, переживали последний период своего существования; их изделия вытеснялись на рынке фабричными

товарами. Потери, которые претерпевало народное искусство, были издержками развития экономики и индустриального производства, развития, имевшего положительное значение для технического прогресса. В наше время мы снова внимательно обращаемся к искусству прошлого, стремясь по возможности восстановить утраченное: если оно не имеет значения для материальной культуры, то существенно для культуры духовной.

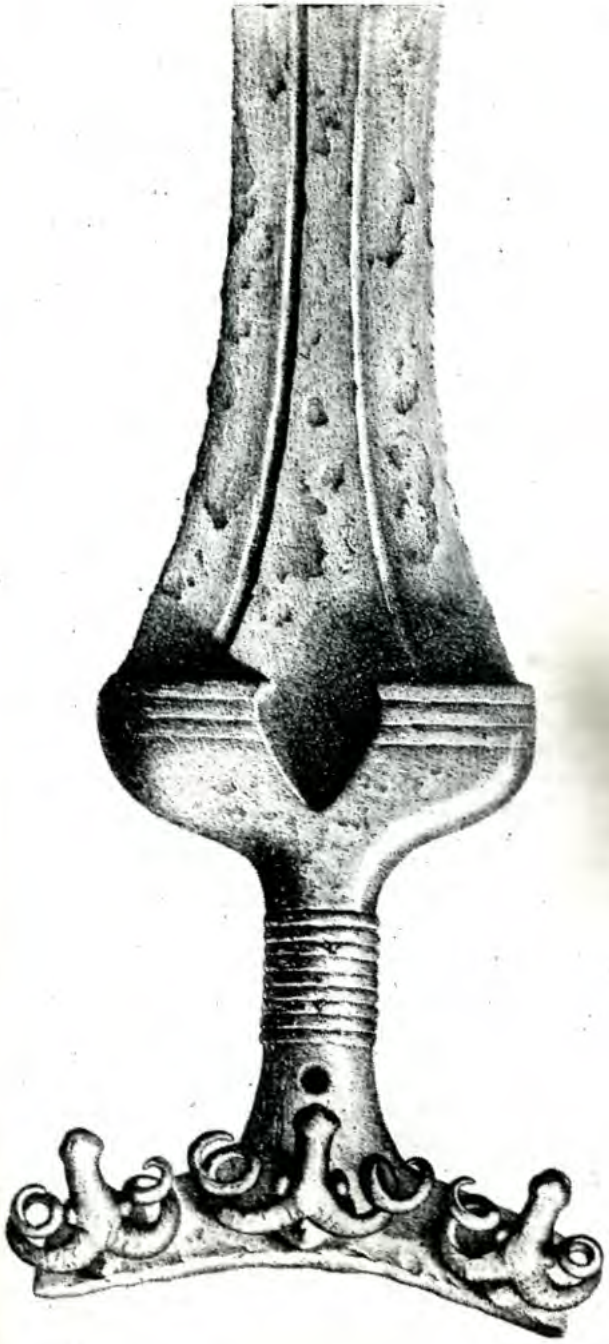
Не сегодняшняя реальность, а история раскрывает перед нами картину народного искусства Осетии.

В погребениях у селения Кобан, а затем и в других местах были найдены замечательные бронзовые изделия — боевые топоры с выгравированными на них рисунками, пряжки с рельефными изображениями, амулеты, подвески, бляхи, фигурные булавки и другие предметы, изготовленные людьми, которые жили здесь три тысячи лет тому назад. Культура, о которой свидетельствуют эти вещи, была названа, как это принято в археологии, по месту первых находок кобанской. Эта культура охватывала всю территорию нынешней Северной Осетии, а также значительные части примыкающих к ней земель — Южной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии; она типологически родственна одновременной ей культуре западного Закавказья. Кобанская бронза отличается высоким техническим и художественным совершенством для той эпохи.

Все культуры всех времен и народов так или иначе связаны с другими, ни одна не развивалась в вакууме. Это относится и к кобанской. Однако она не была привнесенной или заимствованной. Ее истоки прослеживаются в предшествующую эпоху на этой территории. Племена — носители кобанской культуры были кавказскими аборигенами. Они являлись далекими предками осетин; их орнаментальные мотивы, обнаруживаемые на изделиях, которые лежали три тысячи лет в земле, продолжали, однако, жить в узорах осетинского народного орнамента.

На протяжении тысячи лет, от античного времени до татаро-монгольского нашествия, на северокавказской равнине преобладали аланы, многочисленный народ, потомки древних обитателей южнорусской степи. Их культура в значительной степени влияла на культуру кавказских аборигенов, с которыми они непосредственно соприкасались, особенно в предгорьях Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Балкарии. Что касается гор, то аланское влияние особенно ощутимо было в тех районах, куда они переселялись,— главным образом в Осетии. Это влияние отразилось, как обычно, главным образом на формах и характере изделий, которые, в отличие от архитектуры, в силу специфики своего применения перемещаются, в результате торговли или грабежа, на большие

160—161. Бронзовые изделия конца II — начала I тыс. до н. э. из Осетии

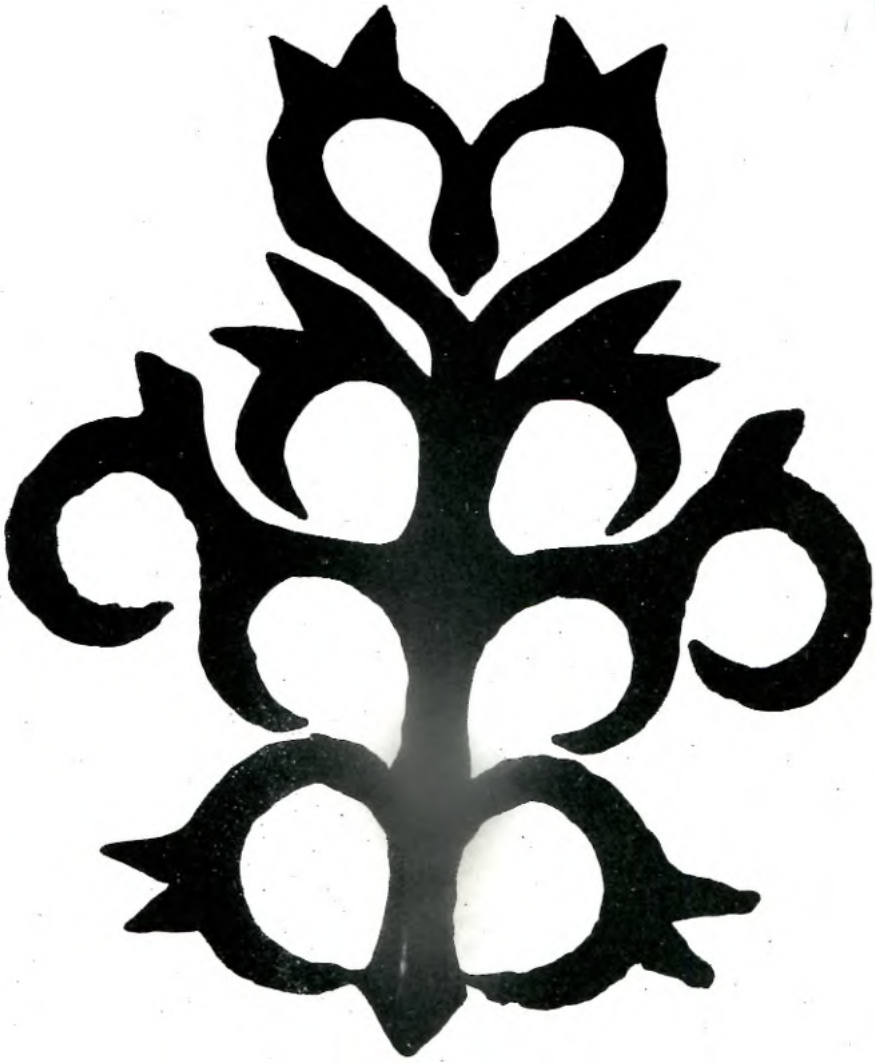
расстояния — прежде всего оружия и конского снаряжения, украшений и одежды. Кроме того, на таких изделиях в большей мере, чем на утвари и архитектуре, сказываются заимствования. Аланы в период раннего средневековья задавали тон моде на Северном Кавказе, особенно в Осетии, в результате чего (а также в результате позднейших кабардино-черкесских и тюркских влияний) в предгорных областях Северного Кавказа и в горной Осетии сложилась художественная культура, в которой проявляется переплетение разных истоков — горских и равнинных.

В силу этих условий декоративное искусство осетин и соседних им вайнахов сходно: та же техника аппликаций из кожи и войлока, выкладка узора шнуром и тесьмой, шитье нитью. Разве что у осетин узорочье более пышно и в большей мере характерно растительными элементами.

В осетинской орнаментике, которая в значительной степени сформировалась под влиянием алан, проявляются одновременно, помимо древних мотивов, восходящих еще к эпохе

кобанской культуры, также общие горско-кавказские черты. Они сказываются прежде всего в традиционном виде прикладного искусства северокавказских горцев — резьбе по дереву. Осетины в этом деле достигли изумительного технического мастерства и виртуозности. В музее краеведения мое внимание привлекла большая, величиной с каску, чаша, которую я принял за сделанную из меди. Взяв ее в руки, я убедился, однако, что она деревянная. Ее стенки, толщиной всего в несколько миллиметров, были тщательно отполиро-

162—163. Осетинские орнаменты: узоры, выполняемые аппликацией и шитьем (из собрания худ. А. Хохова)

ваны и не имели на своей поверхности ни единой трещинки. Некоторые чаши представляют собой замысловатые скульптурные композиции; но орнамента на них почти не бывает. Иногда ручки чаш украшены стилизованными головками рогатых животных — наследие вкусов древних кобанцев. Большие деревянные чаши характерны на Северном Кавказе для осетин. Они предназначались для пива и на праздничном пиру передавались по кругу — древний скифо-сармато-аланский обычай.

В старых жилищах горной Осетии, как и у других кавказских горцев, имелась некоторая мебель. Скамья для мужчин и кресло для главы семьи украшались резьбой. Главный и почти исключительный орнаментальный мотив этой резьбы — косой крест, заключенный в квадрат или круг. Это — древний символ мужчины, он же — одна из эмблем солнечного божества. Резной орнамент в виде ленты косых

164. Деревянная чаша I тыс. до н. э. из Северной Осетии

крестов украшал иногда и деревянные строительные элементы интерьера. Все же у осетин старая утварь (деревянная, керамическая, металлическая) бывает орнаментована редко.

Искусство орнамента и мелкой пластики у древних кобанцев оперировало в некоторой мере геометрическими, но в основном зооморфными мотивами, что сближает его стилистически с памятниками древнего искусства Закавказья. В дальнейшем исторические судьбы горских племен, являвшихся предками осетин, сложились так, что эти художественные традиции

165—166. Застольные осетинские чаши: старинная и современной работы (Северо-Осетинский республиканский краеведческий музей)

были в значительной степени ослаблены за счет другой струи, происходившей от степной культуры и выразившейся в орнаментации мягких изделий — одежды, обуви, разнообразных чехлов и т. п.

А. Л. Зиссерман так описывает условия горной Осетии в старину: «Большей частью все переходы между аулами приходилось делать пешком по тропкам и без них, карабкаясь и цепляясь за что попало. Застигнутый метелью в одном из жалких аульчиков, я трое суток провел в темном, полном дыма, грязном логовище, вместе с несколькими осетинами и их животными, имея постелью бурку, а пищею несколько ячменных, в золе испеченных лепешек с куском соленого сыра. Но хуже всего было трое суток провести в бездействии, в невозможности даже походить. Я выскакивал, наглотавшись дыма и тяжелого воздуха, на двор, чтобы вдохнуть свежего, совершенно как кочегары на пароходах, но больше двух-трех минут нельзя было оставаться: неистовый ветер крутил густые тучи снега, застилавшие свет, засыпавшие всякий попадавшийся предмет сухим, твердым, как песок снегом; кругом полумрак, в нескольких шагах ничего не видно, только гул и вой, то как будто утихающий, то усиливающийся, меняющий тоны — визжащие на глухие, да по временам вдали какие-то раскаты (вероятно, шум обрушившихся завалов). Такова была приблизительно картина, которая могла бы дать материал для самого поэтического эффектного описания и в чтении производила бы отличное впечатление; испытывать же ее на себе было не совсем приятно»[30].

При таких условиях жизни трудно создавать искусство. Трудно думать о красоте и поэзии людям, задавленным повседневными тяготами бытия и ведущим тяжелую борьбу за существование. Судя по свидетельствам прошлого века, ремёсла здесь тогда ограничивались умением сложить саклю и башню из камня без извести, делать косы, топоры, ножики, седла, медные пуговицы и пряжки для конской сбруи и т. п. мелочи, обычно грубого качества.

Бедность не способствует развитию искусства, так же как и раздробленность населения на малочисленные группы. Примером может служить Чечено-Ингушетия: ингуши жили в лучших природных условиях, чем чеченцы, и население у них было сосредоточено в компактной массе селений, имевших оживленные сношения между собой; в результате этого у них получило развитие архитектурное мастерство, одно из самых высоких на всем северо-восточном Кавказе.

Резьбы по камню горная Осетия в старину почти не знала. Может быть, потому, что необходимый для этого стальной инструмент был крайне дорог в этом горном краю. А может быть, просто в силу особенностей местной культуры: за

167. Кресло главы семьи в старом осетинском жилище (Северо-Осетинский республиканский краеведческий музей)

исключением нарядного шитья, искусство оформления бытовой вещи в Осетии, как и в Чечено-Ингушетии, не отличалось декоративностью. А это уже связано с особенностями национальной психологии. Старый обычай горцев требует сдержанности в проявлении чувств; мужчине не подобает выказывать на людях ни радость, ни горе. Такой человек, суровый и сдержанный в силу своего воспитания и условий жизни, будет сдержан и в эстетических формах своего самовыражения.

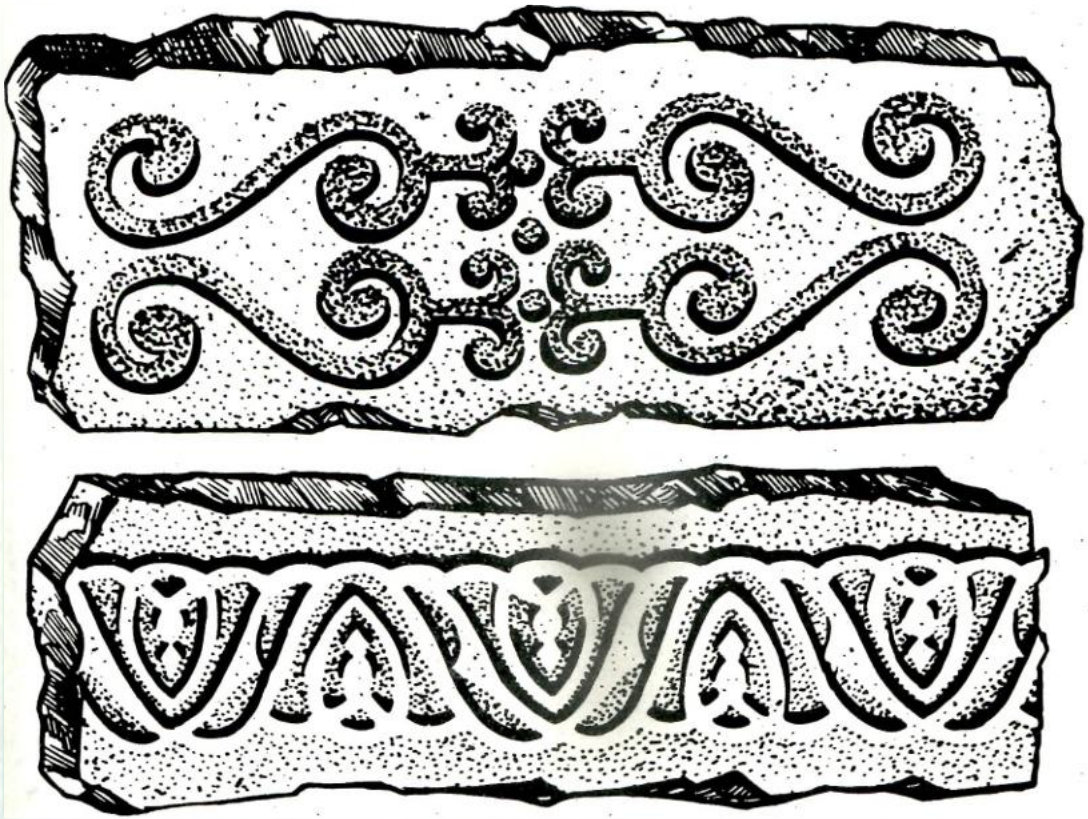
Конечно, не только нужда лимитировала развитие искусства у горцев. Главной причиной этого была народная психология, складывавшаяся в условиях жестокой борьбы за существование. Окружение не вселяло в души людей умиротворение и радость бытия. Угрюмая природа, жизнь в мрачных башнях, постоянный военный быт у мужчин и постоянный тяжкий труд у женщин. Народ не знал ласки: проявить нежность даже к своему ребенку (не говоря уже о жене) значило подвергнуть себя насмешкам. Обычай требовал суровости. А это было неспроста: люди должны были быть стойки в борьбе за существование. И если человек не проявляет нежных чувств по отношению даже к близким людям, он не будет нежничать в искусстве.

Условия жизни в лесистых горах предопределили то, что основным материалом для бытовой утвари были не металл, не керамика и не камень, а дерево. Все, что можно было сделать из дерева, делалось из дерева. Утилитарное производство изделий из дерева привело к распространению и мелкой пластики в виде деревянной скульптуры, украшающей некоторые предметы быта. Уже в последнее время отдельные мастера-резчики стали обращаться к камню. К ним относится, например, скульптор-самоучка С. М. Эдзиев, изготовлявший резные каменные надгробия и украшавший скульптурами дома, что уже выходит за рамки старых осетинских традиций. В музее изобразительных искусств г. Орджоникидзе есть каменные скульптуры его работы, выполненные в духе подлинного примитива. Особенно хорош «Автопортрет», заставляющий остановиться и долго вглядываться в него. Национальный осетинский художник М. С. Туганов писал красочные полотна на темы осетинской истории, народного быта, эпических сказаний и произведений Косты Хетагурова. Его картины, отличающиеся патетикой, монументальностью, сочностью форм, имеют некоторый налет экзотики. Многие из них — например, «Посвящение коня покойнику», «Народный суд», «Триумф»,— не оставляют зрителя равнодушным. Туганов — это в своем роде осетинский Васнецов. Но такое можно сделать только единожды.

В городе Алагире была выставка работ учащихся местной детской художественной школы. Впечатляют богатство и смелость красок, живость изображения, свойственная детскому рисунку, острое ощущение впервые увиденного. Трудно поверить, что это — дети народа, в прошлом не знавшего живописи. Конечно, ничего специфически национального в этих рисунках нет. Наверное, и быть не может. Мир идет к единой культуре. Не хочется верить, что она будет столь уныло единообразной, как одежда представителей разных стран на заседаниях международных конгрессов. Может быть, разнообразие культуры в будущем будет проявляться не в

различиях национальных, т. е. групповых культур, а в духовном богатстве и нестандартности индивидуальностей.

Осетины по своему антропологическому облику в общем сходны с другими кавказцами. Но все же они несколько отличаются от своих соседей — вайнахов на востоке, кабар-

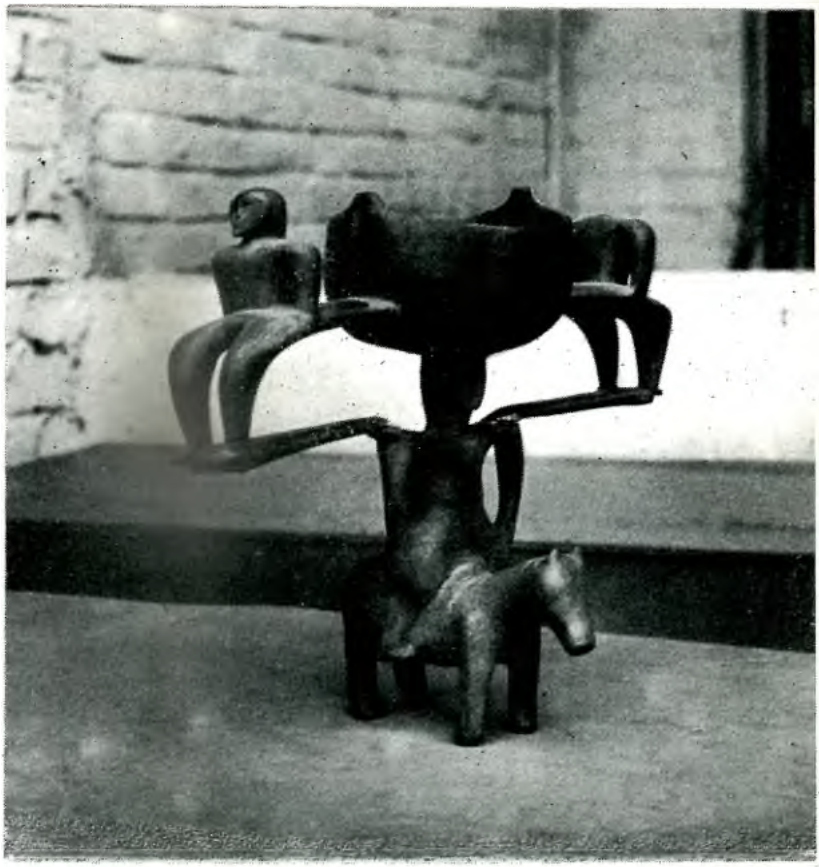
168. Примеры резьбы по камню в Осетии: узор, скомпонованный из древних культовых символов, и орнамент переднеазиатского происхождения

динцев на западе, грузин на юге. Мужчины роста выше среднего, плотного телосложения, с массивным черепом и крупными, выразительными чертами лица. Мужчины большей частью черноволосы; среди женщин, как и у других кавказских горцев, много шатенок, порой с рыжеватым оттенком волос, но здешние женщины более ярки, по-европейски интересны.

Осетины — народ смешанного происхождения. Их язык относится к группе иранских, но это не значит, что они

являются переселенцами из Персии или персы происходят из Осетии.

Ираноязычные племена, в древности населявшие Евразийскую степь, то и дело перемещались с места на место, истребляли друг друга или смешивались друг с другом, в результате чего прекращали свое бытование прежние культуры и образовывались новые. Двадцать семь веков

тому назад из бедных пастбищами холодных степей Приуралья двинулись на юго-запад и юго-восток, в поисках более благодатных мест, скифы. Они установили свое господство на обширных территориях. Но через полтысячи лет оттуда же, откуда вышли скифы, и тем же путем двинулись сарматы. Как свидетельствует древнегреческий автор, они, разбив скифов в бою, поголовно истребляли всех людей этого племени, не щадя никого. На Северном Кавказе сарматы уничтожили и оттеснили в глубь гор мест-

169—170. Осетинская деревянная скульптура: верхняя часть посоха и застольная чаша (Северо-Осетинский республиканский художественный музей)

ные племена, частично еще сохранявшиеся здесь при скифах. В чеченском языке и теперь еще есть слово «ц'армат», что значит «страшный, косматый, чуждый человек». Скифы и сарматы были отдаленно родственны; их языки были сходны; в названии того и другого народа (сак-иф, сак-мат) значилось имя их тотемного животного — оленя, который у них назывался «сак».

Две тысячи лет тому назад из среды сарматских племен выдвинулись аланы, жившие тогда на Дону. Аланами их называли греки, а затем византийцы; может быть, это было название одного из аланских племен, но сами аланы его как общий этноним не употребляли, и со временем он был у них забыт. Себя аланы называли «асса». Надо полагать, это — одно из этнических наименований у древних племен Юго-Восточной Европы и Евразийской степи; они его проносили с собой повсюду. Данный этноним сохранился в названии города Яссы в Бессарабии и одноименного города (теперь он называется Туркестан) в Средней Азии. Какое-то племя с таким именем, пройдя на юг Балканского полуострова и перебравшись через пролив на территорию нынешней Турции, в устах греков дало название той земле; отсюда и пошло название всего материка — Азия. Произошло же это племенное имя, видимо, от названия священного животного, которому они поклонялись: по некоторым данным, «аси» у древних иранцев как будто означало «конь», а конь считался одним из воплощений солнечного божества. Подобным же образом слово «росс», которое означало «конь», стало названием одного из племен, живших на Днепре, а затем русского народа.

В первых веках нашей эры аланы господствовали в бассейне Дона и на всем Предкавказье. Как все скотоводы-кочевники, они были воинственны и считали войну, т. е. организованный грабеж других народов, сопровождающийся массовыми убийствами и разрушениями, доблестью. Подобно тому, как это делали их предшественники — скифы и сарматы, аланы неоднократно с боем врывались в Закавказье.

Но вот из глубин Азии двинулась на запад новая грозная сила — тюрки. Они заняли Среднюю Азию и Казахстан, частично истребили обитавших здесь иранцев (согдийцев, хорезмийцев, саков), а остальных ассимилировали, образовав новые, тюркоязычные народы — узбеков, туркмен.

Одновременно продвигались из дальних просторов Азии на запад и другие кочевые племена — монголы. Монгольские гунны, потерпев поражение в длительной борьбе с Китаем, ушли в Казахстан, а оттуда перекочевали в южнорусскую степь, где они в IV веке столкнулись с аланами и готами (германским племенем, пришедшим из Северной Европы). Гунны разбили готов и алан, прошли дальше на запад,

основали на территории нынешней Венгрии могущественное государство во главе с грозным Аттилой, а потом исчезли — часть их была истреблена, а другие разбрелись кто куда и растворились среди местного населения.

Нашествие гуннов, как и последующие нашествия монголов и тюрков, сохранились в памяти оседлых народов как страшное бедствие. Правда, по всякому вопросу есть разные мнения. Например, историк Л. Н. Гумилев о гуннах и других азиатских кочевниках, оказавших пагубное влияние на исторические судьбы многих народов, отзывается восторженно, как о культуртрегерах, даже научивших европейцев носить штаны. Вместе с гуннами ушла на запад часть алан. Долго колесили они по Европе, попали и в Северную Африку, а потом, как и гунны, исчезли.

Аланам Дона и Предкавказья, едва оправившимся после удара гуннов, пришлось вступить в борьбу с новой силой — хазарами. При этом они нашли себе естественных союзников у горцев западного Дагестана, предков нынешних аварцев. Средневековый арабский автор сообщает, что «цари» Сарира и алан находились в династических связях — каждый женился на сестре другого.

Теснимые тюрками — хазарами, а также булгарами, которые пришли сюда с гуннами, аланы отступали к Кавказским горам. Ядром территории алан в это время (V—IX вв.) была лесистая горно-предгорная местность в верховьях Кубани и ее притоков, к западу от нынешней Осетии. Со временем они, однако, были вытеснены оттуда тюркскими и кабардино-черкесскими племенами. На востоке аланы проникли в предгорья Чечено-Ингушетии, отдельные их группы попали и в Дагестан.

Значительная часть алан ушла в горы Осетии. Они здесь заняли Дарьяльский проход — единственное ущелье, разрезающее тысячекилометровую горную цепь Главного Кавказского хребта. Этот проход персы назвали Дар-и-алан, т. е. «Ворота Алан», откуда и нынешнее его название. Дарьяльский проход имел большое торговое и военно-стратегическое значение в средние века. Здесь находятся развалины построенной персами в VI веке крепости, захваченной аланами. Ее руины и сейчас видны в глубине Дарьяльской теснины, на левом берегу Терека (так называемый «замок Тамары»).

Аланы, проникавшие в период VI—IX веков в горы Северного Кавказа, смешивались с местным населением. Здесь обнаруживаются общие могильники, на которых находятся одновременные аланские и местные захоронения. Но если в Чечено-Ингушетии алан оказалось сравнительно мало по отношению к аборигенам, то в Северной Осетии их было много. Здесь, смешавшись с коренными местными жителями, они к X веку образовали новый народ — осетин, дав ему свой язык и свое

имя — «асса». Грузины называли алан «оси», а их страну — «Осети», откуда нынешние русские названия этой местности и населяющего ее народа.

Ученые до сих пор спорят, какой из двух компонентов, составивших этот народ,— аланский или кавказский — был преобладающим. Это «преобладание» по-разному выражается в нынешних этнических чертах осетин. Язык их происходит от аланского, а культура, обычаи, психический склад — в основном такие же, как у других горцев северо-восточного Кавказа — вайнахов, дагестанцев, северных грузин.

В X—XII веках аланы были одним из крупнейших народов Восточной Европы. В XI веке Алания была на непродолжительное время сплочена в единое государство, но затем распалась на множество территориально-племенных образований, враждовавших между собой. В XII веке значительная часть Алании (вероятно, горная Осетия) находилась в зависимости от усилившейся тогда Грузии. В X—XII веках в горной Осетии распространялось христианство из Грузии, а в плоскостной Алании — из Византии (через посредство Абхазии, которая тогда была христианской страной).

Аланы, жившие в то время в равнинной части нынешней Северной Осетии, назывались джелтами. Их главный город Джулат находился на Тереке, недалеко от нынешней станции Эльхотово. Поскольку джулатские аланы были христианами византийского (греческого) толка, в Чечено-Ингушетии возникла легенда о проникших сюда в средние века греках (один из примеров смешения этнической и конфессиональной принадлежности).

В XIII веке аланам, жившим на Дону и северокавказской равнине, был нанесен смертельный удар татаро-монгольским нашествием. Их земли были заняты Золотой Ордой, а город Джулат стал называться Татартуп, что значит «Татарский стан» (теперь от него остался только одиноко возвышающийся минарет). Окончательно были уничтожены аланы в конце XIV века Тимуром. Если татары ограничились бесчинствами на равнине, то войска Тамерлана в Осетии и Балкарии, как и в Дагестане, штурмовали и горы. Летописец Тамерлана в своей «Книге побед» пишет, что он «в горах взял бесчисленные области, сжег сухое и мокрое, разгромил все их церкви и капища». Об этой трагедии сохранилось воспоминание у горцев на долгие века. В старинной осетинской песне поется:

Над степью льется кровавый дождь,
Дождь кровавый льет над Дигорией.
Почернела степь от Тимур-Ахсака железномордых волков.
Цвет дигорской земли, молодежь и мужи,
Воин воина краше, бьются в смертном бою,

До последнего мужа в битве правой легли.
Вспыхнул синий огонь и пожар запылал,
Пожирая села дигорских равнин,
А немногих живых, жен, юнцов и детей,
Забирали враги, угоняли в полон.
Стала вымершей степь...

Разгромив Золотую Орду, Тимур жестоко расправился с населением на всей ее территории — и с татарами, и с их союзниками, и с подневольными им народами. Не разбирая правого и виноватого, Тимур, однако, преследовал определенную цель. Разоряя земли за пределами своей империи, он надеялся, что благодаря этому она будет процветать. Слабому Московскому государству, затерявшемуся в северных лесах, Тимур не придал значения. Не думал и не гадал он, что через пятьсот лет московиты вскроют его могилу в Самарканде и будут измерять его череп кронциркулем.

После ослабления татар степи Предкавказья занимают кабардинцы. На протяжении XV—XVIII веков происходила непрерывная война между ними и осетинами. Кабардинцы овладели предгорно-плоскостной Осетией и начали проникать в глубь горных ущелий. Те осетины, жители плоскости и предгорий, которые подпали под власть Кабарды, были обращены в мусульманство и сделались данниками кабардинских феодалов. Население же гор, запертое в глухих ущельях, влачило жалкое существование. В этот период, как и раньше, при нашествиях татаро-монголов и Тамерлана, много осетин переходило на южную сторону Кавказского хребта (территория нынешней Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР), где они обычно оказывались в положении крепостных грузинских феодалов. Не удивительно, что присоединение Кавказа к России осетинами было воспринято как благо. Это оказалось для них действительно жизненным благом: если в период присоединения к России осетин оставалось не более 25 тысяч человек, то через сто лет их было уже 160 тысяч. Такое же значение имело для осетинского народа и установление Советской власти: за короткий исторический период от Октябрьской революции до Отечественной войны численность их удвоилась; сейчас осетин полмиллиона.

В XVIII веке на северных подступах к дороге, проходившей через Дарьяльский проход в Тбилиси (она была названа Военно-Грузинской), были основаны русские крепости Моздок и Владикавказ. Осетины стали массами переселяться с гор на плоскость, пользуясь защитой и покровительством русских властей. Стоило лишь осетину, крепостному кабардинского феодала, явиться в Моздок и принять христианство, как он становился свободным и получал 20 руб. на устройство. В Моздоке была образована казачья команда под названием «осетинская сотня», которая отличалась преданностью инте-

ресам России. Когда в 1768 году русские войска впервые прошли через Дарьяльское ущелье в Грузию, горцы-осетины встретили их как своих избавителей и оказывали им всяческое содействие.

Однако политическая атмосфера тех времен на Кавказе была столь запутанной, что и среди осетин имело место враждебное отношение к русским властям, случались и восстания.

171. В горах Осетии

Впрочем, это не удивительно. Дело в том, что царская колониальная администрация не очень разбиралась в местных условиях и действовала зачастую весьма грубо, во вред порой собственным же интересам. Власти стремились привлечь на свою сторону местных жителей, поощряя их к поступлению на русскую службу наградами, деньгами и подарками (что составляло специальную статью расхода казенных денежных сумм). Однако практически пользовались такими льготами жители районов, ближайших к русским административ-

ным и военным центрам на плоскости — а это было мусульманское население. Мусульмане возвысились и заняли видное положение при русских, а жители гор, христиане, потенциальные союзники православного правительства России, оставались забитыми бедняками.

Северная Осетия находится между Чечено-Ингушетией и Кабардино-Балкарией. Из всех северокавказских республик она самая небольшая по площади. В отличие, например, от Дагестана с его хаосом ущелий и климатическими контрастами от прохладных высокогорий до засушливых степей и субтропических лесов, география ее сравнительно проста. Северную часть республики занимает равнина, где находятся города Орджоникидзе, Алагир, Беслан, Моздок и др. С юга она ограничена заснеженной цепью Главного Кавказского хребта. Через него ведут в Грузию, помимо троп, два главных пути: Военно-Грузинская дорога через Дарьяльское ущелье (из которого вытекает на север Терек) и Военно-Осетинская дорога через Мамисонский перевал.

Дарьяльское ущелье, через которое проходят рейсовые автобусы Орджоникидзе — Тбилиси, производит внушительное впечатление. Ущелье глубокое и узкое, в его глубины не попадают лучи солнца, и оно имеет мрачный вид. Люди, автомашины, постройки кажутся чем-то мелким, невзрачным на фоне величественных природных форм с их мощным масштабом.

Рядом с Дарьяльским ущельем возвышается покрытая вечными снегами и окруженная полями глетчеров гора Казбек (высота 5047 м), а от Мамисонского перевала идет на запад, разделяя Грузию и Кабардино-Балкарию, сплошная линия вечных ледников и снегов, увенчанная белым пиком Эльбруса (высота 5633 м), находящегося на крайнем западе Кабардино-Балкарии (дальше на запад расположена Карачаево-Черкесская автономная область, входящая в состав Ставропольского края). Над пейзажем Осетии доминирует величественная панорама горной гряды Большого Кавказа. Горы стоят кулисами. На первом плане — сплошь покрытые лесами, как бы мохнатые, сравнительно невысокие горы, за ними — пастбищные, покрытые яркой зеленью трав, далее — голые скалистые, желтоватые, и над ними — сверкающая вечными снегами цепь Главного хребта.

На территории Северной Осетии протекают с юга на север, почти параллельно друг другу, реки, берущие начало на высоких склонах Главного хребта. Они образуют ущелья, в которых и расположены горные селения. В старину селения группировались по ущельям, в общества, среди которых главные: Дигорское на границе с Кабардино-Балкарией, за-

172. Развалины средневековой крепости в горах Осетии (Унальское ущелье)

тем, к востоку, Алагирское, Куртатинское и Тагаурское у Чечено-Ингушетии.

Горные ущелья, в которых когда-то ютился осетинский народ, тесны и скудны; пахотных земель здесь мало, и даже пастбища есть далеко не везде. В прошлом некоторое подспорье в питании местных жителей, как и в других горных местностях Кавказа, давала охота. В горах еще сто лет тому назад было много оленей, диких козлов, кабанов. Встречались здесь волки и медведи; кавказские медведи

опасны, они нападали на стада, иногда и на людей. В горных реках есть, хотя и мелкая, форель.

В горах Осетии представляют большую опасность снежные завалы, которые, обрушиваясь огромными массами с гребней крутых гор, порой погребали дороги и путников на них, а иногда и целые селения, оказавшиеся в опасных местах.

По ущельям Северной Осетии, как и Кабардино-Балкарии,

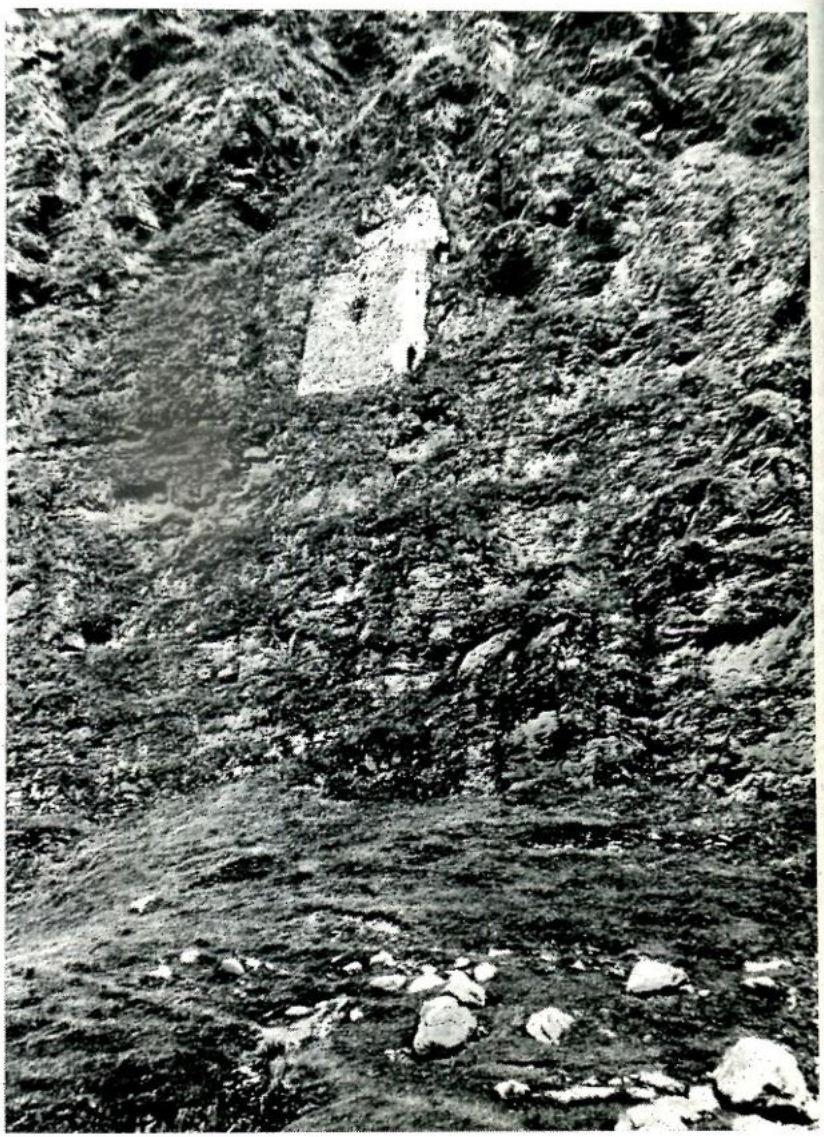

173. Фасадная стена пещерного убежища у с. Дзивгис

проходят хорошие современные дороги, которыми не могут похвастать горные Дагестан и Чечено-Ингушетия. Между прочим, здесь и началось дорожное строительство в горах Кавказа. В середине прошлого века от Алагира, где находился сребро-свинцовый завод, до Садона, где добывали руду, шла единственная тогда на Кавказе шоссейная дорога. Ныне от Алагира вверх по ущелью идет асфальтобетонная дорога. Бывшие селения Алагирского ущелья Мизур, Нузал и Бурон — теперь поселки городского типа, с многоэтажными

домами. Ущелье узкое, тесное, зажатое между крутыми скалистыми склонами.

У селения Нузал на головокружительной высоте видны древние постройки, как бы впаянные в каменную кручу. К ним теперь невозможно добраться. Когда-то там обитали люди, вынужденные для безопасности забираться в такие вот неприступные места.

174. Жилая башня в скале над с. Нузал

Алагирское ущелье, по которому протекает река Ардон, являлось одним из центров политической и культурной жизни средневековой Осетии. Наряду с ущельем Терека, которое ведет к Дарьяльскому проходу, ущелье Ардона, ведущее к перевалам, служило важным путем из Осетии в Грузию.

Выходцем из селения Нузал был Давид Сослан, второй муж грузинской царицы Тамары. Лихой рубака, он погиб в

175. Часовня-мавзолей с грузинскими фресками в с. Нузал, XII в.

бою и был похоронен на родине. До наших дней сохранился его мавзолей, который называют «Нузальской часовней». Она представляет собой небольшую прямоугольную в плане постройку с крутой двускатной крышей, целиком выложенную из камня на извести. Покрытие устроено напуском камней, т. е. посредством ложного свода, внешние очертания которого образуют двускатную крышу. В помещении стены и свод покрыты фресками. Штукатурка во многих местах обвалилась, и роспись очень пострадала от времени. Характер

живописи грузинский, святые — в грузинских одеждах, имеются грузинские надписи. Строительная техника, однако, свидетельствует о том, что постройка возведена местными мастерами, причем не в подражание грузинской архитектуре, а в соответствии с приемами местного зодчества. В Осетии есть средневековые гробницы такого типа, как Нузальская часовня с двускатной каменной крышей. Очевидно, все это — каменные

176. Старинный срубный дом в горной Осетии (с. Тапанкау)

копии давно исчезнувшего типа жилищ, а может быть, даже жилища с каменной крышей (такие дома до сих пор сохранились в странах Средиземноморья).

Были в горной Осетии и деревянные дома, рубленные из бревен или из толстых досок. Образ срубного жилища запечатлен в известном памятнике архитектуры Осетии — святилище Реком, которое находится в окрестностях селения Цей, недалеко от горного санатория. Реком представляет собой деревянную постройку, состоящую из двух примыкающих сру-

бов с тесовой крышей. Сооружение ориентировочно датируется XV веком, но, безусловно, и до этого здесь существовала другая постройка, ибо святость этого места восходит к древним временам.

На дверях Рекома прибит небольшой железный крест, внутри был иконостас, хранился медный колокол с грузинской надписью (которая удостоверяет, что колокол предназначен в дар

177. Святилище Реком (XV—XVI вв.?) в Северной Осетии

уже существующему храму). Характер приношений, которыми было завалено помещение, специфичен: это стрелы и бараньи рога — древние символы бога Солнца. Ежегодно к Рекому собирались паломники и устраивали типично языческий культовый обряд.

Не случайны названия стоящих здесь рядом двух святилищ: большего — св. Георгия и меньшего — св. Марии. Христианский Георгий Победоносец, поражающий змия,— это языческий бог Солнца, побеждающий мрак, бог добра, ниспровер-

178. Общий вид и входная дверь святилища Реком

гающий зло. А христианская богоматерь Мария — это языческая Ма, мать всего сущего, жена бога Солнца, посредница между ним и землею. Не Иисусу и Иегове поклонялись кавказские христиане, а Георгию и Марии, в которых персонифицировались их прежние языческие божества.

В древности среди кавказских горцев был распространен культ Солнца. Поэтому с принятием христианства они стали почитать из всех святых (не делая исключения при этом и для христианского Единого Бога) именно Георгия — настолько, что Грузию в Западной Европе назвали Георгией. Святому Георгию — языческому богу Солнца — в Осетии посвящены почти все святилища. На пирушках обязательно произносят тост в честь св. Георгия.

Не случайно здесь и название Цей. В Ингушетии тоже есть гора с таким названием. Это слово восходит к языку древних жителей Кавказских гор, далеких предков и вайнахов и осетин. По-осетински «цей» значит священный (по чечено-ингушски «цай»); «ц'е» у вайнахов значит «огонь» (а огонь почитался как частица солнца на земле).

Двоеверие (христианство-язычество) сохранялось в Северной Осетии до начала XX века. Еще в конце XIX века здесь порой сооружались языческие святилища. Как правило, каждое селение в горной Осетии имело свое святилище, располагавшееся, как и в Ингушетии, на окраине селения или же на возвышенности, либо близ больших деревьев (деревья на Кавказе пользовались почитанием). Сооружения эти крайне просты по форме — четыре стены и крыша (обычно земляная, плоская). Но в то же время многие их них отнюдь не примитивны в эстетическом отношении. Постройки эти невелики; они предназначались для хранения культовой утвари и приношений.

В Северной Осетии, как и в Ингушетии, есть два вида святилищ: постройки с помещением внутри и монументы, олицетворяющие образ древнего дома.

У отдаленного горного селения Тапанкау стоит на горе святилище «Хохы-Дзуар». Оно представляет собой каменный массив; его верхняя часть имеет вид крутой двускатной крыши, а с фасада устроена большая глубокая ниша. В ней лежат культовые предметы и приношения: иконы, стаканы и рога для выпивок при празднествах, деньги. Мне рассказали, что высоко в горах над «Хохы-Дзуаром» есть другое, более старое святилище, и возле него — статуя человека, сделанная из белого камня.

Только в Ингушетии, да и то не во всей, а в ее западной части, в средние века возводились монументальные постройки святилищ в виде зданий,— что следует объяснить прежде всего высокой архитектурно-строительной культурой этого района.

Примечательно, что, несмотря на национальные и религиозные различия между вайнахами, осетинами и горными грузинами, они до начала XX века зачастую почитали одни и те же святыни, восходящие к далекому прошлому, когда и вера у всех была одна, да и предки, наверное, были общие. Например, на гору Мат-лам в западной Ингушетии приходили молиться не только мусульмане-ингуши, но и хри-

стиане-осетины. Тбилисский этнограф А. И. Робакидзе сообщает о таком примечательном факте. Возле хевсурского селения Шатили находилось святилище, общее и для христиан-хевсуров (т. е. грузин) и для мусульман-кистинов (чеченцев) соседних селений. Устраивались общие празднества, при которых «среди обслуживающего святилища персонала жрецом был шатилец, а знаменосцем кистин»[31].

179—180. Осетинские святилища — в виде монумента и в виде постройки с помещением внутри (с. Тапанкау, с. Ход)

Отдаленный от равнины глухой горный район, там, где несколько речек, сливаясь, дают начало реке Ардон, местные жители называют Твалети. Но местность в соседней Грузии тоже имеет такое название. Видимо, древнее племя двалов обитало по обеим сторонам Главного хребта. Двалы («тубал») упоминаются в Библии как народ, живущий в Малой Азии. Надо полагать, это было одно из тех племен, которые в I тыс. до н. э., продвигаясь с юга, заселили Кавказ. Теперь двалами называют одну из этнографических

групп осетин. Среди грузинских исследователей есть мнение, что Твалети, как и вся Юго-Осетия, была просто заселена осетинами, причем сравнительно недавно. Однако вряд ли это было так. Дело в том, что хотя осетины со времен средневековья хоронили покойников в склепах, в Твалети склепов нет и не было. Это не может быть объяснено влиянием христианства: в Куртатинском ущелье христианство было столь же прочно, как и в верховьях Ардона, но хоронили там в гробницах. Видимо, жители Твалети — потомки коренных аборигенов, лишь воспринявших аланский язык, если у них отсутствует столь существенная черта культуры, как камерный обряд погребения, унаследованный осетинами от их аланских предков.

Как назывался тот кавказский народ, который, смешавшись с аланами, образовал новый этнос — осетин? Наверное, то был не единый народ с общим языком; вероятно, кавказскими предками осетин были разные местные племена. Одно из них — двалы. В названии западных осетин, дигорцев, сохранилось имя другого — адыги. Остальные осетины называют себя «ир»; как считают некоторые ученые, это тоже название одного из древних местных племен. В легендах восточных осетин сохранилось предание о том, что до них здесь жил народ «царца». Осетинский эпос посвящен быту племени нартов. Вероятно, язык алан, в сферу политического влияния которых входили местные горские племена, служил языком межплеменного общения этого этнически раздробленного населения, что, при массовой миграции алан в горы, способствовало превращению его в общий язык вновь образовавшейся народности.

Алагирское ущелье, вверх по Ардону, переходит в еще более узкое и мрачное Кассарское ущелье. За ним находится Твалети — район, население которого раньше жило обособленно от алагирцев. Кстати, оттуда, из Твалети, при Екатерине II отправилась в Петербург делегация с просьбой принять осетин в русское подданство.

В Кассарском ущелье нет поселений. Здесь нет для них места: скалы, поросшие карликовыми соснами, вплотную подступают к реке, бушующей среди огромных валунов. Мы едем уже более часа — никаких признаков жилья, все та же дикая, грозная природа. Но вот машина останавливается.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Святое место,— говорит шофер. — Здесь надо перекусить. В Осетии много таких святых мест на дорогах и в стороне от них. Куча сложенных камней, а иногда просто ничего. Гора пустых бутылок: здесь не только закусывают, но и выпивают. В нише или в специальном ящике груда монет — это приношения. Когда-то окрестные жители собирались здесь, чтобы отмечать праздник.

Едем дальше. Мне показывают по ту сторону реки, где раньше проходила дорога, развалины стены с воротами и какой-то постройки. То была пограничная застава твалетцев. В ущельях Осетии много развалин заградительных сооружений. Их возводили для обороны не только от внешнего врага, но и друг от друга.

Возле каждого селения в Твалети — кладбище. Здесь хоронили

181. На христианском кладбище в Северной Осетии (с. Калаки)

по христианскому ритуалу, в отличие от остальной Осетии, где, вопреки и христианству и мусульманству, до XIX века сохранялся языческий обряд захоронения в семейных гробницах.

В некоторых селениях Твалети есть постройки церквей. Христианство здесь распространялось из Грузии, до которой отсюда несколько часов пути через горные перевалы. Относительно хорошо сохранилось здание церкви в Кесатикау — главном селении общины Закка. Нижняя часть ее стен

182. Обособленный комплекс, состоящий из жилой и боевой башен (Зругское ущелье)

выложена из крупных розовато-желтых блоков аккуратно отесанного туфа (так строили грузины), а верхняя — из темно-серых необработанных камней (это достройка, ремонт, произведенный местными мастерами).

По всему Северному Кавказу нет ни одной постройки из туфа, которая была бы возведена местными строителями. Туф здесь редок, но все же он имеется. Об этом свидетельствует, например, христианский храм Датуна в Дагестане, единственная солнечно-желтая постройка во всем этом об-

ширном горном краю. И вот здесь, в Закке нашли же где-то туф, чтобы построить церковь. Но это не соответствовало местным архитектурно-строительным традициям.

Кстати, в Грузии тоже из желтого отесанного камня возведены именно храмы. Может быть, этот камень применялся специально для культовых построек — посвященных в древности языческому богу солнца, а потом, уже по традиции, и христианскому богу? Наверное, поэтому средневековые культовые постройки в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии — гробницы и святилища — окрашены в желтый цвет.

Знаменитый Зругский храм находится в ныне не населенной местности, в 14 км от селения Нар. Переночевав у местного жителя, я встал на рассвете, выпил кружку кипятку (чай в Осетии, как и по всему горному Кавказу, не жалуют) и отправился вверх по ущелью р. Зруг, стараясь не сбиться с усеянной камнями скотопрогонной тропы.

По дороге увидел на круче одинокое полуразрушенное средневековое жилище — обычный в горной Осетии комплекс, состоящий из жилой башни и примыкающей к ней боевой башни. Вряд ли еще у какого народа так буквально воплотилось положение «мой дом — моя крепость». Какой-нибудь ученый, приверженец единой схемы общественного развития для всех народов, усмотрел бы в этом сооружении замок, свидетельствующий о «зачатках феодализма».

Иду дальше, где ковыляя по камням, где карабкаясь по кручам в обход разлившейся реки. В одном месте, пытаясь пройти по прошлогоднему снегу (он сохраняется кое-где на теневой стороне высокогорных ущелий до середины лета), конечно же, провалился в расщелину, наполненную, к счастью, не камнями, а грязью и навозом. Я еще хорошо отделался.

В. Б. Пфаф пишет, что когда он, тоже в середине лета, проезжал по Зругскому ущелью, им в одном месте дорогу преградил завал подтаявшего снега, и один из проводников, преодолевая препятствие, вместе с лошадью свалился с кручи вниз.

Через три часа пути ущелье кончилось, и я увидел обширную котловину с развалинами селений и розовато-желтым храмом, стоящим на фоне недалеких уже отсюда снежных гор.

Это был типичный средневековый храм грузинской постройки. Планировка архаическая: по сторонам апсиды, вписанной в общий прямоугольник плана,— две камеры с окошками, у подоконников которых устроено по каменному столику,— видимо, для свечей. Когда-то в Грузии (как и в Византии) христиане поклонялись троице, представляя ее в образе трех богов, которым молились раздельно. По этим признакам и по элементам декора храм датируется XI веком.

183—186. Развалины Зругского храма; вид с юга, вид с севера, детали фасада

Река подмыла крутой берег, на котором находится сооружение, и часть его обрушилась. Остались только две стены — восточная с алтарной апсидой и южная с входом. Со стороны помещения на них прослеживаются следы фресок. Вокруг полуразрушенного храма — каменная ограда, у входа в которую, как и у всякой святыни в Осетии,— кучка монет, бараньи рога, черепа жертвенных животных, несколько стеклянных стаканов.

На территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии сохранилось множество средневековых гробниц. Это подземные, полуподземные или наземные сооружения с камерами-склепами, в которые клали покойников.

Около каждого горного селения взору представляется как бы другое поселение из домиков меньшего размера — местный некрополь. Особенно впечатляющи некрополи у селений Даргавс в Осетии и Цайн-Пхьеда в Чечне. В Осетии иногда гробницы расположены внутри селений, вперемежку с жилыми домами.

Каждая гробница служила местом захоронения покойников только определенной фамилии. В некоторых селениях Осетии имелись гробницы для чужеземцев и безродных; они сооружались на общественные средства.

В Чечено-Ингушетии, в связи с утверждением здесь мусульманского культа, требующего погребения умерших в земле, хоронить в гробницах перестали в середине XIX века. Но еще в конце прошлого века ингуши при клятве произносили вместо имени бога название своих фамильных гробниц. Сообщениям о том, что с переходом в ислам вайнахи стали относиться к гробницам своих предков безразлично, трудно поверить. Здесь встречаются мусульманские кладбища, устроенные на старых некрополях, среди гробниц. У некоторых гробниц входы замурованы, и последующие мусульманские захоронения устроены у стен старых гробниц; нередко каменная стела, которую ставят мусульмане на могиле, стоит вплотную перед входом в гробницу, загораживая ее, как бы знаменуя этим переход в новую веру.

В публикациях конца XIX — начала XX века о культуре и быте горной Чечено-Ингушетии имеются утверждения как о том, что местное население почитало старые усыпальницы, так и о том, что оно относилось к ним равнодушно и исследование их не встречало противодействия. То же наблюдалось и в Осетии: в конце прошлого века, по одним сообщениям, приезжих даже не подпускали к гробницам, а по другим — позволяли им рыться в них, разбрасывать кости покойников, уносить вещи. Противоречивые факты о различном отношении местных жителей к старым гробницам

проистекают из того, что люди по-разному относились к останкам своих предков и к чужим мертвецам.

Разделение живых на своих и чужих распространялось и на мертвых. Родственника следовало защищать, помогать ему, не считаясь ни с чем, а чужого можно было, а то и следовало, убить. Чужие люди были объектом грабежа, и таковыми были чужие мертвые: общеизвестно, что когда

187. Некрополь — комплекс гробниц у с. Даргавс

археологи обследуют гробницу, то, как правило, она оказывается ограбленной. Одним из видов промысла в старину у кавказских горцев был захват людей с целью получения за них выкупа; то же делали иногда и с мертвыми. Археолог С. Ц. Умаров, будучи природным чеченцем, очевидно, имеет основание сообщать о таком примечательном факте: «Соседи при удобном случае уносили друг у друга покойников, чтобы потом за них требовать выкуп. За одного украденного покойника требовали выкуп до 30 коров»[32].

304

В Осетии, по свидетельствам местных жителей, в гробницах хоронили покойников еще в 80-х годах прошлого века. В наше время осетины хотя и погребают покойников в земле, но не засыпают гроб землею, а сооружают для него подземную камеру, иногда с расчетом на последующее захоронение близкого родственника. Старые гробницы заброшены, и многие из них полуразрушены, а остатки находившегося

188—189. Средневековые гробницы в Северной Осетии

в них инвентаря, который в свое время был изъят археологами и краеведами, расхищены туристами.

По форме и структуре есть гробницы разных типов, но связанный с ними похоронный обряд был в общем одинаков. Умерших вносили и клали на полки-лежанки или же просто на пол. Покойных хоронили в хорошей одежде и с их личными вещами. Обычно тело клали без гроба, иногда же в открытом деревянном гробу, который составлялся из досок на шипах или выдалбливался из колоды. Внутри в стенах

обычно имеются ниши, предназначенные, по-видимому, для заупокойной пищи и приношений.

Доступ внутрь гробницы осуществляется через лаз — отверстие размерами около 45×50 см. Входной проем закрывался шиферной плитой или толстой деревянной доской и запирался засовом.

На фасаде гробницы (как и на святилище или боевой башне) иногда можно видеть украшение в виде квадратных углублений, расположенных в ряд, треугольником, ромбом, крестом. На некоторых гробницах имеются вдавленные на штукатурке отпечатки руки (символ, распространенный по всему Кавказу). Изредка встречаются примитивные изображения резьбой или росписью; в одном случае зафиксирована надпись.

Наземные гробницы Чечено-Ингушетии и Северной Осетии представляют ту же архитектурную культуру, что и местные жилые башни, боевые башни и святилища; они выполнены в той же своеобразной манере, которая присуща средневековому строительству на этой территории. Гробницы выложены из грубо сколотого камня, на известковом растворе, оштукатурены снаружи и внутри, фасады их окрашены в желтый цвет. Стены обычно имеют небольшой наклон внутрь, покрытие выполнено ложным сводом, образующим снаружи скатную крышу.

Формы гробниц разнообразны. Вариации не всегда можно отнести к той или иной местности или периоду, потому что разные гробницы могут находиться на одном некрополе, иметь примерно одинаковую степень сохранности и содержать однотипный инвентарь.

В Юго-Осетии гробниц гораздо меньше, чем в Северной Осетии. Это может быть свидетельством того, что они здесь распространились под влиянием с севера. Кроме того, здесь гробницы — только наземные и полуподземные; нет подземных, которые считаются начальной стадией развития этого типа погребальных сооружений.

Гробницы, подобные вайнахо-осетинским, имеются и в Хевсуретии (в селениях, пограничных с Чечено-Ингушетией). Но общее число гробниц в Хевсуретии невелико, и покойников в каждой из них немного. Очевидно, лишь какая-то часть местных жителей соблюдала обряд открытого трупоположения. Судя по состоянию одежды покойников, захоронения эти производились сто — триста лет тому назад. Хевсуры не связывают эти гробницы со своими предками. Эти захоронения принадлежали, вероятно, кистинам, потомки которых были ассимилированы хевсурами.

Гробницы описываемого типа, помимо Юго-Осетии и Хевсуретии, встречаются и в других горных районах Северного Кавказа, входящих в состав Грузии: Тушетии и Хеви.

В Балкарии номенклатура типов гробниц, как и их количество, гораздо меньшие, чем в соседней Осетии. Гробницы встречаются и дальше на запад, в Карачае.

В Дагестане зафиксировано всего несколько полуподземных и подземных гробниц, относящихся к аланскому времени (VI—X вв.). Наземных гробниц (тип которых возник уже в XIV веке) в Дагестане нет.

Повсеместно в Ингушетии, Осетии и в значительной части Чечни распространены гробницы с двускатной крышей. В центральной части этой территории (Ингушетия и смежная с ней восточная половина Северной Осетии) крыши гробниц имеют ступенчатый профиль. Это обстоятельство, как и то, что боевые башни со ступенчатым венчанием обычны в Ингушетии, но их нет в Осетии, очевидно, свидетельствует о том, что форма ступенчатой крыши с ее гребенчатым профилем, образуемым каменными плитками, возникла в Ингушетии. Ступенчато-гребенчатая форма крыш, составляющая примечательную черту вайнахо-осетинской средневековой архитектуры, нигде больше не встречается. Некоторые авторы сравнивают формы этих сооружений с обликом многоярусных пагод Юго-Восточной Азии, но такое сопоставление, с точки зрения архитектора, наивно.

Можно предположить, что ступенчатая форма внешнего очертания каменной крыши получилась вследствие того, что камни кладки уступами сближались внутрь, к середине постройки, образуя ложный свод. А на этих ступенях укладывали шиферные плитки, служившие карнизами, чтобы в горизонтальные швы между уступами не затекала вода. Но такое предположение было бы ошибочным. Ложные своды северокавказских гробниц, в отличие от сводов такой же конструкции античных склепов Боспора, сооружались не из одинаковых отесанных камней прямоугольной формы, а из рваного камня неопределенной конфигурации и разного размера. Поэтому ступени в данном случае не могли получиться естественным образом. И действительно, тогда как у боспорских склепов нижняя поверхность свода ступенчатая, у кавказских она ровная. А в тех районах Северного Кавказа, где крыши гробниц не оформлялись рядами плиток, они имеют не ступенчатые, а ровные скаты. Во многих случаях плитки не уложены поверх уступов, а просто вставлены в скат крыши. Наконец, эти плитки не могли предназначаться для лучшего отвода стекающей по крыше воды от дождя или талого снега; наоборот, они образуют горизонтальные швы, в которые просачивается вода.

Это дань форме. В архитектуре всех народов и эпох при переходе к строительству из камня образовывались архитектурные формы, прообразом которых были формы прежних построек, возводившихся из менее долговечных материалов.

То же произошло и в данном случае.

На Кавказе в прошлом имело широкое распространение деревянное домостроительство. Старинные срубные постройки и теперь можно видеть кое-где в горах. Из бревен сооружались не только стены, но и крыши. В Закавказье известны жилища типа «дарбази», крыша которых образована уменьшающимися кверху венцами из бревен. Кровля этих крыш земляная. Но можно предположить, что имел место и другой способ устройства кровли на бревенчатой крыше: укладка поверху каждого бревна рядов деревянных дощечек (в архитектуре такой кровельный материал называется щепой). Такая крыша гребенчатого силуэта могла послужить прообразом каменных ступенчато-гребенчатых крыш средневековых сооружений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии.

Вероятно, деревянные крыши описанного устройства существовали где-то в одной местности, являясь формой локального варианта старой кавказской архитектуры. Подражавшие их облику каменные покрытия, вследствие своего впечатляющего вида, а также благодаря активности бродячих артелей мастеров-строителей, распрострапились на более обширной территории.

В Ингушетии и на примыкающей к ней части территории Осетии получили широкое распространение квадратные в плане гробницы с пирамидальной крышей, такой же, как на ингушских боевых башнях. Гробницы в Осетии технически наиболее совершенны в местностях, ближних к Ингушетии. Наконец, у осетин есть предания о том, что у них для постройки гробниц, как и башен, иногда приглашали мастеров-ингушей, однако преданий о приглашении мастеров извне нет в Ингушетии.

Но если в XIV—XVII веках Ингушетия была ведущей в архитектурном деле, в том числе и в сооружении гробниц, то сами гробницы, как архитектурный тип, возникли на Северном Кавказе не на территории Ингушетии.

Сообщения о гробницах Северной Осетии и Чечено-Ингушетии обычно сопровождаются попыткой ответить на вопросы: почему возник у кавказских горцев такой странный обряд захоронения и как появилась столь необычная форма погребального сооружения?

Высказывались мнения о том, что обычай помещать покойников в коллективных усыпальницах был вызван малоземельем или возник в результате эпидемии, когда было много умерших, а живые готовились к близкой смерти и стремились к упокоению с родичами.

О втором соображении говорить не приходится, оно слишком наивно, чтобы его можно было принять всерьез. Малоземелье — тоже не причина. В горах мало земли, пригодной для хозяйственного использования, но мест, подходящих для

устройства кладбищ, предостаточно. И действительно, вайнахи при переходе в ислам стали хоронить умерших в земле, а в Осетии, в верховьях Ардона, где малоземелье в средние века было ужасающим, гробниц вообще никогда не было. Не привился обряд захоронения покойников в коллективных склепах в Дагестане, хотя малоземелье там было тоже острым. Да и сам некрополь с домиками-усыпальницами занимает места не меньше, чем кладбище, тем более, что они стоят разбросанно, явно без какого-либо намерения экономить место.

Дореволюционный ученый-осетиновед В. Миллер высказал мнение, которое повторяют и другие авторы, что этот погребальный обряд связан с верованиями, не допускавшими погребения трупов в земле. Но как ни заманчиво было бы связать средневековый погребальный обряд вайнахов и осетин с зороастризмом или другими подобными религиозными представлениями, для этого нет оснований. Зороастризм в Иране исповедовался с VIII в. до н. э. до VII в. н. э., когда он сменился мусульманством. Наземные же гробницы в горах Кавказа возникли около XIV века, причем они представляют собой результат развития полуподземных гробниц, а последние сформировались на основе более древних подземных. Да и сами наземные гробницы по функции не соответствуют авестийским дахмам, где трупы сжигались или выставлялись на съедение птицам и зверям.

Обычай устройства семейных или родовых гробниц порожден совсем другими обстоятельствами, а именно — представлениями о том, что умершего не следует засыпать землей (поэтому на Кавказе с древних времен и до сих пор, если хоронили в земле, то клали покойника в подземной нише или в обкладке из каменных плит), а также представлениями о том, что умершие родственники должны покоиться в одном месте, как бы в общем заупокойном доме.

Эти взгляды существовали еще в глубокой древности у некоторых народов. Соответствующий им обычай захоронения покойников в общей камере, являющейся родовой или семейной усыпальницей, возник в IV—III тыс. до н. э. в Восточном Средиземноморье, а именно — на Крите и на территории нынешних Ливана, южной Сирии и северной Палестины. Отсюда он распространился в Передней и Малой Азии, а также в Греции и у этрусков. Фамильные склепы, где покойников не хоронили в земле, а клали открыто, существовали в Италии еще в средние века.

Во II тыс. до н. э. коллективные гробницы появились на Северном Кавказе. Некоторые археологи проводят прямую связь между северокавказскими гробницами эпохи бронзы и средневековья. Но между ними слишком велик хронологи-

ческий разрыв (две тысячи лет, а в некоторых местностях хотя и меньше, но все же несколько столетий), чтобы можно было говорить о преемственной связи.

В западной части Северного Кавказа, в Карачае и Балкарии, средневековые гробницы появились в конце IV века, т. е. тогда, когда сюда мигрировали, после вторжения гуннов, аланы. На территории Северной Осетии они появились в VII веке, т. е. тогда, когда сюда стали массами переселяться аланы, теснимые тюрками. В Ингушетии первые гробницы датируются XII веком, синхронно с аланскими захоронениями в этой местности.

Аланы хоронили покойников в подземных камерах, вырытых в грунте. Каменная подземная гробница является погребальным сооружением, возведенным по подобному же принципу, но выполненным в других условиях и из других материалов. На протяжении последующих столетий подземные гробницы постепенно трансформировались в полуподземные (частично выступающие из земли), а затем в полностью наземные.

В высокогорной Осетии — картина запустения. Одни селения совсем заброшены, в других живут две-три семьи, причем и они приезжают сюда только на лето. Осетины начали переселяться с гор на равнину двести лет тому назад, и к нашему времени процесс этот завершается. Некоторые селения, оставленные уже совсем недавно, производят тягостное впечатление: дома, за исключением провалившихся крыш, в основном целы, а людей нет. Мертвый город. Не более приветлива картина там, где еще кое-кто живет. В Наре пустует капитальное здание школы: ее пришлось закрыть, нет учеников. В Зарамаге здание сельсовета — с выбитыми стеклами и ободранной железной крышей, хотя учреждение считается функционирующим. На территории этого сельсовета — около десятка селений, в каждом из которых всего по нескольку домов; это кое-как сколоченные хибары, об архитектуре которых говорить не приходится. Архитектура создается тогда, когда люди строят, капитально обосновываясь в жизни. Здесь же — все в прошлом. Кто подался на рудники, кто уехал учиться, кто устроился в многочисленных ныне канцеляриях. Все это, конечно, нужно. Но и производить продукты питания надо. В этих местах — отличные условия для скотоводства.

— Хорошо здесь, правда? — говорит мне местный житель.

— Но ты не будешь здесь жить, даже если тебе будут платить двести рублей в месяц.

Конечно, не всем же быть скотоводами. Да и не только мясо и свежий воздух нужны людям. Вновь заселить эти

горы можно будет, только если здесь будет создана промышленность. По окончании пастбищного сезона скот перегоняют отсюда за сотни километров на мясокомбинаты; но ведь можно мясокомбинаты построить и здесь. Овчины эшелонами отправляют из Осетии за тридевять земель — в Казань, Оренбург; а почему бы не обрабатывать их на месте? На одной только шерсти можно было бы построить целые промышленные комплексы. На мясо-молочной промышленности процветает Дания — почему бы не процветать на ней Осетии? Кроме скотоводства, в горах возможно и земледелие, но теперь здесь, как говорится, не пашут и не жнут.

А воздух — это ведь тоже предмет необходимости, и им нужно умело распорядиться, этим даром природы. Теперь, придя в себя от опьянения технологическими успехами цивилизации XX века, мы вдруг увидели, что дышим, фигурально выражаясь, грязью. Работая в горах, я на себе убедился, какое значение для человеческого организма имеет воздух — да, обыкновенный воздух, но только чистый. Вы здесь можете скудно питаться и переносить тяжелые физические нагрузки, но чувствовать себя лучше, чем в городе, где и вкусно едите и не утруждаетесь ходить пешком. Горы Кавказа могли бы принять сотни тысяч отдыхающих — это тоже возможный фактор экономики. Не говоря уже о том, что здесь есть что посмотреть.

Горы Осетии опустели. Былой жизни здесь уже нет. И чтобы представить себе ее, приходится обратиться к литературе. В старых книгах встречаем описания осетинского быта, еще напоминающие ныне уходящий Дагестан, но уже не соответствующие тому, что теперь можно видеть в Осетии.

...Женщины встают раньше мужчин. Первое дело — забота о домашней скотине: ее выгоняет женщина или мальчик на пастбище. Затем женщина на протяжении всего дня трудится, выполняя все необходимые работы. Мужчина в основном пашет и сеет, это его дело; он и чабан. В остальное время хлопочет в доме по пустякам, чистит оружие, болтает с соседями. Трапеза, то ли утром, то ли днем, однообразна: кусок чурека с сыром и остатками мяса от предшествующих пиров. Хлеб пекут ежедневно, так как, будучи замешанным без дрожжей, он быстро черствеет. Молока и коровьего масла не употребляют; молоко превращают в творог и делают из него брынзу. Любят вареную баранину и бараний суп с чесноком; чеснока употребляют много. Но вообще мясо едят только по случаю пиршества, на котором обильно пьют ячменное пиво.

У горцев северо-восточного Кавказа, будь то мусульмане или христиане, женщина считалась низшим существом. Она не пользовалась правом голоса ни в семье, ни в обществе,

190. Покинутое селение Лисри у Военно-Осетинской дороги

должна была беспрекословно повиноваться мужчине и выказывать по отношению к нему знаки уважения, обязана была выполнять работы по хозяйству, хотя бы и тяжелые; при убийстве женщины полагалась половинная «плата за кровь»; женщина не пользовалась правом наследства — наследование шло только по мужской линии.

У осетин, при таких же, в общем, как и у других горцев Кавказа, обычаях, положение женщины, однако, было менее жестким. Она была хозяйкой в доме, и если женщина дозволяла себе некоторую вольность в поведении, то осетины к этому относились более терпимо, чем другие горцы. Вероятно, такое положение женщин у осетин восходит к обычаям алан, а еще раньше — сарматов. Дело в том, что у сарматов женщина была равноправна с мужчиной, причем не только в общественном, но и, так сказать, в физическом отношении; сарматские женщины, особенно девушки, участвовали в сражениях наравне с мужчинами (отсюда греческий миф об амазонках, якобы обитавших на Северном Кавказе).

Однако только некоторой духовной свободой пользовалась женщина в осетинском обществе. Практически она, как и у других горских народностей, занимала положение домашней работницы. В. Миллер, например, передает следующие свои впечатления: «От речки, протекающей далеко внизу под горою, поднималась вереница изнуренных непосильной работой женщин с ушатами воды на спине... Меня всегда коробило, когда я видел мужчин и здоровенных парней, болтающих о всяком вздоре на ныхасе*, и тут же проходящих, с опущенными глазами, женщин с тяжелыми ушатами на спинах»[33]. Кстати сказать, подобную картину и теперь еще можно наблюдать в Дагестане, когда вечером женщины, работавшие целый день в поле, возвращаются в селение, едва передвигая ноги под тяжестью огромных снопов травы, заготовленной для сена на зиму. Вряд ли кто-нибудь из ныне живущих осетинок помнит обо всем этом. Между прочим, среди женщин Северного Кавказа осетинки занимают первое место по проценту имеющих высшее и среднее образование.

В былые времена на Кавказе положение горянки было тяжелым, бесправным и унизительным. В то же время, к чести мужчин, нужно сказать, что по отношению к ней редко случались акты грубости и насилия (за исключением дикарского обычая похищения невесты). Бить женщину считалось постыдным, а убить — большим позором (впрочем, шамилевские молодчики при карательных экспедициях женщин не щадили). Женщину презирали и в то же время, как это ни противоречиво, чтили. Коста Хетагуров пишет: «До каких

---

* То же, что в Дагестане годекан.

бы пределов ни дошло опьянение пирующих мужчин, как бы развязно ни вела себя компания молодежи, как бы сильно ни было ожесточение ссорящихся, одно появление женщины обуздывает буянов»[34]. Если женщина бросалась между дерущимися, драка немедленно прекращалась. Если женщина поцеловала врага в знак примирения, он становился другом мужа. При вражде женщина была неприкосновенна и свободно ходила среди враждующих фамилий.

В журнале «Прожектор» за 1927 год описывается такой случай, имевший место в Дагестане. «Во время гражданской войны, которая непрерывно тянулась здесь около пяти лет, контрреволюционный отряд горцев задержал однажды на тропе женщину, жену нашего товарища, пробиравшуюся в осажденное место к своему мужу. Ее муж был известный в этих местах партиец и красный командир, которого эти люди считали тогда своим смертельным и непримиримым врагом; и они знали, и женщина не пыталась даже скрывать, куда и зачем она идет, но никто не решился задержать или оскорбить ее... И ее не обыскали, хотя было очевидно, и все понимали, что она несет что-то под платьем на груди... Люди расступились молча и пропустили ее, и старший в этом отряде пожелал ей, как подобает по обычаю, чтобы она дошла благополучно, если будет угодно аллаху, до места, куда ее влечет сердце»[35].

Горский обычай велит относиться к женщине как к существу неполноценному, а мусульманский закон, к тому же, как к нечистому: после каждого, даже случайного, прикосновения к женщине следует совершать омовение. Чтобы жениться, «настоящий мужчина» должен не добиваться взаимности у девушки, а купить или украсть ее, как вещь. В то же время о ней пели такие песни: «Ты — возлюбленная моя! Ты сошла с седьмого неба,— иначе как же ты могла бы быть такой красивой? Ты — дочь рая, в которую все влюбляются. Когда я тебя не вижу по утрам, мне тяжело становится на сердце. День без встречи с тобой кажется мне самым несчастным» и т. д.

Как и все кавказские горцы (а точнее — как и все народы, в быту которых сохранились пережитки обычаев, характерных для первобытного жизненного уклада), осетины свято соблюдали закон гостеприимства. В. Ф. Миллер, например, описывает, как его встретили в осетинском селении: «Несмотря на почти поголовную бедность и на рабочую пору, начались скоро добровольные приношения: один старец принес бутылку араки, другой — кусок овечьего сыра, третий — овечьего молока. На другой день нам принесли в жертву петуха, а вечером с немалыми усилиями поставили самовар и тор-

жественно, вместе с сахаром на блюдечке, внесли в правление. Я недоумевал, как они будут приводить в действие эту машину посредством их единственного топлива — кизяка. Но оказалось, что в ауле для экстренных случаев был маленький запас угольев, привезенных издалека»[36].

Все это было когда-то. Теперь осетины гостеприимны не больше и не меньше, чем мы с вами. То же касается и соблюдения старых правил этикета. Когда я приехал в горное селение, встречные мужчины не подошли поздороваться и сказать традиционное «с приездом», а провожатый не снял у меня с плеч рюкзак. Назавтра, когда с одним местным активистом мы поехали в дальнее селение, он не уступил мне лучшее место в машине, хотя я был и гость и старше его по возрасту. Все это было так непохоже на Дагестан. Как-то я подошел к группе молодых людей спросить дорогу. Один из них, едва удостоив меня взглядом, небрежно процедил: «Пойдешь прямо». В старину же осетины, как и все кавказские горцы, отличались подчеркнутой вежливостью. Путешественник конца прошлого века А. Дирр сообщает: «Сидящие у дороги осетины все встают и, снимая шляпы, приветливо встречают путешественников; женщины, идущие, навстречу, останавливаются, кланяются почтительно, проводя рукой по лицу и груди»[37]. В. Миллер: «Гостей окружали обычной услужливостью; один, увидев, что я скинул пальто, немедленно предложил его нести, другой взял нести мой башлык. За несколько шагов до Рекома нужно было слезть с лошадей из уважения к святому месту; сейчас же оказались желающие подержать лошадь и помочь спешиться»[38]. В. Пфаф: «Мы замечали у осетин чрезвычайную предупредительность, осторожность в словах и вежливость в обращении с чужими»[39].

Старые обычаи осетин, за некоторыми различиями,— в общем такие же, как у всех кавказских горцев. Им, например, были свойственны спартанский характер быта и привычек, воздержанность в образе жизни и вообще предубеждение к излишествам и баловству, было чуждо стремление к изнеженному и приятному.

Все это, как и многое другое, теперь уже — «преданья старины глубокой».

Нынешние осетины не производят впечатления ни забияк, ни отчаянных храбрецов. Но у них сохранилась присущая им и в прошлом черта характера: сознание необходимости свято выполнять свой долг. Это качество, как известно, очень ценно на войне. Около пятидесяти осетинам было присвоено звание Героя Советского Союза за подвиги в Великой Отечественной войне. Вряд ли какая-нибудь другая национальность дала столь высокий процент героев по отношению к своей численности.

Как и у всех народов, в быту которых еще удерживались законы родового строя, у осетин соблюдался обычай кровомщения. Этот обычай имел на Кавказе в своем проявлении разные оттенки у разных народностей и племен. Например, в Дагестане он более или менее регулировался адатами, которые были различны в тех или иных обществах (союзах общин). Так, у одних кровная месть распространялась только на одного человека, у других — до семи, у третьих — не регулировалась вовсе. У народностей, быт которых сравнительно далеко ушел от родового строя, стало обыкновением стремиться, по возможности, к примирению кровников, применяя в качестве расплаты за убийство не ответное убийство, а тяжелый штраф; у других же считалось, что за кровь следует расплачиваться только кровью.

В Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Хевсурии определенного порядка в этом отношении не было. Здесь в случае убийства просто все родственники виновного несли ответственность; они обычно были вынуждены переселяться в чужие места. Да и в Дагестане кровная месть нередко приводила к тяжелым последствиям для многих. Например, как известно из данных прошлого века, в одном кумыкском селении (а кумыки, как считалось, отличались большей сдержанностью, чем их соседи) кровомщение, начатое при случайном убийстве в драке, охватило два тухума (тухум — крупная родственная группа, состоящая из нескольких родов) и продолжалась двести лет. В другом случае, у андийцев, вражда, начавшаяся из-за убийства, привела к войне между двумя селениями, в результате которой осталось в живых только четыре человека.

Но люди стремились как-то обуздать жажду мщения, иначе это привело бы к всеобщему взаимному истреблению. Вырабатывались обычаи и процедуры примирения кровников. Так, согласно старым свидетельствам, у ингушей родственники той стороны, которая считает за собой последнюю кровь, т. е. которая совершила последнее убийство, идут на могилу убитого. Там они ложатся на могилу ничком, рыдают и бьют себя и остаются в этом положении до тех пор, пока другая враждебная сторона не придет поднять их. В большинстве случаев согласие получается, потому что обычай клеймит презрением тех, которые не согласились на примирение.

У осетин, как и у других горцев, не было понятия о мере или справедливости при мщении. При каких бы обстоятельствах ни было совершено убийство, какие бы к тому ни были побудительные причины и мотивы, оно всегда вызывало кровную месть. От мести за кровь не освобождал-

ся никакой убийца, хотя бы он это совершил при необходимой обороне, в случае тяжкого оскорбления или же неумышленно. Более того, виновным в убийстве считался, например, и тот, из чьего ружья пострадавший нечаянно застрелился или чья лошадь упала в пропасть и при этом свалила человека. Кровомщение совершалось, даже если убийца отбыл наказание на каторге. Если убийство было совершено инвалидом, стариком, женщиной или ребенком, то ответному убийству подлежал не он, а его родственник — лучший мужчина в роду. У дагестанцев принято было, в общем, расквитаться за кровь в отношении один к одному, но у осетин, как и у вайнахов, полагалось отомстить с лихвой.

Кровомщение было именно местью, оно не рассматривалось как мера наказания за преступление. В принципе убийство вообще не считалось преступлением. Нельзя было убить (и вообще задеть) того, кто может отомстить. По отношению же к чужаку или беззащитному действие, которое по современным понятиям полагается преступлением или низостью, считалось удальством.

Но убийство в порядке кровомщения было и не только местью. По поверью, которое существовало в древности у всех, наверное, народов, убитый становился на том свете рабом своего убийцы или того, кому он был «посвящен». В особенности верным средством было сделать убитого рабом покойника, если убить его на могиле того, кому он предназначался. В кинофильме «Мольба» кистины, схватив хевсура, который застрелил их сородича, умертвили его на могиле покойного. Другой способ сделать убитого своим рабом на том свете — отрубить у него руку, «присвоить его силу».

Не всегда допустимо было убить человека. В таких случаях ему отрезали ухо — это тоже, как считалось, делало его рабом на том свете. Скифы и сарматы хоронили с умершим его коня, чтобы он служил покойному; осетины только отрезали у коня ухо и бросали его в могилу.. В древности у многих народов существовал обычай хоронить с мужчиной его жену или рабыню, нередко женщины добровольно шли на такую смерть; у осетин в средние века женщина в таких случаях жертвовала только ухом. Отсюда обычай, наблюдавшийся в старину у осетин,— схватить своего недруга за ухо и сказать при этом: «Будь рабом моих покойников!» Видимо, подобные поверья были свойственны в прошлом и другим народам, судя по распространенности трепать проказника за уши в порядке наказания.

Для решения общих вопросов, для выработки адатов и т. п. у осетин, как и у вайнахов и дагестанцев, существовали

периодические советы представителей общин. Советы эти происходили в определенных местах, которые зачастую оборудовались каменными креслами, предназначенными для каждого «депутата». Постановления таких советов принимались по взаимному согласию, но внутриобщинные решения являлись обязательными и подлежащими беспрекословному выполнению для каждого члена общины. За неповиновение аульному приговору полагалось изгнание, и так как неизбежная судьба подобного изгнанника была известна всем, то это обстоятельство придавало приговорам аульного судилища страшную силу.

Рассказывают еще о таком случае. Человек, обвиненный в убийстве, по решению общинных судей был осужден на большой штраф и 15 лет изгнания из селения. Когда нашелся действительный убийца, то ошибочно осужденный обратился с просьбой о разрешении вернуться в селение, но ему было отказано, ибо приговор всегда считается правильным. Любопытная иллюстрация того, какое значение придавалось авторитету власти даже при общинном строе.

В период позднего средневековья осетинское общество, в отличие от дагестанского, вайнахского, хевсуро-тушинского, уже не пребывало на стадии военной демократии. Вхождение в состав аланского раннесредневекового государства, затем тесные контакты с феодальными Грузией и Кабардой способствовали образованию в старой Осетии привилегированного сословия — так называемых алдаров. А. Л. Зиссерман по этому поводу пишет: «Кабарда считалась на севере Кавказа образцом, достойным подражания. Кабардинцы были в некотором роде кавказскими французами, как за Кавказом персияне; оттуда распространялась мода на платье, на вооружение, на седловку, на манеру джигитовки. Кабардинские обычаи, родившиеся при условии существования высшей и низшей аристократии (князей и узденей) и холопов (рабов), прельщали и в других племенах людей, занимавших видное положение между своими, и побуждали перенимать и утверждать у себя такие же порядки. В Осетии это и удалось, но только отчасти; образовалось сословие «алдар» (дворян), пользовавшихся некоторыми прерогативами и очутившихся собственниками больших земельных участков, что, как водится, подчинило им население, нуждавшееся в их землях. Тогда как в горах сохранилось полное равенство и никакой осетин не считает себя ниже другого, на плоскости уже заметно подчинение и нередко раболепие к алдарам, крупным землевладельцам; в горах тоже есть более или менее зажиточные люди, превращающиеся в кулака и эксплуататора своих ближних, но там и размеры так ничтожны, и кулаки так скромны, что ни

191. Обособленный жилой комплекс в Северной Осетии: развалины боевой башни, жилой башни, оборонительной стены

один осетин даже не замечает некоторого влияния, приобретаемого таким кулаком на дела своего маленького общества, а гордость не допускает его открыто признавать чье бы то ни было превосходство над собой. На плоскости сословные преимущества играют уже важную роль, масса тем более еще подчинена влиянию их, что русское правительство оказало им, т. е. алдарам, особое внимание, возвышая, награждая и призывая к административной деятельности»[40].

До присоединения к России в плоскостной Осетии, подчиненной Кабарде, существовало крепостное право, но в более мягкой форме, чем в России. В главных горных ущельях имелась местная знать и отмечалась определенная зависимость от нее населения, которое отбывало те или иные повинности; однако крестьяне были при этом лично свободны. В высокогорной Осетии имело место разделение жителей на «сильные фамилии» и так называемых «фарсагов» (это слово можно перевести приблизительно как «приспешники»). «Фарсаги» занимали положение по отношению к «сильным» вроде своеобразных вассалов: они пользовались их покровительством и за это оказывали им услуги в тех или иных работах, особенно при постройке башен, при столкновениях с другими «сильными», в набегах. Если это — зачатки феодализма, то с учетом того, что «фарсаги» были лично свободными, податей никаких не платили, принудительных повинностей не несли; они считали себя не менее благородными, чем «сильные», но были бедны.

«Фарсаги» и «сильные» жили в разных селениях. Селения «фарсагов» обычно не имели башен. Эти селения находились в нагорных, скудных землею местах, отсюда и бедность их жителей. «Фарсаги» составляли большинство населения в горной Осетии. Кроме «сильных фамилий» и «фарсагов», в горной Осетии были бесправные «черные люди» и рабы, но они здесь, как и в Чечено-Ингушетии, составляли столь незначительную часть населения (примерно один человек на тысячу), что их наличие не имело сколько-нибудь существенного значения для характера производственных отношений.

После присоединения к России, т. е. в период с конца XVIII до начала XX века, особенно в период развития капитализма, в Осетии быстро и явно происходил процесс имущественной и социальной поляризации.

Осетины, среди других кавказских горцев, отличались особой щепетильностью и обязательностью в соблюдении обычаев, что порой приобретало у них гипертрофированные формы. Например, при своей бедности, живя весь год впроголодь, они при поминовении покойников устраивали пиршество, стараясь «не ударить лицом в грязь» перед соседями, чтобы никто не сказал оскорбительного: «твои покойники голодают»; это доводило горцев до разорения.

До сих пор свято соблюдается обычай подчеркнуто чтить память умерших. Даже в Орджоникидзе можно встретить человека с фотографией умершего родственника в черной рамке на лацкане пиджака. Все видят: этот человек — в трауре. Такой обычай вызывает уважение. Но у него есть и теневая

сторона. В честь умершего устраивают поминки, причем в таких масштабах, которые европейцу представить себе трудно,— да не единожды, а несколько раз в положенные сроки. Согласно предписаниям обычая проводятся и пирушки по поводу приема гостей или в связи с каким-либо празднеством. Мне пришлось как-то на таком пиру побывать. За столом сидели одни мужчины. Во главе стола, в его торце,

192. Нагорное селение, состоящее из жилых башен (с. Сахсат)

восседал самый старший из присутствующих. По правую руку от него находился второй по старшинству, по левую — третий, и так далее до противоположного конца стола (во многих осетинских домах стоят длинные столы, рассчитанные на такой порядок). Я немного запоздал и намеревался было незаметно пристроиться у края стола. Однако присутствующие, оценив на глаз мой возраст, немедленно раздвинулись, освободив для меня соответствующее место.

Пирушка началась с того, что старший, держа в одной

руке чарку, а в другой шашлык (традиционное блюдо кочевников-алан, которое от осетин было заимствовано грузинами и распространилось по всему Кавказу), провозгласил пожелание всеобщего благоденствия и передал выпивку и закуску на другой конец стола — молодежи. Кончилась же она тем, что младшие поднесли чарки старшим и те выпили за их успехи. Это было красиво. Дагестан не знает таких интересных обрядов, но зато там не допустят, чтобы гость отправился ночевать на турбазу.

Один из молодых людей выполнял роль виночерпия. Держа в руке кувшин с самогоном, он время от времени наливал чарку и поочередно протягивал ее кому-либо из присутствующих, при этом не ставя на стол, а держа в руке; полагалось принять ее и выпить, причем до дна. Иногда кто-нибудь просил налить ему и другому, с кем он хотел выпить в знак особого расположения, или же просил от его имени подать чарку кому-нибудь. Отказаться или выпить не до дна считается оскорблением. Все должны пить, независимо от состояния здоровья, настроения и личных вкусов. Если ритуал принудительного пьянства и варварский обычай обязательных разорительных поминок — это все, что осталось от старых традиций, то лучше уж было бы, чтобы от них ничего не осталось.

С конца XVIII века, после основания русских крепостей Моздок (1763 г.) и Владикавказ (1784 г.), происходило переселение осетин с гор на равнину. На новых местах, под влиянием домостроительных приемов кабардинцев, которые до этого жили здесь, а также русских поселенцев, строились дома уже не такие, как в горах, а одноэтажные, с верандами, на просторных земельных участках. В середине XIX века, как сообщают авторы того времени, осетинские селения на равнине и в предгорьях по внешнему виду не отличались от русских деревень или, вернее, от казачьих станиц. Осетинские поселения в районе Владикавказа состояли из разбросанных на ровном месте плетневых мазанок с камышовыми крышами; вокруг поселения возвышались деревянные вышки, на которых находились караульные. Эта картина резко отличалась от горной, где на едва доступных отвесах скалистых гор ютились пять-шесть закопченных сакель, с неизменной башней, составлявших поселение; все угрюмо, мрачно, дико, бедно.

В Дагестане обычное жилище представляло собой саклю с помещениями, расположенными в ряд. В Чечено-Ингушетии до XVIII и даже XIX века жили в башнях. В Осетии жилище формировалось по центрическому принципу: к главному помещению пристраивались, по мере надобности, в лю-

бом порядке остальные. Ядром жилища был так называемый хадзар — более или менее обширный зал (площадью до 50–60 кв. м), с очагом на полу. Над огнищем свисала цепь для подвешивания котла (которая у осетин в большей мере чем у других горцев, почиталась священной). Очаг делил хадзар на мужскую и женскую половины. У очага стояли деревянный резной диван для гостей и кресло для главы

193. Осетинское жилище конца XIX — начала XX в.

дома — своего рода трон, ибо в средние века у осетин как и у вайнахов, семья (или группа родственных семей представляла собой как бы отдельное государство, а глава семьи был в нем монархом со всеми соответствующими пре рогативами. Из прочей мебели имелись табуреты на тре ножках и низкий круглый столик. Потолок хадзара подпи рался центральным столбом. К хадзару пристраивались дру гие помещения (кладовая, комнаты для женатых сыновей) число и размеры которых зависели от состоятельности семьи

Если семья имела возможность, при доме сооружалась боевая башня, и весь комплекс обносился стеной, образуя фамильный замок.

Селение Нар, в котором родился осетинский поэт Коста Хетагуров, когда-то представляло собой комплекс жилых башен; в таком виде оно зафиксировано на картине XIX века. Затем, когда настали более мирные времена, люди строили

194. Осетинское селение, застроенное саклями; за ними видны развалины старых жилищ башенного типа (с. Тиб)

здесь обычные кавказские сакли, с хлевом и сараем в первом этаже и жилым вторым этажом, с побеленным фасадом и с балконом во всю длину дома. В таком виде комплекс жилищ рода Хетагуровых был детально зафиксирован архитектором И. А. Мамиевым в 1939 году.

Теперь на этом месте груда развалин. Из остатков нижней части какой-то постройки искусственно воссоздана сакля, которая обозначена как «жилище, в котором родился и провел свое *детство поэт*». *Туристы* смотрят и верят. Стены сакли

использованы в качестве основания, на котором водружено здание музея Хетагурова; мне это решение не показалось остроумным. Лучшей памятью поэту было бы не возведение постройки в каком-то неопределенно провинциальном стиле, самодовольно попирающей его жилище, а реконструкция хотя бы той части его родного селения, где еще сохранились, хотя и сильно поврежденные, остовы старых зданий.

Старый Нар расположен на скалистом мысу между двумя речками. Дома — обычные для горной Осетии: сакли или башни. Селение небольшое; здесь жило, видимо, всего несколько родственных семей. Но оно известно не только благодаря тому, что является родиной национального поэта. Жители Нара издревле пользовались особым уважением и почетом; старики из нарцев слыли за лучших правоведов. Нар упоминается даже в сочинении по географии Кавказа, составленном в VII веке в Армении. Впрочем, возможно, под Наром подразумевалось не селение, а более обширная общность. И теперь Наром называются и селение и в то же время группа нескольких селений вокруг него.

Основателем рода Хетагуровых был, по преданию, пришелец из чужих краев, которого звали Хета. Бедняки Хетагуровы стали знамениты в Осетии не только потому, что дали ей национального поэта. В их роду оказалось впоследствии немало знатных людей, в том числе Герой Советского Союза. Теперь в Наре живет только одна семья; она носит фамилию Хетагуровых.

Помимо сакель-хадзаров распространены были в горной Осетии жилые дома в виде башен, подобных вайнахским; но они здесь не представляли такого исключительного типа жилища, как у ингушей и чеченцев.

В Мамисонском ущелье сохранилось много комплексов, состоящих из жилых и примыкающих к ним боевых башен. Особенно примечательно в этом отношении селение Лисри. Его надо бы реконструировать, превратить в музей старого быта и народного искусства. Неподалеку, в покинутом и разрушенном селении Калаки, построено нелепо выглядящее среди этой панорамы старины здание туристского приюта. Почему бы, при тех же финансовых затратах, но с бо́льшим успехом не использовать остатки старинных строений?

Селения в виде башенных комплексов расположены внизу, у речки. В этом же ущелье, но на горах старые селения имеют иной вид: они скученны, в них больше домов и почти нет боевых башен. Внизу, в долине, жили те, кто сумел захватить там столь ценные в горах пахотные земельные участки. Благодаря владению землей эти семьи были богаче и могли позволить себе роскошь построить башню. Эта роскошь была, очевидно, и необходимостью: им было что

защищать и, видимо, от кого защищать. Любопытно при этом, что каждый защищался в одиночку: если в Дагестане боевые башни строились вокруг крупного селения для общей обороны, а в Чечено-Ингушетии башня являлась цитаделью крепости, состоявшей из нескольких жилых домов, то в Осетии каждая семья, если была в состоянии, строила для себя башню. В селении Тиб, например, один из комплексов, стоящих в стороне от других, состоял из четырех жилых и четырех боевых башен; здесь жили семьи четырех родных братьев.

В период XIV—XVIII веков жизнь осетин была крайне тяжелой. Запертое в тесных ущельях, вынужденное постоянно отбиваться от внешних врагов и эксплуатируемое своей внутренней знатью, население гор жило в состоянии крайней бедности и духовного мрака. Положение стало улучшаться с присоединением Осетии к России и коренным образом изменилось после Великой Октябрьской социалистической революции, в которой осетинский народ принял горячее участие. Осетинский поэт И. В. Джанаев в 1917 году писал:

Смелее, товарищ, к алдару во двор!
Короткий с алдаром теперь разговор.
Он сыт нашей кровью и нашим трудом.
Вперед же! С алдаром мы счеты сведем!
Проснись же, о горец! Сегодня народ
На суд беспощадный алдара зовет.

В 1918 году была провозглашена Терская советская республика (в нее входили территории осетин и вайнахов) с центром в г. Орджоникидзе. В 1919 году после захвата Северного Кавказа деникинцами весь край был охвачен партизанской войной. Эта борьба была поддержана наступлением Красной Армии. К весне 1920 года Северный Кавказ был очищен от белых при активной поддержке местного населения.

Теперь осетинское жилище имеет совершенно иной вид, чем до революции. Довольно выразительно сравнение приведенного выше описания жизни горной Осетии в прошлом веке с характеристикой нынешнего осетинского жилища, данной этнографом Л. А. Чибировым:

«Как правило, каждая колхозная семья имеет парадную комнату. В ней обычно принимают гостей. Она отличается лучшей обстановкой и убранством. Хорошо убранные железные и никелированные кровати, покрытые скатертями столы, платяные шкафы, диваны, стулья, радиорепродукторы и радиоприемники, патефоны, занавески и шторы на окнах, настоль-

ные заркала, цветы на подоконниках, этажерка или полки с книгами, швейные машины делают нарядную комнату красивой и уютной»[41].

Махачкала, Грозный, Орджоникидзе — столицы Дагестана, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии — начали свое существование как опорные пункты колониальной державы на завоеванных землях. Теперь большинство населения в этих городах, большинство работников административного аппарата и общественных организаций, большинство ученых и деятелей искусства составляют представители местных национальностей. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла для кавказских горцев возможности экономического и культурного процветания. В автономных советских социалистических республиках Северного Кавказа создается новая, социалистическая по содержанию культура. Естественно, что возникают проблемы ее национальной формы.

Наверное, путь решения этой проблемы состоит не в искусственном культивировании форм прошлого. Но, с другой стороны, то, что было создано в прошлом и дошло до нас, не должно быть утрачено. Седая древность, как отмечал Ф. Энгельс, при всех обстоятельствах становится необыкновенно интересной эпохой для всех будущих поколений, ибо она является основой всего дальнейшего прогресса. Вскоре после Октябрьской революции, по инициативе В. И. Ленина, был принят Декрет об охране памятников культуры, в котором были такие слова: «Берегите это наследство, берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших».

Мы живем в эпоху повышенного интереса к духовным ценностям, созданным в прошлом,— потому что людям стало присуще чувство историзма. В наше время универсализации культуры остро ставится вопрос о своеобразии культур, ибо без этого невозможно их разнообразие, невозможно избежать эстетического стандарта, убивающего искусство.

В искусстве стареет то, что выражает временные, преходящие умонастроения и вкусы. Обращение к истокам культуры помогает осязать непреходяще человеческое — и глубоко национальное. Наши предки в своем искусстве выражали себя. Попытаемся понять их — это нас только обогатит.

Народное искусство, представляя собой культурную ценность как наследие прошлых эпох, в то же время хранит в себе много поучительного и для современного художника. Обратимся же к нему с серьезным намерением понять его и с должным уважением потомков к предкам.

Думается, что художники советского периода на Северном Кавказе прошли уже стадию ученичества у стран и народов,

раньше начавших развивать свои изобразительные искусства и поэтому достигших более высокого их уровня. Теперь, овладев формальным мастерством, можно обратиться к изучению собственной традиционной культуры, чтобы, проникнувшись ее духом, создавать свое национальное искусство. Обратить на это внимание и являлось главной задачей этой книги.

Автобус мчал меня из Орджоникидзе в Тбилиси, где я должен был защищать диссертацию о современной архитектуре США. За окном мелькали знакомые места. Я мечтал. Мечтал о том, как новая жизнь придет в заброшенные горы, как прошлое будет живо в настоящем, как старое искусство всех времен и народов, все подлинное, искреннее, что когда-либо было создано людьми, обогатит ум и сердце моих современников.

instituteofhistory.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879, ч. 2, стр. 140—141
2. К. Ф. Ган. Путешествие в Кахетию и Дагестан летом 1898 года. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», том 31. Тифлис, 1902, стр. 66
3. Р. М. Магомедов. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964, стр. 32
4. А. И. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. — В кн.: «История, география и этнография Дагестана, XVII—XX вв. Архивные материалы». М., 1958, стр. 44
5. Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. — «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 186—192
6. В. П. Пожидаев. Горцы Северного Кавказа. М. — Л., 1926, стр. 9
7. З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. — «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 161; см. также: Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935, стр. 9—10
8. А. Л. Зиссерман. Указ. соч., ч. 2, стр. 81
9. Г. Я. Мовчан. Жилище нагорного Дагестана в XIX—XX вв. Кандидатская диссертация, т. 2. М., 1950 (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), стр. 133—135
10. С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 74
11. Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану.— «Сборник сведений о кавказских горцах», том 1. Тифлис, 1868, стр. 26—27
12. Э. В. Кильчевская. От изобразительности к орнаменту. М., 1968, стр. 15
13. Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М. — Л., 1949, стр. 101
14. Е. М. Шиллинг. Орнаментальное искусство Дагестана.— В кн.: «Творчество народов СССР». М., 1937, стр. 452
15. Е. М. Шиллинг. Изобразительное искусство народов горного Дагестана.— «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», том 9. М., 1950, стр. 66
16. Г. М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста).— «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VII. Тифлис, 1873
17. Н. К. Зейдлиц. Поездка в Чечню.— «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», том 2, № 4. Тифлис, 1873, стр. 143
18. Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в.— «Кавказский этнографический сборник», том 4. М., 1969, стр. 67
19. Х. Д. Ошаев. Малхиста. — «Революция и горец», 1930, № 8, стр. 59
20. А. П. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, стр. 87—88
21. А. Л. Зиссерман. Указ. соч., ч. 1, стр. 195—202
22. И. П. Щеблыкин. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ, 1928, стр. 19
23. А. Л. Зиссерман. Указ. соч., ч. 1, стр. 169—180
24. В. И. Марковин. В стране вайнахов. М., 1969, стр. 42
25. В. Ф. Миллер. Терская область.— «Материалы по археологии Кавказа», том 1. М., 1888, стр. 3

26. В. Ф. Миллер. Терская область.— «Материалы по археологии Кавказа», том 1. М., 1888, стр. 8—9
27. Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963, стр. 126—127
28. Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 30, 36
29. И. П. Щеблыкин. Указ. соч., стр. 30
30. А. Л. Зиссерман. Указ. соч., ч. 2, стр. 352
31. А. И. Робакидзе. Жилище и поселения горных ингушей.— «Кавказский этнографический сборник», том 2. Тбилиси, 1968, стр. 100
32. С. Ц. Умаров. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечне.— «Археолого-этнографический сборник», том 2. Грозный, 1968, стр. 234
33. В. Ф. Миллер. В горах Осетии. «Русская мысль», кн. 9. М., 1881, стр. 77
34. К. Л. Хетогуров. Быт горных осетин. Сталинири, 1939, стр. 29
35. А. Зорич. В Дагестане. — «Прожектор», 1927, № 23, стр. 17
36. В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 68—69
37. А. М. Дирр. В Тагаурской и Куртатинской Осетии.— «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», том 21, № 3. Тифлис, 1912, стр. 257
38. В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 99
39. В. Б. Пфаф. Путешествие по ущельям Северной Осетии.— «Сборник сведений о Кавказе», том 1. Тифлис, 1871, стр. 187
40. А. Л. Зиссерман. Указ. соч., ч. 2, стр. 382
41. Л. А. Чибиров. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970, стр. 204

ЛИТЕРАТУРА

Бакланов Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935.

Башкиров А. С. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931.

Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану.— «Сборник сведений о кавказских горцах», том 1 и 3. Тифлис, 1868, 1870.

Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960.

Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан летом 1898 года.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», том 31. Тифлис, 1902.

Далгат Б. Первобытная религия чеченцев.— «Терский сборник», вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893.

Дебиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.

Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.

Дирр А. М. В Тагаурской и Куртатинской Осетии.— «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», том 21, № 3, Тифлис, 1912.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871.

Зейдлиц Н. К. Поездка в Чечню.— «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», том 2, № 4, Тифлис, 1873.

Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879.

Зорич А. В Дагестане. — «Прожектор», 1927, № 23.
История Дагестана, том I—IV. М., 1967—1969.

Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973.

Кильчевская Э. В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968.

Ковалевский М. Кавказ. СПб., 1914.

Кокиев Г. А. Склепо'вые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928.

Кокиев С. Записки о быте осетин.— «Сборник материалов по этнографии», вып. 1. М., 1885.

Кригер С. Архитектура горных селений Северной Осетии.—«Архитектурное наследство», сб. 3. М., 1953.

Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.

Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в.— «Кавказский этнографический сборник», том 4. М., 1969.

Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г.— В кн.: «История, география и этнография Дагестана, XVIII—XX вв. Архивные материалы». М., 1958.

Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. М., 1956.

Магометов Р. М. Памятник истории и письменности даргинцев. XVII века. Махачкала, 1964.

Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.

Марковин В. И. В стране вайнахов. М., 1969.

Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1968.

Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

Миллер В. Ф. В горах Осетии.— «Русская мысль», кн. 9. М., 1881.

Миллер В. Ф. Терская область.— «Материалы по археологии Кавказа», том 1. М., 1888.

Мовчан Г. Я. Древняя архитектура Аварии. Докторская диссертация. М., 1970 (Рукопись хранится в Московском архитектурном институте).

Мовчан Г. Я. Жилище нагорного Дагестана в XIX—XX вв. Кандидатская диссертация, М., 1950 (Рукопись хранится в Библиотеке им. В. И. Ленина, Москва).

Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа. — «Советская этнография», 1947, № 4.

Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии, XIII—XVII вв. Кандидатская диссертация. Грозный, 1972 (Рукопись хранится в Институте археологии АН СССР, Москва).

Народы Кавказа, том 1. Народы Северного Кавказа. М., 1960.

Никольская З. А. Из истории аварского жилища. — «Советская этнография», 1947, № 2.

Ошаев Х. Д. Малхиста. — «Революция и горец», 1930, № 8.

Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. М. — Л., 1926.

Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии.— «Сборник сведений о Кавказе», том 1. Тифлис, 1871.

Робакидзе А. И. Жилище и поселения горных ингушей.— «Кавказский этнографический сборник», том 2. Тбилиси, 1968.

Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.

Семенов Н. С. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.

Такоева Н. Ф. Из истории осетинского горного жилища.— «Советская этнография», 1952, № 3.

Тревер К. В. — Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. — Л., 1959.

Уварова П. С. — Могильники Северного Кавказа.— «Материалы по археологии Кавказа», том 8. М., 1900.

Умаров С. Ц. — Средневековая материальная культура горной Чечни, XIII—XVII вв. Кандидатская диссертация. Грозный, 1970 (Рукопись хранится в Институте археологии АН СССР, Москва).

Умаров С. Ц. — Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечне.— «Археолого-этнографический сборник», том 2. Грозный, 1968.

Хан-Магомедов С. О. — Дербент. М., 1958.

Хан-Магомедов С. О. — Лезгинское народное зодчество. М., 1969.

Хетагуров К. Л. — Быт горных осетин. Сталинири, 1939.

Хохов А. — Осетинские народные орнаменты. Орджоникидзе, 1932.

Чибиров Л. А. — Осетинское народное жилище. Цхивали, 1970.

Шиллинг Е. М. — Изобразительное искусство народов горного Дагестана.— «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», том 9. М., 1950.

Шиллинг Е. М. — Кубачинцы и их культура. М. — Л., 1949.

Шиллинг Е. М. — Орнаментальное искусство Дагестана.— В кн.: «Творчество народов СССР», М., 1937.

Шихсаидов А. Р. — Надписи рассказывают. Махачкала, 1969.

Щеблыкин И. П. — Архитектура древних ингушских святилищ.— «Известия Ингушского НИИ краеведения», вып. 2—3. Владикавказ, 1930.

Щеблыкин И. П. — Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ, 1928.

2 р.

«Советский
художник»
Москва
1977